

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

Девушка с Лезгар-стрит

«Головокружительный сюжет!»

Oprah.com

TRADD STREET. КНИГА 2

Annotation

После того как Мелани получила в наследство особняк, ей выпал шанс встретиться наконец со своей матерью Джинетт, оперной певицей, которая вернулась в город после тридцатилетнего отсутствия. Джинетт уверяет, что их вынужденная разлука – способ уберечь дочь. Но от чего?

По просьбе матери Мелани, имеющая дар общаться с духами, вступает в контакт с опасным призраком, обитающим в старинном доме на Легар-стрит. На помощь ей приходят обаятельный писатель Джек и журналистка Ребекка, которая уж слишком заинтересована в паранормальных явлениях, происходящих в городе.

- [Карен Уайт](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Карен Уайт

Девушка с Легар-стрит

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2019

© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Глава 1

Тусклое зимнее солнце на небе цвета потертого пятицентовика потерпело неудачу в своей тщетной попытке согреть ноябрьский утренний воздух. Даже в шерстяном пальто я дрожала от холода. Моя чарльстонская кровь не привыкла к редким волнам ледяного воздуха, что время от времени обрушиваются на Священный Город, чтобы в очередной раз напомнить нам о том, почему мы предпочитаем жить в этом прекрасном городе, чьи жители – и живые, и мертвые – сосуществуют подобно свету и тени.

Рывком открыв дверь в кафе «Сити Лайтс», – наперекор ветру у меня за спиной, грозившему захлопнуть ее снова, – я вошла внутрь. Оглядевшись по сторонам, я заметила Джека за столиком у окна. Перед ним уже стоял латте с дополнительной порцией взбитых сливок и внушительных размеров булочка с корицей. Мгновенно заподозрив недоброе, я осторожно приблизилась к столу.

– Что тебе нужно? – спросила я, указав на латте и булочку с корицей.

Он поднял на меня пронзительно-голубые глаза, которые я последние шесть месяцев своей жизни упорно старалась не замечать. Его невинный взгляд наверняка вынудил бы меня улыбнуться и закатить глаза, если бы не застарелый страх, который преследовал меня на всем пути от моего дома на Трэдд-стрит до Маркет-стрит.

Это было довольно сильное чувство; я даже на пару мгновений задержалась перед входом в кафе в надежде определить, что же это такое. Мне очень хотелось думать, что это просто недосып, вызванный телефонным звонком в два часа ночи, после которого я так и не смогла заснуть. Это было бы вполне приемлемое объяснение, но в моем мире, где телефонные звонки от давно умерших людей не были таким уж необычным явлением, меня оно не удовлетворило.

– Доброе утро, Мелани, – весело произнес Джек. – Неужели мужчина не может просто купить красивой женщине завтрак, не ожидая ничего взамен?

Я сделала вид, будто на мгновение задумалась.

– Нет, не может.

Расстегнув пальто, я аккуратно перебросила его через спинку стула и лишь после этого села. От меня не скрылось, что все женщины в ресторане, включая седовласую даму с инвалидным ходунком за столиком у бара, не сводили глаз с Джека и с подозрительным прищуром посматривали на меня.

Да, Джек Тренхольм был слишком хорош собой, чтобы быть писателем, особенно автором исторических документальных детективов. Ему полагалось быть лысым толстячком с седой бородкой, любителем толстых водолазок, которые обтягивали бы его брюшко, с пожелтевшими от курения зубами, в которых зажата вездесущая трубка. К сожалению, как и в прочих вещах, Джек даже не пытался соответствовать этому стереотипу.

– Итак, что тебе нужно? – снова спросила я, вынув из сумочки флакон с дезинфицирующим средством для рук и пшикнув себе на ладонь. Затем я предложила флакон Джеку, но тот отрицательно покачал головой и сделал глоток черного кофе. Высыпав в свой латте два пакетика сахара, я снова посмотрела на него, о чем тут же пожалела. Его глаза были гораздо голубее, чем следовало. Их насыщенный цвет не нуждался в помощи темно-синего свитера, который был на нем в это утро. Но когда он посмотрел на меня, в его глазах что-то мелькнуло – нечто похожее на беспокойство, отчего я даже поерзала на стуле.

– Как поживает Генерал Ли? – спросил Джэк, пропуская мимо ушей мой вопрос, и, посмотрев в окно, бросил взгляд на часы.

Я проглотила кусочек булочки с корицей.

– С ним все в порядке, – ответила я, имея в виду маленького черно-белого пса, которого я вопреки моему желанию унаследовала вместе со старинным домом на Трэдд-стрит.

– Ты все еще держишь его по ночам на кухне?

Я отвела взгляд в сторону:

– Нет. Не совсем.

По лицу Джека расплылась широкая ухмылка.

– Теперь он спит в твоей комнате, не так ли?

Чтобы увильнуть от ответа, я откусила большой кусок булочки, в очередной раз раздраженная пронизательностью Джека в том, что касалось меня и моих склонностей. Не сумев спихнуть Генерала Ли моей лучшей подруге Софи Уоллен, которая оказалась аллергиком, я

горячо клялась всем, кто был готов меня выслушать, что я не собачница и не намерена держать животное у себя в доме.

– Он спит в ногах твоей кровати, не так ли? – Джек даже не пытался скрыть легкую издевку в голосе.

Все так же старательно избегая смотреть на него, я сделала большой глоток латте.

Джек скрестил руки на груди и с самодовольным выражением лица откинулся на спинку стула.

– Или же на подушке рядом с тобой... я угадал?

– Ну, хорошо, – сказала я, со стуком ставя чашку на стол. – Он больше нигде не желает спать, понятно? Стоило оставить его в кухне, как он тотчас начинал скулить, и когда я принесла его в свою комнату, он сел рядом с кроватью и всю ночь смотрел на меня, пока я не положила его рядом с собой. Спать на моей подушке – это целиком и полностью его идея. – Я отодвинула от себя чашку. – Но это вовсе не значит, что я его люблю и все такое прочее. Просто он показался таким... Одиноким.

Поставив локти на стол, Джек подался вперед:

– Может, мне тоже стоит притвориться, что я одинок, и посмотреть на тебя грустными щенячьими глазами. Вдруг из этого что-то получится?

Я пристально посмотрела на него, стараясь подавить предательское волнение в области живота.

– В конечном итоге ты оказался бы в ящике на кухне.

Я отодвинула пустую тарелку и сделала знак официантке.

Джек улыбнулся и покачал головой:

– Знаешь, в один прекрасный день эти калории начнут прилипать к тебе, и ты, как и все мы, простые смертные, будешь вынуждена следить за тем, что ты ешь.

Я пожала плечами:

– Ничего не могу поделать с собой. Это наследственное. Моя бабушка по материнской линии до самой своей смерти была стройной, как тростинка, однако ела она, как полузащитник из футбольной команды.

– И твоя мать тоже?

Наши взгляды встретились, и я увидела, что он больше не улыбается.

– Откуда мне это знать? Я не видела ее больше тридцати лет.

Что не вполне соответствовало истине. Я пару раз случайно видела знаменитое сопрано – певицу Джинетт Приоло, – но только по телевизору, держа в руке пульт дистанционного управления и перещелкивая каналы. Помнится, я не смогла быстро перескочить на другой канал с канала Пи-би-эс, по которому шла какая-то постановка Метрополитен-опера[^]. Но истина заключалась в том, что моя мать оставалась такой же стройной и красивой, какой она была, когда без оглядки бросила свою семилетнюю дочь.

Темнота, которая витала надо мной все утро, внезапно опустилась и на наш угловой столик, загородив собой свет, как будто кто-то щелкнул выключателем. К горлу тотчас подкатил комок тошноты, волосы на затылке встали дыбом. Я в панике посмотрела на Джека – интересно, заметил ли он что-то? Но нет, его взгляд был устремлен куда-то через мое плечо, и он, похоже, ничего не замечал.

– Кстати, ты очень похожа на нее. – Взгляд Джека вновь переместился на мое лицо, и тревога в его глазах тотчас сменилась раскаянием.

– О боже, Джек, как ты мог! – Я привстала из-за столика, но он взял меня за руку.

– Мелани, она сказала, что это вопрос жизни или смерти, ты же избегаешь встреч с ней и не отвечаешь на ее телефонные звонки. Ей просто не к кому было больше обратиться.

Я огляделась по сторонам, в поисках другого выхода, кроме той двери, через которую вошла. Интересно, подумала я, удастся ли мне выбежать через кухню прежде, чем меня кто-нибудь заметит? Но тут мне на плечо легла чья-то маленькая рука в перчатке. Меня тотчас ослепила вспышка света, как будто кто-то отдернул от окна штору, впуская внутрь солнечный день. Тьма мгновенно рассеялась. Легонько сжав мое плечо, она отпустила руку, но свет остался. Я же продолжала гадать, слышала ли я на самом деле в тот момент, когда тьма исчезла, вздох и шепот, или же это было лишь плодом моего воображения.

Я посмотрела в лицо женщины, которая когда-то была для меня целым миром. Тогда я была слишком мала, чтобы понимать превратности человеческой природы и то, что не всегда хочется называть кого-то мамой.

– Привет, Мелли, – сказала она приятным, мелодичным голосом. Голос этот преследовал меня в моих грезах долгие годы, пока я не подросла в достаточной степени, чтобы убедить себя, что мне больше нет необходимости его слышать.

Я поморщилась, услышав ласковое имя, которое она когда-то дала мне, – имя, которым я никому не позволяла меня называть, пока не встретила Джека. Тот упорно называл меня Мелли независимо от того, нравится мне это или нет.

Я повернулась к Джеку, и моя ярость легко обернулась против него.

– Ты ведь все это подстроил, верно? Ты знал, что я не хочу ее видеть или разговаривать с ней, но ты все равно это подстроил. Как ты посмел? Кто дал тебе право влезать без спросу в чужие дела? Мало того, что это не имеет к тебе никакого отношения, я не желаю иметь с этим ничего общего, о чем не раз тебе говорила. – Я на секунду умолкла, чтобы перевести дух. Я демонстративно игнорировала присутствие матери – для меня это был единственный способ сохранить некое подобие спокойствия. – Я не желаю видеть тебя. Никогда.

Джек выгнул бровь, и я поняла: мы оба вспомнили, как я однажды уже произнесла те же самые слова. Я подалась вперед и ткнула пальцем в его обтянутую свитером грудь.

– В данный момент так оно и есть. Говорю тебе абсолютно серьезно.

Я встала, намереваясь как можно элегантнее удалиться, но вместо этого случайно задела столик и выплеснула остатки моего латте, а заодно опрокинула два высоких стакана с водой. Чтобы избежать потопа, я, пока наша официантка и ее помощник устраняли последствия стихийного бедствия, поспешила пересесть на соседний стул. Моя мать тотчас воспользовалась возможностью и пересела на мой, ловко зажав меня между собой и окном. Правда, ей пришлось лицезреть мой профиль, так как я упорно отказывалась смотреть на нее.

– Прошу тебя, не сердись на Джека. Я признаю, что воспользовалась дружбой с его матерью, чтобы уговорить его помочь мне. Амелии Тренхольм трудно сказать «нет», даже если ты ее сын.

Я знала Амелию и даже любила ее, но сей факт не уменьшил моего желания как можно быстрее покинуть кафе, лишь бы не видеть мою мать.

– Мне более тридцати лет было нечего сказать тебе, мама, – произнесла я, тупо глядя в деревянную столешницу. – И я не думаю, что с тех пор что-то изменилось. Так что если ты не возражаешь, то я пойду. В девять у меня назначена встреча с клиентами... они хотят посмотреть дома в Олд-Вилидж, и я не хочу опаздывать.

Она даже не шелохнулась, и я была вынуждена все так же созерцать темную поверхность столешницы. Я не осмеливалась смотреть перед собой, мне не хотелось видеть упрек в глазах Джека.

Моя мать сложила на столе руки – все еще в перчатках, – и я подумала: она носит их по привычке или все еще по необходимости?

– Мне нужна твоя помощь, Мелли. Дом твоей бабушки на Легар-стрит снова выставлен на продажу, и мне для его покупки нужна твоя профессиональная помощь. Все говорят, что ты лучший риелтор во всем Чарльстоне.

Лишь тогда я решилась поднять глаза. Моему взору предстали темные волосы, собранные в низкий хвост, безупречная кожа, высокие скулы и зеленые глаза, какие я всегда мечтала иметь вместо отцовских карих. Лишь тонкие лучики морщинок в уголках глаз и вокруг рта свидетельствовали о том, что она стала старше с того вечера, когда пожелала мне спокойной ночи, тогда как на самом деле должна была сказать «прощай».

– В Чарльстоне, мама, кроме меня, есть сотни других риелторов, таких же компетентных, как и я, и они охотно помогут тебе купить дом. Другими словами, нет, спасибо. Я не так сильно нуждаюсь в зарработке.

К моему удивлению, мать улыбнулась.

– Ты не сильно изменилась, – заметила она.

– Откуда тебе это знать? – парировала я, желая стереть улыбку с ее лица.

Джек шумно втянул в себя воздух.

– Мелли, я знаю, что тебе больно. Я бы никогда не стал участвовать в этом, если бы считал, что твоя мать приехала сюда лишь для того, чтобы сделать тебе еще больнее. Все гораздо сложнее, и я

думаю, что тебе лучше выслушать ее. Ей кажется, что тебе угрожает опасность.

Я хотела недовольно закатить глаза, но сдержалась.

– Понятно. Тогда скажи ей, что я в состоянии сама позаботиться о себе. В конце концов, я делаю это уже более тридцати лет. Кстати, я говорю не с тобой, или ты забыл?

– Мне снятся сны, – тихо произнесла моя мать. – Каждую ночь. Сны про лодку на морском дне, которую спустя много лет поднимают на поверхность. В этом есть нечто... недоброе. – Она пристально посмотрела мне в глаза. – И это нечто ищет тебя.

Горло мне как будто тотчас сжала невидимая рука.

Я тотчас вспомнила телефонный звонок, разбудивший меня прошлой ночью, и чувство страха, сопровождавшее все утро. Меня не отпускало странное ощущение, будто я провалилась сквозь тонкий лед в холодную воду. Я сглотнула, ожидая, когда ко мне снова вернется дар речи.

– Это был сон, мама. Всего лишь сон. – Я надела пальто и дрожащими пальцами попыталась застегнуть пуговицы. Увы, пальцы меня не слушались, и я оставила эту затею. – Мне действительно пора. Если тебе нужен хороший риелтор и моя рекомендация, позвони нашему секретарю Нэнси Флаэрти, и она перенаправит тебя к кому-нибудь из них.

– Я пыталась дать о себе знать после того, как уехала. Честное слово.

Я тотчас вспомнила все то, что хотела сказать ей, – все те слова, которые я репетировала, чтобы произнести, если когда-нибудь увижу ее снова, – но теперь, когда у меня возникла такая возможность, все они как будто куда-то пропали. Вместо этого я сказала:

– Нужно было пытаться лучше.

К моему удивлению, мать встала со стула и протянула мне визитную карточку, держа ее двумя пальцами затянутой в перчатку руки.

– На, возьми мою карточку... тебе она понадобится. Это нечто ищет тебя не впервые. Но теперь ты уже взрослая и способна воспротивиться ему. – Она помолчала. – Мы не такие, какими кажемся, Мелли.

И вновь я испытала ощущение, схожее с погружением в ледяную воду, и не смогла выдать из себя ни слова. Не сделав ни единого движения, чтобы взять карточку, я смотрела на мать. Подождав пару мгновений, она положила ее на стол и, коротко попрощавшись с Джеком, ушла, оставив в воздухе аромат орхидей и застарелой скорби.

Я вновь повернулась к Джеку, но он поднял руку.

– Знаю. Ты не хочешь говорить со мной или видеть меня снова. Я понял. Но мне кажется, тебе все-таки стоит прислушаться к матери. Ее способности медиума хорошо известны, и она знает, о чем говорит. Конечно, она может ошибаться. В конце концов, у тебя ведь тоже есть подобный дар, верно? И ты ничего не видишь, никакой опасности. Но что, если она права? Вдруг тебе на самом деле угрожает опасность? Не лучше ли заранее знать об этом?

– Почему тебя это так волнует? – Я уже собралась уходить, но Джек схватил меня за запястье.

– Гораздо больше, чем ты хотела бы думать.

Наши взгляды на короткий миг встретились, но я поймала себя на том, что не могу выдержать взгляд Джека. Он отпустил мою руку, и я развернулась и направилась к двери. Мне не нужно было оглядываться, чтобы знать, что он взял со стола карточку моей матери и теперь осторожно кладет ее в портмоне.

Глава 2

Когда я наконец добралась до офиса «Бюро недвижимости Гендерсона» на Брод-стрит, я почти окоченела. Рывком открыв дверь – мой гнев еще не до конца остыл от холода, – я дала ей с грохотом захлопнуться у меня за спиной.

– Черт! – Наша секретарша, Нэнси Флаэрти, стояла с телефонной гарнитурой на голове. Одна ее рука лежала на бедре, в другой она сжимала клюшку для гольфа. По всей видимости, пропустив удар из-за моего шумного появления, она хмуро посмотрела на меня.

– Извини, что помешала твоей тренировке, Нэнси. В следующий раз я буду осторожнее, – пообещала я, проходя мимо нее, чтобы взять со стойки вешалку. Похоже, мой сарказм не достиг цели. Нэнси была уверена, что все разделяют ее мнение о том, что гольф непременно заменит бейсбол в роли главного национального спорта, и поэтому понимают, что ее стремление к совершенству в этой игре имеет безусловный приоритет над всем остальным. Включая ее работу. – Есть для меня сообщения?

Она даже не подняла голову, ибо все ее внимание было сконцентрировано на новом ударе.

– Только твои девять часов. Они немного опаздывают и будут здесь в девять тридцать.

Я расправила на вешалке плечи моего пальто и застегнула его спереди, чтобы оно висело ровно.

– Отлично, спасибо.

Я направилась было в свой кабинет, но затем вернулась и встала перед Нэнси. Ее клюшка тотчас застыла в воздухе, а она сама посмотрела на меня.

– Еще кое-что. Если Джек Тренхольм позвонит, меня здесь нет. Я не хочу говорить с ним. Никогда.

– Опять? – спросила она, опуская клюшку и вновь глядя на мяч.

– Не поняла?

– Все ясно. Тебя здесь нет, если он вдруг позвонит или зайдет. Поняла.

Я уже направилась к себе, но она окликнула меня:

– И тебя все еще нет, если позвонит твоя мать.

– Именно. Но если она позвонит и скажет, что ей нужен риелтор, соедини ее с Джимми.

На этот раз Нэнси опустила клюшку и повернулась ко мне:

– Мелани, это некрасиво.

– По отношению к Джимми или к моей матери?

Нэнси покачала головой:

– Ты же знаешь, что после того ужасного инцидента в театре на Док-стрит он вновь принимает лекарства.

– Это было до или после того, как он выкрасил свое голое тело в пурпурно-оранжевый цвет и выбежал на поле на последнем матче Клемсон против Университета Южной Каролины?

– После. Он хороший парень, но я думаю, что ему нужно направить свою энергию в более продуктивное русло. – Нэнси покачала головой. – И хотя ему неким чудом удастся быть отличным риелтором, я не думаю, что он готов или в достаточной мере квалифицирован, чтобы прямо сейчас возвращаться в приличном обществе.

– Знаю. Именно поэтому я и подумала, что он и моя мать отлично поладят. – Я не стала ждать ответа и поспешила вернуться в свой кабинет. Закрыв за собой дверь, я прислонилась к ней и глубоко вздохнула.

Оставшись наконец одна, я постепенно осознала весь смысл того, что только что произошло в кафе. Подойдя к своему рабочему месту, я буквально рухнула в кресло и, чтобы успокоиться, вцепилась в край стола. Тридцать три года, сказала я себе. Прошло тридцать три года с того момента, когда я в последний раз видела мою мать, и вот неожиданно, в нормальный во всех остальных отношениях день, она вновь появилась в моей жизни.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Мне хотелось полностью стереть из памяти этот эпизод – то, как она выглядела и как звучал ее голос. Но ее последние слова продолжали крутиться в моей голове, словно оторвавшийся от ветки и подхваченный ветром листок, который не знает, куда ему упасть. Мы не такие, какими кажемся. Конечно, я слышала эти слова и раньше. Недавно даже по телефону точно такие же слова были сказаны мне женщиной, которая была мертва более трех десятилетий.

На моем столе зазвонил телефон. Я тотчас вздрогнула и, вспомнив, где я нахожусь, подняла на третьем звонке трубку.

– Мелани, у меня на первой линии есть потенциальный клиент. Специально для тебя.

– Кто это? – спросила я. Я была готова поговорить с кем угодно о чем угодно, кроме снов, матерей или телефонных звонков от мертвых.

– Ее зовут Ребекка Эджертон. Говорит, что она давняя знакомая Джека. Но только ты не слишком переживай, – поспешила добавить Нэнси. – Я не думаю, что она в курсе, что вы с ним не разговариваете. В очередной раз.

Я тяжело вздохнула в телефон:

– Хорошо. Соединяй. Кто знает, вдруг она мне понравится.

В трубке раздался щелчок, а за ним – мягкий женский голос с явными переливами чарльстонского говора.

– Алло! Это Мелани Миддлтон?

– Да, это она, – сказала я, размышляя о том, откуда она знает Джека.

– Я репортер из «Пост энд курир». Обычно я не звоню моим потенциальным источникам с бухты-барахты, но наш общий друг Джек Тренхольм сказал, что вы не обидитесь.

Я недоуменно выгнула бровь:

– Неужели? То есть дело не касается недвижимости?

– Нет. Не совсем. Просто я пишу статью о знаменитых чарльстонцах, живших в последние пятьдесят лет, и хотела бы задать вам несколько вопросов о Джинетт Приоло Миддлтон. О вашей матери.

Я была слишком ошарашена, чтобы сразу бросить трубку. Вместо этого я лишь промолчала.

– Первым делом хочу заступиться за Джека. Он предупредил меня, что вы и ваша мать в течение нескольких лет не общались и что, возможно, вы не готовы ответить на все мои вопросы. Но потом Джек посоветовал мне упомянуть о том, сколько людей читают нашу газету, и что, прочитав о том, что вы дочь известной оперной певицы, они заинтересуются и вы получите много новых клиентов.

Мои щеки вспыхнули румянцем: как же точно этот поганец Джек умеет читать мои мысли! Моя карьера уже давно была для меня приоритетом номер один. Но он был не прав насчет одной вещи.

– Продолжайте, – выдавила я.

– Хотя моя история будет о вашей матери, я подумала, что, если сначала узнаю ваш взгляд на эту историю, это может стать откровением для читателей. Я имею в виду, она ведь всемирно известная оперная дива. Но какой ценой она добилась славы? Насколько мне известно, она бросила вас, когда вы были еще ребенком, чтобы посвятить себя сценической карьере. Это наверняка оставило след в вашей душе.

Мы не такие, какими кажемся. Я сглотнула. Спокойствие давалось мне с великим трудом.

– Она ушла вовсе не из-за этого.

Возникла короткая пауза.

– В самом деле? А мне говорили, что именно поэтому. Тогда почему же тогда она ушла?

Я вспомнила дни после смерти моей бабушки Приоло – та упала с лестницы в своем доме на Легар-стрит, вспомнила, как над домом и садом опустилась тьма, полностью заглушив все летние звуки, как будто мы внезапно погрузились под воду.

А потом я вспомнила, как моя мать укладывала меня спать, и когда она склонилась надо мной, ее горячие слезы упали мне на лоб. Она сказала мне, что есть вещи, которые мне сложно понять по причине моего юного возраста, и что я слишком слаба, чтобы бороться, и что иногда люди вынуждены делать единственно правильные вещи, даже если при этом им приходится расставаться с теми, кого они любят больше всего на свете. Я хорошо помнила приглушенные голоса людей, которых там не было.

Я помнила их, потому что тогда я слышала их в последний раз. Затем мама сказала, что любит меня, и, пожелав мне спокойной ночи, поцеловала. Я тотчас уснула, а когда проснулась утром, то увидела в моей комнате отца. Он собирал мои вещи. Он сказал мне, что мама ушла и что теперь я буду жить с ним на военной базе в Японии.

Я усилием воли заставила себя вернуться в настоящее.

– Я не знаю, – промямлила я. – Спросите это лучше у нее самой.

Я собралась было положить трубку, но Ребекка заговорила снова:

– Вообще-то, я уже спрашивала. И она посоветовала мне спросить вашу бабушку по материнской линии, Сару Маниго Приоло. Но из

архивных данных явствует, что она умерла в тысяча девятьсот семьдесят пятом году. Это правда?

Я молчала, не зная, что ей ответить, и наконец решила сказать правду:

– Да, это правда. Моя бабушка умерла, когда мне было семь лет.

– Тогда почему ваша мама предложила мне...

– До свидания, мисс Эджертон. Извините, но я ничем не могу вам помочь.

* * *

Я положила трубку, но еще долго не выпускала ее из руки, размышляя о том, почему после стольких лет моя мать решила вернуться и почему она приплела к этому мою бабушку.

Несмотря на продуктивную встречу с моими новыми клиентами и два встречных предложения по домам к югу от Брод-стрит и на острове Даниэль, соответственно я возвращалась домой явно не в духе. Но стоило мне заехать в старинный каретный сарай за моим домом на Трэдд-стрит, теперь превращенный в гараж, как меня охватило безмятежное спокойствие.

Хотя я ни за что не признавалась бы в этом, но грандиозная работа по восстановлению старого дома подарила мне великое чувство гордости и самоуважения. Поскольку я достигла этой стадии в известной мере случайно и лишь благодаря упорству моих друзей, поставивших перед собой цель сохранить этот памятник истории, я не торопилась признаться им, что мне нравится этот особняк и что я чувствую себя в нем как дома. И что я с нетерпением жду следующего проекта.

Увидев рядом с бордюром ярко-зеленый «Фольксваген»-«жук» Софи, я невольно улыбнулась. Преподаватель чарльстонского колледжа, читающая курс исторической реставрации, Софи Уоллен была не только моей лучшей подругой, но и моей правой рукой в реставрационных работах, что полным ходом шли в моем доме. Улыбка слегка померкла, когда я поняла: Софи была не только моей правой рукой, но и моей совестью. Она бы точно выведала у меня – если Джек уже не сказал ей – подробности моего разговора с матерью

этим утром, а потом выговорила бы мне за то, что я не предложила матери пожить у меня, пока я буду заниматься покупкой дома на Легар-стрит.

Вздыхнув, я прошла через садовые ворота и по ступенькам поднялась к входной двери чарльстонского особняка. Из полукруглого окна над дверью на пол веранды лился маслянистый свет, отчего казалось, что кто-то расстелил перед ней теплый коврик. Я даже не успела достать из сумочки ключ, когда дверь распахнулась и на пороге возникла Софи. Ее пересыпанные чешуйками высохших белил непокорные волосы, казалось, кружили вокруг ее головы, словно рой диких пчел.

– Ты дома. Как раз вовремя!

Она распахнула дверь шире, и Генерал Ли с веселым лаем устремился ко мне. Бросив портфель и сумочку, я подхватила его на руки, не желая признавать, что этот маленький меховой комок нравился мне все больше и больше – так же как и дом. Что ни говори, а приятно жить под одной крышей с мужчиной, который всегда рад тебя видеть, никогда не спорит, оставляет сиденье унитаза опущенным и может по ночам согреть тебя в постели.

В свои без малого сорок лет я уже почти смирилась с одинокой жизнью и воспринимала присутствие в ней собаки как вполне приемлемый компромисс.

Софи чихнула.

– Извини, чтобы избежать аллергической реакции, я держала его в другой комнате. Впрочем, все не так плохо.

И словно для большей убедительности чихнула еще раз.

– Давай я отнесу его на кухню к миссис Хулихан. Она всегда припасает для него суповую косточку.

Пройдя в дальнюю часть дома, я толкнула кухонную дверь, сдала на хранение Генерала Ли, поздоровалась с моей домработницей, также доставшейся мне в наследство от бывшего владельца дома, и вернулась к Софи.

Та промокала слезящиеся глаза подолом «вареной» футболки, надетой навыпуск на пеструю, длинную юбку, подол которой доходил ей до самых сандалий-«биркенстоков». Мне нравилась Софи, я многое в ней ценила, но чувство стиля совершенно не входило в список ее добродетелей. Я протянула руку и сняла с ее волос чешуйку краски.

– Что это? – спросил я, держа ее двумя пальцами.

– Советую тебе подняться в гостиную второго этажа. Ты вряд ли ее узнаешь. Я соскребла с потолочных карнизов слои краски, накопившиеся за сто лет, и как будто открыла для себя рай.

Я пару раз моргнула, безуспешно пытаюсь приравнять потолочные карнизы к раю.

– Отлично, – в конце концов сказала я. – Что у нас дальше на повестке дня?

– Полы во всем доме. Их придется ошкурить вручную, что займет некоторое время, но я не желаю видеть, как машина будет снимать с этих прекрасных полов древесную крошку.

Я отвела взгляд, притворившись, будто изучаю изящную балюстраду из красного дерева, которую я ошкурила собственноручно. Мне тотчас вспомнилась ломота в пояснице, которая потом напоминала о себе еще несколько недель. В ходе реставрационных работ я – дабы сохранить в целостности и сохранности собственное тело, руки и ноги – за спиной Софи тайком проносила в дом шлифовальные машинки, тепловые пушки и множество других современных устройств. Очень хотелось бы, чтобы к концу реставрации крепко стоял не только дом, но и я тоже осталась живой и здоровой.

– Делай, как знаешь, лишь бы все шло на пользу, – уклончиво сказала я, подавшись вперед, чтобы разглядеть воображаемое грязное пятно.

– Угу, – ответила она, высморкавшись в бумажный носовой платок, который потом сунула обратно в карман своей ужасной юбки, и прошествовала мимо меня к главной лестнице. Я поплелась за ней следом.

– Как там Чэд? – спросила я, имея в виду другого преподавателя колледжа. Первоначально Чэд был моим клиентом, пока не встретил Софи и не переехал к ней. Просто как сосед по квартире – во всяком случае, так они оба утверждали.

– Не увиливай от темы, Мелани. Мы говорили о твоей матери.

Я остановилась.

– Вообще-то мы не говорили о ней. И не собираемся обсуждать это. Тебе звонил Джек?

– Нет, мне сказал твой отец. Джек звонил ему.

Я шлепнула рукой по перилам.

– Отлично, теперь вы все можете осудить меня за мое бездушие. Но вы все упускаете из виду одну вещь: вообще-то жертва здесь я.

Софи остановилась наверху лестницы, ожидая, когда я ее догоню.

– Ты жертва лишь в том случае, если тебе хочется ею быть.

– Я не просила мать бросать меня, если ты этого не заметила. И, да, отец недавно сказал мне, что она не раз пыталась поговорить со мной, когда я была подростком, но он препятствовал этому. Но это не меняет того факта, что она просто бросила меня, не попрощавшись и не объяснив причин. Я это пережила и сама построила свою жизнь. И в ней нет места для нее.

Софи пристально посмотрела на меня.

– А тебе не приходило в голову, что у нее могла иметься на то некая веская причина? Ты когда-нибудь спрашивала ее?

Я сглотнула комочек – те же самые вопросы я задавала сама себе на протяжении многих лет, пока наконец мои горе и боль не погребли под собой даже самый слабый проблеск надежды на то, что причина ухода моей матери крылась в ком угодно, но не во мне.

Вместо ответа я прошла мимо Софи к двойным дверям, что вели в гостиную на втором этаже.

– Покажи мне эти удивительные карнизы.

Я услышала, как она идет за мной следом.

– Если игнорировать проблему, от этого она не исчезнет, ты сама прекрасно это знаешь. Обычно именно те проблемы, которые мы изо всех сил пытаемся игнорировать, в конечном итоге кусают нас за задницу.

– Ну, что же, – ответила я, обернувшись к ней. – Тогда мне не нужно ни о чем беспокоиться, не так ли? У меня нет проблем, да и моему задку не угрожают никакие укусы.

Софи открыла было рот, чтобы возразить, но ее потенциальная тирада была прервана звонком в дверь.

– Или же они укусят раньше, чем мы ожидаем, – услышала я, как она сказала себе под нос, пока я спускалась по лестнице.

Обернувшись через плечо, я одарила ее колючим взглядом. Открыв дверь, я увидела перед собой отца – тот стоял на пороге с охапкой розовых роз. Он держал их бережно, словно новорожденного.

– Привет, пап, – сказала я и поцеловала его в щеку.

Его бодрый внешний вид все еще был мне непривычен, хотя отец вот уже почти шесть месяцев оставался трезвым, не употребив за это время ни капли спиртного. Я никогда не знала его таким; мы оба как будто брели по неизведанной территории, заново осваивая роли отца и дочери, которые со времен моего детства сменились на диаметрально противоположные. Теперь мы были как те новые коллеги, что никак не могут определить, кому достанется в офисе стол возле окна.

Заметив, что отец смотрит мне через плечо, я отступила назад, впуская его в дом.

– Входи. Пришел на ужин? Я могу попросить миссис Хулихан накрыть еще на одного человека.

– Здравствуйте, полковник Миддлтон. – Голос Софи прозвучал слегка неестественно. – У меня для вас стопка квитанций, так что не забудьте перед уходом забрать их у меня.

Мой отец, доверительный собственник дома и имущества моего бывшего клиента Невина Вандерхорста – я была его единственным бенефициаром, – контролировал все расходы, необходимые для реставрации этого старинного особняка. А также исполнял роль арбитра между Софи и остальными нами, простыми смертными, принимавшими в этом участие, которые, в отличие от нее, не испытывали столь настоятельной потребности использовать для ремонта дома исключительно аутентичные материалы.

Я посмотрела на Софи, затем на отца. Между ними явно происходил некий тайный процесс общения. Их натужный разговор ясно давал понять: они не хотят, чтобы я узнала их секрет. Я посмотрела на розы.

– Это для меня?

– Нет, – ответил он.

– Да, – одновременно с ним сказала Софи.

Я закрыла дверь и встала руки в боки.

– Что тут у вас происходит?

Они снова переглянулись, чем подтвердили мои подозрения. Наконец мой отец откашлялся и произнес:

– Розовые розы – любимые цветы твоей мамы.

Я на мгновение застыла в растерянности.

– С какой стати ты принес их сюда?

Я встала между ними, чтобы эти двое не могли переглядываться, и укоризненно посмотрела на отца.

– Что такое сказал тебе Джек, отчего ты решил, что мать будет в моем доме?

Отец смущенно положил букет на столик в холле.

– Я говорил с ним сегодня утром, до того как вы с ним встретились за завтраком. Он был почти уверен, что после того, как ты выслушаешь то, что скажет тебе мать, ты пригласишь ее пожить у тебя. Предполагаю, все вышло не так, как подумал Джек, я прав?

– Похоже, что да. – Я отступила, чтобы посмотреть на Софи. – И ты тоже с ним в сговоре?

– Твоя мать убедила Джека, что тебе грозит опасность. Мы все подумали, что это заставит тебя выслушать ее.

Цокая каблуками по мраморному полу, я пересекла вестибюль и шагнула в отреставрированную гостиную с величественными напольными часами из красного дерева, которые занимали господствующее положение возле одной из стен. Здесь я плюхнулась на французский диванчик с выцветшей желтой шелковой обивкой – он вернулся в дом для повторной перетяжки, – затем снова встала, чтобы взбить подушки.

– То есть вы все решили, что после тридцати лет отсутствия я прощу ее через пятнадцать минут после нашей новой встречи и приглашу жить со мной, верно я говорю? У вас все в порядке с головой? – Я обошла комнату – поправила подушки, смахнула указательным пальцем пыль с фоторамок и даже завела часы... исключительно с той целью, чтобы чем-то занять руки и случайно не вцепиться кому-нибудь в горло.

Софи села на чиппендейловский стул. Ее «биркенстоки» выглядели крайне неуместно рядом с его изящными ножками, украшенными замысловатой резьбой. Она тихо сказала:

– Мелани, я видела в коридоре телефон, – тихо сказала она. – Что происходит?

Софи была одной из двух людей – вторым был Джек, – кому я призналась в моем особом «даре». Впрочем, моя способность общаться с мертвыми никогда не ощущалась мною как дар – это скорее приносило в мою жизнь больше травм, чем чего-то другого. Однако было приятно осознавать, что есть люди, которые верят тебе, когда ты

говоришь им, что твоя мертвая бабушка любит названивать тебе по телефону, чтобы сообщить, что у тебя вот-вот возникнут серьезные неприятности. К сожалению, мой отец не входил в их число.

– Подожди минутку, – сказал он. – Никто никого не пытается обвести вокруг пальца. Твоя мать сказала мне, что ей снились тревожные сны. Вот и все, о телефонных звонках от мертвых не было сказано ни единого слова. Ты же знаешь, как я к этому отношусь, Мелани. Думать о подобных вещах – значит портить себе здоровье.

Я села на точно такой же стул, какой выбрала Софи, и подперла кулаками подбородок.

– Пап, я отказываюсь говорить с тобой на эту тему. Особенно когда я вынуждена спросить тебя об этих цветах. Мать оставила тебя, или ты забыл? Она бросила нас с тобой и ушла. Так что, если ты принес ей цветы, потому что у тебя сохранились к ней какие-то чувства, то меня от этого просто тошнит.

Отец прочистил горло, что он всегда делал, когда нервничал, и принял обиженный вид.

– Я принес их, потому что подумал, что они помогут исправить то, что случилось с могилой ее матери.

Мы с Софи как по команде повернули к нему головы.

– Ты о чем? – спросили мы в унисон.

– А вы разве не слышали? Это было в дневных новостях. Сегодня кто-то осквернил кладбище Святого Филиппа. Я уже собрался переключиться на другой канал, когда услышала имя Сары Маниго Приоло. Похоже, ее могила единственная подверглась осквернению.

Софи встала со стула:

– Это твоя бабушка, верно, Мелани?

Я кивнула, и меня вновь охватило странное ощущение: я как будто тонула. Я повернула голову и тотчас уловила резкий запах соленой воды. Впрочем, он вскоре исчез, и я усомнилась в том, был ли он вообще.

– Вы чувствуете этот запах?

Отец и Софи отрицательно покачали головами.

– Какой запах? – спросил отец.

– Не бери в голову. – Я вновь посмотрела ему в глаза. – Известно, кто это сделал?

– Нет. Надгробие было опрокинуто, но никакого другого ущерба ее или другим могилам вандалы не причинили. – Отец покачал головой. – Газетчики взяли интервью у кого-то из церковного совета, и им сказали, что без помощи строительного оборудования надгробие просто невозможно целиком вытащить из земли, но там не было никаких следов, хотя это случилось среди бела дня.

Я чувствовала на себе взгляд Софи.

– Скажи, Мелани, было в этом надгробии что-нибудь необычное?

Я пожала плечами:

– Не знаю. Я никогда его не видела. Я была на похоронах, но сразу после этого уехала с отцом в Японию. Я никогда не видела надгробие, которое бабушка выбрала еще при жизни.

– Ты хочешь сказать, что ни разу не была на кладбище с тех пор, как вернулась в Чарльстон?

Не зная, что на это ответить, я встала и взбила подушку.

– Нет. Просто... – Я осеклась, но, помолчав, все же договорила: – Просто это напомнило бы мне слишком многое о тех днях моей жизни, которые я предпочла бы забыть.

Отец сделал шаг в мою сторону:

– Например, забыть о том, как твоя мать всегда говорила тебе, что дом твоей бабушки на Легар-стрит однажды станет твоим, а потом, когда та умерла, продала его?

Я удивленно посмотрела на него:

– Ты ни разу не говорил мне ничего подобного. Никогда не думала, что ты знаешь об этом. Или что тебе это безразлично.

Отец еле заметно улыбнулся:

– Конечно, знал! И мне это было безразлично. Но что я мог с этим поделать? Ты четко дала понять, что не желаешь говорить на эту тему – ни о доме, ни о матери. Даже когда я напивался, мне было невыносимо слышать твой плач. Так что я просто махнул на все рукой.

Софи подошла ближе и обняла меня за плечи:

– Думаю, тебе нужно сходить на кладбище. Я пойду с тобой, если хочешь.

– И я тоже, – предложил отец, хотя я видела, что ему немного не по себе.

Для него весь мир делился на черное и белое. Серая зона между светом и тьмой, в которой обитали мы с матерью, для него не

существовала. Я давно научилась обходить в разговорах с ним эту тему. Он же – в том, что касалось моего шестого чувства, – разработал свою собственную политику типа «ничего не спрашивай и ничего не говори».

Мы не такие, какими кажемся. Я закрыла глаза, пытаюсь заблокировать и эти слова, и далекий голос в телефонной трубке. После того как мы с Джеком потратили полгода на изгнание призраков, обитавших в моем новом доме, я надеялась, что дни моей охоты на них закончились. Бесплотные голоса в телефонной трубке, похоже, свидетельствовали об обратном. И, несмотря на все мои попытки убедить себя, что не стоит поддаваться панике, по моему позвоночнику вскарабкался и вонзился в мою фальшивую браваду острый осколок страха.

Пытаясь избавиться от неприятного чувства, я расправила плечи.

– Спасибо вам обоим, но я справлюсь сама. Завтра утром я первым делом поеду на кладбище и позабочусь обо всем, что нужно сделать, чтобы привести в порядок надгробье и избавить мать от лишних забот. Но это все. Да-да. Даже на минуту не думайте, что это означает, будто я готова наладить отношения с матерью, потому что это не входит в мои намерения.

Я сделала вид, будто не замечаю, как Софи и мой отец переглянулись, и вместо ответа направилась в кухню. В воздухе внезапно вновь повис терпкий запах соленой воды.

Глава 3

С юных лет я научилась избегать больниц, полей сражений и кладбищ. Сначала я думала, что эту какофонию голосов слышат все, но, лишь поняв, что они зовут меня по имени, я осознала, насколько отличаюсь от других людей. В начальной школе я единственная постоянно пропускала экскурсии по историческим местам – у меня то внезапно схватывало живот, то болела голова, и отец был бессилен что-либо с этим поделать.

Уже тогда я понимала: признаться в моей необычности было бы сродни публичному самоубийству. Так началась моя жизнь, полная уверток и отрицания. То, что нам с матерью был дан этот странный дар – в сочетании с убежденностью моего отца в том, что все эти вещи существуют лишь в моем воображении, – лишь вынуждало меня притворяться еще сильнее.

Я припарковала свою машину на Черч-стрит, в квартале от кладбища Святого Филиппа, на котором была похоронена моя бабушка. Хотя я точно не помнила, где находится ее могила, даже несмотря на желтую полицейскую ленту, я все равно приблизительно знала, где ее найти, поскольку чести быть похороненным на той же стороне улицы, где стояла церковь, достаивались лишь те, кто родился в Чарльстоне.

Даже знаменитый государственный деятель Джон К. Кальхаун был похоронен на другой стороне улицы, так как родился в Клемсоне, штат Южная Каролина. Я вспомнила, как моя мать не без злорадства упоминала о том, что его жена, уроженка Чарльстона, похоронена в отдельной могиле – на другой стороне улицы и ближе к церкви, – как будто даже после смерти быть чарльстонцем было важнее, нежели женой мистера Кальхауна.

Приблизившись к воротам кладбища, я услышала гомон голосов. Правда, теперь я была стреляный воробей и знала: ни в коем случае нельзя оглядываться по сторонам, чтобы увидеть, кто говорит. Глубоко вздохнув, я – дабы не слышать, как голоса беспрестанно зовут меня, – сосредоточила взгляд на тротуаре, по которому шла, и мысленно запела куплет из «Танцующей королевы» группы «АББА». Я знала: если я буду идти дальше, не обращая на них внимания, они в конце

концов умолкнут. Мать однажды сказала мне, что мы с ней как маяки. Лишь после того, как она ушла от нас, я поняла, кому светили эти маяки, но к тому времени я видела себя лишь в качестве движущейся цели, жаждущей увернуться от попаданий.

Могила бабушки находилась в задней части кладбища, возле ограды. Я тотчас вспомнила, как в новом накрахмаленном платье из черного хлопка, царапавшем мне кожу, я стояла здесь с родителями, ощущая липкую влажность летнего воздуха и тяжелый запах огромного количества цветов, от которого я задыхалась, стоя на жаре. Отец взял меня на руки, и я увидела всех, что столпились вокруг пустой могилы, и то, что не все из них дышат. Больше всего смутило то, что они все смотрели на меня.

Я остановилась возле желтой полицейской ленты, которая окружала могилу. Мое дыхание вырывалось в холодный воздух густыми облачками пара. Я отметила аккуратно подстриженную траву и надгробный камень из белого мрамора. Глядя на него, можно было подумать, будто его осторожно вытащили из чавкающей грязи и положили отдыхать на прохладную траву. Соседние могилы никто не тронул. Яма, в которой раньше стояла плита, находилась примерно в футах перед ним, как будто для того, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что могильный камень не просто опрокинулся, а был намеренно и осторожно перемещен.

Убедившись, что на меня никто не смотрит, я перешагнула через желтую ленту и подошла к могильному камню, чтобы лучше его рассмотреть. Я прочла выгравированные на нем даты рождения и смерти моей бабушки, а также ее полное имя, Сара Маниго Приоло. Но стоило мне прочесть строчки под ними, как мои глаза полезли на лоб:

Крошится кирпич – рушится камин;
Плачет дитя – мать зовет его.
Своей ложью мы множим грехи,
И волны прячут нашу вину.

Я прочитала эти строки еще дважды, пытаюсь понять их смысл. Затем мой взгляд снова переместился на имя женщины – хотелось

убедиться, что я стою перед нужной могилой. «И волны прячут нашу вину». Мне тотчас вспомнился запах соленой воды, наполнивший мой дом, и по моей спине скатились ледяные капельки страха.

– Я тоже не знаю, что это значит, если это хоть как-то тебя утешит.

Я резко обернулась. Позади меня стояла моя мать – в черной норковой шубке и шляпке в тон, руки в перчатках держат воротник, спасая шею от лютого холода. Как всегда, в перчатках.

– Не утешит, – холодно ответила я.

Она встала рядом со мной и посмотрела на могильную плиту.

– Странно, как призраки любят напоминать о себе, не так ли? Она пытается нам что-то сказать.

– Ты так думаешь? – спросила я, пуская в ход сарказм, чтобы скрыть краткий проблеск надежды, шевельнувшейся, когда она произнесла слово «мы».

Наши взгляды встретились, и она улыбнулась.

– В чем я не уверена, так это в том, что нам с этим делать.

Я сунула руки как можно глубже в карманы пальто – не столько из-за холода, сколько потому, чтобы сжать их в кулаки.

– Никаких «нам». Я сейчас пойду и узнаю, надо ли платить за то, чтобы его поставили на место, или у них есть страховка для такого рода случаев.

Я сделала шаг, чтобы пройти мимо нее, но она коснулась мой руки.

– Мелли, это очень серьезно. Думаю, это как-то связано с моим сном, и если это так, то ты даже в большей опасности, чем я думала.

– Тогда я справлюсь с этим. Одна. Как и тридцать три года назад.

Я высвободила руку и перешагнула через желтую ленту.

– Ты помнишь день, когда умерла твоя бабушка?

Я остановилась; давнее воспоминание давило на мой мозг, словно шрам, который еще не зарубцевался и о котором невозможно забыть.

– Да, – ответила я.

– Она упала с лестницы.

Я медленно повернулась. По лицу матери промелькнуло облегчение. Она явно не ожидала, что я останусь, чтобы ее выслушать.

– Твоя бабушка была еще жива, когда я нашла ее у подножия лестницы, – продолжила она.

– В отчете полиции говорилось другое. Она споткнулась на высоких каблуках и упала. Она умерла мгновенно.

Я узнала об этом лишь благодаря извращенному любопытству, которое однажды заставило меня покопаться в бумагах моего отца, когда тот был в очередном запое. Охваченная детской яростью, я надеялась отыскать причину, почему мать бросила меня. Ведь это наверняка должно быть где-то как-то задокументировано. Как будто, увидев написанные черным по белому слова, я смогла бы найти способ защитить себя. Но все, что я нашла, – это свидетельство о разводе моих родителей, в котором была указана причина – неустрашимые разногласия, и копию полицейского отчета о внезапной смерти моей бабушки.

Мать недоуменно выгнула изящную бровь, но не спросила меня, откуда мне это известно. Я как будто вновь стала маленькой девочкой, а она знает обо мне все, что можно знать, что всегда мешало мне свыкнуться с мыслью, что ее рядом со мной больше нет. Как если бы всего того, что она знала обо мне, было недостаточно, чтобы ей остаться.

Она опустила голову. Было видно, что она борется с собой.

– Я до самого последнего мгновения держала ее голову на моих коленях. И слышала ее последние слова.

Мои губы онемели от холода и чего-то такого, что мне было страшно озвучить.

– Что она сказала?

Мать встретилась со мной взглядом:

– «Мы не такие, какими кажемся».

Я вздрогнула, чувствуя, как старые воспоминания вновь рвутся наружу.

– Что это значит?

Порыв ветра заглушил мой голос, но я вновь поняла: моей матери не нужно слышать меня, чтобы понять, что я говорю.

Она посмотрела мимо меня на опрокинутое надгробие.

– Я не знаю. Но в том доме что-то есть. Некое зло. Оно обитало там с тех пор, как я родилась.

Я сглотнула комок.

– И поэтому ты продала дом?

Она кивнула, собираясь встретиться со мной взглядом.

– Тогда почему ты хочешь выкупить его обратно? Если в нем все еще обитает зло, почему?

Она ответила не сразу, правда, на этот раз глядя мне прямо в лицо.

– Потому что это наш дом, Мелли. Потому что он принадлежал нашей семье более двухсот лет. – Она помолчала, а затем заговорила снова: – И теперь я сильнее. Теперь я могу с этим справиться.

Сказав это, она крепко сжала губы, словно боялась, что с них слетят неосторожные слова, и я сразу поняла, что она что-то скрывает. Дети всегда замечают мельчайшие нюансы в выражении лица матери, даже спустя годы после того, как они, возможно, захотели ее забыть.

Мои пальцы вновь сжались в кулаки.

– Не переживай из-за меня, мама. Теперь у меня есть собственный дом, так что для меня не важно, как ты поступишь с домом на Легар-стрит. Только не делай вид, будто ты заботишься о моем наследстве, потому что мы обе знаем, что это неправда.

Она шагнула ко мне, и ее дыхание легкой паутиной разлетелось во все стороны.

– Ты многого не понимаешь, Мелли, но я и не жду, что ты сядешь рядом со мной и выслушаешь то, что я попытаюсь объяснить тебе. Просто знай: мои сны и то, что здесь произошло, и надпись на могильном камне – все это связано между собой. Твоя бабушка ждет, что мы с тобой встанем бок о бок и смело посмотрим в лицо тому, с чем нам предстоит столкнуться.

Я внимательно посмотрела на нее, видя перед собой лишь чужого мне человека. Я видела, как ветер колышет мех ее шубки, как клонит к земле зимнюю траву, как будто по ней шагает невидимый гигант, и понимала: наверняка есть некая иная причина, почему она сейчас здесь. Но, как и причины ее ухода, причины ее возвращения были мне безразличны.

– Я отлично умею справляться со всем одна, мама. В конце концов, ты сама научила меня этому. И чтобы мне захотелось провести время вместе с тобой, нужно нечто большее, нежели загадочная надпись на надгробии и глупый сон. – Я вытащила руку из кармана, чтобы посмотреть на часы. Увы, я так и не смогла рассмотреть, который час, – так сильно дрожала моя рука.

– Я сейчас поговорю со служащими кладбища, – произнесла я как можно спокойнее, – а затем вернусь к себе в офис. Если я не увижу

тебя до твоего отъезда домой – где бы это ни было, – заранее желаю тебе хорошего полета.

С этими словами я повернулась на каблуках и направилась к церкви. На этот раз она не пыталась остановить меня. Я почти дошла до входных дверей, когда она заговорила снова:

– Прости, Мелли. Прости, что мне пришлось оставить тебя. Знаю, ты не веришь мне, но тогда я была вынуждена это сделать.

Чувствуя, как слезы замерзают в моих глазах, я не оборачиваясь зашагала вперед.

– Я чувствую запах океана, Мелли. И я знаю, что и ты тоже его чувствуешь.

Я открыла дверь и вошла внутрь; гул голосов за моей спиной напоминал рокот прибоя. Я не стала придерживать дверь; та с громким стуком захлопнулась за мной – но не раньше, чем резкий порыв ветра принес с собой густой запах моря.

* * *

Остальная часть дня прошла не лучше. Два моих предложения были отклонены – одно даже без встречного, а другой дом, в Ансонборо, не устроил покупателей. Смета ремонта составляла около десяти тысяч, и мои клиенты колебались.

В дурном расположении духа я вернулась в свой пустой дом, к остывшей индейке, которую миссис Хулихан оставила для меня в духовке. В итоге я скормила половину Генералу Ли, а затем в момент отчаяния решила вывести его на прогулку.

Днем заметно потеплело, и даже сейчас, когда, низко повиснув над горизонтом, солнечный диск окрасил зимнее небо в розовые и оранжевые тона, было относительно тепло. Надев пальто и перчатки и нарядив Генерала Ли в новый свитерок, который связала для него Нэнси Флаэрти, я направилась к двери. Меня смущало, что меня видели с ним в таком виде – раньше обнаженное собачье тело никогда меня не оскорбляло, – но стоило термостату опуститься ниже шестидесяти градусов по Фаренгейту, как его начинала бить дрожь. Нэнси сказала мне, что либо я куплю ему квартиру во Флориде, либо приму в подарок ее свитер.

Как обычно, я позволила Генералу Ли выбрать для нас маршрут, и мы быстрой трусцой зашагали вперед. Вытянув шею, пес трусил в паре футов впереди меня, время от времени останавливаясь, чтобы обнюхать воздух или грозно поворчать на прохожего. Генерал Ли счел своим долгом стать моим сторожевым псом и теперь старался наводить на незнакомцев страх, прежде чем основательно их обнюхать. Но даже тогда он придирчиво выбирал тех, кого был готов записать в друзья, и продолжал рычать, если кто-то не проходил проверку. К несчастью для него, хотя он и обладал сердцем и душой полицейской собаки, в глазах окружающих он был таким же грозным, как диванная подушка с рюшками.

Я так глубоко погрузилась в мысли о встречных предложениях и инспекционных отчетах, что не заметила, куда меня ведет Генерал Ли, а когда заметила, было уже слишком поздно. Он остановился перед коваными воротами дома на Легар-стрит. Я даже дважды моргнула, прежде чем поняла, где мы. Мой взгляд переместился на номер дома, нанесенный при помощи трафарета золотой краской на почтовый ящик на воротах, и я снова моргнула: Легар-стрит, дом тридцать три.

Квадратный кирпичный дом в георгианском стиле с двухъярусным портиком доминировал над окружавшим его садом – ярко окрашенный, с замысловатой лепниной, которая смотрелась как грошова бижутерия на красивой женщине. Я вспомнила, как вместе с бабушкой пила в этом саду чай, и ко мне тотчас вернулась былая грусть.

Желая поскорее уйти, я потянула за поводок, но Генерал Ли, похоже, был непреклонен в своем желании остаться. Я уже собралась взять его на руки и отнести домой, когда поняла, что мы не одни. Вздвогнув от неожиданности, я обернулась и увидела в десяти футах от меня одинокую фигуру, стоящую возле забора. Похоже, процесс изучения дома был прерван нашим прибытием. Как обычно, я была без очков – реверанс личному тщеславию, – однако женщина показалась мне на удивление знакомой.

Незнакомка направилась ко мне, и я смогла лучше рассмотреть ее в тусклом свете. Она была ниже меня и очень стройная – то, что большинство людей назвали бы словом «миниатюрная». Ее волнистые светлые волосы свободно падали ей на плечи. На ней было пальто от

«Берберри», а когда она подошла ближе, я увидела, что в руках у нее блокнот и карандаш.

– Я вас знаю? – спросила я, все так же разглядывая ее, правда, уже с близкого расстояния, и пытаюсь вспомнить, где же я видела ее раньше.

– Лично – нет, – ответила она, подойдя ближе, так, что я смогла увидеть голубые глаза, опушённые длинными ресницами.

Я застыла на месте, наконец поняв, почему она показалась мне такой знакомой.

– Эмили? – прошептала я, чувствуя, как у меня сжалось горло.

Незнакомка странно посмотрела на меня:

– Раньше я часто слышала такое.

Она наклонилась и почесала Генерала Ли за ухом. Я же запоздало заметила, что он не только не стал недовольно скулить, но даже попытался перевернуться на спину, чтобы незнакомка почесала ему живот.

Я дернула поводок, чтобы подтянуть пса к себе.

– Кто вы?

Она повернулась ко мне лицом, и меня в очередной раз как будто ударило током.

– Я – Ребекка Эджертон, – сказала она, протягивая мне руку. – Мы с вами говорили по телефону. О вашей матери.

Я рассеянно пожала ей руку, не в силах отвести взгляд от ее лица. Внезапно слово «мать» вновь вернуло меня в реальность. Я поспешно выдернула руку.

– О, репортер из газеты! Помню.

– Я подумала, что мне стоит посмотреть дом, в котором выросла ваша мать. Начать с самого начала ее истории.

Я продолжала в упор смотреть на нее, не в силах стряхнуть с себя первоначальное впечатление.

– Вы так похожи на... – Я не смогла произнести имя.

– Эмили. Я знаю. Я отрастила волосы, отчего, наверно, сходство стало еще сильнее, но, даже когда мы с Эмили работали вместе в газете, нас все время путали. Народ шутил, что когда Джек перестал встречаться со мной и начал встречаться с Эмили, он даже не заметил, что поменял подругу.

Она рассмеялась сухим, чуть дребезжащим смешком. Я глубоко вздохнула, испытав странное облегчение, объяснить которое себе самой я не могла.

Ребекка нахмурила брови.

– Я не знала, что вы были с ней знакомы.

Вообще-то, я не знакома с ней, подумала я, не зная, как мне лучше объяснить ей, что я знаю, как выглядела мертвая женщина, поскольку видела ее призрак.

– Джек показывал мне ее фото.

Она кивнула:

– Ну что ж. Тогда это все объясняет.

В ее лице было нечто, чего я никак не могла понять, нечто такое, что вынудило меня сделать шаг назад.

– Что ж, было приятно познакомиться с вами.

Я раздраженно потянула поводок, заметив, что мой пес улегся, свернувшись в клубок у ее ног.

– Вставай, Генерал Ли. Пойдем домой. Нас ждет ужин.

Песик тупо уставился на меня, но не двинулся с места.

Ребекка воспользовалась этим, чтобы сократить расстояние между нами.

– Поскольку вы здесь, думаю, вы могли бы ответить на несколько вопросов. Ничего чересчур личного, обещаю вам. Главное, чтобы сдвинуться с мертвой точки. Если я скажу что-то не то, просто остановите меня, и я замолчу.

Генерал Ли смотрел на Ребекку полными обожания глазами. Наверно, это потому, что она блондинка, решила я. В конце концов, он ведь мужчина.

– Вряд ли у нас что-то получится. Мы с матерью отдалились друг от друга, и я боюсь, что если вы начнете с меня, то ваша история приобретет негативный оттенок. Вряд ли это входит в ваши планы.

– Я хочу услышать правду; только и всего. Надеюсь, что интервью получится достаточно интересным, чтобы сделать из него полноценную статью, но мне кажется, что без участия ее единственного ребенка я просто не смогу ее написать.

– К сожалению, вам придется обойтись без меня. Я очень мало знаю о моей матери. Будь то правда или что-то еще. Она оставила нас с отцом, когда мне было всего семь лет.

Ребекка посмотрела на свой блокнот и перевернула страницу:

– Да. Я в курсе. Это было сразу после того, как вашу мать отвезли в отделение неотложной медицинской помощи. Похоже, у нее был выкидыш.

– Что-что? – Я вопросительно уставилась на нее, неуверенная, что правильно ее расслышала.

Она посмотрела на меня:

– Выкидыш. Серьезный случай. Согласно больничным записям, она едва не умерла. Думаю, вам тогда было лет шесть или семь, потому что это произошло после того, как ваши родители расстались. Вы и ваша мать жили здесь с вашей бабушкой, когда это случилось. Я предположила... – Ребекка пожала плечами. – Извините. Я думала, что вы знаете.

Я ощутила во рту привкус ржавчины. Я помнила, как отец появился в доме моей бабушки, и мое волнение, когда я подумала, что он приехал забрать нас обеих домой. Но он оставил меня там и на руках, как ребенка, отнес маму к машине. Позже бабушка сказала мне, что у нее аппендицит и ей нужно провести в больнице пару дней, но все будет в порядке. И я поверила ей, хотя мать вернулась из больницы похудевшей, а к хору звуков, источник которых я искала, но никогда не находила в доме моей бабушки, добавился детский плач.

Я покачала головой.

– Нет. Я не знала. – Я попыталась улыбнуться. – Они, вероятно, думали, что я была слишком мала, чтобы понять, откуда берутся дети... – Моя улыбка погасла. – ...или как их теряют. Откуда вы узнали?

Продолжая сверлить меня взглядом, она пожала плечами:

– Это часть моей работы. Я просто знаю, где искать и кого спрашивать. Я отыскала в архивах старую газетную статью о смерти вашей бабушки, и там было краткое упоминание о том, что это случилось сразу за пребыванием вашей матери в больнице. Разумеется, в статье ни слова не было сказано о том, почему она там оказалась, но у меня есть в больнице анонимный источник. Он просмотрел записи и узнал о выкидыше. Конфиденциально, конечно. – Ребекка пару секунд помолчала, затем добавила: – Необходимая информация всегда доступна, главное – проявлять настойчивость и знать, где искать.

Мне почему-то показалось, что разговор идет уже не о болезни моей матери. Мне тотчас стало слегка не по себе, и я сделала шаг назад.

– Мне действительно пора домой...

По лицу Ребекки промелькнуло разочарование:

– Я понимаю. Но всего одна вещь... пожалуйста. Я хочу показать вам один снимок. Обещаю, что отниму лишь минуту вашего времени. – Ребекка улыбнулась, став так сильно похожа на покойную Эмили, что я остановилась. Она тем временем достала из вместительной сумки увеличенное фото моей матери на благотворительном оперном концерте в Нью-Йорке.

– Вы очень похожи на нее.

Я промолчала. Терпеть не могу, когда мне говорят об этом, – в основном потому, что это неправда, но еще и потому, что мне нравилось притворяться, будто мы даже не родственницы.

Ребекка поднесла фотографию к моим глазам.

– На этом снимке на ней удивительной красоты кольцо и серьги. Вам что-нибудь известно о них?

Я посмотрела на фотографию, на кольцо с бриллиантом и сапфиром и серьги с подвесками. Я помнила, как бабушка разрешала мне играть с ними. Надев вместо вечернего платья ее шелковый халат, я расхаживала в них по коридорам.

– Да, – сказала я. – Они принадлежали моей бабушке. А когда бабушка умерла, они перешли к моей матери.

– Стало быть, это ваши семейные реликвии? – Ребекка слегка прищурилась.

– Думаю, можно сказать и так. Я точно знаю, что моя бабушка говорила, что когда-то они принадлежали ее матери. Но откуда они взялись у моей прабабушки, я понятия не имею. Если честно, на мой взгляд, они слегка безвкусные, так что, будь они моими, я бы, скорее всего, их продала.

– Как ваша мать продала этот дом.

Я вскинула голову. Наши взгляды встретились.

– Думаю, я ответила на достаточное количество вопросов. – На этот раз я как можно сильнее дернула поводок, вынуждая лежащего у ног Ребекки Генерала Ли подняться, и, увлекая за собой капризного

пса, зашагала прочь. – Спокойной ночи, мисс Эджертон. Было приятно с вами познакомиться.

– Можете называть меня Ребеккой.

– Хорошо, но я не думаю, что мы увидимся снова, – ответила я, даже не замедлив шага. – Доброй ночи.

Я уже собралась свернуть за угол, когда услышала, как она сказала:

– Не будем загадывать.

Сделав вид, будто не слышу ее, я потянула поводок, а вместе с ним и Генерала Ли, пытаюсь понять, что есть в этой Ребекке Эджертон, кроме ее сходства с мертвой невестой Джека, отчего я чувствую себя не в своей тарелке.

Глава 4

Остаток моей рабочей недели тянулся, словно в замедленной съемке. Если учесть высокую драму в начале недели, отмеченную внезапным появлением моей матери и попытками бабушки из могилы обратить на себя внимание, думаю, это было неизбежно. Но даже на работе время ползло с черепашьей скоростью, а мой обычный трудовой энтузиазм несколько иссяк, как будто меня внезапно заставили смотреть на мою жизнь полузакрытыми глазами.

В пятницу утром, когда я притащилась в офис, у двери меня встретила Нэнси Флаэрти. Ее сережки в виде мячиков для гольфа покачивались в такт ее движениям.

– Ну и вид у тебя, – сказала она, забирая у меня пальто и портфель.

– Спасибо, Нэнси. А как у тебя дела?

Перекинув мое пальто через согнутую в локте руку, она потянулась к своей стойке, взяла чашку дымящегося кофе и сунула ее мне в протянутые ладони.

– По-моему, твое дурное настроение в последнее время связано с тем, что ты скучаешь по Джеку.

– Потому что я что?.. – Мое возмущение прозвучало неубедительно, не в последнюю очередь потому, что у меня было смутное подозрение, что она отчасти права.

– Не смей меня. Все было бы вполне спокойно и безмятежно, не врывайся он ко мне в дом в любое время дня и ночи проводить свои исследования, – сказала я, имея в виду книгу о бывших обитателях доставшегося мне в наследство дома, над которой Джек в настоящее время работал. – И мне не нужно терпеть его нелепые замечания или глупые комментарии. – Я сделала глоток кофе, упрямо глядя в чашку, лишь бы не встречаться взглядом с Нэнси. Я бы никогда не призналась ни ей, ни кому-либо еще, что, несмотря на присутствие миссис Хулихан, моего отца, Софи и Чэда, без шумного Джека дом казался чуточку пустым. Даже Генерал Ли не смог заполнить эту пустоту.

Я подняла голову и прищурилась.

– Кстати, а почему ты такая услужливая сегодня утром? – спросила я, указывая на кофе и пальто, которое все еще было

переброшено через ее руку. – В чем дело?

Нэнси поджала губы, как будто не могла решить, солгать мне или сказать правду. Видимо, остановив выбор на последнем, она ответила:

– Гендерсон ждет тебя в твоём кабинете. Он хочет поговорить с тобой.

Хотя Дейв Гендерсон официально считался моим начальником и владельцем фирмы, бо́льшую часть времени он проводил, играя в гольф, чем и объяснялась столь продолжительная работа Нэнси в его конторе. Сомневаюсь, что другой работодатель был бы готов мириться с такой яркой преданностью гольфу в ущерб всему остальному, включая служебные обязанности. Жена Дэйва, врач-кардиолог, уговорила его досрочно выйти на пенсию. Реакцией всех сотрудников «Бюро недвижимости Гендерсона» стал коллективный вздох облегчения.

Увы, облегчение было в лучшем случае временным. У Дейва вошло в привычку в самый неожиданный момент прийти в контору, дабы напомнить всем нам, что он по-прежнему босс и следит за работой своих подчиненных. Обычно я видела Дэйва на торжественных обедах, посвященных наградам за успехи в сфере продаж, а также на еженедельных совещаниях, на которых он был главным заводилой и главным погонялой.

Но он редко бывал в офисе в ясный, солнечный день – даже в мороз. Если светило солнце, Дэйва можно было застать лишь на зеленом поле для гольфа.

Я поставила кофейную чашку. Пончики и латте из пекарни Рут, которые я жадно проглотила незадолго до прихода на работу, внезапно выразили настоящее желание выскочить наружу.

– Не знаешь, зачем я ему понадобилась?

Нэнси нервно улыбнулась:

– Не знаю. Но, похоже, это как-то связано с Джимми. Вчера они были в его кабинете, и там стоял жуткий ор.

– Вот, черт! Не было печали... – сказала я, поднимая портфель и на всякий случай безопасности ради мысленно опоясывая чресла. Если Дэйв Гендерсон ждет меня в моем кабинете, а не где-нибудь на лужайке для гольфа, то ничего хорошего в этом нет.

Я с минуту постояла перед закрытой дверью моего кабинета, собираясь с духом, прежде чем повернуть ручку и встать на пороге с широкой улыбкой. Дэйв сидел за моим столом и читал последний

выпуск «Пост энд курир». Мой ежедневник, который я держу закрытым на углу стола, был открыт, как будто он только что просматривал его. Под теплой ветровкой на Дэйве была рубашка для гольфа и брюки цвета хаки, как будто его только что оторвали от шестнадцатой лунки. Моя настороженность моментально сменилась леденящим ужасом.

– Доброе утро, Дэйв. Я так рада вас видеть, – сказала и поспешила изобразить улыбку, чтобы он не догадался, что я лгу.

Дейв продолжил читать газету и даже не поднял глаз.

– Любопытная история в сегодняшней газете. Тут написано, что они собираются поднять с морского дна корабль, который несколько недель назад нашли у острова Салливан. Водолазы, которых отправили туда, выяснили название судна, которое, по-видимому, пропало без вести после землетрясения тысяча восемьсот восемьдесят шестого года. Оно лежит на относительно мелководье, и его надеются поднять в целости и сохранности. Если же не удастся, то водолазы просто спасут то, что можно спасти. – Дейв, шелестя газетой, перевернул очередную страницу. – Народ взбудоражен не меньше, чем в тот раз, когда нашли «Ханли».

– Интересно, – сказала я, медленно входя в собственный кабинет. Поставив сумочку и портфель на стул, я села напротив Дейва. Я понятия не имела, о чем он говорит, так как лично я открывала газету лишь затем, чтобы изучить объявления о продаже недвижимости.

– Ты же слышала про «Ханли», верно?

Я заставила себя сдержаться и не закатить возмущенно глаза. Как можно быть чарльстонцем и не знать про подводную лодку флота Конфедерации, которая затонула в ближних водах почти полтора столетия назад и недавно была торжественно поднята с морского дна. Пусть я не знаю, на сколько пунктов упал средний индекс Доу-Джонса за последние недели, но уж о «Ханли» я имею представление.

Бросив взгляд на свой открытый ежедневник, я ощутила легкое раздражение. Но, почувствовав, что Дейв смотрит на меня, подняла глаза.

– У тебя довольно напряженный рабочий график на этой неделе, Мелани.

Черт, может, все не так уж и плохо? Я улыбнулась – лишь бы он не заметил, как дрожат мои губы.

– Да. Верно. Дела идут неплохо, несмотря на то, что состояние рынка недвижимости сейчас не такое, какое нам хотелось бы. Я уже выполнила свою квоту продаж за месяц, а мы пока только на полпути.

Дэйв принялся складывать газету. Сложив ее в очередной раз, он аккуратно ее разгладил. Он повторил это несколько раз. Я снова начала нервничать. Дэйв бросил газету на мой стол и встал. Я последовала его примеру, чтобы не смотреть на него снизу вверх. С моими каблуками я была одного с ним роста.

– Но, думаю, ты все равно могла бы втиснуть в свой график пару новых клиентов, – сказал он, не сводя с меня темных глаз, взгляд которых, по слухам, заставлял рыдать взрослых мужчин.

Я сглотнула застрявший в горле комок.

– Безусловно. Я горжусь тем, что организована и старательна, и я более чем способна справиться с довольно большой рабочей нагрузкой. Вы это знаете, мистер Гендерсон.

Опершись кулаками о мой стол, он наклонился ко мне. Его лицо слегка покраснелось.

– Тогда зачем было отправлять некую знаменитую клиентку Джимми Торнхиллу, вместо того чтобы взять ее себе? Тем более если это твоя родная мать?

Чувствуя, что злость неумолимо берет верх над моими опасениями, я выпрямилась в полный рост.

– Потому что Джимми нужна уверенность в своих силах, чему может способствовать увеличение числа продаж. Моя мать хорошо знает дом, который хочет приобрести, так что для него это не будет слишком сложно. Ей просто нужен кто-то, кто подготовит пакет документов на покупку дома. И почему это должно иметь для вас значение? – спросила я, не без вызова посмотрев на начальника. – «Бюро недвижимости Гендерсона» запишет себе в актив эту сделку, независимо от того, кто из нас ее осуществит.

Гендерсон обошел стол и остановился передо мной.

– Потому, что мне не нравится, когда потенциальный клиент вынужден лично звонить мне, чтобы попросить другого риелтора.

Я снова сглотнула. Не хотелось бы, чтобы он заметил мое волнение.

– Моя мать звонила вам?

– Да. Мы знакомы с ней много лет. Она едва не плакала, когда позвонила мне, не понимая, почему ты отказываешься ей помочь.

– И что вы ей сказали? – Мои два пончика и латте ухнули вниз, в бездну желудка.

Он улыбнулся своей коронной улыбкой... насколько мне было известно, она означала, что разговор окончен и победа на его стороне.

– Я сказал, что ты позвонишь ей сегодня утром, чтобы договориться о дне показа дома на Легар-стрит. – Сказав это, мой собеседник выпрямился. – Если, конечно, тебе хватит мужества оставить в прошлом все свои разногласия с матерью и заключить эту сделку. В случае чего тебя ждет премия за лучшие продажи месяца. – Дейв протянул руку к серванту и взял с него перчатку для гольфа. – В принципе, я мог бы поручить это дело Венди Вокс. Ее показатели очень близки к твоим.

– А как же Джимми? Ему эта сделка явно не помешала бы.

Дэйв пожал плечами:

– Он слишком мягкотелый. Техасец, которому сейчас принадлежит дом на Легар-стрит, тот еще скупердяй. Я встречался с ним несколько раз в клубе. Никогда не угостит вас напитком в ответ на ваше угощение... ну, ты понимаешь, о чем я. Для этой сделки нам нужен кто-то по-настоящему жесткий и смекалистый. Думаю, Венди прекрасно справится, раз уж ты слишком занята.

Я поморщилась, представив себе самодовольство моей коллеги, если Дейв поручит ей эту сделку вместо меня. Я знала, что меня берут на слабо, но остановить себя не смогла.

– Нет. Все в порядке. Я справлюсь.

Дейв одобрительно помахал перчаткой для гольфа.

– Вот это та Мелани, которую я знаю. Что ж, я рад, что у нас состоялся этот разговор и мы пришли к согласию. Жду твоего звонка и надеюсь в ближайшее время услышать о том, что вопрос решен положительно.

Не попрощавшись, он вышел из моего кабинета и даже не закрыл за собой дверь. Я опустилась на стул; мои каблук отбивали по полу нервную чечетку. Но я не была уверена, что было тому причиной: то ли то, как ловко поймал меня в свои сети мой начальник, то ли мысль о том, что мне вновь предстоит остаться наедине с матерью в доме на Легар-стрит.

* * *

Когда я после работы вернулась домой, в доме было темно, за исключением единственной включенной лампы в гостиной на первом этаже. Я задержалась в офисе дольше, чем собиралась, изучая недавние продажи недвижимости на Легар-стрит, а также информацию о нынешних владельцах дома – хотелось получить более четкое представление о том, насколько срочной была необходимость их переезда. Я гордилась своим умением выяснить о клиенте по возможности все, и поэтому, делая от его имени предложение, я знала, каковы масштабы нашей свободы действий и в какой момент мы сможем выйти из переговоров. Я отчасти надеялась на то, что мать возмутится запрашиваемой ценой, поскольку та была в три раза выше той, по которой она продала дом более тридцати лет назад.

Единственным светлым моментом за весь мой рабочий день была игра, в которую я играла по телефону с матерью, когда мы по очереди оставляли друг другу сообщения. В результате мы договорились встретиться следующим утром, ни разу вживую не обменявшись ни единым словом.

Толкнув дверь, я услышала собачий лай – он доносился из кухни, где миссис Хулихан, перед тем как уйти домой, обычно оставляла Генералу Ли суповую косточку. Я шагнула в дом и включила свет. Мое внимание тотчас привлек новый ярус строительных лесов – теперь те доходили до карнизов, поскольку Софи взбрело в голову восстановить их покрытие из сусального золота.

Одна из металлических стяжек перегораживала лестницу. Будь у меня желание использовать верхний этаж дома, чтобы, например, спать в моей комнате, я была бы вынуждена проползать под ними, чтобы подняться наверх. Интересно, Софи подумала об этом? Если да, то явно отклонила эту мысль?

Я на миг замерла на месте. Мои ключи зависли в моей руке над стоявшим в холле столиком. Впрочем, я тотчас, словно оружие, крепко сжала их между двух пальцев, услышав мягкий звук шагов, направлявшихся ко мне из гостиной. Увы, в этом доме не было никаких гарантий, что нежелательные посетители окажутся живыми,

из плоти и крови. Хотя три призрака недавно были изгнаны из дома, мы с Генералом Ли все еще ощущали присутствие нескольких других.

Впрочем, мы старались держаться как можно дальше друг от друга и терпимо относились к такому соседству, ибо все были довольны тем, где жили, и не стремились покинуть это место.

Лампочка замигала. Я резко повернулась к выключателю, но увидела перед собой лишь пустое пространство. Температура в доме внезапно упала, и когда я втянула в себя холодный воздух, мои легкие как будто превратились в лед. Одновременно мне в ноздри ударил мерзкий запах протухшей рыбы, такой сильный, что меня чуть не вырвало. Я уронила ключи на стол – все равно от них никакой пользы. Дыхание замедлилось, сделавшись прерывистым, в такт холодным волнам страха, пробегавшим по моему позвоночнику. *Я сильнее тебя. Я сильнее тебя.* Старая мантра моей матери вернулась, неотвязно преследуя меня, и я почти улыбнулась иронии происходящего.

Я сделала было шаг в сторону гостиной, как вдруг тишину пустого дома нарушил пронзительный звонок телефона, стоявшего на столе в коридоре. Застыв как вкопанная, я впилась в него взглядом. Дыхание вырывалось из моего рта легкими облачками пара. Дав телефону прозвонить шесть раз – еще трижды после того, как должен был сработать автоответчик, – я подняла трубку. Раскаленный пластик мгновенно обжег мои замерзшие пальцы. Я как ошпаренная выронила трубку, и та с неестественно громким стуком ударилась о стол. Дрожащими пальцами я осторожно подняла ее, чтобы убедиться, что раскаленное прикосновение было лишь плодом моего воображения, и лишь затем поднесла телефон к уху.

– Бабушка? – Линия была мертва, как будто человек на другом ее конце взял трубку в соседней комнате. Я сжала трубку двумя руками, чтобы та не дрожала. Я не слышала на другом конце линии никаких звуков: ни дыхания, ни чего-то еще, – лишь молчание. Я как будто погрузилась в бездонную черную дыру, которая, словно этакая гигантская космическая губка полностью впитывала весь свет и все звуки.

Мелани.

Я напрягла слух, неуверенная, действительно ли я услышала свое имя или мне это просто померещилось. Я точно знала одно: кто бы ни произнес мое имя, это была не моя бабушка.

Мелани, услышала я снова. Борясь с желанием положить трубку, я прижала ее ближе к уху. Голос был мягок и невесом, скорее всего, женский и, по всей видимости, человеческий.

– Алло! Кто это?

Черная дыра пошла трещинами и пузырями, и в телефонную линию прорвалось нечто мерзкое и темное. Я убрала телефонную трубку подальше от уха, а затем и вообще бросила. Но не раньше, чем я вновь услышала голос. *Я приду за тобой, Мелани. Я приду забрать то, что принадлежит мне.*

Генерал Ли твякнул в кухне и принялся царапать когтями дверь, скулить и лаять.

Входная дверь открылась. Я вздрогнула, опрокинув при этом столик. Телефон с грохотом полетел на пол, следом за ним – мои ключи. Я резко обернулась: в дверях стояли моя мать и Джек. Последний держал в руке ключ от моего дома, который я дала ему, когда он жил тут вместе со мной, помогая мне отбиваться от призраков. Его взгляд упал на опрокинутый столик в холле и разбитый телефон.

– С тобой все в порядке? – Он шагнул вперед и, положив руки мне на плечи, пристально посмотрел мне в глаза: – Извини, что мы не постучали, но твоя мама сказала, что мы должны срочно попасть в дом.

– Да, со мной все в порядке, – ответила я. Интересно, был ли им слышен стук моего сердца? Лично мне он казался таким громким, что от него как будто зазвенели подвески люстры над моей головой.

– Неправда, – возразила мать; ее лицо было бледным и осунувшимся...

Можно подумать, ей это было действительно важно. Она вздрогнула и потеряла руки.

– Здесь у тебя настоящий ледник, – сказала она, не сводя с меня пристального взгляда.

– Это старый дом. По старым домам гуляют сквозняки. – Я поежилась, хотя температура стремительно приходила в норму. Я оттолкнула Джека и протянула руку: – А ты можешь вернуть мне этот ключ сейчас, так как он больше тебе не понадобится. – Все трое посмотрели на мою руку. Та дрожала так сильно, что между пальцами можно было бы просеивать муку.

– Тебе лучше сесть, Мелли. – Обеспокоенное лицо моей матери едва не ввело меня в заблуждение.

– Я не... – Прежде чем я успела закончить, мои колени подкосились. Если бы не Джек, который подхватил меня как раз вовремя, я бы упала.

Поддерживая меня одной рукой, он отвел меня в гостиную и усадил на стул, а моей матери указал, где находится кухня, чтобы она могла принести мне стакан воды.

– Что случилось? – спросил Джек, когда до нас донеслось цоканье каблуков моей матери, проследовавшей через холл на кухню. Он присел на корточки перед моим стулом и заглянул мне в лицо. – Он вернулся?

Я покачала головой, понимая, о чем он спрашивает. В свое время Джек помог мне изгнать из дома гадкого призрака по имени Джозеф Лонго, которого ни он, ни я больше не желали видеть.

– Нет. Это была женщина. Я не уверена, как я это поняла; это было скорее ощущение. И запах был тоже другой. Похожий... на запах рыбы. Гниющей, протухшей рыбы.

Он покачался на пятках:

– Что ж, тогда все понятно.

– Ты о чем? – спросила я, вновь ощутив приступ головокружения. Я медленно наклонилась вперед и опустила голову на колени.

Мне на затылок легла рука Джека, удивительно нежная, и он легонько помассировал мне шею.

– Корабль, который нашли у острова Салливан... сегодня стало известно его название.

– И? – На меня навалилась сонливость.

– Он назывался «Роза».

Джек выжидающе посмотрел на меня, как будто имя должно было мне что-то напомнить. Я покачала головой – у меня просто не было сил ответить ему полным предложением.

– Для истинной уроженки Чарльстона ты чересчур мало знаешь о своих предках. Розой звали твою прабабку по материнской линии. Судно принадлежало твоему прапрадеду, и он назвал его в ее честь.

Услышав приближающиеся шаги матери, я выпрямилась и мгновенно насторожилась.

– Ты хочешь сказать, что судно, которое собираются поднять на поверхность, когда-то принадлежало семье Приоло? – Я вздрогнула, вновь вспомнив запах тухлой рыбы.

Мать встала передо мной и сунула мне в руки стакан с водой. Я залпом осушила его, пытаясь отсрочить неизбежное. Рано или поздно, но нам с ней придется поговорить. Просто пока я к этому не готова.

– Как и в моем сне, – тихо сказала она. – И если корабль поднимут, зло вырвется на волю.

Я вспомнила голос в телефонной трубке. Моя рука вновь задрожала и выплеснула воду из стакана.

– Это уже произошло.

– Я так и думала, – сказала мать, забирая у меня стакан. Она на миг задумалась, затем заговорила снова: – Некоторые призраки не привязаны к конкретному месту, зато некоторые неким образом привязаны к конкретному человеку... – Она выгнула черную бровь: —...или к семье.

– Замечательно, – сказала я. – Не успела я отправить всех своих призраков на покой, как ты заставляешь меня вновь впустить их в мою жизнь.

– Милая, они нашли тебя сами, без моей помощи.

Не знаю, что явилось для меня большей неожиданностью: признание ее правоты или нежданное проявление нежности с ее стороны. Так или иначе, я разозлилась.

– Я отлично справлялась с этим сама, без твоей помощи.

– Простите, дамы. – Джек поспешил встать между нами. – Но у нас здесь проблема. И если мы не сумеем заключить перемирие и не станем просто придерживать фактов, ничем хорошим это не кончится. – Он повернулся ко мне: – Мелани, что случилось здесь до того, как мы пришли? Ты была явно чем-то напугана.

Я глубоко вздохнула. С трудом верилось, что еще полгода назад я всячески скрывала от людей свой дар медиума, а теперь могла открыто говорить на эту тему, пусть и не со всеми, как обычные люди рассказывают о том, что они ели на завтрак. Безусловно, в этом была заслуга Джека. Хотя, если честно, я еще не решила для себя, благодарить мне его за это или ругать.

– Я почувствовала некое присутствие. Нечто ужасное и злонамеренное, в отличие от других призраков в этом доме.

– А раньше ты его не чувствовала? – уточнил Джек.

Я покачала головой.

– Это была *она*, – поправила я. – И нет, она была определенно новой.

– Она что-нибудь тебе сказала? – осторожно осведомилась моя мать, и мне вновь показалось, что она явно что-то знает... нечто такое, чем она не спешила поделиться со мной.

Я кивнула, вновь почувствовав себя нехорошо.

– Телефон зазвонил прямо перед вашим приходом. Это был... голос на другом конце линии. И он сказал... – Я закрыла глаза, вновь ощутив гнилостный запах протухшей рыбы. Мне не хватало воздуха, как будто мою голову удерживали под водой. – Он сказал: «Я приду за тобой, Мелани». – Я умолкла, не зная, стоит ли мне продолжать. Но затем медленно добавила: – «Я приду забрать то, что принадлежит мне».

Мать машинально схватилась за горло, и я заметила, что она все еще в перчатках. Они были своего рода ее визитной карточкой, но только я знала истинную причину, почему она крайне редко их снимала. Джек подвинул ей стул, и она села.

– И голос в телефоне определенно не принадлежал твоей бабушке? – спросил он.

Я покачала головой:

– Точно нет.

Мы оба посмотрели на мою мать. Та сидела, плотно сжав губы.

– Я ничего не понимаю. Но я не сомневаюсь, что в конечном итоге мы разберемся. Но для этого нам с Мелани нужно держаться вместе. Чтобы бороться с этим злом. Когда двое выступают против одного, у них всегда больше шансов.

Я стояла, глядя сверху вниз на мать, и чувствовала, как страх еще резче подчеркивает эти тридцать лет одиночества.

– Или же ты можешь просто снова уехать. Не вернись ты назад, ничего этого не случилось бы.

Она встала, глядя на меня в упор, и я заметила, что мы с ней почти одного роста.

– Слишком поздно.

Мне не понравился тон ее голоса. Было в нем нечто злое. Она явно что-то скрывала, и это нечто покалывало изнутри мой

затылок – этакий зуд, который невозможно утолить.

– Что бы это ни было, оно связано с судном моего прадеда, – продолжила мать. – И если его поднимут, что наверняка будет сделано, это принесет нам немало бед и страданий.

Я посмотрела ей в лицо. Когда-то давно, когда я была ребенком, я просыпалась по ночам и пыталась вспомнить лицо матери, чтобы никогда не забыть. И вот теперь я не испытывала облегчения, оттого что не забыла ни единой его черточки или цвета глаз. Она сама предпочла стать мне чужой... ее не было ни на одном моем дне рождения с тех пор, как мне исполнилось семь лет. Да что там! Ее не было ни на одном значимом событии в моей жизни – этакий призрак, чье присутствие на фотографиях было обозначено пустым местом рядом со мной.

– Нет никаких «мы», мама. Если мне понадобится изгнать призрака, я обращусь за помощью к Джеку. Мы делали так раньше. Но если я когда-нибудь попрошу о помощи тебя, в аду ударит мороз.

Она недоуменно подняла бровь, не выказав, однако, иных эмоций, кроме удивления.

Джек подошел ко мне и обнял за плечи.

– Миссис Приоло... Джинетт... я не вижу того, что видите вы с Мелли, но я видел достаточно, чтобы знать: когда кто-то из вас чувствует что-то недоброе, я непременно вас выслушаю. Вот почему я согласен с вами в том, что Мелли не должна оставаться одна, пока мы всё не выясним.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но Джек сжал мои плечи, чем заставил меня промолчать.

– Думаю, мне есть смысл вновь переехать в твой дом, чтобы тебе не иметь с этим дело в одиночку. – Он улыбнулся своей коронной улыбкой, которая неизменно творила с моим животом самые неожиданные вещи. – Как в старые добрые времена.

Я одарила его колючим взглядом, хотя при всей двусмысленности его предложения в душе я была ему благодарна. Позволив его руке остаться на моем плече, я повернулась к матери:

– Именно так. У нас с Джеком есть опыт такого рода вещей, так что обо мне не беспокойся. Твоя помощь нам не понадобится.

– Понятно, – сказала он, посмотрев сначала на меня, затем на Джека и снова на меня. – Понятно. – Она наклонилась и подняла с

пола рядом со стулом, на котором сидела, сумочку. – Похоже, у вас здесь все под контролем, поэтому я просто уйду. – Она уже было направилась в холл, но затем остановилась и обернулась: – Не забудь, что мы с тобой встречаемся завтра в девять часов. Я буду ждать тебя на Легар-стрит прямо перед домом.

Облегчение, которое я испытала, когда она только собралась уходить, рассеялось, уступив место страху.

– Ты все еще хочешь купить тот дом? Разве у тебя нет дел в Нью-Йорке, к которым тебе нужно вернуться?

Она улыбнулась едва заметной полуулыбкой, и я впервые заметила, как мы с ней похожи. Почему-то это меня лишь опечалило.

– Я уйду на покой, Мелли. Лучше уйти со сцены, когда ты на вершине славы, чем остаться в памяти людей немолодой певицей со слабым голосом. – Она огляделась по сторонам, как будто только сейчас заметила, где находится. – Мне нравится, что вы сделали с этим домом, – сказала она, глядя на разномастную мебель и пустые окна.

– Мы пока в самой середине восстановительных работ, – раздраженно объяснила я. – Мы вывезли бо́льшую часть мебели, и она будет храниться в другом месте до тех пор, пока мы не восстановим полы и не оштукатурим все стены. В противном случае мебель можно испортить.

Мать снова пристально посмотрела на нас.

– Хорошо. Смотрю, теперь ты специалист по части ремонта и реставрации. А значит, именно тот человек, который поможет мне после того, как я куплю свой дом. – Прежде чем я успела что-то сказать, она повернулась на каблуках: – Увидимся завтра в девять утра.

Я услышала, как, тихонько скрипнув, повернулась дверная ручка, а затем тихий щелчок закрывшейся двери.

Я отстранилась от Джека.

– У нее железные нервы. Можно подумать, я стану ей помогать. Разве только если мой босс заставит меня.

К моему удивлению, Джек был готов лопнуть от смеха.

– Что тут смешного?

– Ты. Знаешь, ты ведь такая же, как она. Тебе всегда нужно, чтобы последнее слово осталось за тобой.

Я открыла было рот, чтобы возразить, затем вспомнила улыбку моей матери и то, как она сказала «мы», и была вынуждена признать:

возможно, Джек не так уж и не прав.

Вместо ответа я направилась обратно в кухню.

– Я пойду погуляю с собакой.

– Я с тобой, – заявил Джек, увязавшись за мной следом.

– Я тут на днях познакомилась с одной твоей старой приятельницей, – сказала я, пока мы шли в кухню.

– В самом деле? И кто это?

– Ребекка Эджертон.

– А! Она говорила, что собирается связаться с тобой по поводу статьи, над которой работает, о твоей матери. Я сказал ей, что вы не совсем... близки.

Я толкнула дверь кухни и застыла на пороге.

– Что, однако, не помешало ей связаться со мной.

Джек остановился в дверях – так близко ко мне, что я уловила запах его одеколона.

– Она удивительно похожа на Эмили, тебе не кажется?

– Не замечал, – буркнул он, шагнув меня мимо в кухню.

– Хм, – скептически буркнула я, не вполне убежденная в его правоте, но не желая вступать с ним в полемику по этому поводу. На сегодня мне с лихвой хватило общения с матерью.

Джек между тем надел на Генерала Ли ошейник. Взяв поводок, я вышла через черный ход. Если честно, я была рада приходу Джека. Мне было легче при мысли о том, что в доме я не одна. При этом мы с ним оба знали, что я никогда не признаюсь в этом даже через тысячу лет.

Глава 5

Верный своему слову, Джек, чтобы лишний раз не напоминать мне о себе, провел ночь в комнате для гостей на втором этаже. Я оставила под дверью свежие простыни и чистые полотенца, как бы намекая ему, что его присутствие оценено, хотя не совсем желанно. Но хотя он спал на другом этаже, я знала, что он со мной под одной крышей, подобно тому, как собака знает, когда вы прячете в кармане угощение.

На следующее утро я вышла из дома как можно раньше – чтобы не встречаться с ним, а также потому, что мне все равно не спалось. В ожидании девяти часов я провела два часа у себя в кабинете: попивала кофе с сахаром и расставляла по местам канцелярские принадлежности. Я также позвонила Софи, уверенная в том, что перспектива посещения исторического дома к югу от Брод-стрит более чем компенсирует тот факт, что я разбудила ее за несколько часов до того, как она планировала встать с постели. Она не стала спрашивать меня, почему я захотела взять ее с собой, пока я буду показывать матери дом ее детства. Именно поэтому я любила Софи Уоллен больше всех остальных в этом мире.

Я приехала первой, в восемь пятьдесят. Терпеть не могу опоздания, почти так же как ненавижу дурные манеры за столом и нечищеную обувь. Вероятно, это результат воспитания отцом-военным, хотя и алкоголиком, который научил меня правилам, пусть даже лишь с той целью, чтобы я по утрам могла проследить, что он был надлежащим образом одет и, выпив чашку крепкого кофе, отправился на службу.

Я стояла на тротуаре перед воротами, нетерпеливо постукивая ногой. Я бы простила за опоздание Софи; это была такая же неотъемлемая часть ее личности, как и ее неизменные «биркенстоки». Но матери я дам только лишние пять минут, после чего меня уже тут не будет.

Заметив ярко-зеленый «Фольксваген»-«жук» Софи, я помахала ей. Найдя свободное место, она припарковалась у бордюра на другой стороне улицы и вышла из машины. Я тотчас вытаращила глаз, на сей раз потрясенная не ее нарядом, а рядами крошечных косичек с

вплетенными в них разноцветными бусинами, что каскадами свисали с ее головы. Хотя сама прическа была не так уж и плоха, из-за нее и без того маленькая головка Софи выглядела как образец из коллекции засушенных голов, какую я однажды видела в личной библиотеке одного потенциального клиента.

– Что случилось? – спросила я, когда она подошла ближе. – Надеюсь, ты по крайней мере выдвинешь обвинения.

Она широко улыбнулась, ставя ногу на тротуар.

– Эту прическу мне предложила сделать одна моя студентка. Я согласилась. Чэду нравится.

Я подняла бровь, но ничего не сказала, заметив выражение ее лица, когда она взглянула на дом за моей спиной.

– Ты самая счастливая из всех, и я хочу, чтобы ты это знала. Сначала по счастливой случайности ты получаешь в наследство особняк Вандерхорста на Трэдд-стрит, а затем появляется твоя мать и хочет купить для своей семьи дом – еще один архитектурный шедевр. Бэмс! И теперь у тебя два самых красивых исторических дома в Чарльстоне! У той, что еще недавно снимала квартиру в современном кондоминиуме!

– Тебе не приходило в голову, что я могу предпочитать квартиру всему этому добру? Я смутно припоминаю дни, когда мне не нужно было тратить все свое время, энергию и ногти, соскребая краску со старинной штукатурки. Или привязывать мой личный график к работе разных плотников и маляров? Теперь я провожу больше времени с ними, чем со своей маникюршей и массажисткой.

Она вновь улыбнулась и с мечтательным выражением лица посмотрела на трехэтажный георгианский особняк, чей двухэтажный портик отбрасывал на тротуар тень. Но, похоже, она услышала меня, потому что сказала:

– Этот дом классический. Думаю, он построен около тысяча семьсот пятьдесят шестого года.

Я скрестила на груди руки.

– На самом деле это был тысяча семьсот пятьдесят пятый год. А двойной портик с ионическими колоннами был добавлен лишь в тысяча восемьсот двадцать шестом году, чтобы продемонстрировать неоклассические вкусы владельца в то время, когда в моде был федеральный стиль.

Софи повернулась ко мне, ее самодовольная улыбка стала еще шире.

– Знаешь, а ты ведь не безнадежна. Более того, тебя даже можно выпустить с лекцией перед моими студентами о том, что такое реальная реставрация. Ты отлично изучила вопрос. А если ты пару раз вставишь это словечко «неоклассический», то точно произведешь на них впечатление.

Я фыркнула, но в душе осталась довольна. До того как я вопреки собственному желанию стала владелицей исторически ценного дома, моя позиция была примерно такой: «Снести к чертовой бабушке все это обветшалое старье и построить на его месте многоярусную парковку».

Хотя для всех я оставалась поклонницей кондоминиумов, я определенно была уже не той, что унаследовала дом на Трэдд-стрит. Теперь мне было понятно, что квартирка в кондоминиуме с ее белыми голыми стенами была лишь формой самосохранения для молодой девушки, которая видела, как дом, в котором родилась она, а до нее – шесть поколений ее семьи, был продан супружеской паре из Техаса, сделавшей свое состояние на торговле металлоломом.

– Что с садом? – спросила Софи, всматриваясь сквозь садовые ворота.

– Ужасен, не правда ли? – сказала я, открывая калитку. – Но погоди, пока не увидишь, что там внутри. В объявлении в Интернете много картинок. Скажу лишь то, что я очень надеюсь, что это были просто очень плохие снимки, которые не показывают красоту дома. По словам агента, для большей части дома жена не стала прибегать к услугам декоратора, заявив, что хочет сделать все сообразно собственным вкусам.

Софи нахмурилась, глядя на цементные и стеклянные кубы, чьими единственными притязаниями на принадлежность к миру искусства были пьедесталы, на которые они были установлены. Она задержалась перед ржавой металлической скульптурой, удивительно похожей на старую автомобильную дверь из лучших дней Детройта.

– Что это?

– Дверь от «Кадиллака Севильи». Примерно тысяча девятьсот семьдесят седьмого года выпуска.

Мы обе как по команде повернули головы. Моя мать, в шубке и кожаных перчатках, стояла, пристально разглядывая сад, который, увы, больше не был похож на тот, в котором мы с ней и бабушкой когда-то пили чай. Клумбы исчезли, равно как и кусты жасмина и самшит. По морщинкам на лице матери я догадалась: она тоже видела то, чего там больше не было.

– Это катастрофа, не правда ли?

Софи протянула для рукопожатия руку:

– Приятно познакомиться, мисс Приоло. Я – Софи Уоллен, преподаю историческую реставрацию в местном колледже. Запись вашего голоса, где вы исполняете арию Изольды из «Тристана и Изольды» на Байройтском фестивале, всегда есть на моем плеере. Я так часто ее слушала, что слегка заиграла.

Моя мать покраснела и впилась взглядом в косички Софи.

– Спасибо огромное. Я польщена, особенно слыша это от вас. Я читала про некоторые из недавних реставраций в городе и хорошо знакома с вашей работой. Она впечатляет. У вас зоркий глаз и тонкий вкус, что касается деталей и красоты. – Она посмотрела на меня. – Полагаю, именно поэтому Мелли захватила вас сюда с собой?

Скажу честно, мне стало немного тошно от их взаимного восхваления, и я поспешила встать между ними.

– Вообще-то, Софи моя хорошая подруга. Я хотела, чтобы она была со мной на случай, если мне понадобится свидетель.

Мать улыбнулась, но ничего не сказала. Я многозначительно взглянула на часы.

– Четыре минуты десятого, и после этого у меня еще один показ, так что давай побыстрее покончим с этим делом. – С этими словами я торопливо зашагала к мраморному крыльцу с перилами из кованого железа.

Они обе последовали за мной.

– Я подумала, что ты не станешь ждать больше пяти минут, поэтому почти на ходу проглотила свой завтрак, чтобы успеть вовремя. – В ее голосе слышались язвительные нотки. Я покраснела, пораженная точностью ее догадки, и нащупала ключ.

– Некоторые люди серьезно относятся к своим обязанностям. Мои не допускают никаких опозданий. Если одна утренняя встреча задерживается, то я опаздываю на все мои встречи до конца дня.

Согласись, что это не идет на пользу бизнесу. Да и жизни в целом, – добавила я, доставая ключ и вставляя его в замок, чтобы открыть входную дверь.

Мы столпились в просторном вестибюле, который тянулся по всей длине дома. По обеим его сторонам располагались не менее просторные гостиные. Я оттягивала этот момент как можно дальше, собирая информацию исключительно из Интернета и у агента по листингу. Из чего следовало, что я была поражена не меньше, чем Софи и моя мать.

– О! – воскликнула Софи, так и не найдя лучшего слова.

Я ждала, когда на меня накатит приливная волна скорби и сожаления. Вместо этого я смотрела на комнату перед собой, выискивая глазами напоминания о моей бабушке и нашей жизни с ней. Увы, сходство было слабым – этакий призрачный образ на обратной поверхности век, оставленный фотовспышкой.

Мы стояли, глядя на мраморный пол, покрытый дорожкой из искусственной зебры, протянувшейся по всему коридору. Элегантные резные карнизы были выкрашены в черный цвет – чтобы усилить контраст со стенами цвета фуксии. Ярко-зеленые кресла-трансформеры предлагали посидеть всем, кто был наделен хотя бы мало-мальским вкусом и у кого от психоделических красок вестибюля подгибались, став ватными, ноги.

– Она сделала все сама, – напомнила я.

Моя мать резко повернулась и бросила взгляд на итальянскую люстру из позолоченного дерева, которой каким-то чудом удалось спастись от краскопульта, и развешанные по стенам портреты в рамках, глядя на которые можно было подумать, что их нарисовали внуки владельца.

Или обезьяны.

Подойдя к розовому лакированному столику, Софи потянула ручку ящика. Та осталась в ее руке. Бережно положив ручку обратно на блестящую поверхность, она отпрянула от столика, как от зачумленного места.

– Какой это, по-твоему, стиль? – спросила я у Софи.

– Думаю, что «раннее возрождение» гаражных распродаж, – ответила моя мать с невозмутимым лицом.

Я поспешила отвернуться. Не хотела, чтобы она увидела мою улыбку и поняла, что высказала вслух мои мысли.

– Ух, ты! – воскликнула Софи, входя в одну из парадных комнат по обеим сторонам коридора. – Я видела это окно снаружи, но изнутри оно поражает еще больше.

Я немного поколебалась, прежде чем войти вслед за ней в комнату. Эта комната была моей любимой, здесь я проводила бо́льшую часть времени с моей бабушкой – играла в карты или, подобрав под себя ноги, читала на одном из ее бесценных старинных диванов. Если погода была плохой, мы пили чай, и бабушка Приоло разрешала мне наливать его, хотя это и угрожало чистоте ее обюссонского ковра. В этой комнате я ощущала себя любимой и окруженной заботой, а не объектом постоянных трений между родителями.

Больше всего я любила огромное окно, установленное в конце девятнадцатого века. Это было странное окно. Оно плохо соответствовало и стилю дома, и стилю Викторианской эпохи. Оно выглядело почти современно, две женские фигуры на нем были едва различимы, если не знать, где их искать и под каким углом смотреть в стекло. Через окно тянулись побеги глицинии, переплетаясь, словно огромная дорожная карта, ведущая в никуда. Хотя вдохновение, некогда подвигнувшее кого-то установить это окно, и его значение, наверняка когда-то были известны, и то, и другие давно стали достоянием прошлого.

Подойдя к Софи, я встала в лучах солнечного света. Струясь сквозь окно, тот превращался в маслянисто-желтый. Повернув лицо навстречу его теплу, я ощутила присутствие моей бабушки, лучи солнца как будто были ее пальцами на моей коже.

Софи щелкнула языком.

– Тому, кто установил это окно, крупно повезло, что он не сталкивался с Бюро архитектурного надзора, иначе бы он никогда не получил разрешения. – Она улыбнулась мне. – Причем впервые в жизни я могу сказать, что это было хорошо.

– А еще хорошо, – вывел меня из задумчивости голос матери, – что нынешние владельцы не видели необходимости менять окно в соответствии со своими вкусами. – Она выразительно посмотрела на

оранжевый ковер, обои в мелкий цветочек и люстру с зеркальным покрытием.

Софи провела рукой по отвратительным обоям.

– Они заклеили прекрасную кипарисовую обшивку, которой славится этот дом. О чем они только думали? – Она покачала головой. Косички-дреды тоже закачались, словно в знак согласия. – К счастью, они, похоже, не внесли никаких структурных изменений. Только эти кошмарные косметические. Так что вернуть дому его прежнее великолепие не составит особого труда.

– Приятно это слышать, – сказала моя мать, и я почувствовала на себе ее взгляд.

Вспомнив свою работу и то, зачем я сейчас здесь, я повернулась к большому дверному проему:

– Обратите внимание на расширенные дверные проемы из зала и двери, которые повторяют неоклассические формы портика. Они были добавлены одновременно с портиком и датируются двадцатыми годами девятнадцатого века.

– И эта каминная полка, – добавила моя мать. Она перешла в конец комнаты и теперь стояла перед камином, – отлита с использованием формы, созданной Рэймиджем и Фергюсоном из Шотландии. Наши предки Приоло всегда приобретали лишь самое лучшее. – Она улыбнулась мне.

– Не понимаю, зачем я тебе здесь понадобилась, – сказала я, нахмурив брови. – Ведь ты ничего не забыла об этом доме. Не проще ли было подать заявку на приобретение дома и подписать бумаги? Мы обе сэкономили бы массу времени и энергии.

– Да, наверно, так было бы проще, – согласилась она, медленно обходя комнату и любуясь ее утонченной красотой, вынужденной делить общество с аляповатыми цветами и металлическими тканями, которые были здесь столь же неуместны, как шляха в церкви. – Но тогда я бы не смогла увидеть, каково это, быть с тобой здесь после всех этих лет.

Я посмотрела на Софи – та как будто невзначай направилась вон из комнаты, подметая пол подолом потертой джинсовой юбки. Я с тоской посмотрела ей вслед и мысленно попросила вернуться, будучи почти уверена, что она вышла из комнаты не случайно.

– Теперь, когда ты это узнала, – сказала я, поворачиваясь к матери, – почему бы нам не поехать ко мне на работу, чтобы я могла подготовить нужные бумаги?

– Мы еще не закончили осмотр дома, Мелли. Я хочу увидеть кухню.

Я застыла, вспомнив, что дальняя часть дома совершенно не похожа на переднюю. Будучи ребенком, я старалась не ходить дальше передних комнат одна, замечая, что шепот там становится громче, прикосновение к моей коже смелее. Но был там один призрак, которого я смутно помнила: его присутствие было теплым, и в его обществе я чувствовала себя в безопасности.

Он был моим защитником, и пока он оставался со мной, я могла ходить по дому спокойно. Но затем я совершила ошибку, рассказав про него отцу. Тот заявил, что это все плод моего воображения и если я не перестану говорить эти вещи, мои посещения бабушки будут ограничены.

Даже больше, чем страх не видеться с бабушкой, я боялась, что со мной что-то не так. И я перестала разыскивать моего воображаемого друга и вместо этого оставалась в первых комнатах, игнорируя шепот, манивший меня в дальний конец дома.

– Я останусь здесь, – сказала я.

В коридоре, ведущем на кухню, потирая руки, появилась Софи.

– Вряд ли это сорвет продажу или что-то еще, но мне кажется, что здесь что-то неладно с отоплением. Там как будто градусов на двадцать холоднее, чем в остальном доме.

Я выразительно посмотрела на мать и нехотя последовала за ней в кухню.

Та была недавно обновлена. Несмотря на неудачную цветовую гамму и такие же неудачные обои, дизайн был солидный, равно как и шкафы из вишневого дерева, и приборы из нержавеющей стали.

– Думаю, если декоратор и приложил руку, то именно здесь, – предположила моя мать.

Софи кивнула:

– Я знаю это наверняка. Хорошо помню, как дизайнер консультировался у меня по этому поводу. – Она указала на дальний угол кухни, где когда-то располагался красивый камин работы Адамса

и где сейчас была стена с нарисованной на ней коровой породы лонгхорн.

– О господи, – прошептала я. – Даже мне кажется, что это кошунство!

Софи убрала одну косичку за ухо.

– Я сказала Дебби, дизайнеру, чтобы камин не трогали, а просто закрыли его, не повредив деревянных деталей. Каминная полка цела и хранится на чердаке. Но снести все действительно было бы кошунством. Закрыть камин было невероятной глупостью, но, на наше счастье, глупостью обратимой.

Моя мать шагнула к открытой двери напротив настенной росписи.

– Предлагаю подняться по черной лестнице и осмотреть верхние этажи.

– Нет! – Это слово сорвалось с моих губ прежде, чем я успела сообразить, что говорю. Софи и моя мать посмотрели на меня, но лишь на лице Софи читался вопрос.

– Ее бабушка погибла, упав с лестницы, – пояснила мать. – Посмотри, Мелли. Теперь тут с обеих сторон поручни, так что тебе нечего опасаться.

Я знала: Софи должна услышать правду, и я расскажу ее ей. Просто у меня временно отнялся язык. Я никогда не ходила по этой лестнице без своего защитника и знала – то ли потому, что он предостерег меня, то ли мне это подсказывал внутренний голос, что я никогда не должна пытаться сделать это в одиночку. Там, наверху, что-то было. Нечто не из этого мира. Нечто недоброе.

– Я останусь здесь.

Я попятилась. Внезапно почувствовав на полу под моей туфлей какой-то песок, я подняла ногу и увидела крупинки соли. Похоже, соли морской.

Мать подошла ко мне и пристально посмотрела мне в лицо.

– Ты тоже это чувствуешь? Оно всегда было здесь. – Она встала передо мной. – Но скоро станет еще сильнее.

К нам подошла Софи, но мы с матерью продолжали смотреть друг на друга.

– В чем дело?

Но тут зазвонил мой мобильник. От неожиданности я даже вздрогнула. Благодарная этому звонку я порылась в сумочке и,

вытащив телефон, увидела на экране номер Джека.

– Я должна ответить. Вы двое поднимайтесь наверх и осмотрите два других этажа.

Софи с видимой неохотой последовала за моей матерью вверх по ступенькам. Я вздрогнула, глядя им вслед.

– Алло? – сказала я в трубку.

– Привет, Мелли. Это я, Джек.

– Знаю. Твое имя высветилось на экране.

Я уловила в его голосе улыбку.

– Ага, значит, ты не удалила мой номер со своего мобильного.

– Мой прокол, – сказала я. Жаль, что он не видит, как я закатила глаза. – И то, что мы говорим снова, вовсе не значит, что мы должны это делать.

Его тон изменился:

– Знаю. Но мне нужно было сказать тебе кое-что важное, прежде чем ты прочтешь об этом в газете.

Я посмотрела на кухонный пол. Было хорошо видно, как керамическую плитку пересекает дорожка подсохшей соли.

– Что это? – слегка задыхаясь, спросила я.

– С тобой все в порядке? Тебе как будто не хватает воздуха.

– Все хорошо, – солгала я. – Главное, скажи мне.

– Помнишь ту новость про судно, найденное у острова Салливан? И то, что это оказалось судно твоего прадеда? И что оно с тысяча восемьсот восемьдесят шестого года числилось пропавшим?

– Да. – Скорее выдохнула, нежели сказала я.

– Прежде чем попытаться его поднять, спасательная организация отправила вниз водолазов, чтобы те вытащили на поверхность все, что там есть интересного. – Джек помолчал, затем заговорил снова: – Может, мне стоит приехать к тебе, чтобы рассказать все как есть?

– Нет, – ответила я. – Продолжай.

– Водолазы нашли корабельный сундук и вчера подняли его, – сказал он и, вновь помолчав, продолжил: – Сегодня его открыли.

Внезапно почувствовав тошноту, я опустилась на пол.

– И? – спросила я.

– Внутри были человеческие останки.

Я не ответила. Я стояла на коленях, глядя на дорожку соли. Увы, с опозданием до меня дошло, что зернистые пятна похожи на отпечатки

ног. Я задержала дыхание, как будто готовясь нырнуть в воду, и замерла, увидев, что соляной след ведет к лестнице черного хода.

– Джек? – прошептала я. – Кажется, у нас здесь проблема.

Я бросила телефон и закричала.

Глава 6

Я не знала, как я попала в квартиру Джека на Куин-стрит. Помню лишь то, как я сидела на кухонном полу в доме моей бабушки. Мои крики смолкли, но лишь потому, что мне не хватало воздуха – мою голову как будто сунули под воду. Должно быть, я потеряла сознание, потому что следующее, что мне запомнилось, это как Софи и моя мать помогли Джеку посадить меня в его машину. Мне также смутно запомнились фотовспышки и два фургона местных телестанций перед домом, застывшие в ожидании своей жертвы, словно стервятники.

Я лежала с пакетом льда на лбу на кожаном диване в квартире Джека, смутно осознавая, где нахожусь. Элегантная и со вкусом обставленная квартира Джека не переставала меня удивлять. У меня просто не укладывалось в голове, как такой человек, как Джек, которому ничего не стоило закинуть ноги на мой кофейный столик или оставить грязные тарелки на телевизоре, жил в квартире, которая выглядела так, как будто она сошла с обложки «Архитектурного обозрения».

Нет, конечно, здесь наверняка сказывались гены – его родители владели роскошным антикварным магазином на Кинг-стрит. И все же...

Из кухни доносились приглушенные голоса – голос самого Джека и чей-то мягкий женский. Я точно знала, что это не Софи и не моя мать. Потому что слышала, как они сказали Джеку, что если телевизионщики увяжутся за нами, они поедут в противоположном направлении. Я убрала пакет со льдом и подняла голову.

Ко мне подошла Амелия Тренхольм, мать Джека и одна из самых давних и близких подруг моей матери. Ее изящные манеры и миниатюрная фигура прекрасно вписывались в элегантную обстановку. Она села на диван рядом со мной и положила теплую руку на мой висок.

– Ты все еще немного горишь. Скажи, тебе уже лучше?

Я кивнула и попыталась сесть, но она положила руку мне на плечо и заставила снова лечь.

– Я хочу, чтобы, прежде чем снова попытаться встать, ты что-нибудь съела, хорошо?

За ее спиной, держа поднос с пончиками в шоколадной глазури, вырос Джек. Взяв один пончик, миссис Тренхольм завернула его в салфетку и передала мне. У меня тотчас заурчало в животе.

– Джек специально съездил и купил их для тебя. Сказал, что ты такие обожаешь. – В голосе Амелии слышалось сомнение. Откусив кусок пончика, я кивнула. Если честно, я зверски проголодалась.

Амелия улыбнулась и покачала головой:

– Ты копия матери. Смотрю, ты унаследовала ее аппетит, а также склонность обоих твоих родителей к сахару. Что, по-моему, несправедливо.

Я откусила очередной кусок, слишком голодная, чтобы возражать против сравнения меня с моей матерью.

Миссис Тренхольм откинула мои волосы назад.

– Репортеры уже толпятся у твоего дома и перед вашим офисом. Мы были вынуждены отключить твой мобильник, потому что от газет и телеканалов просто не было никакого житья. Ах, да! Дэвид Хендерсон звонил трижды. Сначала, чтобы поздравить тебя со свалившейся на тебя славой. Затем, чтобы убедиться, что на воротах дома на Легар-стрит есть вывеска «Продано. Бюро недвижимости Гендер-сона».

– А в третий раз?

Амелия поджала губы:

– Я не ответила. Именно тогда я выключила телефон.

– Разумно, – сказала я, откусывая очередной кусочек пончика и чувствуя себя уже гораздо лучше. – Но почему всех так волнуют человеческие останки, которые, очевидно, пролежали в сундуке с тысяча восемьсот восемьдесят шестого года?

Джек сел на подлокотник дивана рядом с моей головой.

– Потому что имя Приоло у всех на слуху. Но его часто можно услышать в том же предложении, что и слово «убийство». Посмотрим правде в глаза: кто бы ни был в этом сундуке, он попал туда не сам.

Чувствуя, что моя голова прояснилась, я села.

– Но ведь не я положила их туда.

– Нет, конечно, – согласилась Амелия. – Но ты одна из двух живых потомков того, кто мог это сделать. Репортерам интересно, известно ли тебе что-нибудь, и как только ты скажешь им, что ничего, и никаких новых зацепок не появится, они оставят тебя в покое.

– Вы действительно так думаете? – Хотя в детстве я довольно долго жила в других местах, все же, как истинная уроженка Чарльстона, я считала, что имя женщины может появиться в газете лишь трижды в ее жизни: в объявлениях о рождении, замужестве и смерти.

– Ты уверена? – спросила Амелия, переглянувшись с Джеком, после чего они оба посмотрели на меня.

– Что такое?

Джек положил руку мне на плечо:

– Мелли, ты точно ничего не знаешь? А как тогда предчувствие твоей матери и твой недавний контакт с бабушкой? И то, что случилось сегодня в ее доме? По всему полу было что-то рассыпано. По словам твоей матери, это было похоже на соль, но она понятия не имела, как эта соль туда попала. А у черной лестницы была лужа воды.

Я встретилась с Джеком взглядом, и по моему позвоночнику пробежала дрожь.

– Клянусь, я ничего не знаю. Думаю, моя мать знает больше, чем она готова признаться, так что лучше спросите у нее. – Я сглотнула, проталкивая в горло застрявший кусочек пончика. – Мне кажется, это связано с тем, что было в моем доме в тот вечер, когда там был ты и моя мать. Это запах – похожий на запах морской воды. Моя мать тоже его почувствовала.

Звякнул дверной звонок. Когда Джек открыл дверь, на пороге стояла моя мать, как будто знала, что мы говорим о ней.

– Как Мелли? – спросила она, когда Джек помог ей снять пальто. Как обычно не снимая перчаток, мать подошла к моему дивану. Амелия встала и поцеловала ее в щеку, после чего она заняла место рядом со мной. – Я волновалась за тебя.

У меня не было сил оспаривать очевидные факты.

– Со мной все в порядке. Просто я...

Ее затаенная в перчатку рука коснулась моей руки:

– Я знаю. Я видела.

Я посмотрела ей в глаза и впервые увидела не мать, на которую затаила обиду, а человека, который отлично понимал: тени, которые я видела, голоса, которые я слышала всю свою жизнь, были настоящими. Нелюбовь моего отца ко всему необъяснимому привела меня на путь отрицания, и вот теперь я смогла сойти с этого пути.

– У меня такое чувство... – сказала я, глядя ей в глаза, – что бы там ни было раньше, но призрак наверху лестницы, который я помню, был тем же самым, что и вчера. Но если судно пролежало под водой более ста лет, как он мог бывать здесь, когда я была маленькой девочкой?

Мать посмотрела на свои перчатки и, прежде чем взять меня за руку, осторожно их сняла. Я не отдернула руки, что, как мне кажется, удивило нас обеих.

– Да. Ты права. Он был там, еще когда я сама была ребенком. Но тогда это была лишь тень, точно так же, как когда там жила ты. Думаю, чтобы проецировать себя в нашу жизнь, ему требовался какой-то экстрасенс. Наверно, именно поэтому, после того, как дом был продан, никаких новых сообщений о призраках в нем больше не было. Но сейчас... – Она пожала плечами. – Боюсь, что находка останков вернула его обратно, но в форме, которая для подпитки энергией не нуждается в таких людях, как мы. Полагаю, именно это он – вернее, она продемонстрировала нам сегодня в кухне. Именно поэтому она последовала за тобой к тебе домой. Вряд ли она оставит нас в покое, пока не получит то, что ей нужно. Или пока мы ее не уничтожим.

Мы вновь посмотрели друг другу в глаза.

– Значит, по-твоему, они связаны? Твои сны и судно, которое поднимут с морского дна, и то, что, как мы всегда знали, обитает в доме бабушки, – все это взаимосвязано? И мы тоже?

Мать кивнула и отвернулась, но я успела заметить в ее глазах некую темную тайну.

– Что такое? – спросила я. – Чего ты недоговариваешь? – Я сжала ее руку. Мы обе одновременно поняли: я впервые за тридцать лет прикоснулась к ней. Я убрала руку и положила ее на холодную кожу дивана.

– Это все, что мне известно о призраке. Живя в этом доме, я избегала его. Так же, как и ты. – Она грустно улыбнулась. – Твоя бабушка, по всей видимости, знала больше, и что-то подсказывает мне, что, если мы хорошенько прислушаемся, мы услышим, что она пытается нам сказать.

Мы. Я не хотела, чтобы это маленькое слово так сильно повлияло на меня. И, возможно, я не должна была этого допустить. Нас с матерью связывали лишь наши экстрасенсорные способности. Я

привыкла работать с людьми как профессионал, мне было не обязательно их любить. Конечно, мне не составило бы особого труда сделать эту маленькую вещь – помочь матери изгнать духа. И затем, как после подписания контракта с клиентом, мы просто разошлись бы каждая своим путем.

Я села прямо, и Джек взял мою салфетку.

– Итак, ты хочешь, чтобы я помогла тебе прогнать этого призрака.

Мать подняла бровь. Кстати, она делала это постоянно.

– Вообще-то, это я помогу тебе избавиться от него. Похоже, он заиклен на тебе. – Она изящно пожала плечами. – А ты со своей стороны могла бы помочь мне с восстановлением дома на Легар-стрит после того, как я куплю его. Как сказала Софи, в основном это будет косметический ремонт, и он не потребует столько денег и сил, как в твоём собственном доме. Но я была бы признательна тебе за твои знания и советы, поскольку у тебя уже имеется собственный опыт.

Мою голову как будто сжали тисками. Как женщина, гордящаяся своей независимостью, я странным образом оказалась во второй раз за год загнана в угол.

Вперив взгляд в руки моей матери, я на миг задумалась. Одновременно боковым зрением я видела, как Джек и его мать пытаются делать вид, будто наш с ней разговор им неинтересен. Мать вернулась в мою жизнь недавно, но даже этого времени мне хватило, чтобы понять: она великий манипулятор. По всей видимости, эта черта была у нее в крови вместе со способностью видеть мертвых людей.

– Думаю, я смогу это сделать, – сказала я, пытаюсь сдержать улыбку. – Но я не могу взять на себя восстановление еще одного дома одна. Мне нужна помощь.

– Разумеется, – кивнула мать. – Я предполагала, что ты привлечешь свою подругу Софи и всех, кто еще помогал с твоим домом. Разумеется, я им всем заплачу. Я также попрошу Амелию помочь мне с мебелью. Вряд ли я оставлю ту, что сейчас в доме, она как будто из студенческого общежития.

На этот раз я улыбнулась. В моей голове родилась идея – идея, которая должна была стать идеальным возмездием за то, что моя мать добила своего.

– Вообще-то, я не подумала про Софи, но теперь, когда ты упомянула ее, – да, мне понадобится ее помощь. Я же подумала про

моего отца. Он восстановил сад на Трэдд-стрит. Уверена, он с удовольствием возьмется за это дело и на Легар-стрит.

Ее улыбки как не бывало.

– Сомневаюсь, что он...

– Это мое главное условие, мама. Или он участвует, или ты делаешь все сама. Твой выбор. Помнишь, что мы с Джеком избавились от зловредного призрака? Я уверена, что у нас получится сделать это снова. Но я сомневаюсь, что ты когда-либо восстанавливала дом самостоятельно.

Моя мама посмотрела на Амелию Тренхольм. Лицо матери Джека оставалось бесстрастным. Джек извинился и пошел принести из холодильника безалкогольное пиво.

Впрочем, я не стала мысленно похлопывать себя по спине в знак одобрения за точно нанесенный удар: какая-то часть меня отчаянно хотела, чтобы она сказала «да».

Джинетт снова повернулась ко мне:

– Что-то подсказывает мне, что я когда-нибудь горько пожалею об этом, но сейчас я не вижу иного выбора. Кроме того, если он будет работать в саду, мне не придется часто иметь с ним дело.

В ответ я, подражая ей, подняла бровь.

– Ну ладно, – сказала она, вставая и надевая перчатки. – Пусть будет так. А теперь, похоже, мы должны подготовить небольшое заявление для прессы, чтобы они поскорее убрались. Что-то в духе того, что мы ничего не знаем, и это правда. Мол, то, что произошло более ста лет назад, сегодня не имеет для нас никакого значения.

Джек протянул руку, помогая мне встать с дивана.

– Верно. И мы знаем, что это правда. – Он обнял меня, и я с благодарностью прильнула к нему. Мне тотчас вспомнился призрак маленького мальчика, который заставил нас разгадать тайну прошлого, чтобы вернуть доброе имя его матери.

Заметив руку Джека, мать снова оглянулась на меня.

– Я не сказала, что это правда, а только то, что я скажу прессе. – Она взяла сумочку. – Надеюсь, ты извинишь меня, если я не завершу эту сделку рукопожатием. – Джинетт на прощание поцеловала Амелию, и Джек открыл ей дверь. – Я позвоню тебе, – добавила она. – Я пока живу в отеле «Чарльстон-Плейс» на Митинг-стрит. И мне не терпится вернуться в родной дом.

Легкий испуг пробежал по моим жилам, словно песок в песочных часах, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее, подталкивая меня к неизвестному сроку.

– Я позвоню тебе утром, чтобы обсудить детали предложения.

– Хорошо. Спокойной ночи, Мелли.

Не в силах ответить матери теми же словами, которые я в последний раз сказала ей много лет назад, в ту ночь, когда она оставила меня, я посмотрела на Джека в надежде на его помощь.

Он распахнул перед ней дверь:

– Спокойной ночи, мисс Приоло.

Она одарила его теплой улыбкой. Я внутренне простонала. Мать вышла, и Джек тихо закрыл за ней дверь.

* * *

Хотя была суббота, я уже встала, приняла душ и к шести тридцати была одета и занята тем, что наводила порядок в ящике для белья, раскладывая его по цвету и стилю, когда внезапно раздался звонок в дверь. Не то чтобы у меня не было иных дел. Например, у меня все еще не был готов пакет документов на приобретение матерью дома, равно как предложения для двух потенциальных клиентов, да и моя машина нуждалась в мойке, а Генерала Ли, который в данный момент свернулся калачиком на моей подушке, следовало отвезти к собачьему парикмахеру. Но годы терапии научили меня, что лучший метод восстановить контроль над моей жизнью – это все разложить по полочкам. Увы, на прошлой неделе моя жизнь слетела так далеко от наезженной колеи, что я не была уверена, смогу ли когда-нибудь вернуть ее назад.

Я выглянула в окно, ожидая увидеть очередной фургон телевизионщиков, но моему взгляду предстал лишь красный кабриолет «Ауди». Несмотря на пророчества моей матери, ее заявления прессе лишь сильнее разворошили осиное гнездо СМИ. Репортеры роились вокруг меня, моего кабинета, моего дома и моей матери. Испытав их внимание на собственной шкуре, я даже прониклась сочувствием к Бритни Спирс.

Прижавшись лицом к окну, я прищурилась, пытаюсь разглядеть, что там есть дальше вдоль улицы, и заметила прямо позади «Ауди» «Порш» Джека. Дверной звонок звякнул снова. Сбежав по лестнице вниз, я на цыпочках подошла к двери. Сквозь матовое стекло я разглядела силуэты двух людей – мужчины и женщины. Я не была уверена, кто эта женщина, но мужчину угадала безошибочно.

– Джек? – спросила я, открывая дверь. – Сейчас всего шесть тридцать утра.

– Извини, – сказал он. Впрочем, никакого раскаяния на его лице я не заметила. – Должно быть, я забыл ключ в своей комнате. Но я знал, что ты не спишь. Не иначе как составляешь свои знаменитые таблицы срочных дел и вряд ли станешь возражать, если я тебя отвлеку.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но столь же резко закрыла, и не только потому, что Джек был близок к истине. Мой взгляд упал на белокурую женщину с ним рядом, и я удивленно уставилась на нее.

– Мелли, возможно ты помнишь...

– Ребекку Эджертон, – холодно сказала я. – Отлично помню. Кстати, она репортер.

– Да, – сказал он, жестом приглашая Ребекку войти первой. Он подышал на ладони, энергично потер их и быстро закрыл дверь, принеся с собой в вестибюль холодное дыхание улицы.

Я стояла, глядя на них в ожидании объяснений.

– Может, пойдем на кухню, и я приготовлю кофе, – предложил Джек. – А потом поговорим.

– Я только «за», – пискнула Ребекка. – Мы не спали всю ночь, так что порция кофеина мне не помешает.

Выгнув бровь, я одарила Джека коронным взглядом моей матери, затем повернулась и зашагала в кухню.

– Всю ночь?

– У меня с собой был сотовый телефон, Мелли. Если тебе что-то было нужно, тебе было достаточно мне позвонить.

– Мы просто наверстывали упущенное, – вмешалась Ребекка. – Джек и я не виделись несколько лет, и нам было что рассказать друг другу.

– Не сомневаюсь. – Я пошла в кладовую и вытащила большую банку кофе. Джек тотчас вырос рядом и забрал ее у меня.

– Садись, я сам, – тихо сказал он. – Не хочу, чтобы ты находилась рядом с чем-то похожим на оружие.

Я подчинилась, пусть даже лишь ради того, чтобы не давать Ребекке поводов, и, вытащив стул, села за кухонный стол напротив нее. Генерал Ли вошел на кухню, затем быстро подошел к столу и обосновался у ног Ребекки. Он даже наклонил голову, чтобы ей было легче почесать его за ушами. Одарив пса укоризненным взглядом, я снова повернулась к Ребекке:

– Итак, вы с Джеком встречались до того, как он познакомился с Эмили.

Ребекка слащаво улыбнулась.

– Да. А потом, после того как Эмили... ушла, мы потеряли связь. Предполагаю, что жизнь известного писателя не оставляет ему ни одной свободной минуты.

Джек положил в фильтр ложку кофе.

– О, это и другие вещи.

Он покосился на меня, и у меня в пальцах ног возникла неприятная щекотка.

– Это подводит меня к пониманию того, почему мы здесь. – Он включил кофеварку и сел к нам за стол. – Я думаю, что Ребекка может нам помочь.

– Помочь нам? – переспросила я. – В чем?

Я пристально посмотрела на Джека, игнорируя Ребекку.

Краем глаза я заметила, как она взяла Генерала Ли на колени, и что бы вы думали? Этот маленький четвероногий предатель лизнул ее в щеку!

– Очистить от призраков дом вашей матери, – сказала Ребекка.

Я всплеснула руками:

– Отлично, Джек. Осталось только раструбить на весь мир, что мы с матерью участвуем в шоу уродов! Знаете, у меня имеется деловая репутация.

Ребекка коснулась моей руки:

– Он доверился мне как другу, а не как репортеру, хотя я думаю, что мои связи также могут помочь.

– Спасибо, но нам не нужна помощь. Мы с Джеком уже добились в этом деле определенных успехов, а с помощью моей матери, думаю, мы решим эту проблему очень быстро. – Я отодвинулась от нее. Если

честно, мне было не по себе, и не только из-за ее близости, но также из-за того, что она была в курсе моих экстрасенсорных способностей.

Они отнюдь не были предметом моей гордости. Скорее – генетической причудой, вроде чьих-то вьющихся волос или оттопыренных ушей. Снискать славу женщины, которая видит мертвецов, было в лучшем случае чем-то унижительным.

Джек подался вперед, его взгляд был серьезен:

– Ты и вправду так думаешь, Мелли? Весь наш прошлый опыт свидетельствует о том, что сейчас мы имеем дело с совершенно другой игрой. Похоже, что оно – как бы мы его ни называли – обитает здесь уже давно, подкарауливая тебя.

Я сглотнула комок.

– Может быть. Но, как сказала моя мать, наших совместных усилий должно хватить для борьбы с ним.

Джек продолжал сверлить меня взглядом.

– Мелли, вы обе когда-то жили в доме с вашей бабушкой, и вам троим их не хватило. И это меня беспокоит. Не говоря уже о том, – он прищурился, – что твоя мать явно чего-то недоговаривает.

Та же самая мысль крепко засела в моей голове, словно муха, жужжа мне на ухо, но я упорно продолжала ее отгонять, отказываясь верить, что за этой историей кроется нечто большее. Что бы там ни думали другие, лично на меня потусторонние вещи наводили страх. Нет, конечно, я боялась не всех духов, а лишь тех, что звонили мне по телефону с угрозами и нападали на меня. То, что я видела их или общалась с ними, не делало их моими друзьями. Именно поэтому мне очень хотелось верить, что мы с матерью сможем очистить от них дом, так что особых поводов для беспокойства нет.

– Я не думаю... – начала я.

– Я уже сказала Джеку, – перебила меня Ребекка, – что все, что я в конечном итоге напишу о вашей матери, сначала получит ее одобрение. Я отдаю себе отчет в том, что ее экстрасенсорные способности, равно как и ваши, – это конфиденциальная информация, и я не предаю ваше доверие. Просто это одна из тех возможностей, которые могли бы помочь мне сделать карьеру. – Она с надеждой посмотрела на меня, и я в очередной раз поразила тому, сколь знакомым было ее лицо – и не только из-за сходства с Эмили.

– У Ребекки тоже есть дар, – добавил Джек. По лицу Ребекки было видно, что она предпочла бы, чтобы Джек этого не говорил. Но когда Джек посмотрел на меня, я поняла: он отлично знает, что она чувствует, но хочет, чтобы я все равно это поняла. – Правда, не такой сильный, как у тебя, – добавил он. – Она не видит мертвых, зато жутко точна в своих пророчествах.

Я молча посмотрела на Ребекку. Интересно: знала ли она о болезни Эмили и ее последующей смерти, но предпочла скрыть это от Джека? Мне также не давал покоя вопрос, чем вызвано ее повторное появление в жизни Джека – их прошлым взаимным романтическим увлечением или интересом Ребекки к моей семье?

Пальцы Ребекки веером лежали на деревянной столешнице – бледная кожа, ногти покрыты блестящим розовым лаком. Они тоже показались мне знакомыми.

– Это наша семейная черта. У моей матери, тети и бабушки тоже есть этот дар.

– Ребекка уже занялась исследованием, выясняя имена членов семьи и близких друзей, чтобы определить, кому может принадлежать найденное на судне тело. Ее источники были бы весьма полезны для вас.

Я откинулась на спинку стула, пристально глядя на Джека и пытаюсь понять, почему он так хочет, чтобы Ребекка нам помогла. Неужели это как-то связано с ее поразительным сходством с женщиной, которую он любил и потерял?

– И что вы уже узнали?

Ребекка самодовольно улыбнулась.

– Когда после ста тридцати шести лет под водой спасатели подняли подводную лодку «Ханли», там все еще были скелеты и жизнеспособная ДНК. С ее помощью удалось найти потомков членов экипажа. В данном случае можно будет, по крайней мере, определить, принадлежат ли найденные на судне останки вашему родственнику.

Ребекка вопросительно подняла бровь. Я едва не велела ей прекратить это делать, но вовремя поняла, насколько неуместно это было бы с моей стороны.

– Разница лишь в том, – продолжила она, – что тела членов команды «Ханли» занесло илом, что способствовало их сохранности. Думаю, что, помимо зубов и волос, исследователи также нашли

остатки мозговых тканей. Тело в сундуке сохранилось не так хорошо. После всех этих лет, что останки пролежали в теплой соленой воде, исследователям крупно повезет, если они найдут достаточное количество костей, чтобы собрать их воедино и определить пол и возраст. Имени жертвы это не даст, но информация, безусловно, позволит сузить список. И вот тут появляюсь я. – Ребекка умолкла, как будто ждала мою реакцию – дам ли я ей договорить или с ходу отмету абсурдное заявление, что она способна мне помочь. Даже Генерал Ли прекратил вылизывать себя и пристально посмотрел на меня, желая увидеть, что я буду делать.

– По крайней мере, – продолжила Ребекка, – я могу сузить список, выяснив годы жизни и связь с семьей Приоло. Я так основательно изучила вашу семью, что, вероятно, уже располагаю нужной информацией. – Она улыбнулась Джеку. Меня же так и подмывало сказать ей, чтобы она прекратила это делать. – Я поделюсь всем, что найду, с Джеком, чтобы он мог использовать это в своей следующей книге. Никогда не знаешь, – она многозначительно посмотрела на меня, – о чем он решит написать дальше. И если эта загадка окажется интригующей, думаю, из нее выйдет отличное продолжение истории Вандерхорста, над которой он сейчас работает.

– Неужели? – спросила я. Настала моя очередь скептически поднять бровь. – Вы двое уже говорили об этом?

– Не совсем, – сказал Джек.

– Да, – одновременно с ним сказала Ребекка.

Джек встал и начал наливать в наши кружки кофе. Я обратила внимание, что он добавил в кружку Ребекки сахар и сливки, даже не спросив ее. – Я лишь хотел сказать, что Ребекка упомянула об этом, и я непременно это учту. – Он принес три кружки к столу и поставил их перед нами. – Но я никогда бы не написал ни единого слова без твоего разрешения.

Я промолчала и даже подула на мой горячий кофе, чтобы нарочно протянуть время. Если честно, я была не в восторге от идеи работать с чужим человеком. С другой стороны, ее участие могло бы существенно ускорить процесс. А значит, моя мать могла бы быстрее переехать в свой дом, без моего длительного присутствия в ее жизни, и мне не нужно было бы входить в мой дом с дрожью в коленях, не зная, что меня ждет, да и Джек пробыл бы дольше рядом со мной. Не скажу,

чтобы он интересовал меня как мужчина. Просто он знал толк в расстановке мебели и мог прямо повесить картину.

Сделав глоток, я позволила вкусовым рецепторам получить удовольствие.

– В принципе, можно попробовать, – сказала я. – Посмотрим, что из этого выйдет. – Я сделала еще один глоток. – Но последнее...

Ребекка пристально наблюдала за мной.

– Если вам понадобится упомянуть о прошлой склонности моей матери гадать на вечеринках, назовите это интуицией. Мол, моя мать наделена неким «внутренним чутьем».

– Хорошо. Я могу это сделать, – сказала она после короткой паузы и, допив свой кофе, подождала, пока Джек выдвинет ее стул. Словно ребенка, прижимая к себе Генерала Ли, она встала и осторожно поставила его на пол. Вместо того чтобы подбежать ко мне, пес сел у ее ног. Мне показалось, что я прочла в собачьих глазах вызов. Я тоже встала – без посторонней помощи – и выразительно посмотрела на Джека. Но тот, похоже, был занят исключительно Ребеккой.

– Мне пора. Спасибо за кофе, – сказала она мне и повернулась к Джеку: – И спасибо за прошлый вечер. Я отлично провела время. Я позвоню тебе позже. – Она поцеловала его в щеку. Мне показалось, что поцелуй этот длился чуть дольше, чем нужно. Себя же я поймала за пристальным разглядыванием столешницы.

После того как Джек помог ей надеть пальто, она на миг остановилась в задумчивости.

– Вы уже были на чердаке в доме вашей матери?

Я отрицательно покачала головой:

– Это еще не ее дом. Мы пока только готовим документы. А в чем дело?

– Думаю, вам это не помешает. Предполагаю, что там полно старых вещей семьи Приоло, и наверняка найдется нечто, что вы должны увидеть. Например, портрет.

– И вам это известно... но откуда?

Джек оперся о стол:

– Ей снятся сны. Иногда полная бессмыслица, но иногда нет.

Ребекка кивнула:

– Верно. И я во сне видела на чердаке... нечто, не то картину, не то фотографию, и мне показалось, что она будет для вас что-то

значить.

Я с сомнением посмотрела на нее.

– Нам предстоит несколько осмотров дома. Я позабочусь о том, чтобы к чердаку был доступ, и пойду, посмотрю.

– Отлично, – сказала она и посмотрела на Джека. – Боюсь, я заблужусь в этом огромном старом доме. Вы не могли бы вывести меня?

– С удовольствием, – сказали мы с Джеком в унисон и повели Ребекку к входной двери. Я невольно улыбнулась.

Мы уже дошли до парадного крыльца, как вдруг я поняла, что у меня к ней есть еще один вопрос.

– Эта картина... или что там еще на чердаке. Что заставило вас подумать, что мне было бы интересно ее увидеть?

Она слегка прищурилась, глядя на меня. Ее голова при этом была слегка повернута вправо, как когда-то делала Эмили. Интересно, кто из них кому подражал?

– Потому что женщина на портрете – копия вы.

Что-то холодное коснулось моей шеи. Я повернула голову, чтобы посмотреть на Джека. Но он не сводил глаз с Ребекки, как будто тоже увидел призрака.

– До свидания еще раз, – сказала она. Впрочем, она явно не спешила уйти, как будто ожидая, что Джек пойдет вместе с ней. Я подобрала Генерала Ли, чтобы он тоже не увязался за ней.

– До свидания, – попрощалась я и захлопнула дверь, прежде чем она смогла сказать что-то еще.

Глава 7

Я, закрыв глаза, стояла в свете витражного окна в доме на Легар-стрит, видя внутренним взором лишь прекрасное окно и вспоминая, как выглядела комната, когда здесь жила моя бабушка. Я долго стояла в тишине дома, не решаясь открыть глаза, так как знала: стоит это сделать, как на меня обрушится лавина безвкусных принтов под зебру, психоделических оттенков и пластмассовой мебели.

Просто удивительно, как быстро владельцы приняли предложение моей матери. Перед подписанием сделки мы попросили разрешение осмотреть чердак, чтобы определить, есть ли там какие-либо семейные реликвии, которые мы хотели бы сохранить в доме. Когда владелец сказал, что это все рухлядь, мы несказанно обрадовались. Я не сомневалась, что мы найдем там целый склад антикварной мебели и бесценных произведений искусства. Именно поэтому я сейчас стояла в доме одна в ожидании матери и не решалась покидать пределы парадных комнат. Сначала я хотела подождать ее на улице, но температура резко упала, а я не горела желанием превратиться в ледышку. Мерзнуть я не любила даже больше, чем не любила зловредных призраков.

Из вестибюля донесся звук шагов. Я тотчас открыла глаза. Поступь была тяжелой, похожей на топот сапог. Я замерла в ожидании. И тотчас была вознаграждена стуком второй обувью в сапог ноги по ступеням лестницы. Я резко повернулась и быстро направилась в вестибюль, чтобы взглянуть на широкую лестницу. Я поняла, кто это, еще до того, как его увидела, – это был призрак моего детства, мой воображаемый друг и главный защитник. Помнится, отец сказал мне, что это лишь плод моего воображения, и в какой-то момент я даже поверила ему. Но в крошечном уголке моего сознания, где детские надежды липли, как сладкая вата, я знала, что он настоящий.

– Привет! – сказала я облаку пылинок, танцевавших, подобно искрящимся феям, в треугольнике света, что лился из окна над дверью. Я скорее ощутила его присутствие, нежели различила смутный силуэт высокого мужчины, прислонившегося к перилам из красного дерева. Я смотрела на него краем глаза, но никогда – прямо. Еще будучи ребенком, я уяснила для себя: если посмотреть прямо, то он уйдет,

оставив за собой лишь слабый запах пороха и назойливую мысль о том, что, возможно, мой отец все-таки прав.

– Сколько лет, сколько зим, – сказала я и кожей ощутила его улыбку. Металл звякнул о металл. Я тотчас представила, как его длинный мушкет коснулся больших медных пуговиц его темно-зеленого мундира. Я смутно различила треуголку, большие красные манжеты на его рукавах и черные кожаные гетры с блестящими пуговицами по бокам. Он вернулся, мой защитник. А может, он никуда не уходил. А еще мне подумалось, что он наверняка устал более двухсот лет носить свой мушкет.

Протянув ко мне руку, он начал спускаться по лестнице. Я слегка наклонила голову, пытаясь лучше его разглядеть, и замерла, чувствуя, как горят мои щеки. Хотя он не изменился за прошедшие годы, очевидно, изменилась я. Когда-то это был невидимый товарищ игр семилетнего ребенка. Теперь же моему взору предстал молодой и очень красивый солдат.

Я не сомневалась, что он наверняка всегда был красив, но теперь, увидев его глазами тридцатидевятилетней женщины, я отметила его рост и светлые локоны, что выбивались из-под шляпы. Его глаза казались почти черными, но я могла поклясться, что в них плясали озорные искорки. А еще в них была печаль – печаль, которой я не замечала, будучи ребенком, но, казалось, теперь была такой же неотъемлемой его частью, как и солдатская форма.

Он дошел до нижней ступеньки, и я почувствовала, как его рука коснулась моей руки. Но мне не было страшно. Рядом с ним я никогда не ведала страха. Все еще чувствуя на щеках жар, я подняла руку, но, услышав, как захлопнулась сначала одна автомобильная дверца, а затем другая, замерла на месте. Застигнутая врасплох, я повернула голову и посмотрела на него прямо. И тотчас осознала свою ошибку, увидев, как он исчезает, словно дымок от потухшей свечи.

Затем раздался звук быстрых шагов по дорожке, а в следующий миг распахнулась входная дверь. Положив руку в перчатке на дверную ручку, в дверном проеме стояла моя мать. Щеки ее были розовыми, глаза – ярко-зелеными. Их взгляд остановился на мне, и она нахмурилась.

– Почему этот человек здесь? Ты сказала, что он будет работать в саду и мне не придется с ним общаться. И почему?.. – Она умолкла. Ее

взгляд переместился за мою спину, туда, где только что был солдат. В ее широко открытых глазах читалось изумление.

Я обернулась и оторопела. Мой солдат стоял там – во плоти и крови. Его образ был настолько ясным и четким, что я могла разглядеть щетину на его подбородке и его густые ресницы. Похоже, он тоже был удивлен. Его растерянный взгляд остановился сначала на мне, а затем переместился на мою мать. Я была готова поклясться, что эти двое узнали друг друга. Солдат медленно поставил вперед одну ногу, снял с головы треуголку и, прежде чем полностью исчезнуть, отвесил ей поклон.

Впрочем, любые вопросы мгновенно застыли на моих губах, когда в дверном проеме, раздраженно нахмутив брови, вырос мой отец.

– И тебе доброе утро, Джинетт. Мы можем, по крайней мере, быть вежливыми друг с другом, не так ли? Или ты на своей сцене вознеслась так высоко, что считаешь ниже своего достоинства разговаривать с отцом твоего единственного ребенка?

– Мелли. – Мать попыталась закрыть за собой дверь, но отец шагнул вперед, не давая ей закрыться. – Будь добра, объясни своему отцу, что он должен работать в саду и что мне нечего ему сказать?

Все еще ошеломленная встречей с солдатом и мучимая вопросами, почему он выбрал именно этот момент, чтобы заявить о своем присутствии, я не сразу поняла, о чем говорят мои родители.

Не дожидаясь моего ответа, Джинетт повернулась к моему отцу:

– Думаю, что мы сказали все, что нужно было сказать, тридцать три года назад, и у меня нет ни малейшего желания возвращаться к одному из самых трудных периодов в моей жизни. Итак, – она скрестила на груди руки и капризно постучала по полу ногой, – почему бы тебе не вырыть яму в саду или что-то еще, а мы с Мелли займемся тем, ради чего пришли сюда?

К моему удивлению, отец улыбнулся своей коронной улыбкой, которую я помнила с детства – до того, как наша жизнь дала трещину, – улыбкой, в которой участвовали не только губы, но и глаза и которая всегда предназначалась исключительно для моей матери. После того как она ушла, улыбка эта ушла вместе с ней. Я представила, как она хранится на чердаке, упакованная в коробки вместе с другими остатками их брака, к которым он больше не имел желания возвращаться.

– Знаешь, ты сейчас даже красивее, чем раньше, Джинни.

Застигнутая врасплох, мать попыталась сдержать раздражение.

– Никто меня так больше не называет, – наконец заявила она. – Я предпочитаю Джинетт.

Он просто стоял там, улыбаясь.

– Но для меня ты по-прежнему Джинни Приоло, которая вскружила мне голову и украла мое сердце. Я слишком стар, чтобы думать о тебе иначе, кроме как о моей прекрасной Джинни.

Я старалась не улыбаться, вспомнив подобный разговор, который был у меня с Джеком, когда я пыталась убедить не называть меня кратким именем, которое дала мне моя мать. Я почти не сомневалась, что моей матери повезет не больше, чем мне с Джеком.

Ее подбородок дрогнул, а щеки покраснели еще больше. Неужели она способна краснеть?

– Не льсти мне, Джеймс. Я всего на два месяца моложе тебя, и мы оба прекрасно знаем, сколько мне лет.

Несмотря на ее слова, она все же продолжала смотреть на моего отца сквозь густые ресницы. При виде этого меня чуть не вырвало.

– Послушайте, вы двое. Думаю, я слышала достаточно. – Встав между ними, я выразительно посмотрела на отца, чтобы показать, что я не одобряю его разговоров с врагом. – Пап, может, ты все же выйдешь на улицу, осмотришься по сторонам и запишешь в блокнот свои идеи и примерные затраты на воплощение в жизнь предложенных тобой изменений.

Взяв отца за локоть, я повела его к двери.

– Пап, я позвоню тебе позже, и мы всё обсудим.

Я открыла дверь, и он вышел.

– Спасибо, папа. Поговорим позже.

Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но я так и не услышала, что именно, потому что я уже захлопнула дверь. Когда я обернулась, к матери уже вернулось самообладание.

Сняв пальто, она бросила его на одно из кресел-трансформеров, но перчатки оставила на руках.

– Пойдем на чердак, – сказала я, направляясь к лестнице. – Следуй за мной.

Она не спросила, почему мы пошли в обход, ведь куда быстрее было подняться по лестнице черного хода. Ей не нужно было это

спрашивать.

Поднявшись по лестнице на третий этаж, мы обошли холл, который огибал лестничный колодец, пока не вышли к двери, что вела на чердак. Однажды я уже была там с моей бабушкой. Чердак запомнился мне как место, где семья с чрезмерной склонностью к бережливости хранила ненужные, давно вышедшие из употребления вещи. Что-то вроде пастбища для старых кляч, только менее живописное.

Бабушка заглянула туда всего на полминуты, чтобы схватить напольный вентилятор для моей спальни, и тотчас вывела меня вон, прежде чем я успела снять хотя бы один пылезащитный чехол. Впрочем, я успела услышать какофонию голосов, которая, казалось, всегда сопровождала старые вещи. Схватив вентилятор, она вывела меня прежде, чем любой из голосов узнал меня и окликнул по имени.

Взявшись за дверную ручку, я постояла пару мгновений, думая о предстоящей задаче. Я постаралась направить все свои мысли внутрь себя, чтобы заблокировать все, чего мне не хотелось видеть или слышать. Мне не нужно было оглядываться назад, чтобы понять, что моя мать делала то же самое. Медленно повернув ручку, я начала подниматься по мансардной лестнице. Мать шла позади меня, ее рука в перчатке скользила вверх по перилам.

Бледно-серый свет, проникавший сквозь овальное окно на фасаде дома, мягко освещал призраки покрытой чехлами мебели и кучи разных вещей. Схватив нечто похожее на ножку стула, я расправилась с паутиной, которой были затянута все углы. Впрочем, древние ключья паутины лежали и на дорожках, которые кто-то когда-то проложил, передвигая мебель.

Вынув из сумочки предусмотрительно положенный в нее фонарик, я включила его, чтобы осветить в самые темные закоулки чердака.

– Нынешние владельцы не намерены брать с собой ничего из этого, так что, если тебе что-то нужно, ты так и скажи. В противном случае они просто наймут кого-нибудь, чтобы отвезти все это на свалку.

Крепко сжав перед собой руки, мать кивнула. Когда я была маленькой, я как-то раз спросила у нее, почему она все время носит перчатки, на что она ответила, что это потому, что у нее всегда мерзнут

руки. Повзрослев, я однажды дотронулась до шляпы в магазине винтажной одежды и увидела, как у меня перед глазами промелькнула чья-то жизнь. И тогда до меня дошло. Хотя со мной это случалось довольно редко, я сделала вывод, что с матерью это бывало довольно часто, раз она была вынуждена постоянно прикрывать руки. Мой отец этого терпеть не мог. Я хорошо помнила, как он не раз прятал ее перчатки.

Мы обе медленно огляделись по сторонам, рассматривая высвеченные лучом фонарика вещи. Здесь высились груды всевозможного хлама, какой обычно можно увидеть на гаражных распродажах, но было также немало мебели и прочих мелких вещей, вроде латунных каминных щипцов и утюгов, а также стопка картин у дальней стены под окном.

Я остановилась возле колыбели – совершенно целой, но с изъеденным молью детским одеяльцем внутри. Для человека сентиментального, питающего интерес к семейной истории и прошлому, такая вещь, вероятно, была бы ценна сама по себе, если не в финансовом отношении.

Я отвернулась и прошла мимо, радуясь тому, что я не принадлежу к числу тех заблудших душ, для которых воспоминания о давно умерших людях занимают первые строчки в списке приоритетов. Эти чокнутые тратили на приобретение старых домов невероятные суммы, а потом еще столько же на их восстановление. Я не могла точно сказать, во что из всего этого я по-прежнему верю, но это не имело значения. Свой дом я унаследовала, а значит, мое собственное презрение меня не касалось.

Видя, как смягчилось лицо матери, пока она осматривала осязаемые свидетельства истории ее семьи, я поспешила отвести взгляд, усомнившись в ее искренности. В конце концов, я была ее дочерью, но, видимо, не столь ценной для нее, чтобы в свое время она осталась со мной.

– Я хотела бы сохранить это все. Скажи владельцам, чтобы они ничего не трогали, я сама разберусь с этим позже.

Я кивнула и отвернулась, не в силах взглянуть на нее.

– Что это там? – Мать указала на большую прямоугольную раму возле стены рядом с деревянной вешалкой для шляп, где на одном из рожков болталась старая «федора», правда, уже без полей.

Я посветила фонариком туда, куда она указала, но увидела лишь обратную сторону позолоченной рамы. Подойдя к ней, я вспомнила слова Ребекки о том, что на чердаке есть какой-то портрет, который мне непременно нужно увидеть. Внезапно мне стало зябко. Я застыла на месте, и мне показалось, что я слышу, как кто-то шепчет мое имя.

– Ты что-то сказала?

Моя мать встретилась со мной взглядом и едва заметно покачала головой.

– Сосредоточься, – сказала она, когда мы с ней вдвоем подошли к раме.

– Подержи, – сказала я, протягивая ей фонарик. Затем потянувшись вниз, положила руки по обе стороны рамы, приподняла ее и, развернув, снова прислонила к стене. – Посвети мне.

Круг света танцевал на темной масляной краске, как будто живой. Я прищурилась и шагнула ближе, чтобы лучше рассмотреть. Меня словно магнитом тянуло увидеть то, чего я на самом деле не хотела видеть.

– О господи! – воскликнула мать сдавленным голосом. Я даже сразу не узнала этот голос.

– Что такое? – Я стояла слишком близко, чтобы разглядеть что-то в луче фонарика. Я отступила назад. Моя нога задела груды старых телефонных справочников и опрокинула ее, но я даже не обратила на это внимания. Мой взгляд был прикован к холсту у стены.

Это был портрет двух девочек, лет девяти и десяти.

На них были типичные платья конца девятнадцатого века – с высоким горлом и прямой юбкой – и черные кожаные ботиночки. У обеих были длинные каштановые волосы, перевязанные атласными бантами, и такие же челки, оттенявшие широко открытые карие глаза. Одна была чуть повыше другой, что заставило меня подумать, что это сестры с очень небольшой разницей в возрасте. Лишь присмотревшись к их лицам, я смогла различить отличия – высоту бровей, угол скул, форму подбородка.

Но больше всего различались свет в их глазах и ауры их личностей, запечатленные кистью художника. У более высокой девочки на губах играла легкая улыбка, как бы намекая на сдержанный смех по поводу только что прозвучавшей шутки. Ее глаза были

бесхитростны и смотрели прямо перед собой, как будто ей нечего было скрывать.

Вторая девочка тоже улыбалась, но не от радости. Это было больше похоже на улыбку человека, который сделал некую пакость, и это сошло ему с рук. Ее взгляд горел неким давним секретом, и я не была уверена, что хочу его знать.

Но еще больше, чем сходство девочек друг с другом, поражало их сходство со мной.

– Кто это? – спросила я мать, не сводя глаз с портрета.

– Понятия не имею. Я никогда не видела эту картину раньше. Должно быть, она всегда была на чердаке, потому что, насколько мне известно, она никогда не висела внизу. Это просто... – Кончики ее пальцев коснулись ее губ.

– Знаю. Они похожи на меня. И на тебя. Посмотри на линию волос той, что повыше; у нее такой же вдовый пик, как и у тебя. Выходит, они наши предки, верно?

Она кивнула.

– Но только не твоя бабушка – та родилась в тысяча девятисотом году. Может быть, ее мать. И я почти уверена, что моя бабушка была единственным ребенком.

Я опустила перед портретом на колени, чтобы разглядеть его лучше. Прищурившись и ругая себя за тщеславие, не позволившее мне положить в сумочку очки, я пристально посмотрела на двух девочек и на этот раз заметила нечто новое: в кружевах блузки более высокой девочки поблескивал какой-то предмет. Вытянув шею, я увидела маленький золотой медальон в форме сердечка. Шагнув еще ближе – так, что мой нос оказался почти прижат к холсту, – я разглядела букву М, выгравированную на золоте.

Поняв, на что я смотрю, мать поднесла фонарик к той девочке, что пониже ростом.

– На ней тоже есть медальон. – С упреком во взгляде она протянула мне фонарик, открыла сумочку, вытащила пару стильных очков для чтения и, надев их, слегка наклонилась вперед. – На этом есть буква R. – Она отступила назад и нахмурилась. – Как странно! – сказала она. – Мою бабушку звали Роуз, но я уверена, что у нее не было сестры или даже брата, если на то пошло. Я бы сказала, что эти

девочки вообще не родственницы, если бы не их странное сходство с тобой.

– Странное – это мягко сказано, – отозвалась я, пристально глядя на портрет. Мой взгляд переместился с девочек на фон позади них, и я вновь испытала странное ощущение, будто я должна знать, что передо мной, но я понятия не имела. Они стояли в тени огромного дуба, росшего на невысоком холме, за их спинами блестел большой водоем, а в углу портрета виднелся участок песчаного пляжа.

На дальнем фоне посреди ряда дубов высился белый особняк.

– Ты узнаешь дом? – спросила я, поворачиваясь к матери.

Ее лицо побледнело. В тусклом свете чердака она внезапно показалась мне такой же серой и прозрачной, как фотонегатив.

– Нет. Но океан...

Она осеклась и не добавила ни слова. Впрочем, в этом не было необходимости. Я тоже вспомнила затонувший корабль, на борту которого были найдены человеческие останки. И дорожку соли на кухне.

– Я знаю. Я подумала то же самое. Но что странно, так это...

Я почувствовала на себе пристальный взгляд матери.

– Вчера знакомая Джека, Ребекка Эджертон, – продолжила я, – сказала мне, что ей приснился этот чердак, и если я посмотрю, что там есть, то найду портрет или фотографию кого-то, кто похож на меня.

– Правда? – Мать выгнула соболиную бровь. – Значит, эта репортерша знакома с Джеком. Как интересно. Она постоянно оставляет мне сообщения. – Джинетт слегка прищурилась. – Она ему просто... знакомая?

Я нахмурилась. Странно, почему ее больше волнуют отношения между Джеком и Ребеккой, нежели ее психические способности. Конечно, для нас признать чьи-то экстрасенсорные способности было бы сродни волнению по поводу покупки кем-то новой зубной щетки.

– Старые друзья. Они встречались до того, как Ребекка познакомила Джека со своей подругой Эмили. Странно другое: то, как сильно Ребекка и Эмили похожи друг на друга. У меня такое чувство, что, возможно, Джек привязан к ней именно по этой причине.

– Ах, да! Эмили, невеста. Бедная девушка. Амелия рассказала мне, как Эмили бросила Джека перед самой свадьбой, не сказав ему, что она больна. – Мать покачала головой. – Джек узнал правду позже,

лишь после того, как она умерла. Что трагичнее всего. – Мать пристально посмотрела на меня. – Неудивительно, что его тянет к Ребекке. – Она похлопала меня по руке. – Но не переживай, Мелли. Я уверена: то, что он ищет в Ребекке, больше похоже на желание забыть Эмили, нежели на серьезные отношения. У него не было возможности попрощаться с ней, и Ребекка теперь дает ему такой шанс. Как своего рода суррогат.

Я отстранилась:

– Лично мне все равно, мама. Знай ты меня лучше, ты бы поняла, что мы с Джеком совершенно не подходим друг другу. Нас не связывают никакие отношения, даже если ты хотела бы их так назвать. Вернее, они чисто деловые. И как только он закончит свою книгу и ему больше не придется бывать в моем доме, я сомневаюсь, что когда-нибудь увижу его снова.

Игнорируя сомнение в ее взгляде, я схватила раму обеими руками.

– Будь добра, открой мне дверь, хочу спустить это вниз, чтобы осмотреть в лучшем свете. Кстати, Джеку тоже было бы полезно взглянуть. Вдруг он узнает, где это.

Улыбнувшись самой себе, мать обвела прощальным взглядом чердак и направилась к двери.

– Разве Джек не живет с тобой? – спросила она, когда я проходила мимо нее с картиной. – Ты могла бы забрать ее себе домой.

Устав держать картину, я поставила ее на пол.

– Во-первых, он не живет со мной. Он временно проживает под одной крышей со мной в гостевой комнате, потому что у него ложное впечатление, будто я нуждаюсь в его защите. Во-вторых, эта картина еще не принадлежит тебе, и унести ее из дома – значит совершить кражу.

– Пожалуй, ты права, – сказала мать, закрыв дверь чердака, и зашагала за мной по коридору. – Но что, если нынешние владельцы увидят картину и захотят оставить ее себе?

Мы обе как по команде оглянулись на мохнатый оранжевый ковер и виниловые вертушки, подвешенные к потолочным светильникам в коридоре.

– Не захотят, – сказали мы одновременно и направились к парадной лестнице.

Мы были уже на полпути, когда я вспомнила одну вещь, о которой хотела ее спросить. Я остановилась и, поставив картину на ступеньку позади себя, повернулась к ней.

– Раньше, когда ты приходила сюда, ты тоже видела солдата?

Мне было видно, что она колеблется. Как будто перед ее глазами что-то промелькнуло, словно порхнувший через комнату призрак.

– Да, – призналась она и продолжила спускаться вниз. Она шла передо мной, ко мне спиной, чтобы я не могла видеть ее лицо или прочесть ее взгляд, и я знала, что она сделала это нарочно. – Я видела его.

Я последовала за ней в фойе, где прислонила картину к столу.

– Я помню его с тех времен, когда здесь жила бабушка.

– Знаю. – Она засуетилась, надевая пальто и застегивая его затянутыми в перчатки пальцами. – Он был здесь и в моем детстве тоже.

Я в изумлении посмотрела на нее.

– Ты никогда не говорила мне.

Внезапно я разозлилась, осознав, как мало мы знаем друг о друге. А все потому, что в свое время она предпочла свободу.

– Верно. Не говорила, – тихо сказала мать. Она подняла было руку, чтобы коснуться моей руки, но тотчас убрала, зная, что я вновь отстранюсь. – Есть немало вещей, о которых я никогда не рассказывала тебе, и я об этом жалею. Но, возможно... – Она робко улыбнулась мне. – Возможно, теперь, когда я вернулась, у нас будет шанс поговорить о них. Чтобы лучше узнать друг друга.

У меня зазвонил телефон, и я так и не сказала ей, что она давным-давно упустила шанс снова стать частью моей жизни. Просто опоздала. Почувствовав, как на глаза мне навернулась слезы, я поспешила повернуться к ней спиной, чтобы ответить на звонок. Я не хотела, чтобы она видела, как я плачу.

– Я должна ответить, – сказала я, открывая мой телефон.

Она подождала и, когда я не обернулась, сказала:

– Я пойду. Сообщи мне подробности сделки.

Я кивнула и подождала, пока за моей спиной захлопнется дверь. И тотчас с опозданием поняла, что я так и не спросила у матери, почему солдат впервые явился мне во плоти и крови и почему я подумала, что это как-то связано с ее возвращением в Чарльстон.

Даже не посмотрев, кто мне звонил, я закрыла телефон. Мой взгляд вновь скользнул по портрету. С холста на меня смотрели две пары карих глаз, столь удивительно похожих друг на друга и на мои собственные. Но теперь, в более ярком свете, стали заметны и тонкие различия их оттенков. Я шагнула ближе и тотчас застыла в изумлении, поняв, что разрез глаз высокой девочки являет собой почти зеркальное отражение моего собственного.

В уголках старого дома возник слабый звук. Он пронесся сквозь штукатурку и деревянные балки – едва слышный плач, переросший затем в беспомощные детские крики. Я слышала их и раньше, еще девочкой, но до разговора с Ребеккой происхождение этого плача было для меня такой же загадкой, как и мой солдат.

Сглотнув комок, я шагнула к двери и, вспомнив еще одну вещь, которую я не знала о моей матери, вышла на улицу.

Глава 8

Завершив сделку по продаже дома на Легар-стрит, я вернулась домой совершенно обессиленной. Оформление документов не заняло много времени – я гордилась тем, что у меня все бумаги в идеальном порядке, исключая какие-либо накладки, – но атмосфера в комнате была малоприятной и жутко нервировала. Все за столом – разумеется, кроме меня, – похоже, считали, что если дочь выступает в роли риелтора собственной матери, то это очень мило и указывает на тесную связь. Улыбаться в течение часа сквозь стиснутые зубы оказалось куда более изматывающим делом, нежели пробежать марафон.

Не имея сил донести вещи до комнаты, я оставила их в вестибюле, а сама сбросила туфли. Те разлетелись по мраморным плиткам пола.

– Привет! – позвала я, услышав в другой части дома голоса.

– Мелани! Мы здесь.

Услышав голос Чэда Араси, я улыбнулась и проследовала в столовую. Чэд был мужской ипостасью богемной персоны Софи, вплоть до косички, которую он носил на затылке, и экологически чистого велосипеда, на котором он, будучи преподавателем музыки в колледже Чарльстона, ездил на работу и обратно. Он то и дело сыпал словечками вроде «чувак» и «круто» и, похоже, не возражал против странных нарядов Софи. Кстати, это была одна из главных причин, почему я пыталась свести их вместе с того самого дня, когда Чэд переехал в Чарльстон из Калифорнии и нанял меня в качестве своего риелтора.

Теперь он жил с Софи, разумеется, платонически, ибо, согласно Софи, их знаки зодиака были несовместимы для романтических отношений. Во всяком случае, так она заявила. Я же была почти уверена, что это в большей мере связано с ее независимым характером – и ее нежеланием рассматривать романтические отношения иначе, нежели как борьбу за власть. Взглянув на Софи и Чэда – оба в своих коронных «биркенстоках», они увлеченно обсуждали достоинства федерального и георгианского стилей, – я сделала мысленную заметку, что должна удвоить свои усилия.

Они стояли в большом дверном проеме между гостиной и столовой. Сами раздвижные двери, довольно перекошенные, были сняты и теперь лежали на двух отдельных верстаках, специально поставленных посреди пустой столовой.

– Привет! – сказал Чэд и, шагнув ко мне, поцеловал в обе щеки. – Мы тут спорили, в каком виде ты вернешься домой, не иначе как вся в крови и синяках. – Он притворился, будто осматривает меня на предмет травм. – И видя тебя целой, невольно задаемся вопросом: в порядке ли твоя мать?

Я вымучила улыбку:

– Очень смешно. Это было довольно... напряженно. Но теперь все позади. И надеюсь, что после того, как мы «очистим» ее дом, мне вообще не придется с нею видеться. – Притворившись, будто не заметила, как они выразительно переглянулись, я подошла туда, где на верстаках терпеливо лежали двери. – Как продвигаются дела?

Чэд покачал головой:

– Слишком рано говорить, если честно. Я пытаюсь найти подходящую древесину, чтобы сделать для обеих дверей клинья. Интересно посмотреть, что из этого выйдет. Возможно, придется также сделать накладки к нижней части. Нужно будет также поменять полозья и другие металлические детали, что тоже не дешево. – Он ослепительно улыбнулся. – Но мы с Софи уверены, что когда мы закончим, это будут не двери, а загляденье.

Я смотрела на несчастные двери.

– Не проще ли просто заделать проем и забыть, что они когда-то здесь были?

И Софи, и Чад посмотрели на меня с одинаковым выражением ужаса. Я лишь чудом не расхохоталась.

– Ладно, ладно. Делайте, что считаете нужным. – Я вздохнула. Конечно, находка тайника с бриллиантами, безусловно, помогла изыскать финансы на реставрацию, но временами мне начинало казаться, что для завершения этой работы не хватит даже всего содержимого Форта Нокс. Я опасалась, что буду вынуждена заниматься продажей недвижимости до глубокой старости, чтобы содержать себя и этот дом. Иногда меня посещала странная мысль, что мне даже нравится восстанавливать дом. Правда, стоило мне получить от Софи очередной счет за материалы или труд орды рабочих, нанятых

ею для выполнения различных работ, как меня начинали посещать сомнения, а мои мысли склонялись к зажженной спичке или иному ускорителю процесса.

Поймав себя на том, что, войдя, я не услышала собачьего лая, я огляделась по сторонам.

– А где Генерал Ли?

Софи пристально посмотрела мне в глаза:

– Джек и Ребекка взяли его на прогулку.

– Кто? – Не знаю даже, что удивило меня больше – то, что Ребекка выгуливала моего пса, или то, что Чэд и Софи, похоже, уже были с ней в приятельских отношениях.

– Потому что Софи сейчас здесь, малыш весь день просидел взаперти на кухне, – пояснил Чэд, – и они подумали, что прогулка будет ему полезна.

– Они? – переспросила я, отказываясь понять, как Джек и Ребекка могут гулять с моей собакой.

Чэд туже затянул свою косу.

– Сначала с ним пошел один Джек, но, когда он собрался выйти из дома, пришла Ребекка, и они пошли вместе.

Слегка смягчившись, я кивнула.

– Что еще нового? – нерешительно спросила я, боясь услышать ответ Софи. Ее ответы всегда обходились мне как минимум в тысячу долларов и столько же часов труда в поте лица.

И вновь эти двое переглянулись. Софи тотчас улыбнулась своей самой жизнерадостной улыбкой, чем напомнила мне медсестру, которая, прежде чем всадить вам в руку огромную иглу, просит немного потерпеть.

– Пора поговорить о переделке полов. Знаю, я уже говорила тебе, что это можно сделать постепенно, комната за комнатой, чтобы доставить тебе как можно меньше неудобств. Но, подумав и хорошенько это обсудив, мы с Чэдом пришли к выводу: это займет в два-три раза больше времени, так что лучше сделать их все сразу.

Я посмотрела на них обоих, готовая к тому, что в меня сейчас вопьется большая игла.

– Ладно. Уговорили. Просто дайте мне знать, когда, и я возьму пару дней отгулов, чтобы помочь.

Они снова переглянулись. Я невольно вздрогнула, поняв, что игла готова и вот-вот вопьется в меня.

Чэд счел своим долгом вмешаться:

– Это здорово, что ты готова помочь. Софи хочет, чтобы все было сделано вручную, поэтому чем больше будет задействовано людей, тем лучше. Но, боюсь, это займет больше чем пару дней.

– Например, три или четыре? – предположила я с надеждой в голосе.

– Не совсем. По нашим прикидкам, около месяца. Если не больше. Это большая работа. Придется вынести всю мебель, какая есть в доме, чтобы она не пострадала в процессе циклевки. Затем поверх этого надо будет наложить пару слоев морилки, а затем воск. Запах может быть довольно противным... – Чэд умолк. Впрочем, услышав слово «месяц», я прекратила его слушать.

– Вы хотите сказать, что мне нужно уехать из дома на целый месяц, а может, и больше.

Оба как по команде синхронно кивнули, этакая пара болванчиков.

– Бинго! – воскликнули они в унисон. И, посмотрев друг на друга, добавили: – Ура! – и расхохотались.

Меня бы точно вырвало, если бы голос за моей спиной не произнес:

– Ты можешь пожить у меня.

Узнав голос Джека, я обернулась: передо мной стояли он и Ребекка с Генералом Ли на руках. От меня также не скрылось, что, увидев меня, пес даже не подумал вырваться от нее.

– Не смей меня, Джек. Через неделю или около того я перееду в мой новый дом. А поскольку в некоторых ремонтных работах мне потребуется помощь Мелани, ей есть смысл просто переехать в свою старую комнату.

Я не сразу заметила мать. Должно быть, она вошла сразу вслед за Джеком и Ребеккой, и услышала его предложение.

– Я не... – начала я.

Софи даже подпрыгнула от восторга.

– Блестящая идея! Таким образом, ты всегда сможешь помочь мне и своей матери со всей... работой, какую необходимо выполнить в доме.

Думаю, пауза перед словом «работа» была сделана неслучайно, и я оценила осторожность Софи перед Ребеккой. Я нахмурилась. Сказанное ею имело смысл. Но я была отнюдь не в восторге от перспективы переехать в дом матери – и не только потому, что нам с ней придется жить под одной крышей.

– Но я не думаю, что я... – Мне снова не дали договорить. На этот раз это сделал Джек.

– Она права. Это имеет смысл. Ты будешь достаточно близко к дому, чтобы следить за ходом работ, а также всегда будешь на месте, чтобы помочь матери... с ее заботами.

В ужасе от их предложений я попыталась обрести голос и любые слова, способные переубедить эту толпу.

– Я не хочу навязываться матери. Меня вполне устроит отель. Честное слово.

Я тотчас почувствовала на себе укоризненный взгляд четырех пар глаз. Пяти, если считать Генерала Ли.

– Ты не навязываешься, Мелли. Ты будешь мне помогать. – Лицо матери приняло умоляющее, но не слишком жалкое выражение. – Как ты знаешь, я не так молода, как раньше. Перевезти все вещи из другого штата, плюс нервотрепка, связанная с ремонтом, – одной мне такое не по силам. И, – добавила она с ноткой ликования в голосе, – это дало бы нам время спланировать вечеринку в честь твоего сорокалетия.

Ребекки сделала большие глаза.

– Я понятия не имела, что вам уже столько лет. – Ее длинные ресницы затрепетали, щеки вспыхнули. – Извините. Я не это имела в виду. Я хотела сказать, что вы выглядите очень молодо.

Все больше заливаясь краской, она закрыла глаза и больше ничего не сказала, опасаясь или будучи не в состоянии вырыть себе более глубокую яму. Я тотчас увидела для себя возможность сменить тему.

– Мама, – сказала я. – По-моему, ты еще не знакома с Ребеккой Эджертон. Она готовит о тебе материал для местной газеты. Ребекка, это моя мать, Джинетт Приоло.

Выгнув одну бровь на манер оперной дивы, мать протянула затянутую в перчатку руку.

– О да. Если не ошибаюсь, мы кратко поговорили один раз. И с тех пор вы оставили мне несколько сообщений. Как приятно

познакомиться с вами лично. – Она даже не извинилась за то, что не ответила на сообщения.

– Взаимно, – сказала Ребекка, осторожно беря протянутую руку. Вид у нее был жалкий, учитывая, что она лично неким образом организовала эту встречу со своей жертвой.

Мать повернулась ко мне.

– Мелани, может быть, сорок, но она с каждым годом становится все красивее, не так ли, Джек? – Мать с улыбкой повернулась к Джеку.

– Как лак на старинной мебели, – ответил он, улыбаясь. – Лишь красивее и с приятным блеском.

Я сердито посмотрела на него – не скажу, что сравнение со шкафом пришлось мне по душе, – а затем повернулась к матери. Будь комментарий не от нее, а от кого-то еще, я бы ее обняла. Вместо этого, чувствуя на себе ее взгляд, я отвернулась. Я знала, она ждет ответа. Я невольно ощутила себя человеком, который только что рассказал маленькому ребенку правду о Санта-Клаусе.

Обняв меня за плечо, Джек наклонился к самому моему уху. Его дыхание ощущалось на моей голой шее легким покалыванием.

– Не переживай, Мелли. Это лишь на короткое время. Если я вдруг тебе понадобится, звони, и я тотчас примчусь на твое спасение.

Мой взгляд проделал путь от моей матери к Джеку и обратно. Миссис Тренхольм однажды сказала мне, что, по ее мнению, Джек способен очаровать кого угодно. Не знаю, что это было – комплимент в адрес сына или предупреждение в мой. В любом случае она была права. Этот хитрец Джек Тренхольм умел заставить меня делать то, чего мне не хотелось.

Я медленно выдохнула сквозь стиснутые зубы.

– Ладно, – сказал я. – Уговорили. Какнибудь потерплю один месяц.

Софи смущенно попереминалась в своих «биркенстоках» и исподтишка обменялась взглядом с Чэдом.

– Месяц – это по нашим первоначальным прикидкам. Всегда есть вероятность, что на самом деле на это уйдет больше времени. Например, если на улице ливень, высокая влажность задержит высыхание досок под слоями морилки и герметика. Как ты понимаешь, мы бессильны что-либо с этим поделать, но это может существенно увеличить срок.

– Можешь жить у меня столько, сколько тебе нужно, Мелли. Мой дом всегда открыт для тебя. – Мать улыбнулась, и я поспешила отвести взгляд.

Я тотчас представила себя в бочке, летящей к огромному водопаду, и я ничего не могла с этим поделать.

От ответа меня избавил писк Генерала Ли, а затем он сам выбежал ко мне из вестибюля. Я подняла его и внимательно осмотрела. Убедившись, что с ним все в порядке, я вышла из комнаты в вестибюль и увидела там Ребекку. Она забрела туда, пока остальные уламывали меня переселиться к матери.

Она поела взглядом портрет двух девочек. Я привезла картину к себе на временное хранение, пока предыдущие жильцы дома на Легар-стрит вывозили свои вещи. Портрет стоял, приставленный к недавно оштукатуренной стене вестибюля. Мне не раз хотелось повернуть его лицом к стене, лишь бы не ощущать на себе взгляды двух юных барышень, смотревших на меня с холста. Услышав мои шаги, Ребекка подняла голову.

– Извините. Должно быть, я слишком сильно его обняла. Просто... – Она указала на картину. – Точно такая же приснилась мне в моем сне..

– Что такое? – Джек подошел ближе и положил ей на плечо руку. Я тотчас мысленно отругала себя за то, что позволила раздражению по поводу этого небольшого контакта взять надо мной верх.

Держа пса на руках как своего рода экран между мной и картиной, я шагнула ближе и повернулась к Джеку:

– Я не успела показать тебе, что мы с матерью нашли на чердаке дома на Легар-стрит. Мы не знаем, кто эти девочки, но обстановка кажется смутно знакомой. Хотела спросить у тебя, знакомы ли тебе их лица или обстановка.

Внимательно изучив картину, Джек медленно покачал головой:

– Я определенно вижу семейное сходство. Но опять-таки... – Он, прищурившись, посмотрел на меня и помолчал. – Я не уверен.

– Посмотрите, – сказала Ребекка, указывая на медальон, спрятанный на груди у высокой девочки. Ее указательный палец дрогнул. Она быстро убрала его в кулак, как будто не хотела, чтобы кто-то это заметил.

– У них у каждой по медальону, – сказала я, пристально на нее глядя. – Вы что-то узнаете? Например, дом?

Ребекка ответила не сразу:

– Нет. Ничего. Просто это так поразительно.

Она присела на корточки, чтобы разглядеть картину ближе, как я до нее, но я засомневалась, что причиной тому слабое зрение. По моим прикидкам, она была лет на пять моложе меня. Я машинально посмотрела на ее пробор, не блеснет ли в ее волосах седина. И не увидела ни одного седого волоска.

Джек поднял свой мобильник и сделал снимок.

– Хочу показать это Ивонне Крейг в Историческом обществе. Я ничего не узнаю на этой картине, но вдруг узнает она.

Я тотчас вспомнила нашу встречу с Ивонной, когда мы с Джеком занимались разгадкой тайн моего дома на Трэдд-стрит. Признаюсь честно, я немного ревную ее: Джек всякий раз произносит ее имя с удивительной нежностью и проводит в ее обществе огромное количество времени. Лишь познакомившись с ней – в комплекте с палочкой и ходунками, – я поняла, что Джек нарочно водил меня за нос и что мисс Крейг годилась ему в бабушки.

– Мне можно с тобой? – спросила Ребекка, широко раскрыв голубые глаза.

Я только что хотела спросить то же самое, но теперь промолчала. Тащиться вместе с ними в роли третьего колеса вдохновляло ничуть не лучше перспективы целый месяц прожить вместе с матерью.

Джек вернул телефон в карман и посмотрел на меня. Я уже приготовила вежливый способ отклонить его предложение составить им компанию, когда он сказал:

– Думаю, тебе лучше остаться и начать собирать вещи для переезда к матери. С радостью помогу перевезти их, когда у тебя все будет готово.

Я ощутила себя воздушным шаром, из которого сначала убежал весь воздух, а затем его переехал грузовик. Дважды. Я заставила себя улыбнуться.

– Я как раз собиралась сказать то же самое.

Чэд и Софи извинились и вернулись к созерцанию раздвижных дверей. Я проводила остальную часть компании к входной двери.

– Позвони мне, если что-то узнаешь, – сказала я Джеку.

Ребекка вручила моей матери свою визитку. Мать, поколебавшись, приняла ее.

– На тот случай, если вы удалили мои сообщения на автоответчике, – сказала Ребекка. Ее взгляд не выдавал никаких эмоций. – Очень хотелось бы договориться о времени и взять у вас интервью.

Джинетт изящно пожала плечами:

– Боюсь, что в ближайшее время это невозможно. Я должна вернуться в Нью-Йорк. Надо выставить на продажу квартиру, а затем собрать все вещи. Но я непременно позвоню вам, как только улажу все свои дела.

На лице Ребекки не дрогнул ни один мускул.

– Понимаю. Время от времени я буду звонить, чтобы проверить, как там ваши дела.

– Безусловно, – ответила моя мать. Меня так и подмывало поднять руку и показать ей, какая она молодчина.

Джек и Ребекка ушли, а моя мать задержалась в дверях.

– Я не в восторге от этой Ребекки, – сказала она, когда они были вне пределов слышимости.

– Мама, поверь, мне плевать, что там у нее с Джеком. Он свободен и имеет право оказывать знаки внимания кому угодно.

Она снова посмотрела на портрет.

– Вообще-то я имела в виду не ее отношения с Джеком, хотя, мне кажется, что мой внутренний голос не обманывает меня и здесь. – Она пристально посмотрела на меня. – Я имела в виду ее интерес к нашей семье. Она напоминает мне стервятника, парящего над тонущим судном.

– А по-моему, она безобидна. Она может копать все, что захочет, ведь это не имеет ко мне никакого отношения. Мне нечего скрывать.

– Неужели? – Мать скептически выгнула бровь.

Всего одно слово, зато как она его произнесла! Сколько чувства, сколько недосказанности. Не удивительно, что она снискала такой колоссальный успех на сцене. Я посмотрела ей в глаза.

– Что ты от меня скрываешь? Что за тайна, какую ты не хочешь, чтобы я знала? Тебе что-то известно о моем прошлом или прошлом нашей семьи, например, чье тело было найдено на этом судне, – о чем

Ребечке лучше не знать? Потому что, если ты что-то знаешь, скажи мне. Я готова ко всему.

Не сводя с меня взгляда, она медленно покачала головой.

– Я знаю ровно столько же, сколько и ты. Поверь. Думаю, нам просто нужно во всем разобраться и понять это вместе.

Она говорила так убедительно, что я была готова поверить ей, не напомни я себе, какая она замечательная актриса. Большинству людей невдомек, что оперные певцы не только должны иметь хороший голос, но и владеть актерским мастерством – хотя бы для того, чтобы воплотить в действие то, что они поют на итальянском или немецком, или на каком еще там. По понятным причинам я не была фанатом оперы, но я знала об этом жанре достаточно, чтобы не принимать за чистую монету слова моей матери, когда она, глядя мне в глаза, что-то отрицала.

Вспомнив, как накануне в пустых комнатах старого дома слышался детский плач, я была готова поклясться: мать скрывала от меня, по крайней мере, одну вещь.

– Ребечка рассказала мне о твоём выкидыше. Зря ты утаила это от меня. Не хочу, чтобы меня снова застали врасплох.

Мать вскинула подбородок, но ответила не сразу.

– Не было подходящей возможности, – помолчав, произнесла она. – Когда это произошло, ты была слишком мала, чтобы понять, я же не хотела тебя расстраивать.

На меня накатилась волна обиды и разочарования, словно пролитое молоко, смешанное с осколками стекла. Впрочем, и то и другое остались в прошлом, так что оплакивать их было уже поздно.

– Меня расстраивать? И бросить меня без видимой причины, даже не попрощавшись? Это, по-твоему, было менее обидно?

Она пристально посмотрела на меня. Я поймала себя на том, что стою затаив дыхание в надежде, что она наконец скажет мне то, что мне так хотелось услышать. Вместо этого она повернулась и, пощекотав мне щеки ворсинками своей шубки, шагнула в открытую дверь. Она остановилась в дверном проеме, правда, спиной ко мне.

– Мы должны сделать это вместе. Даже если кто-то поможет нам, все зависит только от нас двоих. – Она плотнее укутала воротником шею. – Меня не будет около недели. Ты можешь в любое время

переехать ко мне, но я подозреваю, что ты захочешь дождаться, пока я вернусь.

Я лишь молча проводила ее взглядом, пока она спускалась с крыльца. Она обернулась и посмотрела на меня.

– До свидания, – сказала она.

Я не ответила. Это слово опоздало на тридцать три года.

Глава 9

Я сидела, уставясь в экран компьютера, в моем кабинете – проверяла новые объявления и делала заметки, – когда в переговорном устройстве раздался голос Нэнси Флаэрти:

– У тебя посетитель, Мелани.

Я была готова поклясться, что она улыбается. Ее согласные стали мягкими, словно ватные шарики, выпавшие из вялых губ на подушку. Вздохнув, я нажала кнопку, чтобы ответить.

– Встреча с Джеком не планировалась, так что ему придется подождать. Скажи ему, чтобы он немного остыл. Я выйду, как только освобожусь.

– Вот уж не думал, что мне нужно заранее договариваться о встрече, Мелли, ведь мы практически живем вместе.

Услышав в дверях голос Джека, я как ужаленная вскочила со стула и одновременно швырнула через всю комнату очки.

– Ты напугал меня, – сказала я, пытаюсь вернуть себе самообладание.

Сияя фирменной улыбочкой, он прошел через весь офис и подобрал с пола мои очки.

– Я заметил, – сказал он, возвращая их мне. – Думаю, это ваши.

Я посмотрела на них так, словно видела их впервые, как будто они не сидели у меня на носу всего несколько секунд назад.

– Да. Похоже, это они.

Взяв из его протянутой руки очки, я бросила их в ящик стола.

– Вообще-то, они скорее модный аксессуар. Кто-то сказал мне, что в них я выгляжу более профессионально.

Джек посмотрел на меня с противной ухмылкой, до боли мне знакомой.

– Ты красивая женщина, Мелли. В очках или без них.

Его слова возымели эффект, противоположный тому, на который он рассчитывал. Моя уверенность в себе вылетела в окно.

– Джек, признавайся, что тебе нужно?

Он сел напротив моего стола и вытянул длинные ноги.

– Что заставляет тебя думать, что мне что-то нужно?

– Потому что перед тем, как о чем-то меня попросить, ты становишься жутко любезным.

Мои слова явно его задели.

– Я всегда любезен с тобой.

На первый взгляд так оно и было. Но его любезность всегда вынуждала меня делать то, чего я не хотела делать.

– Выкладывай, Джек. Чем раньше я скажу тебе «нет», тем раньше ты уйдешь, и я смогу вернуться к работе.

– Тогда ладно. Я хотел узнать, не захочешь ли ты сегодня совершить путешествие?

– Сегодня? – Я с опаской посмотрела на свой стол: на аккуратный список дел и стопку розовых телефонных сообщений, на которые я все еще не ответила.

– Да, сегодня. Прямо сейчас, если на то пошло. Если поехать прямо сейчас, времени у нас будет более чем достаточно. Я бы привез тебя домой к девяти вечера, и ты вовремя ляжешь спать.

Я не была уверена, что было причиной озорных искорок, плясавших в его глазах, – то ли забота о моем сне, то ли возможность отправиться в путешествие. Вспомнив, как накануне он отшил меня, когда взял с собой Ребекку навестить в историческом архиве Ивонну, я принялась судорожно придумывать повод для отказа. Увы, мой язык меня опередил:

– Куда?

– В Ульмер.

– Ульмер? – Название показалось мне незнакомым. – Кажется, так звали твоего дядю?

Джек хитро улыбнулся. Ямочка на еще щеке мгновенно возымела совершенно ненужный мне эффект на мое кровяное давление.

– Нет. Я имел в виду Ульмер, штат Южная Каролина. Вернее, одно место с ним рядом. Это в паре часов езды от Чарльстона по триста двадцать первому шоссе.

Я нахмурилась, вспомнив прошлые поездки, которые я некогда совершала с друзьями по университету в семейные охотничьи домики или реставрированные фермы их родителей. Это были вторые дома, которые использовались для семейных встреч и праздников. Здесь всегда были рады друзьям, которым было больше некуда податься и которых иногда жалели.

– Триста двадцать первое шоссе – это та самая дорога, что пересекает кучу болот и где единственный признак цивилизации – это рекламные щиты, которые рекламируют приманку для оленей и червей для наживки?

– Она самая.

– Тогда зачем нам туда нужно? – Увы, я слишком поздно поняла, что вместо слова «ты» произнесла «мы» и что Джек уже зацепил меня на крючок – осталось лишь намотать леску на спиннинг и швырнуть меня на палубу.

По его лицу промелькнула самодовольная улыбка:

– Чтобы навестить двухсотлетнюю плантацию, где на стенах висят старые семейные портреты, которые, как мне подумалось, нам стоит посмотреть.

Монитор моего компьютера переключился на экранную заставку – бегущую строку, гласившую: потерянное время – это потерянные продажи! Это тотчас напомнило мне, сколько времени я уже потеряла, разговаривая с ним.

– С какой стати я должна хотеть посмотреть чьи-то старые семейные портреты? – раздраженно спросила я. – И вообще, ждут ли в этой глуши туристов?

– Если честно, то нет. Это частный дом, и он до сих пор принадлежит семье, которая приобрела его еще в тридцатых годах прошлого века у потомков строителя. Да, я предлагаю поехать туда. Потому что, когда я показал Ивонне снимок портрета двух девочек, который вы нашли на чердаке в доме вашей матери, она сказала, что мне нужно непременно туда съездить.

Заинтригованная, я села прямо.

– Зачем?

– В ее архиве не нашлось ни одного изображения, но она несколько раз бывала в том доме, чтобы каталогизировать его содержимое, и хорошо помнит портрет. На нем изображена молодая девушка, и на ней тоже есть медальон. Ивонна считает, что он очень похож на тот, который есть у девочки на твоём портрете.

– Насколько похож? – осторожно спросила я.

– Похож настолько, что мне необходимо бросить все и поехать с тобой в другой конец Южной Каролины.

Я снова посмотрела на заваленный бумагами стол, на документы, что тоскливо ждали, когда я за них возьмусь; а монитор компьютера как будто даже смерил меня укоризненным взглядом.

– Я не уверена, что я...

– Мелли?

Наши взгляды встретились. Я обратила внимание, что темно-синий свитер под его кожаной курткой был того же цвета, что и его глаза.

– Да? – нерешительно отозвалась я.

– Ты когда-нибудь прогуливала уроки?

Я покачала головой. Джек вздохнул.

– Я так и знал. Ты пока приберись здесь, а я пойду схожу за твоим пальто. Встретимся в холле.

Он вышел прежде, чем я смогла возразить. Хотя, кто знает, может, я слишком долго ждала, чтобы с ним спорить. В любом случае не хотелось заставлять его ждать весь день, поэтому я покорно привела в порядок свой стол, выключила компьютер и вышла из кабинета. Впрочем, один разок вернулась, чтобы забрать мои очки и бросить их в сумочку.

Мы поехали на «Порше» Джека – он сказал, что так будет быстрее. Я согласилась, но только после того, как он убедил меня, что у него есть подушки безопасности и антиблокировка тормозов.

Джек наотрез отказал мне в моей просьбе заехать в закусочную, купить картошки фри и коктейль, чтобы поесть в машине. Правда, пообещав, что мы поедим где-нибудь в придорожном кафе, но только не в салоне его авто, он нажал на газ, и мы по шоссе № 26 покатали на запад.

Я предпочла не смотреть на спидометр и комментировать скорость, зато взяла в свои руки кнопку радио. Найдя радиостанцию, которая целый час крутила мою любимую «АББА», я откинулась на кожаное сиденье. И правда, можно ли желать от жизни чего-то большего?

Во время рекламных пауз мы болтали о его родителях, о том, как идет восстановление моего дома и его работа над новой рукописью, ради которой он днями сидел на моем чердаке, просматривая документы предыдущего владельца. Джек умело обходил любые упоминания о моей матери, за что я была ему благодарна. Впрочем,

вскоре мне в душу закралось подозрение, что это явно неспроста. Я уже собралась спросить его вслух, когда зазвонил его сотовый.

Чтобы ответить, он нажал кнопку на приборной панели, и в салоне раздался голос звонящего.

– Привет, Джеки. Ты где? Я сижу возле твоей квартиры с пакетом ребрышек из «Липких пальцев» и бутылкой вина.

Узнав голос Ребекки, я отвернулась и посмотрела в боковое окно. Джек взял наушник и вставил в ухо. Теперь мне была слышна лишь его сторона разговора.

– Я сейчас еду в Ульмер. Хочу взглянуть на картину, о которой рассказывала Ивонна. Буду дома к девяти.

Я заметила, как он умолчал о том, что он не один. Я закрыла глаза, слушая «Ватерлоо» и делая вид, что их разговор мне неинтересен.

– Мне тоже жаль, – тихо сказал он, но не настолько тихо, чтобы мне не слышать его слов из-за мурлыканья автомобильного двигателя. – Давай перенесем это дело на завтра? Ладно. Отлично. До встречи. – Он вынул из уха наушник и бросил его в бардачок.

Почувствовав на себе его взгляд, я было подумала, что он решил, что я сплю, однако он сказал:

– Извини. Это Ребекка. Хотела узнать, где я, – добавил он без особой на то необходимости.

Я сонно кивнула.

– Знаю. – Я помолчала. – До сих пор не могу привыкнуть, как она похожа на Эмили.

Взгляд Джека был устремлен на дорогу:

– Ты не первая, кто мне это говорит, хотя лично я не обращал на это внимания.

Несмотря на очевидное желание Джека закрыть эту тему, я ощутила извращенную потребность ее продолжить.

– Они практически близнецы. Кстати, когда я впервые увидела Ребекку, я подумала, что это Эмили и что она вернулась.

Он на миг повернулся и пристально посмотрел на меня, но затем снова сосредоточился на дороге.

– Эмили больше нет. Я это чувствую.

У меня тоже не было никаких сомнений, однако говорить это вслух я не стала. И все же вторжение Ребекки в мою жизнь вынудило меня продолжить тему.

– Мне не дает покоя вопрос, не может ли твое влечение к Ребекке быть связано с тем, что она очень похожа на Эмили? Как будто она играет ее роль, давая тебе возможность попрощаться с Эмили, потому что ты не смог сделать это раньше.

– Чушь! По-твоему, я не могу различить двух разных женщин? И с чего ты взяла, что меня к ней влечет? Просто мы старые друзья, которые встретились после долгого перерыва.

Я фыркнула:

– Ты мужчина. Она блондинка. И она определенно заинтересована, Джеки. Что еще я должна сказать?

– Это намек на ревность, Мелли?

Прежде чем я сумела отместить это обвинение, Джек свернул с шоссе на узкую грунтовую дорогу. Промелькнул указатель с объявлением: «Сладкий картофель – пять долларов за галлоновое ведро».

Рядом с дорогой раскинулось поле с рядами высоких песчаных дюн. Оранжевые картофельные бока пылали в зимнем солнечном свете, словно метеоры.

Чтобы не завалиться на водителя, я схватилась за ручку двери – хотя бы потому, что Джеку это вряд ли понравилось бы.

– Что ты делаешь?

– Ты не любишь сладкий картофель?

Я одарила его колючим взглядом.

– Я южанка. Быть южанкой и не любить сладкий картофель противозаконно.

Джек расплылся в своей коронной улыбке, от которой у меня неизменно на несколько градусов подскакивала температура.

– Неужели? Я не знал. Как хорошо, что я его люблю. И даже пеку из него хлеб.

Он резко свернул на поляну, где в пикапе сидела пожилая женщина. Большие ведра в кузове грузовичка были полны картофелин размером с хорошего поросенка.

Я повернулась к Джеку:

– Ты печешь хлеб? Сам? С нуля?

Он остановил машину и вынул ключ зажигания.

– Кто-то в качестве свадебного подарка преподнес нам хлебопечку и сказал, что я могу ее себе оставить, даже когда стало очевидно, что

никакой свадьбы не будет. Что еще мне было с ней делать?

Я подумала о том, что с ней можно сделать, в том числе вернуть ее в магазин, но промолчала, наблюдая, как он выходит из машины. Его слова прозвучали легкомысленно, но я уловила тонкую дымку горя, что все еще витала над ним, словно вздох. Сколько времени нужно, чтобы разбитое сердце зажило? А что бывает, если рана продолжает кровоточить?

Положив руку на окно пикапа, Джек наклонился к женщине. Та почти мгновенно кокетливо захлопала ресницами. Джек между тем вытащил бумажник, вынул из него пятидолларовую купюру и, протянув ее женщине, взял из кузова ведро. Подойдя к машине с моей стороны, он остановился и посмотрел на меня.

Я открыла дверь:

– Тебе что-то нужно?

Джек посмотрел на свой крошечный багажник и отсутствующее заднее сиденье.

– Ага. Место, где можно это поставить.

Я проследила за его взглядом. Он смотрел на пол у меня под ногами.

– Только не говори мне, что я до конца поездки должна засунуть это ведро себе между ног. – Признавая неизбежность ситуации, я горестно вздохнула, не желая, однако, слишком легко сдаваться.

– Я испеку тебе булку из сладкого картофеля, – услужливо предложил Джек.

– Уговорил, – сказала я, беря у него ведро и ставя между моими ногами на полу машины. – Если шины начнут спускаться, мы можем выбрасывать картофелины одну за другой, как балласт.

Джек сел за руль.

– Только посмей. Этого картофеля едва хватит, чтобы испечь несколько булок и пирог для Ребекки. Она обожает их!

Я посмотрела на чертово ведро. Теперь это было не просто неудобство, а плевок в душу. А если сделать остановку, чтобы полюбоваться местностью, и как бы случайно его забыть?

– И как давно ты встречаешься с Ребеккой? – Вопрос сорвался с моих губ прежде, чем я успела схватить его за хвост.

Похоже, Джека он позабавил.

– По крайней мере, только чтобы знать, что она обожает пироги из сладкого картофеля.

Оскорбленная в лучших чувствах, я откинулась на спинку сиденья.

– Но не настолько давно, чтобы не оборачивать голову, когда в кадре появляется кто-то новый?

Он знал, что я имела в виду Эмили, однако не клюнул на мою наживку, а вместо этого лишь сделал громче радио.

– Знаю, что тебе неудобно, но постарайся не слишком сжимать картофель коленями.

– Не смешно, – парировала я, когда он помахал рукой женщине в грузовике.

– У меня и в мыслях не было шутить. Меня лишь беспокоит сохранность картофеля.

– Ну конечно, – буркнула я и отвернулась, глядя, как солнце прячется за темные тучи. Вскоре на лобовое стекло упали первые капли.

* * *

По большому счету, Мимоза-Холл был большой фермой – с навесом над крыльцом, обшитая белым сайдингом, она, казалось, светилась в серой пелене ливня.

– Во сколько нас здесь ждут? – спросила я, когда Джек заехал на гравийную дорожку и выключил зажигание.

– Нас? Зачем?

– Очевидно, чтобы показать нам дом. Только не говори мне, что мы ехали сюда целых два часа, но нас даже не пустят на порог?

– Где твой дух приключений? – спросил он, глядя, как дождь барабанит по лобовому стеклу, и оценивая расстояние между машиной и домом.

– Ничего не имею против приключений, но я ненавижу попусту терять время. – Я пыталась поднять ведро, чтобы высвободить ноги, но у меня ничего не вышло.

– Давай я, – сказал Джек и наклонился вперед, чтобы его поднять. Впрочем, он не торопился. Он несколько раз хватался за ручку, прежде

чем наконец сумел вызволить ведро из темницы между моих ног и осторожно поставить на приборную доску. – Я добегу до двери и постучу. Если все в порядке, я дам тебе знак следовать за мной. – Он протянул мне ведро. – Поставь это на сиденье, когда я уйду.

Я оставила при себе мысли о том, где место этому треклятому ведру, наблюдая, как Джек со всех ног побежал к двери. Та была выкрашена в черный цвет, а по обеим ее сторонам, пронизывая мрак, горели большие газовые фонари. Мне было видно, как Джек дважды постучал и подождал. Наконец дверь медленно открылась, и на Джека сквозь толстые стекла очков посмотрел пожилой коренастый румяный мужчина, одетый во фланелевую рубашку охотника.

Они пару секунд поговорили, но вместо того, чтобы жестом поманить меня за собой, Джек последовал за мужчиной в дом и закрыл за собой дверь. Злая как черт я распахнула дверцу машины и побежала к крыльцу. К сожалению, от неподвижного сидения с ведром между ног последние затекли, а моя координация движений, которая всегда оставляла желать лучшего, полностью подвела меня. Я споткнулась и шлепнулась в глубокую лужу, вернее в наполненную водой колею, оставленную колесом грузовика.

Мои голени, вернее, то, что от них осталось, обдало ледяной водой. Я заморгала. Глаза щипало, ледяные ручейки пробивались внутрь моего пальто, пропитывая платье до самой кожи.

Ливень внезапно прекратился, но мне было слышно, как он барабанит обо что-то твердое. Открыв глаза, я увидела Джека – он стоял надо мной, раскрыв полосатый, сине-белый зонтик для гольфа, с краев которого, напоминая шутовской колпак, стекали струи воды.

– Что ты делаешь? – спокойно спросил он.

Все еще стоя на четвереньках, я со злостью посмотрела на него:

– Изучаю влияние капель дождя на лужи. – Я подняла руку, и он помог мне встать на ноги. – Ты должен был дать мне знак следовать за тобой.

Он с прищуром посмотрел на мокрую курицу перед ним.

– Я решил одолжить зонтик и вернуться за тобой. Мне казалось, что так будет лучше.

У меня зуб на зуб не попадал. Я смогла лишь кивнуть. Обхватив меня одной рукой за плечи, а в другой держа зонтик, Джек повел меня к дому.

– Я уверен, что мистер Макгоуэн даст тебе полотенце. Или два, – добавил он, окидывая меня взглядом с головы до ног.

Пожилой мужчина, предположительно мистер Макгоуэн, придержал для нас дверь. Бросив зонт на крыльцо, Джек провел меня внутрь. Я, дрожа, стояла на плетеном шерстяном коврикe, пока Джек представлял нас друг другу, хотя, если честно, я его не слушала, пытаюсь расслышать сквозь стук капель воды, стекавших с меня на деревянный пол, другой звук. Это был лишь шепот, довольно неразборчивый, но я мгновенно ощутила его присутствие. Я закрыла глаза, чтобы услышать лучше. Между тем голос подкрался ближе и прошептал мне на ухо. Мелани.

Меня как будто пронзило током.

Открыв глаза, я увидела, что Джек и мистер Макгоуэн вопросительно на меня смотрят.

Крышка старого морского сундука, служившего в прихожей скамьей, была откинута. Внутри лежали аккуратные стопки одеял и полотенец.

– Да, спасибо, – сказала я, надеясь, что правильно угадала вопрос.

Джек ткнул меня локтем в ребра.

– Приятно познакомиться, – поспешно добавила я.

Мистер Макгоуэн подошел к сундуку и вытащил большое пляжное полотенце.

– Мы всегда держим их под рукой для внуков. Они любят играть в ручье за домом. – Он произнес слово «ручей» с легкой картавинкой. Я было улыбнулась. Увы, улыбка моментально пропала с моего лица, как только в нос мне ударил резкий дух гниющей рыбы.

Я попыталась сказать Джеку, пока тот помогал мне снять мое грязное пальто и положил мне на плечи полотенце. Но я слишком крепко стиснула зубы, чтобы они не стучали, причем вовсе не от холода.

Сбросив с ног набрякшие водой и полностью загубленные лодочки, я проследовала в теплую гостиную, обставленную классической антикварной мебелью фермерского дома – из пожелтевшей сосны и потертого дуба. Мягкие клетчатые коврики помечали зону отдыха вокруг потрескивающего камина. Увы, расслабиться мне не давало ощущение, что кто-то наблюдает за мной сзади, причем с достаточно близкого расстояния, раз я ощущала его

холодное дыхание на своей шее. Я сильнее тебя, прошептала я себе. Джек странно посмотрел на меня, но затем повернулся к хозяину дома:

– Огромное спасибо, мистер Макгоуэн, что вы позволили нам увидеть картину. Мы не станем злоупотреблять вашим гостеприимством.

Мистер Макгоуэн лишь махнул рукой:

– Я привык принимать гостей. Моя жена уехала навестить свою сестру в Атланте, и мне было жутко одиноко. – Он подмигнул. – К тому же я терпеть не могу пить в одиночестве. – Он открыл шкаф в дальнем конце комнаты. Нашим глазам предстали полки, уставленные рядами стаканов и бутылок. – Я переделал его сам, так сказать, создал себе «мужское пространство». – Он вновь подмигнул, но на этот раз его подмигивание предназначалось Джеку. Он поднял бутылку бренди. – Слегка рановато, но полагаю, что леди тоже не откажется, чтобы согреться.

– Спасибо, но я пас. Я за рулем, – сказал Джек. – Но Мелли точно не откажется. Она дрожит, как мышь на съезде кошек.

Смерив его колочим взглядом, я повернулась к мистеру Макгоуэну и заставила себя заявить:

– Вообще-то я не пью крепкие напитки, но все равно спасибо. – Это прозвучало слегка ханжески, ведь хотя я и была дочерью алкоголика, Джек тоже успел вымокнуть. Мистер Макгоуэн вытащил из шкафа два стакана и начал наливать.

– Лучшее средство, если вам нужно быстро согреться. Поверьте мне. Всего несколько глотков, и вам покажется, что вы нежитесь на тропическом пляже.

Я продрогла до костей, мои конечности онемели. Я вопросительно посмотрела на Джека. Тот кивнул.

– Хорошо. Всего одну капельку, – сказала я.

Плеснув щедрую порцию в два старомодных стакана, он передал мне один.

– Спасибо, – поблагодарила я и, крепко сжав стакан, чтобы не выплеснуть его содержимое, сделала глоток. И чуть не подавилась. Крепкая жидкость обожгла мне горло и наполнила нос паром. Я кашлянула, глаза заслезились, но эффект был моментальным. Почувствовав, как ледышка внутри меня начала таять, я жадно сделала

второй глоток, чтобы ускорить процесс. Ведь если не согреться, я не смогу дать отпор призраку, зависшему надо мной, словно темная тень.

– Можно посмотреть картину? – спросила я, делая шаг вперед. Вернее, два, но один я пропустила. И дело не в том, что я не видела, куда мне поставить ногу; скорее пол отсутствовал там, где ему полагалось быть.

Залпом осушив свой стакан, мистер Макгоуэн повел нас в столовую. Запах гниющей рыбы здесь был сильнее. Я даже сделала еще один глоток бренди, так сказать, для храбрости. Я уж почти согрелась и чувствовала себя увереннее, лишь ноги слегка дрожали в коленях. Я посмотрела на Джека, чтобы проверить, заметил ли он что-нибудь, но его взгляд был прикован к картине, висевшей между двумя окнами.

Этот портрет, хотя и был явно написан другим художником, нежели портрет двух девочек, обладал с ним пугающим сходством. С холста на меня смотрела еще одна девушка, чуть старше тех, что были на двойном портрете. Высокая и стройная, она стояла у мягкого стула на фоне темной комнаты. Ее лицо и его выражение были ничем не примечательны, хотя цвет ее щек, очертания губ и чуть раскосый разрез глаз напомнили более высокую девушку с двойного портрета. В целом это был заурядный портрет, если не считать медальона в форме сердца у нее на шее, украшенного буквой «А».

Вспомнив очки, которые оставила в сумке в машине, я тихо выругалась себе под нос. По крайней мере, я так подумала, пока не заметила, что Джек и мистер Макгоуэн странно на меня смотрят.

– Извините, – пробормотала я и икнула. – Извините, – повторила я, прикрывая рот рукой, чтобы сглотнуть вторую икоту, и поспешила сделать очередной глоток бренди. Я окончательно согрелась и даже забыла бы о своем позорном падении в лужу, если бы мокрые волосы не прилипали к лицу, колготки не скрипели при каждом шаге.

А еще я расслабилась, что позволяла себе крайне редко. Расслабилась настолько, что, когда тыльной стороны моей ладони коснулся холодный палец, я не отдернула руки. Как будто почти верила в то, что могу быть сильнее, чем он.

Подойдя к картине ближе, Джек открыл телефон, чтобы посмотреть на снимок, сделанный им накануне.

– Медальон точно такой же, как и этих двоих. Вплоть до шрифта, каким сделана гравировка, и обрамления в виде сердца. – Он повернулся к мистеру Макгоуэну: – Что вам известно об этой картине?

Мистер Макгоуэн сделал глоток бренди.

– Немного. Она уже была здесь, когда мой отец купил дом еще в тридцатые годы. Семья, которая жила здесь около ста пятидесяти лет до того, как мы его купили, родом откуда-то с севера. Кажется, из Новой Англии. Моя жена узнала это из коробки с письмами, которую она нашла на чердаке. Большая была семья. Судя по письмам, они вечно просили родственников приехать в гости или помочь им с фермой. Но люди они были явно небедные, потому что отправляли много денег на север. Увы, во время Большой Депрессии для них настали трудные времена, и они были вынуждены продать ферму. Так она перешла в нашу собственность.

Со стаканом бренди в руке я стояла и рассматривала руки девушки, задаваясь смутным вопросом, почему они кажутся мне знакомыми. Я знала, что должна задавать вопросы, но мой язык как будто прирос к уголку моего рта и не хотел, чтобы его беспокоили. Джек то и дело поглядывал на меня, не понимая, почему я притихла, но я приложила к губам дрожащий палец, давая ему понять, что так надо, пусть даже лишь затем, чтобы услышать, как голос, какой я уже слышала раньше, шепчет мне на ухо мое имя. Каждый раз услышав его, я делала очередной глоток бренди, пока мой страх не исчез в запертой коробке, от которой у меня был потерян ключ.

Джек обнял меня за плечи. У меня не было сил протестовать, тем более что я поняла, что не могу стоять прямо, и, скорее всего, грохнулась бы на пол, если бы Джек не поддерживал меня вертикально.

– А какая была у них фамилия?

Мистер Макгоуэн покачал головой:

– Сразу не скажу. Моя жена может знать. Или это можно выяснить, если снова перебрать письма. В любом случае вам придется подождать, пока она не вернется на следующей неделе. У нее есть своя собственная система хранения, к которой она не подпускает меня даже на пушечный выстрел. – Он усмехнулся. – Ну, вы знаете, каковы некоторые женщины. Она хранит все. Даже мои носки разложены в алфавитном порядке по цвету.

– Как странно, – сказал Джек. – Представляю, каково вам с ней.

Я было толкнула его локтем в ребра, но промахнулась и вместо этого ткнула воздух. Я тотчас покачнулась и, чтобы сохранить равновесие, сделала некое старомодное танцевальное па. Джек поспешил обнять меня за плечи и притянул к себе так близко, что я не могла даже пошевелиться, и мне не нужно было прикладывать особых усилий, чтобы встать вертикально.

– Вот что бывает, когда слушаешь слишком много песен «АВВА», – прошептал он, наклонившись к самому моему уху.

Моя левая рука была поймана в ловушку, и я не могла шлепнуть его, поэтому вместо этого я сделала очередной глоток бренди.

Я снова попробовала сфокусировать взгляд на плавающей картинке перед моими глазами, пытаюсь увидеть то, что там на ней было. Спокойной частью моего мозга, онемевшей от бренди и прекрасно изолированной от моего страха, я понимала: тот, кто шептал мое имя, желал причинить мне боль, и причина этому неким образом связана с портретом передо мной.

Я повернулась к Джеку, чтобы попросить его сделать снимок, но не смогла вспомнить, какие именно слова мне нужны. Оторвав от бокала указательный палец, я изобразила, будто нажимаю кнопку затвора. Тотчас поняв меня, он сунул руку в карман и вытащил цифровую камеру, которую я ему вручила. Подведя сначала меня к стене, на которую я оперлась, он сделал несколько снимков с разных ракурсов, в том числе один крупный план подписи художника.

Положив камеру в карман и оторвав меня от стены, он повернулся к мистеру Макгоуэну:

– Огромное вам спасибо, что уделите нам столько времени. Поэтому мы больше не будем им злоупотреблять. – Он протянул для рукопожатия руку. – И если вы не против, я хотел бы позвонить вашей жене, когда она вернется. Вдруг ей что-то известно.

Хозяин дома привел нас обратно в прихожую.

– О, она будет только «за». Она вообразила себя генеалогом и может часами болтать на эту тему. Просто прежде чем набрать ее номер, убедитесь, что под вами удобный стул. – Он усмехнулся и хлопнул Джека по спине. Я услышала, как из него со свистом вырвался воздух.

Не уверенная, смогу ли я отлепить язык от нёба, я, пока мы стояли у входной двери, на прощание улыбнулась мистеру Макгоуэну. Сняв с моих плеч пляжное полотенце и забрав из моих цепких пальцев бокал с бренди, Джек вернул их хозяину дома. Старик открыл дверь и высунул наружу голову.

– Похоже, дождь прекратился, так что вы не промокнете, пока дойдете до машины. Главное, не наступать в лужи.

Джек улыбнулся:

– Еще раз спасибо, мистер Макгоуэн.

– Всегда рад помочь, молодой человек. – Он указал на меня и заговорщически подмигнул: – А она хранитель. Красивая и молчаливая.

Прежде чем я успела спросить, что он имеет в виду, Джек забрал нашу обувь и в спешном порядке потащил меня вон из дома и вниз по ступенькам крыльца. Затолкав меня в машину, он пристегнул меня ремнем безопасности. Надо сказать, это стоило ему немалых трудов, когда он пытался дотянуться до пряжки через ведро со сладким картофелем, которое он поставил мне на колени. Как только он закончил, я положила голову поверх большой картофелины и закрыла глаза, смутно осознавая, что Джек накрывает меня своим пальто и даже подоткнул для тепла края.

Должно быть, я проспала всю дорогу домой, потому что следующее, что я помню, – это то, что Джек, перебросив меня через плечо, словно мешок с картошкой, затащил меня по лестнице наверх. Я понятия не имею, как ему удалось вместе со мной преодолеть установленные Софи на первом этаже леса.

Пытаясь показать, что мне известно, что он со мной делает, я издала невнятный звук. Кстати, я вовсе не возражала против того, чтобы его рука легла на мое мягкое место.

Стянув с постели одеяло, он осторожно положил меня на матрас. Я тотчас откинулась назад, готовая снова погрузиться в блаженный сон. Правда, я успела почувствовать, как он стаскивает с меня туфли.

– Погоди спать, – сказал он. – На тебе мокрая одежда. Ее нужно снять.

– Это самая старая строчка в книге, – пробормотала я, уткнувшись лицом в подушку, и тотчас почувствовала, как Джек тянет меня за руку, заставляя подняться.

– Согласен, я произносил ее не раз, но на этот – совершенно серьезно. Подожди.

Отойдя от кровати, он направился в ванную. Я же воспользовалась подвернувшейся возможностью плюхнуться на матрас.

Он вернулся, неся мою толстую фланелевую ночную рубашку и пару шерстяных лыжных носков.

– Я нашел это за дверью, и что-то подсказывает мне, что ты в них спишь. – Он вручил их мне. – Надевай. Я отвернусь, но ты дай мне знать, если тебе понадобится помощь.

Я фыркнула, правда, чуть громче, чем хотела. Каким-то чудом я сумела стащить с себя платье и нижнее белье – как ни странно, с минимальным ущербом как для них, так и для мебели – и облачиться в ночную рубашку. Право надеть на меня носки я предоставила Джеку, потому что всякий раз, стоило мне наклониться вперед, чтобы сделать это, я падала. Наконец я улеглась в кровать и позволила Джеку натянуть одеяло мне до самого подбородка.

Затем он снова отправился в ванную и вернулся с двумя таблетками аспирина, стаканом воды и мусорной корзиной, которую поставил у кровати.

– Возможно, это понадобится тебе позже.

Убрав волосы с моего лица, он заставил меня проглотить аспирин. Смутно помня, как делала то же самое с моим отцом, я была готова сгореть от стыда.

– Извини, – пробормотала я, глядя на него мутными глазами. Если честно, я была готова расплакаться.

– Прекрати. С кем не бывает. Я рад, что я здесь и могу заботиться о тебе, так что не бери в голову.

Я снова рухнула на подушку.

– Я буду в гостевой комнате с Генералом Ли, – сказал Джек, ставя стакан на прикроватную тумбочку. – Я оставлю двери открытыми, так что, если я тебе понадоблюсь, просто крикни.

Я была готова вновь погрузиться в забытие, когда вспомнила, что мне нужно кое-что ему сказать. Я схватила его за руку, удерживая рядом.

– Он там сегодня был. В доме с картиной.

– Ты про кого?

– Про призрак. Тот, что всегда жил в доме моей матери. Тот, кого почувствовала в кухне моей матери, когда пришла туда в первый раз. – Я понизила голос на тот случай, если кто-то мог нас подслушивать: – Думаю, он последовал за мной.

Джек вопросительно посмотрел на меня.

– Вот уж не знал, что так бывает. Разве призраки не обитают в домах?

Я так энергично покачала головой на подушке, что у меня задрожали щеки.

– Они могут делать все, что хотят. Но кое в чем я почти уверена. – Я потянула Джека за обе руки, чтобы он наклонился ко мне ближе: – Этот хотел сделать мне больно.

Его лицо было почти рядом с моим. Ноздри мне щекотал запах его одеколона и шампуня на его волосах. Я закрыла глаза и глубоко вздохнула, наслаждаясь расслабляющим эффектом, который этот запах оказал на все мои конечности. Вновь открыв глаза, я увидела рядом с моим лицом его, темно-синие.

– Хочешь узнать секрет? – спросила я, ощутив себя такой легкомысленной школьницей.

В глазах вспыхнули лукавые искорки и что-то еще, что, как мне показалось, он не хотел, чтобы я увидела.

Я приподнялась, чтобы прошептать ему на ухо:

– Ты мне нравишься. Ты мне очень нравишься, но я никогда тебе в этом не признаюсь. – Сказав это, я икнула ему в ухо и снова рухнула на подушку. Что-то подсказывало мне, что на самом деле это была отрывка, но Джеку хватило любезности не упомянуть об этом. – Это потому, что Софи однажды сказала мне держаться подальше от мужчин, которые эмоционально лживы.

Уголок его рта пополз вверх.

– По-моему, Мелли, правильнее было бы сказать «эмоционально глухи». – Его голос звучал мягко, с нотками лукавства, и я задумалась, не лягнула ли я ничего такого, что он мог бы использовать против меня позже.

Я уже потеряла нить нашего разговора.

– Ты не мог бы оказать мне одну услугу? – спросила я, не отпуская его от себя.

Я заметила, как его взгляд на миг скользнул к моим губам, а затем снова вверх.

– Какую? – тихо спросил он.

– Отговори мою мать, чтобы она не устраивала вечеринку в честь моего сорокалетия.

Джек осторожно убрал прядь волос от моего рта.

– Но почему, Мелли? Думаю, она просто пытается восстановить с тобой отношения. И устроить тебе вечеринку – это ее способ это сделать. – Он умолк, и я ощутила теплый вес его тела на краю матраса рядом со мной. – Неужели тебе так трудно ее понять?

Я покачала головой. Ну почему он не понимает очевидных вещей?

– Потому что тогда все узнают, какая я старая. Что я высохшая старуха, чьи биологические часы работают в летнее время без батареи. – Я подавила очередную икоту. – Пятьдесят лет назад меня сочли бы чьей-то эксцентричной тетушкой, и я бы целый день сидела на переднем крыльце и плевала в проходящих мимо людей. – Я потрянула головой, чтобы та прояснилась. – Я могла бы просто умывать лицо, пока не смогу дышать. – Заметив на его лице недоумение, я поймала себя на том, что тоже плохо понимаю, что только что сказала.

Его губы слегка дрогнули.

– Мелли. Во-первых, у тебя нет племянниц или племянников, поэтому ты не можешь считаться чьей-то тетушкой. Во-вторых, ты красивая, умная, энергичная женщина, которой не дашь больше тридцати, что настоящее чудо, ибо я свидетель тому, как ты ешь. Ты должна гордиться тем, кто ты такая и чего ты достигла, независимо от того, сколько тебе лет. – Он на секунду умолк. – Я знаю, что сейчас у вас сложные отношения с матерью. Но она тянется к тебе. Может, стоит дать ей шанс?

Я поморгала, борясь со сном.

– Что ты сказал?

Джек глубоко вздохнул:

– Я сказал многое. Что именно ты имеешь в виду?

– Те твои слова, где ты сказал, что я красивая.

– А, ты вот о чем! – Он усмехнулся, и мое тело завибрировало с его смехом. – Я сказал, что ты красивая, энергичная и умная. Я также мог бы добавить, что, будь ты трезва и знай, что мы ведем этот разговор, ты, вероятно, была бы вынуждена меня придушить.

Я самодовольно улыбнулась.

– Ты считаешь меня красивой. – Я нахмурилась, пытаюсь ухватиться за мысль, пока та не уплыла от меня. – Разве теперь ты не должен меня поцеловать?

Я приподнялась, чтобы коснуться его губ, но он отстранился и осторожно убрал мои пальцы со своих рук.

– Мелли, поверь мне. Дело не в том, что я этого не хочу. Просто у меня нет привычки целовать женщин, которые едва в сознании. Мне нравится, когда они бодрствуют и отлично все помнят по утрам. – Он встал, поправил мое одеяло, а затем удивил меня тем, что наклонился и поцеловал меня в лоб. После чего, касаясь губами моего уха, прошептал: – Кстати, для твоего сведения, это почти можно считать поцелуем номер три.

С этими словами он направился к двери.

– Номер четыре, но я не считаю, – сказала я, прежде чем он вышел.

Мне было слышно, как он смеется, направляясь по коридору в гостевую комнату. Но затем его шаги усыпили меня, и я провалилась в сон – глубокий, без сновидений.

Глава 10

Стоя следующим утром под душем, я пыталась вспомнить наш разговор. Кусочки разговора просачивались в мое сознание, словно смутные воспоминания о полузабытом сне. Эх, если это был сон! Ведь что касается снов, вы – единственный свидетель и вольны делать все, что говорит вам ваше подсознание. Ибо вы делаете это в уединении собственного разума. Увы, судя по унижительным фрагментам, что крутились в моем мозгу, все, что я говорила и делала накануне, имело аудиторию. Прижавшись лбом к холодной плитке душа, я попыталась остановить пульсирующую боль. Может, мне стоит имитировать собственную смерть, подумала я, и перебраться на другой континент?

Двигаясь тихо, дыбы не разбудить Джека в гостевой комнате и не дай бог посмотреть ему в лицо, я бросила в чемодан несколько предметов первой необходимости и спустилась по лестнице вниз. Быстро пожелав миссис Хулихан и Генералу Лу на кухне доброе утро, я через заднюю дверь вышла вон. В мои планы не входило въезжать в дом на Легар-стрит до того, как мать вернется из Нью-Йорка, но я наняла команду уборщиков, чтобы вычистить дом сверху донизу после того, как из него выехали предыдущие владельцы. И вот теперь мне нужно было быть там, чтобы их впустить. А если я буду каждый раз приносить с собой несколько вещей, мне не придется просить Джека о помощи. Я дала себе слово никогда больше не разговаривать с ним.

Припарковавшись на улице перед домом моей матери, чтобы уборщики, когда они приедут, могли воспользоваться подъездной дорожкой, я посидела несколько минут, ожидая, пока моя голова прояснится, а живот перестанет бурчать. Вскоре до меня дошло, что причины моего беспокойства кроются не только в событиях предыдущего дня.

Вздохнув поглубже для смелости, я взяла с заднего сиденья сумку и направилась в дом. Несмотря на кричащие краски на стенах и лепнину, дом не показался мне столь ужасным, как во время моих предыдущих посещений, – по всей видимости, ввиду отсутствия отвратительной мебели и аксессуаров.

Войдя, я медленно описала круг, глядя совершенно новым взглядом на классическую архитектуру и идеальную симметрию

вестибюля, наложенные на мои воспоминания о доме моей бабушки и счастливых днях, которые я провела здесь в детстве. Впрочем, аляповатая расцветка стен быстро вывела меня из задумчивости. Я даже сочла своим долгом заверить старый дом, что помощь уже в пути. Я уже договорилась с Софи, что мы с ней пройдемся по всем комнатам, выберем аутентичные цветовые схемы и определим любые виды работ, какие только потребуются. В отличие от Софи я не была заиклена на «исторической точности», однако знала: любой новый цвет будет лучше нынешней цирковой раскраски дома.

Порывшись в сумочке, я выудила еще две таблетки аспирина. Из опыта борьбы с похмельем отца я знала, что, если принять таблетки заранее, у меня будет гораздо больше шансов удержать содержимое моего желудка.

Оставив сумочку и большую сумку с вещами у входной двери, я задумалась. Кухня располагалась недалеко от вестибюля, но я была одна и не в настроении иметь дело с тем, что скрывалось в доме и чье присутствие я ощущала даже сейчас.

– Привет! – крикнула я, чувствуя себя круглой идиоткой, однако желая предупредить моего солдата, что я здесь. Я прислушалась к тишине, ожидая услышать лязг металла о металл или его тяжелую поступь. Но ничего не услышала. С другой стороны, никто не позвал меня по имени, в том числе злобный голос, который я слышала раньше и не горела желанием услышать снова.

Чувствуя себя чуть увереннее, я быстро прошла на кухню в поисках воды, чтобы запить аспирин. Я лишь на миг остановилась в дверях, как в детстве, хотела убедиться, что дверь на черную лестницу закрыта. Я наклонилась над раковиной, сложив чашей руки, когда почувствовала позади себя присутствие призрака. Быстро проглотив аспирин, я обернулась. Скрестив ноги и небрежно прислонившись к стене, мой солдат стоял у двери, что вела на черную лестницу. Он тотчас начал исчезать, и я поспешила отвести глаза.

– Доброе утро, – сказала я вслух. Хотя, если честно, я не помнила, разговаривали ли мы когда-нибудь с ним, когда я была ребенком.

Ты выросла в красивую женщину с тех пор, как я видел тебя в последний раз.

Слова эти не были произнесены вслух, но я услышала их в своей голове ясно и отчетливо. А также с сильным акцентом. Я улыбнулась,

давая понять, что я его услышала.

Прислонившись к раковине, я почувствовала, что краснею, вновь осознав, какой он высокий и как красиво светятся его волосы в солнечных лучах, струящихся сквозь ставни на окнах.

– Как тебя зовут? – спросил я, чувствуя себя глупо, но не потому, что вслух обращалась к фантому. Я чувствовала себя глупо, потому что мне полагалось знать его имя; я же его не помнила, хотя помнила его самого из давних лет моего детства.

Он поклонился, и я услышала, как щелкнули его каблуки. *Разве мало того, что я знаю твое?*

Я покачала головой:

– Нет. Если нам суждено стать друзьями, будет справедливо, если мы будем знать имена друг друга.

Я чувствовала на себе его взгляд, но не решалась обернуться и посмотреть, уверенная, что увижу в его глазах лукавую искру. Может, нам лучше не быть друзьями?

– Мелани?

Солдат исчез в мгновение ока, как будто при звуке отцовского голоса кто-то щелкнул выключателем.

Мой отец вошел в кухню и огляделся:

– С кем ты разговаривала?

– Ни с кем, – ответила я. – Наверно, ты слышал радио проезжавшей мимо машины.

– Хмм, – все, что он сказал. А затем он увидел мое лицо и налитые кровью глаза. – Что с тобой? У тебя такой вид, словно ты перебрала нака- нуне.

– Спасибо, папуля. Давай не будем об этом, хорошо? Да, я перебрала, хотя наверняка зря, и вряд ли когда-нибудь сделаю это снова. Уж поверь мне. – Я снова поморщилась, вспоминая обрывки моего разговора с Джеком.

Он сжал губы, не иначе как воздерживаясь от комментария.

– Твоя мать здесь?

– Нет. Она в Нью-Йорке, улаживает какие-то дела, – ответила я, хватаясь за возможность сменить тему.

Было видно, что он чем-то расстроен. Я скрестила на груди руки.

– Что такое? У меня сложилось впечатление, что ей неинтересно снова тебя видеть.

Он подошел ко мне и, пожав плечами, сунул руку в карман.

– Может быть. Но у меня здесь есть кое-что, на что ей, может быть, интересно взглянуть. – С этими словами он вытащил небольшой пластиковый пакет на молнии, на дне которого было что-то круглое. – Я знаю, что твоя мать послала своих адвокатов, чтобы те разобрались со спасательной компанией, нашедшей судно твоего прапрадеда, но я подумал, что личный визит может это дело ускорить. Я подумал, если кто-то должен быть рядом, то это я, потому что репортеры понятия не имеют, кто я такой, – пока.

Я посмотрела на пакет, не желая даже прикоснуться к нему.

– Как он к тебе попал? – спросила я, поднимая голову. – Не будем также забывать, что на борту обнаружены человеческие останки. Сомневаюсь, что власти обрадуются, если оттуда что-то пропадет, пока они все как следует не осмотрят и не исследуют.

Мне было все равно. Старые вещи и их истории никогда не интересовали меня. Я точно знала одно: я не желала иметь ничего общего с тем, что было в пакете, и мне нужно было уговорить отца вернуть пакет. Отец умильно приподнял обе брови, отчего стал похож на этакого невинного щенка.

– Они уже осмотрели. – Отец откашлялся и протянул мне пакет. – Капитан – мой старый армейский приятель, и я подумал, что это должно принадлежать тебе. Они там все уже осмотрели и сделали все необходимые снимки. Мой друг подумал, что пусть уж он лучше будет у тебя, чем пылится следующие пятьдесят лет в каком-нибудь правительственном сейфе.

Я посмотрела на пакет. Отец протягивал его мне, ожидая моей реакции. Он уже давно ушел из армии, но я недооценила его выдержку и готовность ждать подходящий момент, чтобы нанести смертельный удар.

– Если ты не возьмешь его себе, я буду вынужден отдать его твоей матери.

Он отлично знал, как попасть в самое больное место. Я взяла пластиковый пакет. Некогда прозрачные стенки давно стали мутными от многократного использования.

– Давай. Открой его.

Верх разошелся легко, и моим глазам предстала золотая цепочка, чей блеск давно потускнел от соленой океанской воды. Я осторожно

вынула ее из пакета. Стоило мне увидеть свисающий с нее медальон в форме сердца, как моя рука замерла.

– Красиво, не правда ли? – спросил он.

– Очень, – согласилась я, трогая плоский золотой медальон, но ничего не почувствовав, кроме холодной тишины морского дна. Довольная тем, что больше ничего не увидела, я облегченно вздохнула и сомкнула над ним пальцы.

– Где это было найдено?

– Внутри сундука. Вместе с останками.

Медальон выскользнул из моих рук и, звякнув, упал на черную мраморную плитку, цепочка вытянулась, словно паук в ожидании жертвы.

– Что-то не так? – спросил отец, наклоняясь, чтобы его поднять.

– Подойди сюда, – сказала я и повела его в гостиную на первом этаже, где я поместила портрет девушек, который перевезла сюда из дома на Трэдд-стрит.

Я замерла на пороге, ощутив приступ головокружения, – словно на эскалаторе, который внезапно начал двигаться в противоположном направлении. Затаив дыхание я смотрела на картину и не верила собственным глазам.

Когда я перевезла портрет в эту комнату, то поставила его лицом к стене. Но теперь лица двух девушек были обращены ко мне. Невысокая девочка смотрела на меня из темного угла комнаты с угрожающей усмешкой. Решив, что это, должно быть, игра света, я заморгала.

Держа в руке медальон, отец шагнул ближе к портрету.

– Точно такой же. Не правда ли? Но, конечно, трудно сказать, потому что этот такой темный, но ты посмотри на его окантовку. И сюда. – Большим пальцем он потер переднюю крышку медальона, затем вынул из заднего кармана салфетку для протирки очков и протер ею старое золото. – Я так и думал. На нем тоже выгравирована буква.

Он поднял его. В тот же миг мне в нос ударила вонь гниющей рыбы, а буква «М» на медальоне как будто поднялась из грязи, словно мертвец из могилы.

– Похоже, это тот же самый. Как ты считаешь?

Я кивнула и сглотнула комок. Меня так и подмывало выбежать из комнаты. Но как я могу это сделать в присутствии человека, который

никогда мне не поверит? Впервые за всю мою взрослую жизнь я пожалела, что рядом со мной нет моей матери.

– Это М, как в Мелани, – сказал он, и, прежде чем я сообразила, что он делает, он встал позади меня и застегнул медальон на моей шее. Я застыла, не в силах пошелохнуться. Казалось, мне на плечи давит тяжелый груз, прижимая мои ноги к полу. Цепочка на моей шее была теплой, как будто сохраняя тепло кожи, на которой она побывала до меня. Я тотчас ощутила запах соли, океанского воздуха и протухшей рыбы.

Меня чуть не вырвало, но не из-за медальона; тот как будто всегда был на моей шее, и не только по причине инициала. Стоило мне потрогать большую букву «М», как у меня возникло отчетливое ощущение, что какой бы гниющий труп мы ни воскресили со дна океана, он не хотел, чтобы медальон был у меня.

– Кто-то за дверью, – сказал отец, и я поняла: он повторил то, что я не услышала с первого раза. Я растерянно заморгала.

– Дверь, – повторил он. – Мне пойти и открыть?

Желая поскорее покинуть комнату, я попятилась и лишь в самый последний момент повернулась к портрету спиной. А когда распахнула дверь, то увидела перед собой Ребекку Эджертон, которая широко улыбалась из-за порога.

– Доброе утро, – прошептала она. Я же рассеянно задалась вопросом, не возглавляла ли она часом в школе группу поддержки. Я знала, что если я спрошу Джека, он наверняка расскажет мне все, включая список всех ее травм и тех частей тела, на которых могут иметься шрамы.

– Привет, – ответила я, заглядывая ей через плечо, чтобы убедиться, что она одна. Я не собиралась разговаривать с Джеком в обозримом тысячелетии и уж тем более в присутствии Ребекки.

– Джека здесь нет. – Я стояла в дверях, блокируя ей вход в дом.

– Я знаю, – сказала она и натянуто улыбнулась. – Я уже говорила с ним, и он сказал мне, что я могу найти вас здесь.

– Как мило с его стороны. Так что же привело вас сюда в такую рань? – Я заморгала. Для моих мутных и опухших глаз ослепительное солнце, ворвавшееся в дверь, было сродни сверкающему кинжалу. Впрочем, мое зрение было довольно ясным, чтобы мне разглядеть безупречную внешность Ребекки и ее ухоженные ногти со свежим

маникюром. Я поспешила спрятать собственную руку за спину, все еще пытаюсь оторвать краску, которая налипла на мои ногти гораздо крепче, чем на жирных херувимов, витавших среди ветвей мраморных грушевых деревьев над камином в моей крошечной библиотеке.

Ребекка, в розовом кашемировом пальто, оглянулась через плечо и вздрогнула.

– Мне можно войти? Это личное дело, и я уверена, что вы бы не хотели, чтобы кто-то другой это слышал. Кроме того, здесь очень холодно.

Я неохотно открыла дверь шире, давая ей войти. Снимая пальто, она осмотрелась по сторонам. Ее пальцы замерли на последней пуговице, стоило ее взгляду упасть на вентиляционные отверстия в черно-белую полосу – в тон ковра а-ля зебра. Я не решилась отдать его даже в благотворительный магазин, опасаясь, что там меня неправильно поймут. Кроме того, учитывая предстоящие нам малярные работы, он мог бы пригодиться в качестве удобной подстилки или чехла.

– Я не имею никакого отношения к декору, моя семья тоже, – поспешила добавить я, заметив в ее глазах вопрос. – Мы с Софи Уоллен постараемся вернуть дому его естественную цветовую гамму.

Она продолжила свое вращение, как будто пыталась получить круговой обзор вестибюля с его калейдоскопом красок.

– Это чистой воды профанация, – сказала она, и я с удивлением отметила про себя гнев в ее голосе. – Некоторые люди сочли бы за честь жить в таком историческом доме, как этот. У меня просто в голове не укладывается, как можно... – Она указала на стены цвета фуксии. – Это противоречит любой логике.

– И хорошему вкусу, – пробормотала я и увидела, как уголки губ Ребекки в улыбке поползли вверх. Я пристально посмотрела на нее, не в силах избавиться от ощущения, что вижу что-то знакомое. Но что? Увы, ощущение это длилось всего несколько мгновений.

– Кто это, Мелани?

– Здесь мой отец, – объяснила я Ребекке, ведя ее за собой в гостиную.

Он, словно загипнотизированный, стоял перед портретом девушек спиной к нам.

– Я вижу что-то от твоей матери и тебя в той, что выше ростом, – сказал он. – Но та, что пониже. – Он покачал головой. – Удивительное физическое сходство, но есть... в ней что-то еще. Нечто, что заставляет меня думать, что они не сестры. Может, кузины?

Я остановилась позади него.

– Пап? Это Ребекка Эджертон, репортер, которая пишет материал о моей матери.

Отец повернулся к ней и протянул для рукопожатия руку.

– Приятно наконец встретиться с вами. Джек рассказывал мне о вас.

Я посмотрела на Ребекку. Похоже, та была удивлена не меньше меня.

– Правда? – сказали мы в унисон. Мой отец нахмурился, глядя то на нее, то на меня.

– В основном из-за вашего сходства с Эмили.

– О! – вновь произнесли мы в унисон, правда, Ребекка несколько разочарованно. Но на его рукопожатие ответила.

– Ну что ж, приятно познакомиться, полковник Миддлтон.

– Смотрю, вы провели исследование, – сказал отец, довольный тем, что она правильно назвала его ранг. В прошлом, когда он все еще пил, люди в барах, глядя на его знаки отличия и медали, называли его генералом, но он не исправлял их.

– Это моя работа, сэр. Я уже давно работаю над материалом о вашей бывшей жене. Вы удивитесь, сколько информации о ней я уже нашла.

Он быстро посмотрел на меня в немым вопросе, а затем снова перевел взгляд на Ребекку.

– О, вы удивитесь, сколько скелетов спрятано в нашей семье. Правда, мы не намерены делиться ими с вами.

– В самом деле? Вы даже не представляете, насколько разнообразны мои методы, когда дело касается раскрытия семейных тайн. Правда, я не намерена делиться ими с вами.

К моему негодованию, мой отец рассмеялся и с восхищением посмотрел на Ребекку.

– Теперь мне понятно, почему Джек все еще говорит о вас.

– У меня назначена встреча, так что если вы пришли, чтобы сказать мне что-нибудь?... – произнесла я в надежде, что это вынудит ее

уйти.

Ребекка одарила меня ледяным взглядом.

– Да, простите. Сегодня утром мне позвонил один из моих источников в офисе коронера. Это человек с довольно хорошими связями. Я уже написала мой материал и отправила его в газету, попросив, однако, не пускать его в печать, пока не поговорю с вами.

– И если нам не понравится то, что вы написали, вы это не напечатаете?

Я пыталась скрыть неприязнь в голосе, но ничего не могла с этим поделать. Было в Ребекке Эджертон нечто такое, что напомнило мне ощущение, какое бывает, если впиться зубами в холодное мороженое.

– Нет. Я делаю это исключительно из вежливости, учитывая ваше знакомство с Джеком.

Я скрестила руки, чтобы ненароком не придушить ее.

– Тогда вам лучше поторопиться и рассказать нам, чтобы вы могли напечатать эту историю.

– Получены предварительные результаты осмотра человеческих останков, найденных в лодке, – начала она без всякой преамбулы, но для вящего эффекта сделала паузу. – Они определенно принадлежат женщине, и, по оценкам экспертов, на момент смерти ей было около двадцати лет.

– Это ничего нам не говорит, – сказала я, сложив на груди руки.

– О, это еще не все. – Ее глаза зажглись, как у ребенка в рождественское утро. – Верхняя часть черепа практически цела, но на ней есть признаки травмы, как если бы человека ударили по голове или он получил травму при падении. Что могло стать причиной смерти.

Я опустила руки.

– Ну что ж. Идите и напечатайте это. Какой смысл спрашивать меня об убийстве, которое произошло за сто лет до моего рождения. Лично мне все равно. Иными словами, это старые новости.

Ребекка оцетинилась, по всей видимости, оскорбленная моим упрямым нежеланием признать ее исследовательский талант.

– Думаю, это вся информация, которой я располагаю. – Она поджала губы. – Мне пора. Было приятно познакомиться, полковник...

Она не договорила. Луч желтого света упал на витражное окно. В тот же миг тяжелые облака расступились перед солнцем и, словно

дверь, распахнули небо.

– Это... невероятно, – прошептала она, в немом изумлении глядя на окно с его скрытыми фигурами и тайными смыслами.

Я хотела остановить ее, оттащить прочь, объяснить, что это мое окно и лучшая часть моего детства – одна из вещей прошлого, которую я позволила моей памяти лелеять, как некоторые люди лелеют старые вещи, – и я была не в настроении поделиться этим, и уж тем более с ней.

– Это очень необычно для такого старого дома, – сказала она, подходя ближе. Я невольно сжала кулаки, мои ногти больно впились мне в ладони. Отец поспешил встать между Ребеккой и мной.

– Это более поздняя вещь, – сказала я.

Ребекка вытащила из сумочки блокнот и начала записывать.

– Скорее всего, конец девятнадцатого века. – Она повернулась ко мне: – Я права?

Я неохотно кивнула:

– Похоже, вы знаток старых домов.

Пару мгновений она пристально смотрела на меня, затем пожала плечами:

– Ничего удивительного. Работая журналистом, постоянно узнаешь что-то новое. – Она вновь принялась что-то писать в блокноте. – Вы знаете, кто его установил?

– Боюсь, что нет. Почему вы спрашиваете?

Она ни разу не посмотрела на меня, пока писала, но, несмотря на ее тон, я чувствовала: ничто из того, что она сказала мне, не было непродуманным или неуважительным.

– Никогда не знаешь, что сработает в истории, какие мелочи подстегнут читательский интерес.

Вновь повернувшись к окну, я незаметно сунула медальон обратно под блузку и тотчас ощутила кожей удивительный жар, как будто кто-то только что выпустил его из сжатого кулака.

– Правда? – спросила я.

– Правда. Это секрет хорошего журналиста. – Она положила блокнот обратно в сумочку. – Я отняла достаточно вашего времени, поэтому не смею вас больше задерживать. Когда я увижу Джека, я попрошу его пойти к Ивонне Крейг, вдруг ей что-то известно. Она настоящий клад информации о Чарльстоне и его истории.

– Я где-то это слышала.

Отец отреагировал на мой сарказм осуждающим взглядом. Сарказм – единственное, чего отец не терпел от меня, и я научилась пускать в ход это оружие лишь вне пределов его слышимости. Я направилась к входной двери.

– Спасибо, что заглянули. Вряд ли эта новость вызовет шумиху в СМИ, но опять-таки решение Бритни Спирс отказаться от трусов тоже ведь оказалось на первой полосе. Так что кто знает.

Ребекка на миг остановилась у входной двери.

– В любом случае для некоторых это будет новостью. У Приоло есть репутация, которую нужно поддерживать, и я полагаю, что находка тела, независимо от того, сколько оно пролежало в земле, вещь не самая приятная, если не откровенно постыдная.

Говоря эти слова, она буравила меня горящим взглядом, и в моей душе вновь шевельнулась тревога. Было в Ребекке Эджертон нечто такое, что она явно скрывала, нечто большее, нежели ее связь с Джеком или ее интерес к моей матери. Я поднесла руку к шее – хотелось убедиться, что медальон не виден из-под блузки. При этом я сама не могла сказать, почему мне хочется спрятать его от ее глаз.

Ребекка слегка нахмурилась:

– Чувствуете запах? Спорю на что угодно, что пахнет... порохом. Да-да, это он. Очень похоже на запах, который витает над полями сражений после исторических реконструкций.

Я сделала вид, будто принимаю, хотя необходимости в этом не было. Я чувствовала присутствие моего солдата с того момента, как мы вошли в вестибюль.

– Нет, ничего не чувствую, – сказала я, открывая дверь шире, чтобы она поняла намек и ушла.

Ребекка улыбнулась.

– Ну что ж. Тогда это просто запах горящих дров в чьем-то дымоходе. Еще раз спасибо, Мелани, и рада знакомству, полковник, – добавила она, глядя мне через плечо, после чего, вновь посмотрев на меня, сказала: – Когда увидите Джека, скажите ему, чтобы он позвонил мне на мобильный. У него есть мой номер.

– Конечно, – ответила я с улыбкой. Казалось, мое лицо вот-вот треснет. Лишь когда она была у подножия лестницы, до меня дошло, что, помимо моей бабушки, моей матери и меня, она была первой, кто

ощутил присутствие солдата. Я посмотрела ей вслед – она уже шагала по дорожке к воротам. Я уже начала закрывать входную дверь, как вдруг почувствовала, что кожа под медальоном на моей груди горит огнем.

Глава 11

Я была занята тем, что пыталась закрыть свой последний чемодан, когда услышала, как внизу звонит Джек.

– Мелли? Ты здесь? Я очень на это надеюсь, потому что входная дверь стоит распахнутой.

Черт. Готовясь к переезду в дом на Легар-стрит, я оставила дверь открытой, чтобы перенести свои личные вещи из дома в машину.

– Черт! – сказала я вслух и сдернула чемодан с кровати. Тот со стуком упал на пол. Услышав голос Джека, Генерал Ли принялся нетерпеливо царапать закрытую дверь. – Джек нам не друг, или ты забыл? – прошептала я псу на ухо, поднимая его на руки. – Он ест на завтрак маленьких собачек.

Генерал Ли наострил уши и сделал большие глаза, однако вновь повернулся к двери в ожидании Джека.

– Мелли! – вновь позвал Джек.

Я приоткрыла дверь и прислушалась: шаги Джека стихли в кухне в дальней части дома. Воспользовавшись шансом, я свободной рукой схватила чемодан и направилась к лестнице. Я была уже на нижней ступеньке, когда услышала, что Джек возвращается из кухни. Я тотчас нырнула в столовую и украдкой огляделась по сторонам, чтобы найти где спрятаться. Все шторы и мебель были убраны перед циклевкой пола, которая должна была начаться, как только я уеду. Так что спрятаться мне было негде.

Я посмотрела на кладовку дворецкого – ее дверь почти сливалась с деревянной обшивкой стен. Опустив чемодан, я открыла дверь и проскользнула внутрь – как раз в тот момент, когда в столовой раздался голос Джека. Я с опозданием вспомнила о чемодане, который остался стоять в коридоре.

Джек постучал в дверь.

– Мелли? Ты тут?

Я надеялась, что если я не отвечу, то он уйдет. Любой вдумчивый, добрый и воспитанный джентльмен так и поступил бы. Не спрашивая снова, Джек открыл дверь и заглянул внутрь в темноту; я стояла внутри, держа на руках пса.

– Ну вот, – сказала я Генералу Ли и решительно прошла мимо Джека в гостиную. – Я понятия не имею, как он туда попал.

Губы Джека дрогнули, но какой-то элемент самосохранения удержал его от смеха.

– Надеюсь, ты не избегаешь меня?

– Избегаю тебя? Нет, конечно. Зачем мне это делать?

Он пожал плечами и скрестил на груди руки. В его глазах плясали лукавые огоньки, что тотчас заставило меня насторожиться.

– Откуда мне знать. Просто после нашей поездки в Мимоза-Холл ты не ответила ни на один мой телефонный звонок и ни разу не была дома, когда я к тебе заезжал.

Я взялась сосредоточенно чесать Генерала Ли за ушами.

– Я была занята. Нужно было отправить на хранение мебель, собрать все кухонные принадлежности из списка миссис Хулихан, чтобы она могла работать в кухне моей матери, а затем собрать свои вещи для переезда на Легар-стрит. Как ты понимаешь, все это заняло время.

Джек потер подбородок. В его глазах плясала все та же лукавинка.

– О, какое облегчение! Я думал, это связано с тем, что я уложил тебя спать, когда ты наполовину вырубилась.

Я почувствовала, что краснею.

– Но почему? Я сказала что-то не то? Что-то такое, что могло заставить тебя хуже обо мне думать?

– Нет-нет, это здесь ни при чем. Просто я думал, что ты избегаешь меня, потому что тебе неловко, оттого что теперь мне известно, в чем ты спишь ночью. Честное слово, это ужасно. Вся эта пушистая фланель...

Уфф. У меня как будто гора свалилась с плеч. Возможно, обрывки разговоров, которые продолжали всплывать в моем мозгу, действительно мне только приснились. Я опустила Генерала Ли на пол.

– Думаю, ты видел вещи и похуже, – сказала я, имея в виду, как мы делили с ним ванную, когда он переехал ко мне, не желая оставлять меня одну в старом, пустом доме. Я не раз забывала снять сушившиеся после стирки трусы и лифчики.

– Это спорно. – Джек наклонился, чтобы погладить пса, а затем посмотрел на чемодан: – Помочь тебе погрузить вещи в машину?

– Они уже погружены, – сказала я, взглянув на часы. – И у меня всего пять минут. Твоя мать ждет меня в доме на Легар-стрит, чтобы поговорить о мебели, поэтому мне пора.

– Знаю. Она сказала мне. И я догадался, что застаю тебя здесь.

Не спрашивая, он взял мой чемодан и жестом велел мне идти впереди. Генерал Ли увязался следом за нами.

– Так о чем ты хотел поговорить со мной, если даже не пожелал оставить сообщение на голосовой почте?

Я шагнула в вестибюль и распахнула для него входную дверь.

– Миссис Макгоуэн вернулась домой и позвонила мне. Я подумал, что наш с ней разговор может быть тебе интересен.

По моей спине тотчас пробежал холодок. Я вспомнила голос, шептавший мое имя, вспомнила мой страх, снять который был бессилён даже стакан бренди.

– Что она сказала?

– Она сказала, что готовит лучшую черничную настойку, и пригласила меня попробовать ее, когда я в следующий раз окажусь у нее в гостях.

Я закатила глаза. Ни одна женщина, даже та, которая ни разу не видела Джека, не была застрахована от его чар. Не скажу, что это меня обрадовало.

– Она сказала что-нибудь еще?

– Да. Что фамилия семейства из Новой Англии, которое владело домом до Макгоуэнов, была Крэндалл. Крэндаллы из Дариена, штат Коннектикут.

Я ждала, что он скажет что-то еще.

– И?

– Это все. Скажи, это имя что-то тебе говорит?

– Ничего. – Мы подошли к моей машине. Нажав на кнопку автоматического замка, чтобы открыть багажник, я подождала, пока Джек добавит к сумкам, что уже были внутри, мой чемодан. Он уже собрался было захлопнуть багажник, как вдруг нахмурился.

– Она сказала, что перечитает старые письма – вдруг всплывет что-то еще. Она действительно помнит некую семейную трагедию второй половины девятнадцатого века, хотя конкретно вспомнить не может. Но она собирается вернуться и посмотреть, сможет ли что-то

выяснить, а затем сообщит мне. Может даже, я наведаюсь в гости, где меня угостят черничной настойкой.

– Давай, – сказала я, садясь за руль. Заметив возле старого дуба движение, я вздрогнула, вспомнив женщину и ребенка, чьи призраки некогда обитали в этой части сада. Но человек, присевший за кустами роз и нацеливший на меня объектив, определенно не был призраком.

Джек проследил за моим взглядом и тоже заметил фотографа.

– Поезжай. Я сам разберусь с этим типом. Догоню тебя позже.

– Спасибо, – от души поблагодарила я. После поднятия «Розы» внимание к моей персоне средств массовой информации в последние недели пошло на убыль, но все равно время от времени какой-нибудь ушлый фотограф или репортер прятался в кустах, в надежде застать меня врасплох. По большому счету, их присутствие можно было игнорировать, но такое внимание жутко раздражало. Я с ужасом читала каждый заголовок, ожидая увидеть в статье или рядом с фотоснимком слова вроде «экстрасенс-агент по продаже недвижимости» или «агент, видящий привидения». К счастью, содержание обычно ограничивалось парусным судном и найденными на его борту человеческими останками. Так что моей карьере ничто не угрожало. Пока.

– И пожалуйста, отнеси Генерала Ли на кухню, хорошо?

Джек взял пса, отдал мне честь и зашагал в сад. Я включила передачу и проехала пару кварталов до Легар-стрит. Заметив перед домом «Мерседес» Амелии, я поняла: она уже открыла ворота узкой подъездной дорожки сбоку от дома – одно из достоинств этого района к югу от Брод-стрит.

Припарковав машину, я подошла к дому и увидела мать Джека. Сидя, к моему великому удивлению, на квадратном пластиковом блоке, который, вероятно, изначально служил именно этим целям, Амелия рассматривала то, что осталось от сада. Увидев меня, она рассеянно улыбнулась.

– Привет, дорогая. – Она жестом обвела царивший вокруг нее беспорядок. – Просто нет слов, чтобы описать все это, не так ли?

– Это точно. По крайней мере, тех, которые можно произнести в приличном обществе. Но не переживайте. Я попросила отца привести на этот сад свои чары, как он сделал это для меня на Трэдд-стрит. Он почти закончил восстанавливать причиненный полицией ущерб, когда

те перерыли фонтан. Что-то подсказывает мне, что здесь он превзойдет самого себя...

Брови Амелии поползли вверх:

– Ваша мать не возражает против участия вашего отца?

– У нее не было выбора. Если она хочет, чтобы я ей помогла, мой отец – часть пакета услуг.

Амелия улыбнулась и, встав, отряхнула юбку.

– Думаю, это вполне справедливо.

Я повела ее к широким передним ступеням, несказанно радуясь тому, что сегодня я здесь не одна. Не скажу, что миниатюрная миссис Тренхольм могла послужить существенной преградой между мной и тем нечто, что обитало в этом доме. Тем не менее мне было приятно осознавать, что рядом со мной есть еще один живой человек.

Я вытащила цепочку с ключами – каждый ключ на ней был аккуратно помечен цветной точкой лака для ногтей – и взяла ключ Алой Женщины.

– Должна предупредить вас, Амелия, – сказала я, прежде чем вставить его в замок, – это немного жутковато.

– После сада, думаю, мне уже ничего не страшно, – ответила она, расправляя плечи.

Я распахнула дверь. Мы медленно вошли в дом и замерли в безмолвном фойе. Я стояла, прислушиваясь к голосам, Амелия разглядывала кричащие, словно в цирке, цвета и прочие безвкусные детали. Она заговорила первой:

– Такое ощущение, будто попал в картину Сальвадора Дали. Что вовсе не хорошо. Страшно подумать, как это выглядело с их мебелью. Ваша мать намекала, что дом просто ужасен, но даже моего богатого воображения оказалось недостаточно... – Ее взгляд упал на полосатый, под зебру, коврик, и она умолкла.

– К счастью, предыдущие владельцы забрали с собой всю свою мебель, – сказала я, закрывая за нами дверь. – Все остальное, что похоже на старые вещи семьи Приоло, они бросили на чердаке, но мебели там мало. Я почти уверена, что моя мать не взяла ее с собой, когда продала дом, поэтому мне интересно, куда все это подевалось.

Амелия ответила не сразу. Вместо этого она первой шагнула в гостиную с ее большим витражным окном и несколько мгновений

смотрела на него, как будто подыскивала нужные слова. Когда она обернулась, лицо ее было задумчивым.

– Дом был продан с полной меблировкой, – осторожно сказала она. – Ваша мать считала, что так будет лучше.

Я ждала, что она скажет дальше, что она объяснит мне, почему моя мать считала, что просто продать дом было недостаточно – почему ей для завершения предательства понадобилось пустить с аукциона всю его обстановку. Но Амелия, глядя на меня добрыми глазами, молчала.

– Да, так и было, – сказала я, и мой голос звучал резче, чем мне хотелось бы. Боль была столь же свежа, как и в тот первый день, когда я лишилась матери. – Пойдемте, – сказала я чуть мягче. – Давайте пройдемся и посмотрим, какая мебель нам понадобится.

Я было сделала шаг, но Амелия нежно взяла меня за руку.

– Владельцы продали с аукциона мебель вскоре после того, как купили дом. Я знаю это, потому что я была здесь и приобрела несколько предметов антиквариата высокого класса, которые впоследствии продала различным коллекционерам.

Я пристально посмотрела на нее.

– У вас сохранились записи о том, кто их приобрел? – спросила я, стараясь скрыть надежду в голосе.

– Я храню сведения о каждом предмете мебели, какой только мы продали с момента открытия магазина. Я буду более чем счастлива извлечь эти сведения. Тогда вы с матерью сможете обсудить, чего вам хочется, и я с радостью свяжусь с нынешними владельцами. Конечно, гарантировать ничего не могу, но если объяснить, что мы пытаемся вернуть мебель в ее первоначальный дом, думаю, я смогу убедить их продать эти вещи назад.

После того как она сказала «вы и ваша мать», я перестала слушать. Приобретение мебели для дома не имело отношения к моей матери и к тому, чего ей хочется. Я начала воспринимать это как шанс вернуть кое-что из того, с чем мне пришлось расстаться. Мать уже поручила Амелии закупки мебели; ей не нужно знать, откуда та взялась.

– Я буду счастлива взять на себя заботу об этом, – с улыбкой ответила я. – Думаю, моя мать не отказалась бы иметь как можно больше оригинальных произведений.

– Отлично ее понимаю, – сказала Амелия, и я знала, что так оно и есть, и она не станет опровергать мои слова.

– Хорошая новость заключается в том, что одна из вещей, которые я распродала после аукциона, была приобретена нами вновь. Сейчас она в магазине.

– Что именно?

– Дамский письменный стол. Сделан из красного дерева и украшен красивой резьбой на ножках в стиле королевы Анны.

Во рту у меня слегка пересохло.

– Думаю, я знаю его. Точно такой был в гостиной моей бабушки. – Я мысленно перенеслась в детство. Моему внутреннему взору тотчас предстала такая картина: я сижу у бабушкиных ног и вожу пальцем по деревянным резным фигуркам рыб и водорослей на его ножках.

Отгнав прочь воспоминания, я повернулась к Амелии:

– Как случилось, что он вернулся к вам?

Амелия принялась расхаживать по периметру комнаты, неодобрительно глядя на оклеенные обоями в цветочек стены и люстру, явно с гаражной распродажи. Отковырнув наманикюренным ногтем с оконной рамы кусочек фиолетовой краски, она повернулась ко мне:

– Не проходило и полугодя, как покупатели звонили мне, чтобы узнать, не хочу ли я выкупить его обратно. – Она элегантно скрестила на груди руки. – По их словам, от него исходила «странная аура». Якобы температура в комнате, в которой он стоял, всегда была градусов на десять ниже, чем в остальной части дома.

Я застыла, не зная, что ей ответить.

– С тех пор он в магазине, – продолжила она. – Это красивая вещь, которая вызывает большой интерес, но потенциальные покупатели, как правило, в последний момент отказываются от нее. Я дам вам хорошую цену, чтобы освободить место для чего-то такого, что будет продаваться.

– Да, – выдавила я, – я, пожалуй, куплю его.

– Прекрасно. – Она подошла ко мне и взяла обе мои руки в свои. – Я знаю, как это нелегко для вас. Но в конце концов все будет хорошо. Обещаю вам. Я давно знаю вашу мать, и даже если мне непонятны ее мотивы, я уверена, что ею движут благие помыслы. – Она сжала мои

руки, хотя я, если честно, попыталась высвободить их. – Она любит вас, Мелани. Даже не думайте сомневаться в этом.

Наконец она отпустила мои руки, и я отстранилась.

– Давайте не будем об этом спорить, Амелия. – Я протянула руку, приглашая ее идти первой. – Давайте посмотрим остальную часть дома, чтобы вы получили представление о том, что еще нужно сделать.

Проходя мимо, она похлопала меня по руке, но я отвернулась, вновь увидев маленькую девочку, которая, проснувшись однажды утром, обнаружила, что ее мама ушла от нее.

* * *

Через час я закрыла за Амелией дверь, в очередной раз удивившись тому, как такая добрая и умная женщина могла произвести на свет Джека Тренхольма. Я видела его отца только раз, поэтому мне не оставалось ничего другого, кроме как предположить, что ответ на этот вопрос кроется на том конце генофонда.

Я так увлеклась разговором с Амелией и мыслями о матери, что начисто позабыла о возможной опасности, когда пошла в кухню, чтобы позвонить Джеку и узнать, где он. В конце концов, он обещал помочь мне с переездом. Мне было страшно подумать, что я должна перетащить все вещи из машины в дом после того, как всего несколько часов назад проделала то же самое, только в обратном порядке.

Потянувшись к сумочке, я услышала свое имя. *Мелани*. Я медленно выпрямилась. Внезапно в кухне воцарился ледяной холод, и я увидела в воздухе собственное дыхание. Прижимая к груди мобильник, я обернулась.

Уходи, Мелани. Это мой дом.

Меня била дрожь. Мне было гораздо страшнее, чем я была готова себе в том признаться. Я сильнее тебя, сказала я себе, повторяя материнскую мантру. Я хотела спросить, кто он такой, но знала: заговорить с ним – значит придать ему силы. Я же не была уверена, что хочу стать свидетелем. Я сильнее тебя, повторила я и попятилась вон из комнаты.

Ты также не нужна твоей матери. Вот почему она ушла. Что-то холодное и острое коснулось моей щеки, и я вскрикнула, чувствуя, как

с моей кожи капает что-то липкое. Потрогав лицо, я поднесла руку к глазам, чтобы посмотреть, что это. Моя рука дрожала так сильно, что я не сразу увидела на кончиках моих пальцев кровь.

Вспомнив влажные следы в кухне, я запоздало поняла: кто бы или что бы это ни было, он больше не был привязан к черной лестнице или дальним комнатам. Он осмеливался выходить в парадные комнаты, как будто что-то придавало ему силы. Что-то или кто-то.

Я попыталась сдвинуться с места, но мои ноги как будто приросли к полу или же на них надели цементные кандалы. Я с ужасом оглянулась по сторонам, пытаюсь определить, откуда последует новая атака. И в этот момент я услышала другой голос, хорошо мне знакомый, и меня обдала волна облегчения. Злобный призрак моментально исчез, но в комнате по-прежнему оставалось холодно; мое дыхание вырывалось изо рта крошечными белыми облачками.

Мои колени предательски подогнулись; и, дабы не опозорить себя падением, я поспешила опуститься на кухонный пол.

Мелани.

Краем глаза я заметила моего защитника. Скрестив в лодыжках обутые в сапоги ноги, он стоял, прислонившись к плите.

– Спасибо вам, – сказала я вслух. Мою радость было невозможно передать словами.

Ты ранена.

– Да. Что-то поцарапало меня. Кто это был?

Он не ответил. Вместо этого я услышала, как он направился ко мне, его каблуки стучали о плитку в кухне. Когда он остановился рядом со мной, я не осмелилась поднять глаз.

Ты очень смелая, моя прекрасная Мелани. Весьма привлекательное сочетание.

Я обратила внимание на его немецкий акцент и то, какое крепкое у него тело. Я также заметила, что он избегал отвечать на мой вопрос.

Закрой глаза, Мелани.

Я покачала головой:

– Нет.

Я не причиню тебе вреда. Я твой друг. Закрой глаза, и я исцелю тебя.

Поколебавшись пару мгновений, я закрыла глаза. Я почувствовала, как он наклонился ко мне и нежно убрал с моей

поцарапанной щеки волосы. Затем я ощутила, как его губы ласкают мои. Тепло растекалось по мне, посылая мне в кровь электрические искры. Я изумленно открыла глаза, и он исчез. Поднеся пальцы к щеке, я поняла, что та зажила.

– Мелли?

Это был Джек. Я обернулась и увидела, что он стоит в дверях кухни.

– Входная дверь была не заперта, и я позволил себе войти. Что ты делаешь на полу?

– Я, я... ждала тебя. Никаких стульев, – сказала я, констатируя очевидное. Я сама не знала, почему не сказала Джеку правду. И дело не в том, что я сомневалась, что Джек мне поверит. Просто мне подумалось, что я не хочу никому рассказывать про моего защитника.

Он странно посмотрел на меня.

– Ты одна?

– Конечно, – ответила я, пожалуй, чересчур быстро.

– Потому что мне показалось, что я слышал, как ты разговариваешь.

Я поднялась на ноги, мои колени все еще были ватными.

– Разговаривала. С собой. – Я подняла свой мобильник. – Диктовала моей голосовой почте список дел.

Он продолжал странно смотреть на меня.

– Что такое? – спросил я.

– Ты покраснела, и твои глаза горят. Возможно, так на тебя влияют твои списки дел, но, будь на твоем месте кто-то другой, я бы предположил, что ты только что с ним поцеловалась. Если не больше.

Понимая, что это именно я и чувствовала, я гордо прошла мимо него.

– Я бы советовала тебе, Джек, вытащить твои мысли из сточной канавы.

Он увязался следом за мной из кухни.

– погоди, Мелли. Я собирался сделать тебе комплимент.

Охваченная подозрением, я замедлила шаг и повернулась, буравя его глазами. Он улыбнулся, его васильковые глаза вновь сделали свое дело.

– Я собирался сказать, что, когда ты выглядишь так, ты совсем не похожа... как ты тогда выразилась? – на высушенную старуху.

О боже. Выходит, те обрывки разговора, которые, как мне казалось, полностью обитали в моей голове, вовсе не сон. Я было подумала: а не запустить ли мне в него мобильником? Впрочем, Джек не стоил всей нервозности, связанной с покупкой нового.

– Ты солгал мне. Ты заявил, что, будучи пьяна, я не сказала ничего такого, за что мне должно быть стыдно.

– Нет, я сказал, что ты не сказала ничего такого, что заставило бы меня хуже думать о тебе. Вообще-то, поддаться своим внутренним страхам перед сорокалетием было очень даже мило. Думаю, это у нас общее...

Я подняла руку, не давая ему договорить.

– Довольно. Не хочу слышать об этом ни слова. Лучше будь добр, сделай одолжение, помоги мне принести мои вещи из машины? Просто сложи все в вестибюле, потому что я еще не знаю, где буду спать.

Не дожидаясь, пока он ответит, я распахнула входную дверь и, жадно глотая холодный воздух, чтобы остудить себя, спустилась с крыльца.

– Хорошо, если я все еще думаю, что ты красивая? – окликнул он меня.

Я не ответила, вспомнив поцелуй на моих губах и то, как мой защитник заставил меня на пару мгновений забыть слова, которые сказал другой голос: ты не нужна твоей матери. Вот почему она ушла. Я обернулась, чтобы удостовериться, что Джек идет за мной следом, после чего направилась к машине выгрузить вещи перед моим возвращением в дом на Легар-стрит.

Глава 12

Балансируя пончиками и кофе, я, пятясь, вошла в двери офиса «Бюро недвижимости Гендерсона». Ветер нещадно трепал полы моего пальто и волосы, так что я почти ничего не видела. Дверь, когда я изо всех сил пыталась схватить ее, вырвалась от меня, однако в следующее мгновение откуда-то возникла маленькая женская рука и открыла мне, чтобы я могла войти в здание. Я с улыбкой обернулась, чтобы поблагодарить мою спасительницу. Увы, улыбка тотчас соскользнула с моего лица, как только я поняла, что передо мной Ребекка Эджертон.

– Доброе утро, Мелани, – сказала она. Ее лицо и бодрый вид, да еще в такую рань – видеть все это было выше моих сил. – Я знаю, что это ужасно рано, но Джек сказал мне, что вы такая же ранняя пташка, как и я. Поэтому я подумала, что это лучшее время, чтобы поймать вас.

Нэнси вышла из-за стойки администратора, чтобы помочь нам с нашими пальто. Увидев на ней трикотажный спортивный костюм в ромбик, я заставила себя отвернуться. Представляю, чего ей стоило отказаться от игры в гольф, когда погода противоречила ее планам. Я решила, что костюм в ромбик – это ее способ справиться с дурным настроением.

– Спасибо, Нэнси. Это Ребекка Эджертон, репортер из газеты. И старая знакомая Джека.

Наверно, зря сказала эти последние слова, потому что Нэнси расплылась в улыбке от уха до уха.

– О, знакомая Джека! Как мило. Давно я его не видела. Как он поживает?

– У него все отлично. Чуть позже этим утром он едет в аэропорт, чтобы встретить мать Мелани.

– Что-что? – уточнила я, шокированная тем, что ей это известно, а вот мне – нет.

– Да. Несколько дней назад она позвонила Джеку с просьбой, чтобы он ее встретил. Похоже, она закончила все свои дела в Нью-Йорке и готова въехать в свой дом.

От ее слов мне стало мутно. Я не знала, то ли потому, что мать исключила меня из своих планов, то ли потому, что ее возвращение означало, что сегодня вечером меня ждет моя первая ночь в доме на

Легар-стрит. Софи никак не могла дожидаться, когда она наконец займется полами, но я объяснила ей, что одна не проведу в том доме ни единой ночи.

– Интересно, почему она не позвонила мне? – недовольно спросила я.

И Нэнси, и Ребекка посмотрели на меня. Наконец Ребекка сказала:

– Наверное, потому, что она не была уверена, что вы ей ответите.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но тотчас закрыла, понимая, что в принципе она права. Вместо этого я повернулась к Нэнси:

– Будь добра, отвечай на мои звонки и принеси Ребекке кофе, хорошо?

– Конечно, без проблем. Вы любите сливки и сахар, Ребекка?

– Побольше сахара и настоящих сливок, если они у вас есть. Мне всегда бывает мало сахара!

Она издала смешок, однако тотчас заметила, что мы с Нэнси странно на нее смотрим.

– Нет проблем, – сказала Нэнси, выразительно указывая бровью на мой пакет с пончиками и латте с двойным сахаром. – У нас всего этого хватает.

Я направилась обратно в свой кабинет и жестом пригласила Ребекку следовать за мной.

Поставив кофе и пончики на стол, я села и указала Ребекке на стул напротив. Она терпеливо ждала, пока я, положив рядом с собой свой «блекберри», щелкала по компьютеру и открывала календарь встреч, чтобы при необходимости согласовать свой график. Я знала, что такое усердие было излишним, но, когда у меня появился «блекберри», я не спала ночами, страшась пропустить назначенные встречи, если вдруг потеряю телефон, а резервная копия на моем ноутбуке пропадет. Моим девизом было «лучше перестраховаться, чем потом сожалеть», а все потому, что еще в детстве я научилась ставить для моего отца два будильника, чтобы он не опоздал на работу.

Подняв глаза, я увидела, как Ребекка пожирает взглядом мой, весь в жирных пятнах, пакет с пончиками. Открыв второй ящик стола, я, прежде чем она успела попросить меня угостить ее пончиком, сунула пакет внутрь.

– Итак, что привело вас сюда этим ранним утром? – спросила я, пытаюсь изобразить интерес.

Она хлопнула руками по коленям.

– На самом деле две вещи. Во-первых, вчера вечером мы с Джеком так весело провели время за ужином, что я забыла спросить его, удалось ли вам хоть что-нибудь обнаружить в Мимоза-Холле. – Ее голубые глаза буравили меня насквозь, пока она ждала, что я ей отвечу, и это явно было не досужее любопытство.

– Сама поездка в Ульмер прошла без приключений, – медленно сказала я, пропуская сладкий картофель, лужу ледяной воды и бренди. – Но внутри дома мы увидели портрет девушки с медальоном на шее, который был как две капли воды похож на медальон девочки на портрете, который мы нашли на чердаке дома на Легар-стрит.

– В самом деле? Как интересно. Вы сделали снимки?

– Джек, а не я. У нас еще не было возможности их сравнить. Я сунула портрет обратно на чердак, потому что на этой неделе в дом приходят маляры, и наши с Джеком графики не совпадают. – Я не стала рассказывать ей про угрожающий голос, не желая делиться этой информацией с Ребеккой. Я по-прежнему сомневалась, стоит ли ей доверять: кто поручится, что то, что я ей скажу, на следующий день не окажется на страницах газеты?

– На нем были инициалы, что на найденном вами портрете? – Ребекка едва заметно подалась.

Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить сквозь туман выпитого бренди.

– Да. Вообще-то были. Буква «А».

При моих словах ее бледное лицо стало еще бледнее.

– А? Вы уверены?

– Определенно. Никаких сомнений. Думаю, Джек сделал крупный план, чтобы вы могли спросить у него, когда увидите его снова. – Я безуспешно пыталась скрыть издевку в моем голосе. Я пристально посмотрела на нее. – С вами все в порядке? Как вы себя чувствуете?

Она кивнула, но ее улыбка получилась вымученной.

– Я плохо спала прошлой ночью.

Она не объяснила, почему, я же не хотела вдаваться в подробности. Тем не менее вид у нее был такой, будто она вот-вот

опрокинется и свалится со стула. С тяжелым вздохом я вытащила из своего ящичка пончики.

– Может, вам стоит что-нибудь съесть?

Стоило ей заметить в жирных пятнах пакет, как глаза ее прояснились.

– Спасибо. Думаю, это поможет.

Я расстелила на столе две салфетки, положила на них пончик и пододвинула к ней.

– Осторожнее с сахарной пудрой. Можно испачкать одежду.

Нэнси вошла, неся кофе, и поставила на стол две кружки. Не успела я взять свою личную кружку – ту, на одной стороне которой была фраза «Я – № 1», а на другой – магическое изображение дома, которое, когда внутрь наливали горячую жидкость, заменялось словом «ПРОДАНО», – Ребекка заграбастала ее и сделала глоток. Я уставилась на вторую кружку, сплошь разрисованную шарами для гольфа, и на всякий случай подвинула ее к себе, чтобы Ребекка не схватила и ее тоже.

Нэнси посмотрела на пончики.

– Должно быть, здесь происходит нечто важное, потому что я никогда не видела, чтобы Мелани делилась пончиками с кем бы то ни было. Люди боятся за свои пальцы, если они окажутся к ней слишком близко.

Я послала ей испепеляющий взгляд.

– Ребекке нездоровится. Похоже, ей стоит слегка поднять уровень сахара.

На глазах у нас обеих Ребекка откусила от своего пончика огромный кусок, а затем быстро запихала в рот оставшуюся часть. Она улыбнулась нам с набитым ртом и, прежде чем заговорить, сделала еще один глоток из моей кружки.

– Извините. Боюсь, я сильно проголодалась.

На глазах у Нэнси я пододвинула пончик ближе к себе и в подтверждение своих слов быстро откусила кусок. Если честно, я даже думала лизнуть его для пущей убедительности.

– Я купила для офиса булочки с корицей, – сообщила Нэнси. – Я могла бы принести вам пару, если вы все еще голодны.

Ребекка оживилась еще больше:

– О да. Пожалуйста. Если, конечно, это не слишком вас затруднит. – Ее улыбка сделалась шире, и крупинка сахарной пудры упала с ее нижней губы.

Вопросительный взгляд Нэнси быстро сменился вежливой улыбкой.

– Пойду принесу вам булочки и вернусь.

– Спасибо, – сказала Ребекка ей вслед. – А когда у вас будет минутка, я хотела бы знать, откуда у вас эти брючки для гольфа. Они выглядят великолепно.

Нэнси довольно улыбнулась и зашагала в двери. Ребекка повернулась ко мне.

– На чем мы остановились? Ах да. Мы говорили о том, что я не спала прошлой ночью.

Я сунула в рот половину моего пончика, чтобы не сказать то, что очень хотела сказать, и вместо этого просто вежливо кивнула.

– Мне приснился еще один сон. Про вас, хотите верьте, хотите, нет. – Она неуверенно улыбнулась, и я заметила у нее на подбородке еще больше сахарной пудры.

– Вы были с мужчиной, и у меня было сильное впечатление, что между вами что-то было. Как будто вы были любовниками.

– Правда? – Я небрежно подняла свою кружку и сделала глоток.

– Это был не Джек.

Мне показалось, что в ее глазах мелькнуло нечто вроде злорадства.

– Какое облегчение, – сказала я, почему-то ощутив укол разочарования, и сделала еще один глоток кофе.

– Вообще-то, это был блондин. И он говорил по-английски, но с сильным акцентом.

Моя нога задергалась в колене; я опустила руку, чтобы ее придержать.

– Странно, – сказала я, стараясь не выказывать интереса. – И что мы делали?

Ребекка слегка поерзала на своем стуле.

– Ну, могу сказать, что я не видела что-то конкретное, но у меня возникло ощущение, что вы знаете друг друга довольно близко.

Я подавилась и выплюнула кофе. Резко встав, я вытащила из сумки с пончиками салфетку, чтобы вытереть подбородок и стол. Я

хотела спросить ее, был ли тот мужчина одет в форму Войны за независимость, но тогда бы я себя выдала. Вместо этого я сказала:

– Это не может не беспокоить, ведь сейчас я ни с кем не встречаюсь.

– Я не говорила, что вы встречались с ним.

Наши взгляды встретились; она одарила меня полуулыбкой, полной недосказанности.

– Есть идеи, кто он? – спросила она.

– Никаких, – ответила я, не отводя взгляда, и откинулась на спинку стула. – Есть идеи, кем, по вашему мнению, он может быть?

Ребекка покачала головой:

– Не совсем, хотя я знаю, что вы были на кухне в доме на Легар-стрит. И он все время указывал на камин, которого, когда я была там, я не заметила.

– Интересно, – сказала я. – Потому что раньше на кухне был камин, но предыдущие владельцы заштукатурили его.

Она выгнула бровь:

– Ну что ж. Вдруг этот человек хочет, чтобы вы его восстановили.

– Может быть, – согласилась я. – Возможно, это какой-то мертвый защитник старины, который в ужасе от того, как теперь выглядит дом. Поверь мне. Даже у меня возник бы соблазн воскреснуть из мертвых, если бы кто-то сотворил такое с моим домом.

Нэнси вернулась в кабинет с двумя тарелками – на каждой булочка с корицей и вилка – и поставила их перед нами. Ребекка потянулась к своей вилке, прежде чем Нэнси успела выйти за дверь.

Ребекка улыбнулась и промокнула уголки рта салфеткой.

– Кстати, о старых домах, скажите, вы вспомнили имя нынешнего владельца Мимоза-Холла? Я подумала, вдруг это даст нам какие-то факты и поможет связать девушек на портретах.

– Их фамилия Макгоуэны, но они не первоначальные владельцы. По словам Джека, Макгоуэны купили дом у Крэндаллов в годы Депрессии. Миссис Макгоуэн – ее не было в городе, когда мы заехали к ним, – теперь роется на чердаке в поисках дополнительной информации, но она помнит про какую-то трагедию во второй половине девятнадцатого века, которая затронула их семью. Она пообещала Джеку, что сообщит, когда выяснит.

Рука Ребекки с салфеткой в ней замерла в воздухе у ее губ.

– У Крэндааллов? Вы уверены?

– Да, именно так мне сказал Джек. А вам что-то о них известно?

Она попыталась придать себе невозмутимый вид.

– Просто «Крэндалл» не похоже на местное имя, вот и все.

– Нет, они родом из Коннектикута. Согласно исследованиям Джека и Ивонны, к ним всегда приезжали в гости родственники с севера.

– Интересно, – сказала она слегка натянуто. – Может, мне есть смысл заняться их семейной историей? Вдруг это по крайней мере поможет выяснить, кто эта девушка с медальоном. А может даже, даст ключик к разгадке, кто эти две девушки на вашем портрете.

– Замечательно, – сказала я, пододвигая к себе календарь и мобильник и давая Ребекке понять, что мне нужно вернуться к работе.

Как ни странно, она поняла мой намек и встала.

– Тогда не буду мешать. Спасибо за пончик и булочку с корицей – лучший способ начать день не могу придумать.

Я нахмурилась, вспомнив, что она говорила это уже не раз.

– Спасибо, что зашли. Дайте мне знать, если узнаете что-нибудь о девушке на портрете.

– Непременно. – Она перебросила ремешок сумочки через плечо. – Ой, едва не забыла про еще одну вещь, о которой хотела вас спросить.

Держа наготове мой «блекберри», я в упор посмотрела на нее.

– Да?

– Вообще-то, это просьба. Каждый год историческое общество проводит рождественский тур по домам, и я предложила включить в него в этом году ваш дом на Легар-стрит. Понимаю, что сделала это в последний момент, но я подумала, что его непременно следует включить.

Я в ужасе уставилась на нее.

– Вы серьезно? Там внутри как в студенческой общаге, где каждый второй сидит на веществе. Мы никак не успеем провести там ремонт...

Ребекка взмахом руки перебила меня:

– В этом все и дело. Я подумала, что неплохо сделать дом на Легар-стрит первым в экскурсионном туре, чтобы показать людям, что

происходит, когда историческая ценность старых домов игнорируется, а затем показать другие дома, так сказать, другой конец спектра.

Я покачала головой:

– Моя мать никогда не согласится...

Ребекка в очередной раз перебила меня:

– Вообще-то, она уже дала согласие. Я говорила с ней, когда она была в Нью-Йорке, и она сказала, что это отличная идея.

Я нахмурилась:

– Она ответила на ваш телефонный звонок?

Ребекке хватило совести покраснеть.

– Вообще-то, я одолжила телефон у Джека, пока он выносил мусор. Она не знала, что ей звоню я.

Я вновь нахмурилась, не зная, по какому поводу мне злиться больше – то ли из-за уловки Ребекки, то ли из-за того, что моя мать была готова открыть свой дом для экскурсионного тура.

– Она сказала «да»?

– Да. По ее мнению, это не только поможет собрать средства для исторического общества, но это также отличный способ вновь напомнить о себе жителям Чарльстона. Она уже пообещала, что в следующем году дом будет включен в экскурсию как пример дома «до и после». Она также сказала, что вы будете только рады выступить в качестве гида.

– Неужели? – Мое удивление мгновенно сменилось злостью. – Какая щедрость с ее стороны!

Ребекка кивнула:

– Я сказала то же самое. По ее словам, теперь вы настоящий эксперт по реставрации и могли бы провести экскурсию и объяснить ваши планы касательно дома.

Я покачала головой:

– Нет. Я не буду этого делать. Извини. Я не эксперт, и я не претендую на это звание. Спросите у Софи.

Ребекку мой ответ отнюдь не обрадовал.

– Но Джек сказал, что вы будете рады это сделать, и вы уже в списке.

Я уронила свой «блекберри» на стол.

– Джек?

– Да. Он уже работает над костюмами времен Гражданской войны. Он считает, что вы с ним могли бы сделать это вместе. – Ее лицо немного просветлело. – Там будут фотографии из «Пост энд Курьер» и чарльстонского журнала. По-моему, вашему бизнесу будет только на пользу, если ваше лицо и имя засветятся там.

Конечно же, она попала в нужную цель, как она и планировала. Пока я молча взвешивала все «за» и «против» переодевания и проведения тура по ненавистному дому ради такого благого дела, Ребекка узрела в этом для себя возможность сбежать и начала подбираться к выходу. Прежде чем я успела что-то сказать, она уже открыла дверь.

– Я могу сказать, что вы заняты. Когда подойдет время, я пришлю вам больше деталей. Еще раз спасибо.

Помахав мне, она ушла, оставив за собой шлейф дорогих духов.

* * *

Я стояла на крыльце перед домом на Легар-стрит, не зная, то ли мне постучать, то ли войти самой. В конце концов, это был дом чужого человека, и я не знала, как себя повести. Я стояла, созерцая дверь. Через мое плечо была перекинута сумка с остатками вещей, которые мне понадобятся в ближайшие нескольких месяцев: косметика, средства для ухода за волосами, фланелевая ночная рубашка и тапочки, а также несколько рабочих таблиц – я составила их для ускорения работ и сокращения времени, которое мне предстояло провести в этом доме. Я оглянулась на мою машину и Генерала Ли. Тот сидел сзади в своем автомобильном кресле, и его ободряющий взгляд дал мне хорошую порцию моральной поддержки.

На подъездной дорожке был припаркован незнакомый белый «Кадиллак», а вот «Порше» Джека, на мое счастье, не было видно. По словам Ребекки, он привез мою мать домой почти три часа назад. По моим собственным прикидкам, у него было достаточно времени, чтобы внести в дом ее чемоданы, попытаться очаровать ее и уехать. Именно поэтому я ждала до пяти часов, чтобы появиться здесь. Нервно взглянув на раннее вечернее небо, я подняла руку и осторожно постучала.

Пока я ждала, когда мне откроют, я в качестве приветствия для моей матери попыталась придать лицу холодное, безразличное выражение. Удержав его в течение долгих трех минут, я начала процесс заново, с трех куда более громких ударов.

После трех долгих минут мое лицо начало болеть, поэтому, с неохотой опустив руку, я взялась за ручку двери и, поколебавшись мгновение, повернула ее. К моему великому удивлению, дверь оказалась не заперта. Интересно, подумала, мать забыла ее запереть или тут явно что-то еще, как подсказывал мне мой жизненный опыт.

Я осторожно толкнула дверь и вздрогнула; шок от похожего на цирк интерьера ничуть не ослаб с предыдущего раза. Но где-то за аляповатыми красками и безвкусными деталями я ощутила знакомый запах старых домов: запах полированного дерева, старинных тканей и мягкого дыхания людей, давно ушедших, но чье присутствие по-прежнему витало в воздухе. И разумеется, свист огромного количества вылетающих в трубу денег.

При всей моей растущей любви к величественным особнякам к югу от Брод-стрит, по-прежнему случались моменты – обычно после очередного зверского сеанса соскабливания краски с резных молдингов или сдирания наждаком столетних слоев лака, – когда я с тоской представляла себе, как все проблемы, связанные с реставрацией дома, решались одним ударом тяжелой строительной «бабы».

Я шагнула в пустой вестибюль. Мое внимание мгновенно привлекла закрытая дверь, которая вела в гостиную. Из-за двери доносилось тихое ритмичное бормотание. Мне тотчас вспомнилась похожая сцена, когда я была еще ребенком. Я опустила сумку и, движимая порывом гнева, шагнула вперед.

Вместо того чтобы остановиться у закрытой двери, я настежь распахнула ее. Мои мысли тотчас подтвердились, стоило мне увидеть мать и еще одну женщину, сидевших напротив друг дружки в двух виндзорских креслах. Последние подозрительно напоминали кресла из моего дома на Трэдд-стрит, которым, по словам Софи, она якобы нашла временный дом, пока в моем заново перестилают полы. Моя мама без перчаток держала руки другой женщины ладонями вверх. Глаза моей матери были открыты и обращены к потолку, который, как я впервые заметила, по неким необъяснимым причинам, был оклеен обоями с пурпурными звездами и облаками.

Я застыла в дверях. Внезапно меня обдало порывом холодного воздуха. Пустой взгляд моей матери переместился на меня, словно летящий на пламя мотылек. Лампочки замигали и потускнели. Нити пластиковых бус, висевших на окнах, начали раскачиваться, а нечто похожее на силовое поле вокруг моей матери надавило на меня, словно мягкий кулак. Но вместо того чтобы оттолкнуть, оно, казалось, притягивало меня, вернее даже, засасывало. Я вцепилась в дверной проем. Увы, ладони мои были влажными от холодного пота, а деревянный косяк – скользким. Я вновь посмотрела на омерзительный потолок и зеркальную люстру с тремя десятками небольших круглых лампочек. Внезапно те вспыхнули ярче – так, что их свет резал глаза, – и одна за другой начали лопаться. Их осколки летели вниз, словно падающие на землю звезды.

Обе женщины тотчас опустили руки и прикрыли головы.

– Уйди!

Я вздрогнула. В первый миг я даже не узнала голос матери, пока она не повторила свой приказ.

– Уйди! – сказала она громче. – Живо. Здесь небезопасно!

Я, спотыкаясь, попятилась из комнаты. Невидимая сила вокруг меня постепенно ослабла, словно пальцы ребенка, которые один за другим отпустили юбку матери.

Я рухнула на грудь своих вещей, совершенно обессиленная и неспособная стоять на ногах, не говоря уже о том, чтобы двигаться. Я сидела, тяжело дыша, пока моя мать и ее гостя не вышли из гостиной. Мать торопливо пересекла комнату и взяла мои руки в свои. Ее прикосновение показалось мне абсолютно чужим, как иностранный язык. Я попыталась отстраниться, но она держала меня крепко.

– Ты чувствовала это, не так ли?

Я не ответила; мой взгляд был устремлен на женщину за ее спиной. Та стояла, заламывая руки, словно ей хотелось одного – поскорее отсюда уйти.

Я снова посмотрела на мать:

– Ты устроила гадание, не так ли? Ты же знаешь, отец не любит, когда ты это делаешь.

В ее глазах мелькнула лукавая искорка.

– Но ведь это мой дом. И твой отец мне в нем не указчик. – Она сжала мои руки и посмотрела мне в глаза: – С тобой все в порядке?

Я кивнула. К моему облегчению, она отпустила мои руки и встала.

– Это Глория Элмор, моя старая подруга, – пояснила она, указав на свою спутницу. – Она хотела поговорить со своим сыном.

Мне не нужно было спрашивать, мертв ли ее сын. Я видела, как он стоял рядом с матерью за миг до того, как взорвалась люстра; зияющая рана на его голове подтвердила мое подозрение, что его больше нет в живых.

Я встала и поздоровалась с миссис Элмор. Что-то подсказывало мне, что, когда я была маленькой, она была в числе многочисленных подруг моей матери, что обычно собирались вокруг нее на вечеринках и спиритических сеансах и чье присутствие в нашей жизни подпитывало напряженность между моими родителями.

Я подождала, пока моя мать, извиняясь и что-то невнятно твердя про перегоревшие пробки, проводит миссис Элмор до двери. Я чувствовала, как у меня покалывает затылок; ноздри щекочет безошибочный запах пороха. Я огляделась по сторонам в надежде увидеть моего солдата, но его нигде не было. Интересно, от кого он прячется?

Не успела за миссис Элмор закрыться дверь, как я набросилась на мать:

– Ты думаешь, что ты делаешь? Ты здесь всего один день и уже решила сделать нас посмешищами в глазах всего города. Тебе не приходило в голову, что у меня есть профессиональная репутация и твои шалости могут мне аукнуться? – Я подняла руку. – Впрочем, погоди. Какая разница. Мои страдания никогда не сдерживали тебя, так почему я жду этого сейчас? Так что давай, продолжай в том же духе, чтобы окончательно угробить мою жизнь, которую я с таким трудом все эти годы строила. Вернее, ту ее часть, которая уцелела, когда ты бросила нас с отцом.

Я было направилась к двери, чтобы демонстративно выйти вон, но, поняв, что идти мне больше некуда, остановилась. Когда мать заговорила, в ее голосе мне послышалась улыбка, как будто она тоже понимала.

– Просто мы такие, Мелли. Это наш дар. И нам решать, как нам с ним поступить – скрыть от мира или помогать другим. В любом случае он никуда от нас не денется.

Внезапно я ощутила себя совершенно опустошенной. Ведь я осознала правду ее слов еще тогда, когда мой отец впервые наорал на меня, требуя, чтобы я прекратила разговаривать с людьми, которых, по его словам, там не было. Именно этот дар связывал меня и мать, и я потратила годы, пытаясь развязать его узел. К сожалению, еще в детстве я поняла: страстно желать чего-то вовсе не означает, что ваше желание осуществимо. Наши взгляды встретились.

– Почему ты здесь? Что вынудило тебя вернуться?

Она выглядела такой же измученной, как и я. Заговорила она не сразу.

– Ради тебя, – тихо сказала она. – Все, что я когда-либо делала, было ради тебя.

– Странный, однако, способ показать это, – тихо сказала я; злость в моем голосе исчезла, уступив место усталости и смирению. А в следующий миг мое внимание привлекла вспышка света из гостиной. Мы с матерью как по команде повернули головы. Я было бросилась к двери, но мать удержала меня.

– Не бойся, – сказала она. – Это сын миссис Элмор прощается с нами.

Я растерянно посмотрела на нее. До того как бросить нас с отцом, она постоянно общалась с духами умерших. Так что кому как не мне было знать: явление, которому мы только что стали свидетелями, не из разряда обычных. Что-то изменилось.

– Но ведь пока я не вошла в комнату, ничего не случилось.

Она посмотрела на грудку сумок и подошла, чтобы взять мою маленькую косметичку.

– Это наверняка как-то связано с проводкой. Ты не могла бы порекомендовать мне хорошего электрика. – Она улыбнулась. – Ладно, давай займемся твоим обустройством.

Я была достаточно взрослой, чтобы позволить моей матери и моему прошлому распоряжаться моей жизнью; в данной ситуации самым разумным было не противоречить ей, даже зная, что она не права. Я подняла с пола сумку с вещами.

– Мне нужно забрать из машины Генерала Ли. Но сначала скажи, какую комнату ты мне выделишь. Только не в дальней части дома, прошу тебя.

В ее глазах вновь промелькнула улыбка.

– Мы с тобой в двух передних спальнях, которые соединяются через гардеробную. Стены там окрашены в ядовито-зеленый цвет, и я обещаю, мы их перекрасим в первую очередь. Не хочу начинать каждый день с мигрени. – Она на мгновение умолкла. – В твоей спальне на потолке есть картина, изображающая, как мне кажется, сцену из последних дней Нерона. Если хочешь, можешь спать на боку, пока мы ее не закрасим.

Я с тревогой посмотрела на мать, но та уже шагала к лестнице. Впрочем, наполовину поднявшись на нее, она заговорила снова:

– Нам нужно обсудить вечеринку по поводу твоего сорокалетия. У меня уже родились кое-какие предложения. Например, в каком-нибудь ресторане у моря, со множеством фейерверков. Или в яхт-клубе. Но я всегда думала, что там будет твой свадебный прием, поэтому пусть этот вариант останется про запас. В любом случае, нужно что-то сделать с твоими волосами. Я подумала, может, тебе сделать мелирование? Или давай спросим у Джека, что он думает.

Я не поняла, что она имела в виду: мой день рождения или мои волосы. В любом случае, я скорее спрошу совета у обвешанного фотокамерами туриста или у Генерала Ли, чем у Джека. У меня не было ни малейшего желания видеть его самодовольную физиономию. Если я когда-нибудь и спрошу его совета, то разве по поводу того, где поставить диван или стол.

Не зная, что ответить, я лишь состроила в спину матери гримасу. Мои ноги, когда я поднималась по лестнице, казались свинцовыми – как будто опутанными тяжелыми кандалами вопросов, накопившихся за тридцать три года. Я смотрела ей в спину: ее голые руки избегали касаться перил. Мне же не давал покоя вопрос: почему спустя все эти долгие годы Джинетт Приоло Миддлтон вдруг решила снова стать моей матерью. Или почему этот факт не расстроил меня так сильно, как мне хотелось бы.

Глава 13

На следующее утро я проснулась оттого, что рядом со мной дрожал Генерал Ли – наше с ним дыхание витало облачками пара над нашими головами. Простыни и одеяла лежали грудями вокруг кровати, все четыре окна были широко распахнуты, длинные ярко-красные шторы трепетали, словно порхающие по комнате мотыльки. Прижав песика к груди, я кое-как закрыла окна, после чего вернулась в постель еще минут на двадцать, на сей раз под одеяла, пока мы с ним наконец не согрелись и не оттаяли настолько, чтобы снова выйти на улицу.

Я не боялась. Во всяком случае, этих призраков. Зная их с детства, я понимала: они просто напоминают мне о своем присутствии. Я даже удивила себя тем, что быстро уснула прошлой ночью, без излишних размышлений о том, как хорошо, что от смежной комнаты, где спит моя мать, меня отделяет всего одна дверь. Перед сном я попыталась читать – публикацию в университетском журнале о происхождении Фонда истории Чарльстона. Журнальчик дала мне Софи – для того чтобы я прониклась еще большей любовью к историческим зданиям города и усилиям по их восстановлению для нашего коллективного потомства. Уснула после первой же страницы. И вовсе не потому, что книга была плохо написана, а ее тема неинтересна; просто я каждый день на собственной шкуре испытывала все прелести реставрации исторического дома, и мои куцые ногти служили тому свидетельством. Не хватало мне перед сном усугублять мои страдания на сей счет.

Стараясь не обращать внимания на зеркальные потолки и стены, а также фестоны из красного бархата на окнах, которые куда больше подошли бы для борделя, я быстро приняла душ в соседней ванной комнате. Подставив спину под струи душа и держа один глаз открытым, чтобы видеть дверь, я намылилась, оттерла себя мочалкой, побрила ноги, вымыла голову и намазала волосы кондиционером. Втерев в кожу увлажняющий крем, я быстро оделась и направилась вниз. Генерал Ли увязался за мной.

Бормотание голосов – мужского и женского – привело меня в кухню. Я тотчас узнала голос моей матери и нечто похожее на ее хихиканье. Тотчас ускорив шаг, я подошла к кухонным дверям и распахнула их.

Мои родители, каждый с дымящейся кружкой кофе в руке и блюдом пончиков на столе между ними, сидели рядышком и смотрели друг на друга, словно подростки на вечеринке. На столе, рядом с чем-то похожим на стопку фотографий, лежал букет свежесрезанных розовых роз. Услышав, как я вошла, они одновременно подняли взгляд. В глазах обоих читалась смесь вины и ужаса, как будто их только что застукали за общением с врагом.

Мать резко встала. Кофе выплеснулся из кружки, и в этот момент моему взгляду предстал красный шелковый халатик, почти прозрачный, который едва прикрывал такую же ночную сорочку. Я открыла было рот, чтобы предложить принести мой махровый банный халат, но ничего не сказала, дабы не акцентировать тот факт, что моя мать носила более соблазнительное белье, чем я. Да и выглядела в нем гораздо лучше. Хотя нам обеим передались гены Приоло, отвечавшие за рост и стройность, ей неким загадочным образом достался ген неизвестной ветви генеалогического древа, благодаря которому у нее имелась грудь. В отличие от нее я в старших классах и колледже для галочки носила спортивные бюстгалтеры и даже сейчас могла бы легко обходиться без лифчика, и никто не заметил бы разницу.

– Доброе утро, – сказала я, в первую очередь для того, чтобы не дать сорваться с языка единственному слову, которое пришло мне в голову – «фу»! Подойдя к кухонному столу, на котором стояли кофеварка и чистая кружка, я налила себе чашку, после чего вывела Генерала Ли на улицу облегчиться. Когда мы вернулись, Генерал Ли мгновенно подскочил к миске с едой, в которую кто-то – должно быть, мой отец – уже насыпал корм. Я снова посмотрела на моих родителей.

– Доброе утро, Мелли. Твой отец заехал к нам и привез нам пончиков из пекарни Рут. Это было наше любимое заведение, помнишь? Я брала тебя туда маленькой девочкой.

Ощущая лицом горячий пар, я закрыла глаза. Как не помнить! Как бы я ходила туда все эти годы, если бы забыла? Но мне всегда не давал покоя вопрос: что тянуло меня туда снова и снова? Только ли чудесные пончики и кофе, которые там продавались, или же я пыталась найти там нечто такое, что давно потеряла, хотя и не могла вспомнить, что именно.

Я снова открыла глаза и повернулась к ним лицом.

– Нет. Пожалуй, не помню.

Неисправимая сладкоежка, я, не глядя ни на одного из них, подошла к столу и взяла глазированный пончик.

– Мне нравится твой костюм, Мелли, – сказала мать, критически на меня глядя. – Но юбку лучше слегка укоротить. У тебя потрясающие ноги, и их не стыдно немного показать людям.

– В моей профессии, мама, – сказала я, проглотив наконец застрявший в горле пончик, – важно, чтобы люди воспринимали меня серьезно. Если я начну одеваться как проститутка, то вряд ли этого добьюсь. – Сказав это, я бросила критический взгляд на ее откровенный наряд и откусила еще один кусок пончика. Странно, но мать не клюнула на мой намек и ничего не сказала по поводу щепетильных сорокалетних женщин, которым светит одиночество.

Вновь посмотрев на нее, я увидела, что ее взгляд устремлен на мою шею.

– Что это?

Я в замешательстве поставила кофейную кружку на стол и, потрогав вырез жакета, нащупала золотой медальон в форме сердца с буквой «М» на крышке. Сама не знаю, почему я его носила. Во-первых, его следовало хорошенько почистить, а во-вторых, я бы не сказала, что он мне нравился. Носить его, словно некий талисман, меня заставляло нечто похожее на чувство долга. Правда, что это за талисман, я точно не знала.

Мой отец тоже встал из-за стола.

– Ей его дал я, Джинни. Его нашли на том судне, и мы решили, что пусть он лучше принадлежит Мелани, а не лежит где-нибудь в пластиковом пакете. Полиция уже изучила его и задокументировала, так что никто не скажет, будто я присвоил ценную улику или что-то в этом роде.

Но мать, похоже, его не слушала.

– Он точно такой же, как и на портрете.

Я кивнула, и наши взгляды встретились. Она подняла было руку, но затем медленно опустила ее.

– Почему ты не показала мне его раньше? – едва слышно спросила она, чтобы ее не услышал мой отец.

Ответ был прост:

– Потому что я знаю, что он сделает с тобой.

Она недоуменно выгнула бровь:

– Вот уж не думала, что тебе это небезразлично.

Я на миг задумалась над ее словами. Мне давно хотелось попросить ее взять медальон в руки, чтобы узнать, скажет ли он ей что-нибудь, но я знала, что некоторые предметы делали с ней. Я хорошо помнила дни, когда она бывала лихорадочной, не могла есть, дни, когда видения и голоса не оставляли ее в покое, потому что до этого ей пришлось иметь дело с чьим-то мощным посланием. Именно поэтому она все время носила перчатки. И все же я не знала, почему ничего не сказала ей: то ли боялась, что это причинит ей вред, то ли, что она скажет мне «нет».

Я посмотрела на отца. Тот сделал вид, что даже не пытается слушать.

– Есть другие способы определить личность женщины на портрете, – сказала я.

Мать шагнула ко мне и, прежде чем я смогла отступить, положила мне на плечо руку.

– Неужели тебе не понятно? Вот почему я здесь. Мы должны сделать это вместе. – Она слегка сжала мою руку. – И я готова ради тебя на все. На все. Потому что ты моя дочь, Мелли.

Последние слова были сказаны так, как будто это все объясняло, как будто они могли заполнить все зияющие пустоты моего детства, словно растопленное масло поры теста в булочке. Меня это поразило настолько, что я даже не заметила, когда она шагнула ближе и, протянув голую руку, сжала в кулаке медальон.

В первые мгновения ничего не случилось. Но затем ее рука задрожала, как будто по ее телу пробежал электрический ток. Глаза закатились, ресницы дрогнули; она подняла вторую руку, как будто хотела унять дрожь в первой. Рот ее был открыт, но она, казалось, была не в состоянии произнести ни единого слова... или же ее собственные слова заглушались чем-то невидимым. Затем голосом, не принадлежащим ей, тяжелым и липким, как черный деготь, она сказала:

– Отдай это обратно. – Она облизнула губы, и я увидела, что они потрескались и шелушились, как будто она долго плавала в океане. Между тем странный голос снова произнес: – Он мой. Это все мое.

Прежде чем я смогла ответить или как-то отреагировать на эти слова, мать отпрянула и выронила медальон, как будто он обжег ей

руку. А, прикоснувшись к моей коже, обжег и ее. Я посмотрела на мать. Та сжимала и разжимала кулак.

– С тобой все в порядке? – спросила я.

– Да. Да, все нормально, – сказала она и, подойдя через всю кухню к раковине, подставила руку под струю воды.

Отец встал и пристально посмотрел на мою мать.

– Что это было?

Ни она, ни я не ответили, то ли потому, что не знали ответ, то ли потому, что даже если бы и знали, не важно, скажи мы ему или нет, он все равно бы нам не поверил.

– Кто это был? – спросила я мать сдавленным голосом.

Она покачала головой и оперлась на стол, пытаясь отдышаться.

– Я не уверена. – Она снова покачала головой, словно пыталась стряхнуть наваждение, а затем встретилась со мной взглядом. Ее глаза были широко раскрыты и налиты кровью. На какой-то миг мне показалось, что это вообще не ее глаза. Несколько раз энергично моргнув, она заговорила дальше: – Но я знаю, что тебе не стоит носить этот медальон. Это нехорошо, Мелли. Он принадлежал... ей. – Она на мгновение закрыла глаза. – Нет, я неправильно выразилась. Сначала принадлежал... а потом – нет.

– Это полная бессмыслица. – Я схватила медальон, не уверенная в своей привязанности к нему, но и не желая терять его, и ощутила лишь холодный металл.

Меня мучило. Я вновь ощущала тошнотворный запах стоячей морской воды и гниющей рыбы. Я была готова опрометью броситься из комнаты, притвориться, что ничего не происходит, но я окаменела, наблюдая сцену из фильма ужасов, о финале которого я могла только догадываться.

– Мы не такие, какими кажемся, помнишь? Возможно, все это взаимосвязано. – Взгляд моей матери не дрогнул, я же изо всех сил пыталась сказать что-то бойкое, чтобы забыть этот голос, притвориться, что я не могла видеть и чувствовать запах вещей, которых там не было.

– Что, черт возьми, здесь происходит? – снова спросил мой отец.

Мы с матерью заговорщицки переглянулись; отец продолжал буравить нас обеих недоуменным взглядом. Так с нами троими бывало

всегда, и я не очень удивилась, увидев, что за прошедшие годы ничего не изменилось.

Она на мгновение закрыла глаза, затем сглотнула и подошла к отцу:

– Не говори больше ни слова. Это выше твоего понимания и твоей способности видеть вещи, которые не являются черно-белыми. Я не буду с тобой спорить, так что давай оставим эту тему.

Мой отец посмотрел на меня, очевидно, ожидая, что я поддержу ее или, наоборот, попробую возразить – я не была уверена, что именно, – но я лишь отвернулась, вновь ощутив себя ребенком, не способным занять сторону одной из двух команд, которые были мне одинаково дороги.

Расправив плечи и придав себе царственный вид – насколько то возможно, если на вас менее ярда полупрозрачной ткани, – моя мать сказала:

– Я ухажу, чтобы ты мог рассказать Мелани, что ты сказал мне ранее, а затем вы можете обсудить ваши планы относительно сада. За их воплощение в жизнь отвечать будет Мелани, так что тебе вообще не нужно иметь дело со мной. Думаю, мы все согласимся, что так будет лучше. – Она уже было направилась к двери, но потом повернулась к отцу. Интересно, услышал ли он, как дрожит ее голос. – И я уже говорила тебе, не называй меня Джинни. Мое имя Джинетт.

Взяв еще один пончик, она завернула его в салфетку и, пытаясь замаскировать неуверенные шаги, с гордо поднятой головой направилась к выходу. Постепенно стук ее высоких каблуков стих в коридоре.

Я пристально посмотрела ей вслед, пытаясь понять, в какой момент моя мать превратилась из постороннего человека в союзника.

Предчувствуя, что сейчас скажет мой отец, я в упреждающем жесте подняла руку.

– Не надо, потому что я не хочу это слышать. Пусть каждый из нас останется при своем мнении, и давай просто обсудим сад.

Его взгляд переместился на медальон у меня шее, а затем вновь на мое лицо.

Вид у него был обиженный, но что я могла с этим поделать? Пытаться заставить его понять нашу способность видеть то, чего не

видел он, было очень сродни попытке получить разрешение на строительство небоскреба в центре Чарльстона.

– Хорошо, если ты так хочешь. Но все это фокус-покус...

– Папа! – прервала я его.

– Верно. – Он сгреб фотографии в кучу и придвинул мне стул. Я села за резной стол – еще одна старая вещь из моего дома на Трэдд-стрит, которую я узнала. Я поставила мысленную галочку, что должна поговорить на эту тему с Софи. Сев, я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Я все еще не пришла в себя от того голоса. Такое нелегко забыть или задвинуть на задворки сознания. Отец сел рядом со мной и принялся перебирать снимки. Он пристально посмотрел на меня ясным взглядом, который все еще был для меня в диковинку.

Ноздри мне щекотал запах его одеколona. Интересно, сколько времени должно пройти, прежде чем я перестану ожидать запах несвежего пива и кислого виски, сопровождавший все мои детские годы?

– Вчера следователи завершили судебно-медицинскую экспертизу останков и сегодня сообщат результаты прессе, – сказал он и вздохнул.

Я напряглась, моя нога беспорядочно задергалась под столом.

– Власти сделают официальное заявление, – продолжил отец, – но мой приятель разрешил мне заранее сообщить вам с матерью результаты, при условии, что вы никому не разболтаете.

– Разумеется, – сказала я, чувствуя, как пересохли мои губы.

– Они определили, что это женщина, ростом примерно пять футов и два дюйма. И что на момент ее смерти ей было от двадцати до двадцати четырех лет.

Вспомнив голос, я на мгновение закрыла глаза. Разумеется, он прав. Мне стоило немалых трудов сохранить спокойствие.

– Что-то еще?

По-прежнему перебирая фотографии, он кивнул. Еще одна новая привычка, которую я заметила в нем, с тех пор как он начал посещать собрания анонимных алкоголиков; его руки пребывали в вечном движении, как будто он старался их чем-то занять, чтобы они не заметили отсутствие в них бутылки или стакана.

– Ты уже знаешь про травму черепа, но судмедэксперты также обнаружили некую генетическую аномалию в бедре. Мой приятель объяснил мне это на медицинском жаргоне, но если коротко, то там

что-то не в порядке с суставом. В наши дни эта проблема решается хирургическим путем, но в то время человек был обречен всю жизнь хромать.

Я подалась вперед:

– Хромать? Насколько я знаю, в семье Приоло никто никогда не хромал и не делал никаких операций, чтобы это исправить. Я могу уточнить у матери. И у Ребекки. Она изучает историю нашей семьи. Может, она тоже что-то нашла.

Отец кивнул. Его руки по-прежнему перебирали фотографии.

– Надеюсь, кто бы она ни была, она никак не связана с нами. Тогда эта история забудется скорее.

Я посмотрела ему в глаза, но смогла лишь кивнуть. Вряд ли он будет рад услышать, что эта история забудется лишь тогда, когда мы с матерью вынудим ее призрак оставить нас в покое. Или когда я первая покину дом на Легар-стрит со всеми его призраками.

Я положила руки на его пальцы, успокаивая их.

– Можно взглянуть?

– Конечно, – сказал он, придвигая их ко мне. – Я вспомнил, что имелись снимки сада, сделанные, когда здесь в шестидесятые и в начале семидесятых годов жила твоя бабушка. У меня имелась целая коробка снимков, которые я сделал из окна дома после того, как твоя бабушка умерла, и я подумал, что они могут быть здесь.

Он постучал по верхнему фото.

– И оказался прав. С помощью этих снимков я смогу восстановить сад таким, какой он когда-то был.

Я принялась перебирать фотографии, и каждое фото несло в себе воспоминание о лучшей поре моего детства. Здесь были снимки сада с его травяным партером, вьющимся жасмином, цеплявшимся за ворота, и красными кирпичными дорожками, обрамленными строгими кустами самшита, чей запах всегда напоминал мне о доме.

Но были также и снимки меня в раннем детстве, на которых я, сидя за кованым железным столом, потягивала чай из настоящей фарфоровой чашки, а моя бабушка сидела рядом со мной на скамейке и улыбалась в объектив. Отметив про себя, как поразительно, взрослая, я похожа на нее, я невольно улыбнулась. Мой взгляд застыл на следующем фото: на нем я смеялась, стоя перед статуэткой, которую бабушка купила в Италии. Помнится, я тогда нашла ее невероятно

смешной, потому что маленький мальчик был голым. Впрочем, сейчас мое внимание привлекло нечто иное: кольцо с бриллиантами и сапфирами и такие же серьги, которые были на мне. Это наверняка были дорогие вещи, стоившие огромных денег, но бабушка без колебаний разрешила мне надеть их во время одного из наших чаепитий. Я тотчас вспомнила, как Ребекка спрашивала меня о них, добавив, что она видела их на моей матери на каком-то газетном фото.

– В детстве ты была хохотушкой, – сказал отец, пытаясь заглянуть мне в глаза.

Я же смотрела на фотографии и вспоминала время до того, как мать покинула нас – полуденные часы, которые я проводила в саду моей бабушки, или ранние утренние, когда я лежала между моими родителями в их большой кровати, пока они делили газету и пили кофе.

– Да, – медленно ответила я. – Была.

Я не хотела встречаться с ним взглядом – боялась, что он снова увидит маленькую девочку и сравнит ее со мной.

– Согласись, у тебя ведь было неплохое детство. Несмотря на... некоторые вещи?

Я подняла глаза и вспомнила наши с ним путешествия, когда я уехала жить к нему, – египетские пирамиды, Тадж-Махал, Эйфелеву башню, Темзу. Мне понравилось путешествовать с ним. В экзотических местах мне было легче забыть мать, а мой отец считал своим долгом не брать в рот спиртного, пока не уложит меня спать. В этих пыльных, жарких местах я всегда могла притвориться, что я была кем-то другим.

– Да, пап. Совсем неплохое. У меня есть замечательные воспоминания.

От его благодарного взгляда у меня к глазам подступили слезы, и я поспешила отвернуться. Отец указал на одну из фотографий:

– С объективом было явно что-то не в порядке, потому что на каждом снимке одни и те же белые пятна. В разных местах, зато всегда.

Я посмотрела туда, куда указывал его палец: на скопление светлых точек, паривших над моим левым плечом. Я медленно просмотрела остальные фотографии, и на всех были одинаковые световые пятна.

Я не стала говорить отцу, что все снимки были сделаны разными камерами – одни «Полароидом», другие – на 35-миллиметровую пленку. У меня своя идея, что могло быть причиной пятен, но я не собиралась спорить с ним по этому поводу.

Мой взгляд задержался на последнем фото моей бабушки и меня. Мы были с ней в саду, на той стороне дома, где располагалось красивое витражное окно. Я улыбалась в объектив глуповатой улыбкой, какая простительна только детям, а моя бабушка стояла лицом к окну и указывала на него. Мой взгляд переместился туда, куда она указывала. Пожалев о том, что не взяла очки, я поднесла фотографию к самым глазам, чтобы рассмотреть ее ближе.

Должно быть, это был полдень, потому что лучи солнца падали прямо на окно. При этом угол их падения высветил картинку, которой я раньше не замечала. Меня всегда удивляло, что изнутри витражи выглядели иначе, чем снаружи. То же самое я замечала и в церквях с большими витражами. Но это скорее было похоже на второй слой стекла, положенный поверх первого таким образом, чтобы то, что было изображено на нем, было видно лишь под определенным углом света.

Но больше всего поражало в этом изображении то, что оно не имело ничего общего с изображением на внутреннем стекле. Вместо хаотичных линий и узоров это была картинка неизвестного места – с берегом моря, деревьями и домом с греческими колоннами. В левой части картины, частично закрывая собой морской берег, было странное изображение головы ангела с длинными распущенными волосами и большими крыльями за ней, которые указывали в некую точку. Фигура была слегка наклонена, так что хотя сами крылья были над водой, самый их кончик, казалось, упирался в землю.

Я перевернула снимок, чтобы показать отцу.

– Ты что-то замечаешь?

Отец полез в карман за своими бифокальными очками – очевидно, спрятанными от моей матери, хотя, по моим последним подсчетам, они были почти одного возраста, – и надел их на нос.

– Любопытно, не так ли? Это совершенно другая картинка.

– Похоже на то. Интересно, почему.

Он вернул мне фото и фыркнул.

– Эти Приоло с их вечными загадками. Твоя собственная мать заставила меня разгадать ребус, чтобы узнать, согласна ли она выйти за меня замуж.

– И ответ был «да», – сказала я, улыбаясь от уха до уха.

– Это точно. – Подперев подбородок ладонью, он пристально посмотрел на меня. Хотя, если честно, мне показалось, что он меня не видит.

– Ты прав насчет головоломок. На надгробной плите бабушки Сары тоже есть загадка. Я никак не могу ее разгадать, хотя, если честно, наверно, я не прикладывала к этому больших усилий. Правда, она не идет ни в какое сравнение с той, когда в твоей жизни вновь появляется мать и учит тебя жить. В любом случае, если не ошибаюсь, Джек пока ее не видел, хотя ему это не помешало бы. Он щелкает головоломки, как орехи, только не говори ему, что я это сказала.

– Что именно мне не говорить?

Мы с отцом как по команде обернулись. В дверях, придерживая их, стоял Джек, давая пройти в кухню Софи и Чэду. Это двое были нагружены образцами тканей и альбомами по внутреннему дизайну. Мой отец встал и, взяв у Софи стопку альбомов, положил их на стол, а потом взял еще одну, из свободной руки Джека, и сделал то же самое. Охалка Чэда, которую он держал, зажав под мышкой, выскользнула и со стуком выпала на стол. Он виновато посмотрел на нас.

– Салют, чувак, – сказал он, по-видимому, моему отцу. Тот сжал правую руку в кулак, как и Чэд, и они поздоровались костяшками пальцев.

– Салют, – повторил мой отец без тени сарказма. – Что с антуражем?

– Не смог втиснуть все барахло Софи в ее «Фольксваген»-«жук» или на мой «Швинн», поэтому Джек предложил пользоваться его пикапом.

– У Джека есть пикап? – Я изумленно выгнула брови и незаметно сунула снимки в карман жакета, чтобы заняться ими позже.

Джек расплылся в хитрющей улыбке.

– Как типичный уроженец Южной Каролины, я меткий стрелок, никогда не бываю груб с мамой и когда-то мог пить, не пьянея. Я считаю, что в таком прекрасном штате, как Южная Каролина, такой парень, как я, просто обязан иметь пикап. – Он ухмыльнулся еще шире

и посмотрел на меня. Температура в комнате тотчас скакнула на десяток градусов выше. – Итак, чего мне, по-твоему, не положено знать?

– То, что ты щелкаешь головоломки как орехи, – сказал мой отец.

– То, что ты привык совать нос не в свои дела, – сказала я одновременно с ним.

Оба смерили меня укоризненным взглядом.

– Мелани рассказывала мне о том, что Приоло всегда обожали загадки, – сказал мой отец. – Подозреваю, что у моей тещи, бабушки Мелани, в доме даже имелась комната, где она хранила всевозможные головоломки, книги с шифрами и тому подобное. В любом случае, Мелани рассказала про стишок на могиле ее бабушки. По ее словам, это полная абракадабра. – Он искоса посмотрел на меня. – По словам Мелани, только ты способен пролить на нее свет.

– Буду только рад сопровождать Мелли на кладбище, – произнес Джек почтительным тоном. – Вдруг я и вправду смогу ей помочь. В свое время я сумел разгадать пару головоломок.

– Мелани не любительница ходить на кладбища, Джек, – вмешалась Софи.

Я резко повернулась к Софи и впервые заметила ее наряд.

– Что это на тебе надето? – спросила я, почти боясь услышать ответ.

Она покрутилась передо мной, давая возможность рассмотреть себя со всех сторон.

– Правда, классно? Моя студентка – она из Непала – отдала мне это сари, зная, что мне оно понравится. Ей его подарила подруга, но оно оказалось не в ее стиле.

Я тотчас поняла, почему, но говорить об этом Софи не стала. Окрашенное узелковым методом в какие-то несусветные, психоделические цвета, оно вдобавок было усыпано стразами, которые выглядели так, словно кого-то вырвало на ткань, но человек этот даже не удосужился вытереть свою рвоту. Уже само по себе оно было, как говорится, вырви глаз. Добавьте к нему полосатую водолазку, заляпанную краской спортивные штаны, носки в радужную полоску и «биркенстоки», и вы поймете, из чего рождаются кошмары.

– У тебя отпадный вид, Соф, – сказал Чэд, одарив ее взглядом, полным такого неподдельного восхищения, что я была вынуждена

отвести глаза в сторону. Затем он взглянул на меня и подмигнул. Я тотчас поняла: Чэду все равно, как Софи выглядит снаружи, потому что для него она – самая красивая женщина в мире, и ничто из того, что на ней надето, не в силах этого изменить.

Я поймала на себе взгляд Джека и, тотчас поняв, что он думает о том же, почувствовала, что краснею. Не потому, что он прочел мои мысли или заметил задумчивость в моих глазах, а потому, что, несмотря на нагловатую внешность и скользкие шуточки, Джек Тренхольм знал, что такое настоящая любовь, и мог распознать ее в других людях. Хотя я хорошо знала, как сильно он любил свою покойную невесту, его поведение обычно помогало забыть, что у него имелись глубокие чувства. Я поймала себя на том, что мне гораздо проще иметь с ним дело, думая о нем как о нахальном и бесчувственном типе.

Я прокашлялась:

– Ты права, Софи. Я не люблю кладбища. Но если Джеку не слишком страшно, он может пойти сам.

– Меня пугает не только кладбище. Вдруг Мелли загонит меня в темный угол, так что уж лучше я пойду один. – Джек одарил меня хитрой улыбкой. Я же задалась вопросом, что именно я сказала и сделала в ту ночь, когда была пьяна. Но затем он серьезным тоном добавил: – Я захвачу свою камеру и сделаю несколько снимков. Можно попробовать разложить строчки на отдельные слова и поиграть ними. Вдруг в них и впрямь обнаружится некий скрытый смысл.

Лично мне такая мысль никогда не приходила в голову. Я с невольным восхищением посмотрела на Джека. Затем, желая сменить тему, подошла к альбомам, которые принесли Софи и Чэд.

– Что это такое?

– Образцы тканей и краски, – пояснила Софи. – Все цвета уже были одобрены Советом архитектурной экспертизы. Правда, с ними нужно согласовывать только цвет внешних стен. Я не сомневаюсь, что под моим опытным руководством вы наверняка захотите провести тщательную реставрацию дома с использованием только тех цветов, которые использовались при его строительстве.

Перебрав несколько картонных полосок с образцами колеров, я поймала себя на том, что мне нравятся оттенки небесно-голубого и горчично-желтого, пока не заметила на обратной стороне каждой

карточки нечто вроде рецепта, состоящего из таких вещей, как оксид железа, охра, молоко и даже настоящие ягоды.

– Что это? – спросила я, беря в руки картонку с бледно-зеленой краской и переворачивая ее. – Ты ждешь, что мы будем сами производить краску, верно? – Я улыбнулась, чтобы дать ей понять, что шучу.

Увы, похоже, мои слова оскорбили ее в лучших чувствах.

– Разумеется. Иначе как можно говорить о какой-то исторической точности?

Я несколько раз поморгала, ожидая, что она улыбнется и скажет, что тоже шутит. Но Софи продолжала стоять с серьезным лицом. Я медленно положила картонку с образцом краски на стол.

– Сначала я должна поговорить с матерью и потом дам наш ответ.

Я не сомневалась, что наверняка имеется хотя бы одна компания по производству красок, которая на своем старомодном заводике производила исторически точные цвета, и что мне не придется соскабливать ржавчину со старых труб или собирать где-нибудь в поле ягоды.

Джек взял другой образец и несколько секунд изучал его.

– Я рад, что вы поменяете цветовую гамму. Каждый раз, когда я захожу в фойе, я чувствую себя цирковым тюленем.

– Не стану тебе в этом мешать, – сказала я и осеклась. Мое внимание привлекло какое-то движение за окном. Посмотрев на улицу, я увидела, как у бордюра остановился маленький красный кабриолет Ребекки. Примерно в тот же момент в коридоре раздались шаги моей матери.

Я схватила Джека за руку.

– Знаешь, по-моему, мне в любом случае нужно еще разок взглянуть на могильный камень. Давай поедem на кладбище прямо сейчас и сделаем пару-тройку снимков. Если у тебя с собой нет фотоаппарата, то можно по дороге сначала заехать к тебе.

Я не стала ждать ответа. На мое счастье, когда я потащила его к задней двери, он не оказал никакого сопротивления.

– Пока, пап. Рада была вас видеть, Чэд и Софи... Я дам вам знать, что мы с матерью решим по поводу краски.

Софи подняла руку:

– Решайте побыстрее, чтобы мы могли показать ваш выбор во время рождественского тура в следующие выходные. И не забудь, что у тебя в среду примерка костюма...

Я коротко махнула рукой, вытащила Джека в дверь и захлопнула ее прежде, чем в кухню шагнула моя мать.

– Мне даже нравится, когда ты такая решительная, – сказал Джек.

Я нахмурилась и отдернула руку.

– Я забыла свою сумочку, так что нам придется взять твою машину.

– Куда мы едем?

Синхронно обернувшись, мы увидели на кирпичной дорожке Ребекку. Похоже, некое извращенное шестое чувство направило ее к задней двери вместо передней.

Джек шагнул вперед и в знак приветствия поцеловал ее в щеку.

– Доброе утро, Ребекка. Ты как всегда прекрасна.

Она порозовела от смущения, отчего в своем розовом кашемировом пальто стала лишь еще симпатичнее.

– Спасибо, Джек. – Она выскользнула из его объятий. – Доброе утро, Мелани. – Она вновь повернулась к Джеку: – Куда ты собрался?

– На кладбище церкви Святого Филиппа, взглянуть на могилку бабушки Мелани. Там есть какая-то странная надпись, и я подумал, что вместе мы сможем что-нибудь выяснить. Но две головы хорошо, а три лучше. Не хочешь поехать с нами?

Я подумала, что мне понадобятся пальцы, чтобы растянуть губы и изобразить улыбку, но, к счастью, я обошлась без них.

– Отличная идея, Джек. Давайте отправимся туда вместе.

Джек подвел нас к своей машине и открыл пассажирскую дверь. Ребекка шагнула вперед первой, и я подумала, что она собирается сделать единственно верную вещь – а именно залезть на крошечное заднее сиденье. Увы, мои надежды рухнули, когда я увидела, как она выдвинула переднее сиденье вперед, а сама отступила назад, давая мне возможность втиснуть туда мою высокую «конструкцию».

Поджав колени под подбородком, пока мы катили по Легар-стрит, я вновь и вновь задавалась вопросом: как так получилось, что моя размеренная, упорядоченная жизнь разделила судьбу пышных юбок на обручах и длинных автомобилей? Я пыталась вспомнить время, когда тревожные мысли о нашей неблагополучной семье не отягощали меня,

а моей единственной заботой были ежемесячные данные о продажах и вполне вменяемые платежи за мою небольшую квартирку.

Теперь мне принадлежал огромный, исторический и очень дорогой дом, мои родители оба вернулись в мою жизнь и с опозданием в тридцать лет принялись исполнять свой родительский долг. И что-то подсказывало мне, что Джек Тренхольм решил стать постоянным приспособлением в моей жизни. Кое-кто счел бы последнее вишенкой на торте, я же видела в этом лишь мозоль, что при каждом шаге больно давала о себе знать.

Пока мы ехали по Черч-стрит, я откинула голову назад и закрыла глаза, пытаюсь сосчитать мои благословения, как научила меня делать бабушка Приоло много лет назад, но вместо этого почувствовала себя кукурузным полем в ожидании роя саранчи.

Глава 14

Когда мы свернули с Брод-стрит влево на Черч-стрит, я открыла глаза, не желая пропустить красивый вид на церковь, построенную посередине улицы. Теперь машины были вынуждены объезжать ее, зато каждый мог полюбоваться тосканскими портиками на трех фасадах, выходящих на Черч-стрит.

Софи объяснила мне, что церковь построили прямо посреди улицы из-за английской традиции и этот вид чаще всего фотографируют в Чарльстоне. Я ответила ей, что последнее крайне сомнительно, но согласилась с первым, ибо с самого рождения в меня вбивали, что Англия всегда будет эталоном, с которым сравнивают все, что делают чарльстонцы.

Хотя до Рождества оставалась неделя, погода стала заметно теплее. Я не успела взять пиджак или свитер, что не было бы проблемой, если бы мы ехали не на кладбище. Как обычно, когда Джек подъезжал, освободился парковочный карман, и он ловко его занял.

Ребекка подождала, пока Джек подойдет к ее дверце и поможет ей выйти. Они встали, разговаривая, на тротуаре, я же терпеливо ждала, чтобы кто-нибудь по крайней мере сдвинул переднее сиденье вперед. Наконец мое терпение лопнуло. Фыркнув, я расстегнула замок ремня безопасности и, извиваясь, попыталась освободиться из моего капкана. При этом я зацепилась лодыжкой за висящий ремень безопасности переднего сиденья и упала лицом вниз на тротуар.

Я бы точно запахла носом, не подхвати меня в последний момент сильные руки прохожего мужского пола в мягком кашемировом пальто.

– Мелани?

Его лицо было так близко к моему, что расплывалось перед глазами.

– Марк?

Марк Лонго поцеловал меня в щеку и улыбнулся, сверкнув белозубой улыбкой, тотчас напомнившей мне, почему в свое время я в него влюбилась.

Это случилось до того, как мне стало известно, что его больше интересуют спрятанные в моем доме бриллианты конфедератов,

нежели любые мои прелести.

– Я скучал по тебе, – сказал он, и я почти поверила искренности в его взгляде. – Ты не ответила ни на один мой телефонный звонок, ни на одно письмо. Мы так толком и не поговорили...

Я сделала шаг назад.

– Я тоже скучала по тебе, – призналась я, хотя это было правдой лишь отчасти. Рядом с Марком я всегда ощущала себя молодой, красивой и полной сил. Он бы никогда не заставил меня сесть на заднее сиденье машины. Чувствуя, что Джек и Ребекка наблюдают за нами, я тепло улыбнулась ему и быстро поцеловала в щеку.

– Означает ли это, что я прощен? – Его взгляд как будто прожигал меня насквозь. Вдруг я и вправду ему небезразлична, подумала я. В конце концов, у него больше не было причин изображать ко мне теплые чувства. Если только его следующие слова не будут просьбой о кредите.

– Лишь частично, – сказала я, зная, что теперь Джек наострил уши. – Твое поведение было далеко не образцовым. Но если ты позвонишь мне снова, я обещаю ответить на звонок и дать тебе шанс искупить вину. Я скажу Нэнси, чтобы она не бросала трубку.

– Хорошо, – сказал он. – С ней шутки плохи. Ее следует сделать частью системы национальной обороны.

Я улыбнулась ему, задаваясь вопросом: смогу ли я снова быть с ним наедине после того, как он поступил со мной? Но были у нас и хорошие моменты. Я решила дать ему еще один шанс искупить грехи. Если это будет стоить ему хорошего ужина в «Блоссоме», то так тому и быть.

– Привет, Мэтт. – Джек встал между нами, но руки Марку не протянул. – Как челюсть? Не болит?

Он имел в виду их последнюю встречу, когда Джек почему-то счел своим долгом восстановить мою честь кулаком, которым он врезал Марку по лицу.

– Спасибо, лучше. Впрочем, я вас не виню. Мелани – женщина, за которую стоит сражаться, и я признаю, что тогда получил по заслугам. – Марк улыбнулся и положил руку мне на плечо. – И теперь она согласилась по крайней мере дать мне еще один шанс искупить вину.

– Вряд ли Мелани... – Ребекка не дала ему договорить, сунув между ними ладонь.

– Марк Лонго? В прошлом году я брала для местного журнала у вас интервью о вашей винодельне. Насколько мне известно, в этом году у вас был потрясающий урожай, и ваша винодельня сейчас делает феноменальный бизнес. Мои поздравления.

Марк взял ее маленькую руку в свои и расцеловал в обе щеки. Мы с Джеком смотрели на них и не верили собственным глазам.

– Конечно, помню. Ребекка, не так ли? Как можно забыть такое прекрасное лицо. – Они улыбнулись друг другу в обоюдном восхищении. При виде этой слащавой картины меня затошнило. – Вы непременно должны написать продолжение о моем последнем проекте.

– И что это такое, если не секрет? – Ее тон был профессиональным и сдержанным, но я была готова поклясться, что она кокетливо похлопала ресницами.

– Я пишу книгу. У меня уже есть агент и некий интерес со стороны нескольких крупных нью-йоркских издательств.

– Неужели? – вклинился в разговор Джек. – Детская книга со множеством картинок?

В его голосе мне послышалось не просто раздражение, но и что-то еще. Неужели он испугался вторжения Марка на его территорию?

– Я угощу вас обедом в нашем новом ресторане, – продолжил Марк, проигнорировав его колкость. – Мы сумели убедить шеф-повара «Французской Прачечной» из Напа приехать поработать у нас, и я обещаю вам, что это удовольствие вы не скоро забудете.

Ребекка улыбнулась, и на ее щеках появились ямочки.

– С удовольствием. На следующей неделе я позвоню вашему секретарю, чтобы договориться о встрече.

– Замечательно. – Марк вновь посмотрел на Джека. – Я понятия не имею, что вы делаете с двумя такими красивыми женщинами, но вы явно этого не заслужили. Дамы, было очень приятно пообщаться. Вскоре я поговорю с вами обеими, – добавил он с насмешливым поклоном и, повернувшись на каблуках, зашагал прочь.

Джек повернулся ко мне:

– Надеюсь, ты не собираешься обедать с этим типом? Или ты забыла о его слегка подмоченной репутации?

Он был по-настоящему зол. Я на миг почувствовала себя польщенной, пока не вспомнила, как всю поездку просидела скорчившись на заднем сиденье его «Порше».

– Моя личная жизнь абсолютно тебя не касается, и я была бы признательна, если бы ты держал свое мнение при себе.

Я зашагала к кованым воротам, что вели на кладбище Святого Филиппа.

– Пошевеливайся. Давай поскорее покончим с этим делом. Не забудь свою камеру. Она на заднем сиденье. Похоже, она оставила неизгладимую вмятину на моем мягком месте.

Стоило мне войти на кладбище, как я тотчас ощутила ледяной холод и услышала гул голосов, окруживших меня, словно рой жужжащих мух. В ожидании, когда Джек и Ребекка догонят меня, я остановилась у могильного камня и прочла выгравированную на нем надпись: «Сейчас мы видим всё как бы сквозь тусклое стекло, тогда же увидим всё лицом к лицу. Сейчас моё знание несовершенно, тогда же моё знание будет полным, подобно тому, как знает меня Господь». 1-е Послание к Коринфянам 13:12.

Заметив краем глазом какое-то движение, я вздрогнула. В моей голове возникло жужжание. Казалось, оно намеренно блокировало другие звуки. Я резко повернулась, пытаюсь разглядеть, что это было, и почти одновременно ощутила и опасность, и защиту. Сбитая с толку, я замерла, сосредоточившись на звуке, и вскоре услышала сквозь гул слабый голос и слова, похожие на крошечные колокольчики.

Будь осторожна, Мелани.

– Бабушка? – Хруст листьев под ногами заставил меня обернуться. Мой испуганный вздох утонул в гудящих колоколах часовни Святого Филиппа.

Взяв Джека под руку, Ребекка подошла ко мне. Я обратила внимание на ее ухоженную руку с аккуратным маникюром и сделала мысленную пометку – попросить ее помочь мне вручную, голыми пальцами, снять краску с потолочного медальона. Моментально взбодрившись при виде этой мысленной картины и проигнорировав тревогу на лице Джека, я даже сумела изобразить улыбку.

– Сюда, – сказала я и повела их к могиле моей бабушки.

К счастью, камень уже успели вернуть на прежнее место, а заодно убрали и желтую ленту.

– Вот, – сказала я, указывая на загадочный стих.
Джек начал читать вслух:

Крошится кирпич – рушится камин;
Плачет дитя – мать зовет его.
Своей ложью мы множим грехи,
И волны прячут нашу вину.

Я ждала, что он скажет что-то еще, однако заметила, что они оба как-то странно на меня смотрят. И поймала себя на том, что напеваю «Ватерлоо» группы «АББА», лишь бы заглушить голос, раз за разом повторяющий мое имя.

– Извините, – смущенно пробормотала я.

Джек поднял камеру и начал снимать, причем не только надгробный камень, но и могилу, и все, что было вокруг. Ребекка достала блокнот из сумочки и принялась делать заметки.

– Она умерла в тысяча девятьсот семьдесят пятом году, но этот стих был явно написан заранее.

– Похоже на то, – согласилась я. – Правда, до того как мы уехали, я никогда его не видела, да и моя мать тоже. Мы увидели это лишь недавно и не знаем, о чем идет речь.

Ясные голубые глаза Ребекки безмятежно смотрели на меня.

– Очевидно, волны как-то связаны с затонувшей «Розой», вам не кажется? Учитывая, что «Роза» исчезла во время землетрясения тысяча восемьсот восемьдесят шестого года, я бы предположила, что с этим связана строчка о трескающихся кирпичах.

Джек посмотрел на Ребекку так, как будто она только что изобрела нарезанный хлеб.

– Гениально, Ребекка.

Она просияла и повернула к нему лицо, как розовая маргаритка свою головку к солнцу. Я сделала еще одну мысленную пометку: поручить ей работы на свежем воздухе. Глядишь, тогда на ее маленьком носике проступит россыпь веснушек, а на лбу появятся несколько морщинок.

Они оба вновь повернулись ко мне, и до меня дошло, что, возможно, я слишком громко напеваю «Испытай удачу со мной».

– Извините, – повторила я, пытаюсь вникнуть в смысл слов, что, по идее, должна была сделать, увидев их еще в первый раз. Вероятно, Ребекка была права, учитывая, что теперь нам было известно про затонувшее судно. Правда, мне было немного обидно, что не я первой об этом догадалась. – Прежде чем делать какие-либо выводы, хотелось бы изучить их чуть лучше, – добавила я как можно небрежнее. – И попытаться выяснить, что за ложь и что за грехи имеются в виду.

Пока мы рассматривали могильную плиту, Джек нащелкал еще больше снимков. Я исподтишка посматривала на него и Ребекку, пытаюсь понять, слышат ли они что-нибудь необычное, потому что голоса вокруг меня звучали просто оглушительно. Меня так и подмывало зажать ладонями уши. Вместо этого я попыталась услышать тот единственный голос, который, как мне казалось, принадлежал моей бабушке. *Присмотрись, Мелани.*

Я взглянула на Ребекку – вдруг эти слова сказала она? Но нет, она что-то усердно записывала в свой блокнот. Я наклонилась ниже, на тот случай, если мы могли что-то упустить, и тотчас заметила декоративную гравировку, своеобразную виньетку, обрамлявшую сами слова.

– Смотрите, – сказала я, указывая на нее. – Выглядит знакомо, не правда ли?

Они оба повернулись посмотреть, куда я им указываю.

– Лично мне – нет, – небрежно отозвалась Ребекка и вернулась к своему блокноту. Джек несколько мгновений рассматривал виньетку, а затем еще несколько раз щелкнул затвором.

– Мне тоже, но это не значит, что ты не права. Подумай, Мелли, где ты могла видеть это раньше.

Я зажмурилась и вновь принялась напевать, чтобы ничего не видеть и не слышать. Смутное воспоминание о том, где я могла видеть этот орнамент, витало надо мной, как едва уловимый аромат. Я снова вздрогнула и попыталась засунуть руки в карманы, но моя правая рука наткнулась на что-то твердое.

Я в замешательстве посмотрела вниз, не помня, что я могла туда положить, но затем сунула пальцы внутрь и осторожно вытащила фотографии, которые сегодня утром дал мне отец. Причем верхний снимок оказался тем самым фото, на котором бабушка смотрела на

витражное окно гостиной в тот момент, когда солнце высвечивало тайный рисунок.

– Нашла, – сказала я, показывая фото Джеку. – Здесь. Я указала на виноградную лозу, обвиняющую изображение на витраже.

Джек поднес фото к могильному камню, чтобы сравнить.

– Это определенно то же самое. И из того что я знаю о твоей бабушке, это вряд ли совпадение.

– Случайностей не бывает, или ты забыл? – сказала я, напоминая ему о его собственной фразе. Довольно избитая, она нередко бывала верной. Джек подмигнул мне в ответ.

– Значит, ты меня все-таки слушаешь? – Он повернулся к снимку. – Но где это?

Ребекка подошла и встала с ним рядом, чтобы посмотреть картинку.

– Она сделана в саду дома на Легар-стрит. – Мы с Джеком устали на нее, но Ребекка лишь пожала плечами. – Пока я собирала материал о вашей матери, я провела немало времени, изучая сад. Поэтому и узнала. Несмотря на... эстетические новшества, привнесенные предыдущими владельцами.

Я повернулась к Джеку:

– Эта картина видна лишь в том случае, если стоять снаружи, а солнце падает под определенным углом. Окно появилось позднее самого дома, было добавлено где-то в конце девятнадцатого века.

– Что означает, что, каким бы ни был его секрет, это наверняка как-то связано с затонувшим судном. – Джек опустил фотоаппарат. – А твоя бабушка хотела, чтобы кто-то узнал, что это такое.

Ребекка взглянула на часы и сунула блокнот обратно в сумочку.

– Моя мать приехала сегодня из Саммервилля, сделать кое-какие покупки. Мы встречаемся с ней в ресторанчике на Кинг-стрит, поэтому мне пора бежать. Позже мать отвезет меня на Легар-стрит, чтобы я могла забрать мою машину. Посмотрим, что я смогу откопать относительно этого окна. Кто заказал его, кто изготовил и все такое прочее. Не исключено, что какая-то документация сохранилась. Я сообщу, что мне удастся выяснить. А пока вы можете поломать головы над стишком. – Она послала Джеку воздушный поцелуй. – Позвоню тебе позже, Джеки. До свидания, Мелани. – Быстро махнув рукой, она повернулась и перешла улицу, но затем обернулась и крикнула: – Не

забудьте про примерку костюмов! Я написала адрес вам обоим. – Вновь помахав рукой, она зашагала прочь. Ее розовое пальто вскоре исчезло из поля зрения.

– Мне тоже нужно бежать, – сказала я. – У меня сегодня в час дня показ дома, но сначала мне нужно подготовить кое-какие документы и сделать пару-тройку звонков.

– Мелли, спорим, ты проголодалась. Давай перекусим. Я угощаю. Ты даже сможешь сесть на переднее сиденье.

Я одарила его полным возмущения взглядом.

– Ничего страшного. Могу сесть и сзади.

– Верно. Я опасался, как бы затылок Ребекки не расплавился от твоего взгляда. Поехали. Что скажешь? Обещаю, ты успеешь на свои показы. И можно поработать над стишком, вдруг что-нибудь выяснится. Как тебе ресторанчик на Ратледж-стрит? Лично я не отказался бы от их креветок.

Холодный ветерок пошевелил листья за моей спиной, толкая меня, словно чья-то незримая рука. Голоса стихли, как будто ждали, что я скажу в ответ.

– Честное слово, у меня слишком много дел. Я подумала, что по дороге в офис загляну в холодильник миссис Хулихан. У нее наверняка что-нибудь да осталось.

Джек шагнул вперед. Искорки в его взгляде вспыхнули снова, и я слегка занервничала.

– Мелли, ты всегда делаешь что-то, потому что тебе этого хочется? Или потому, что тебе кажется, что это будет прикольно? – Большие пальцы Джека нежно погладили мою щеку. – В какой-то момент ты просто забыла, что это такое, – продолжил он. – В один прекрасный день, Мелани Миддлтон, я вытащу тебя из твоей маленькой коробочки, и мы повеселимся вместе. И тебе это так понравится, что ты поблагодаришь меня.

Я задыхалась в основном от возмущения, однако не стала бы отрицать и небольшую дрожь предвкушения. Я напрягла плечи.

– Ты уже пытался, помнишь? Я пропустила целый день на работе, чтобы ты отвез меня в какую-то глухомань и напоил меня. Что из этого я должна считать прикольным?

Он улыбнулся своей неповторимой улыбкой и отступил назад.

– По идее, ты не должна была напиваться, но, да, я отлично провел время. – Он усмехнулся, подошел к машине и открыл для меня пассажирскую дверь.

– Что смешного? – спросила я, поколебавшись, прежде чем сесть на переднее сиденье. На мое счастье, он не стал меня трогать, хотя, с другой стороны, это меня насторожило. Джек вновь усмехнулся.

– Ничего. – Он закрыл мою дверь и, обойдя машину, сел за руль.

– Тогда над чем ты смеешься? – Я вновь ломала голову, размышляя о том, что я могла сказать ему, будучи пьяной, нечто такое, что могло быть использовано против меня. Я смутно помнила, что рыгнула ему в ухо, но я тотчас отклонила это предположение как слишком невероятное.

Повернув ключ зажигания, он обернулся ко мне лицом. В глазах его плясали огоньки, отчего моя кровь была способна на любую глупость.

– Над тобой. Тебе почти сорок, а ты все еще как ребенок.

Опасаясь выцарапать ему глаза, я отвернулась.

– Неужели? И ты думаешь, что исправишь меня.

Он отъехал от бордюра.

– Главное, чтобы это был не Марк Лонго.

Если честно, я не ожидала от него этой вспышки. Я откинулась на спинку сиденья, и мы, на полной скорости обогнув перегородившую дорогу церковь, помчались вперед по Черч-стрит.

– Куда ты меня везешь?

– На Легар-стрит, как ты и просила. Потому что у тебя уйма работы.

Я отвернулась, не замечая мелькавшего за окном пейзажа и мучаясь вопросом, почему я так разочарована.

* * *

К тому времени, когда я вечером, после показов пары домов в районе Колониального озера, вернулась к себе на Легар-стрит, было уже темно. Я валилась с ног от усталости: клиенты жаловались, что вокруг все такое старое, а цены на недвижимость почти до небес, и это притом, что масса денег уйдет на то, чтобы привести дом в божеский

вид. Я едва сдержалась, чтобы не сказать им, что если они хотят новый, с иголки дом, в который можно въехать хоть завтра, то им стоит поискать варианты в пригородах Атланты. Мне удалось убедить их взглянуть на новые постройки на острове Даниэль, и последние три часа я провела в офисе, планируя встречи на следующий день.

Не увидев в парадных комнатах света, я на пару секунд застыла на ступеньках крыльца. Не хотелось входить в темный дом – кто поручится, что там ничего не затаилось по углам. Порывшись в сумочке, я вытащила аварийный мини-комплект и небольшой фонарик, в котором до сих пор у меня ни разу не возникало нужды. Посветив им по углам, я с ключом наготове шагнула к двери.

Вставив ключ в замочную скважину, я уже собралась повернуть дверную ручку, но, взглянув на один из боковых фонарей, застыла на месте. Воздух вокруг меня внезапно как будто наполнился колючими иголками. С волнистой поверхности стекла на меня смотрело лицо девушки. Ее темные глаза горели, пронизывая пространство между нами острыми стрелами ненависти. Воздух как будто подрагивал, согревая мое лицо, несмотря на вечерний холод. Наши взгляды встретились. Моя рука невольно задрожала, ключ звякнул в замке.

Я сильнее тебя. Не знаю, произнесла ли я эти слова вслух или про себя, но у меня возникло четкое впечатление, что они бессильны против этого призрака. Почувствовав, как дверная ручка повернулась под моим нажимом, я попыталась ее удержать, не желая оказаться лицом к лицу с этой девушкой, кем бы она ни была. Я отлично знала, что одних моих сил будет недостаточно.

Ручка повернулась снова, на этот раз сильнее. Я почувствовала, как она выскользывает из моих рук, и в следующий миг дверь распахнулась. Я едва успела подавить крик, когда передо мной выросла Софи в ее хорошо знакомых мне «биркенстоках» и с торчащими во все стороны взлохмаченными волосами.

– Я готова поклясться, что включала свет, – сказала она и по очереди щелкнула выключателями. – А тебе нужно проверить термостат. Не дом, а настоящий холодильник.

Вместе с последними словами с ее губ сорвалось облачко пара. Я бросилась к ней и, крепко вцепившись в ее сари, обвела глазами освещенные углы просторного вестибюля.

– Полегче, Мелани. Я тоже рада тебя видеть. – Отстранив меня на расстояние вытянутой руки, она, нахмутив брови, пристально посмотрела на меня. – Что с тобой? Ты как будто только что видела... – Она не договорила.

Я ногой захлопнула дверь и кивнула.

– Она только что была здесь. Одна из девушек с портрета... только выглядела чуть старше. Та, что пониже ростом, у которой медальон с буквой «Р». – Сунув руку внутрь жакета, я вытащила медальон с выгравированной буквой «М». – Точно такой же.

Софи выгнула бровь и уставилась на медальон.

– Как он к тебе попал?

– С затонувшего судна. – Видя, что с ее губ вот-вот слетит упрек, я в упреждающем жесте выставила перед собой ладонь. – Полицейские уже сфотографировали его и описали. В команде водолазов работает старый друг моего отца. Он подумал, что, поскольку медальон, по сути, принадлежит мне, то он должен быть у меня.

Софи скептически поджала губы, что придало ей сходство с университетским профессором, несмотря на ее наряд.

– И теперь ты собираешься его вернуть?

– Боюсь, что не получится. Предыдущая владелица просит его назад.

Глаза Софи полезли на лоб.

– Есть идеи, кто она такая? – спросила она.

Я покачала головой:

– Пока нет. Но мы работаем над этим. Пока что все указывает на мою прабабушку, Розу. Но она была единственным ребенком, что не объясняет, кто эта другая девушка на портрете. Та, на которой медальон с буквой «М». Равно как и то, почему она так сильно меня невзлюбила.

Я поставила портфель и сняла пальто. Между тем часы, вставленные в лакированный кусок коряги и забытые предыдущими владельцами на стене гостиной, начали отбивать время.

Я вновь посмотрела на Софии:

– Восемь часов. Почему ты еще здесь? И где моя мать?

– Твой отец пригласил ее на ужин, чтобы обсудить сад. Она несколько раз сказала мне об этом, хотя я не спрашивала. Я все еще

здесь, потому что она не хотела, чтобы ты оставалась в доме одна, и попросила меня побыть с тобой, пока она не вернется.

Я так крепко застряла на первой части ее объяснения, что и не успела толком вникнуть во вторую. А еще я заметила, что глаза Софи не слезятся и она шмыгает носом.

– А где Генерал Ли?

– В твоей комнате. Я объяснила твоей матери про мою аллергию, и она отнеслась к этому с пониманием. Правда, этот поганец наотрез отказался подниматься по черной лестнице. Упирался и лаял, поджав хвост. Твоя мать была вынуждена взять его на руки и отнести наверх по парадной лестнице.

– Разумно, – сказала я. – Я умираю с голоду. Надеюсь, миссис Хулихан оставила мне поесть. – Я направилась было в кухню, но поняв, что Софи не идет следом за мной, обернулась. – Что-то еще?

– Вообще-то, да. Грузовик из антикварного магазина Тренхольмов сегодня доставил письменный стол. Твоя мать узнала в нем бюро твоей бабушки и попросила поставить его в ее гостиную.

– Великолечно. Не ожидала его так скоро, но рада, что оно уже здесь.

Когда Софи даже не сдвинулась с места, я шагнула к ней сама.

– Что-то не так?

– Вообще-то, нет. Просто странно... Даже не верится, что я использую это слово, зная тебя вот уже сто лет. – Она виновато улыбнулась мне, и из вороньего гнезда на ее голове выпала толстая, переплетенная бусами коса.

– И? – подсказала я.

– Когда его привезли, зазвонил телефон, и я взяла трубку. Звонила Ребекка. Она спросила меня, не привозили ли в дом новый предмет мебели, и я рассказала ей про стол. Ее тотчас охватило волнение, и она сказала, что ей приснился сон про то, что в столе что-то спрятано – книга или что-то в этом роде, – и она хотела приехать прямо сейчас, чтобы посмотреть, сможет ли она найти эту вещь.

– И что ты ей сказала?

– Что я уже нашла тайное отделение. Такие имелись у всех старых столов, так что найти его не составило большого труда. Но я сказала ей, что в нем пусто.

– Черт! – Я понурила плечи. – Жаль, ведь там могла быть полезная для нас подсказка. – Я потеряла глаза. – Как же я устала! И как мне все надоело! Поскорее бы покончить со всем этим. Выяснить, кто эта девушка, забыть о ней и снова вернуться к нормальной жизни.

Я посмотрела на Софи. Та наблюдала за мной с довольной улыбкой.

– Где ты услышала хотя бы слово о том, что я сказала ей правду?

С этими словами она вытащила из потертого кармана спортивных штанов нечто вроде потрепанной кожаной книжки.

– Соф, почему ты не сказала ей?! – укоризненно воскликнула я.

Она пожала плечами:

– Потому что ей нет доверия. Я видела ее сегодня в библиотеке колледжа, в отделе специальных коллекций на третьем этаже. Я искала исторические фото интерьера этого дома, когда заметила ее. Она сидела, уткнувшись носом в книгу, и делала пометки. Когда я спросила у нее, что она делает, она прикрыла написанное рукой и попыталась уйти от ответа на вопрос. Зная, что она не сможет остановить меня, не устроив при этом сцену, я приподняла обложку книги, которую она изучала. Это оказалась иллюстрированная история окон Луи Тиффани с тысяча восемьсот семьдесят восьмого по тысяча девятьсот тридцать третий год. – Софи выразительно посмотрела на меня. – В конце концов она призналась, что искала информацию про окно гостиной, но пока не нашла ничего полезного.

– Но ты не поверила ей?

– Не знаю. Но я не сказала ей, что я нашла в столе, потому что хотела, чтобы ты взглянула первой. В конце концов, это ведь стол твоей бабушки.

С этими словами Софи положила в мою протянутую руку коричневую кожаную книжицу. Я тотчас ее открыла. Моему взору предстали линованные страницы, заполненные мелким, аккуратным почерком.

– Похоже на дневник, – сказала я, садясь на нижнюю ступеньку, чтобы лучше рассмотреть находку. Софи села рядом со мной. Я удивила ее тем, что обняла ее за плечи. – Ты замечательный друг, Соф. Хотя я теперь не помню, как выглядят наманикюренные ногти, ты все равно мой самый лучший в мире друг.

Она фыркнула и толкнула меня локтем в бок.

– Тем не менее ты готова присудить мне приз за «Самый несуразный наряд». Даже не думай отрицать. Можно подумать, я не знаю.

Я в ответ тоже толкнула ее локтем:

– Это точно. Но в итоге ты поблагодаришь меня за это.

Она покачала головой, и оплетенные бусами косички качнулись вокруг ее лица.

– Сомневаюсь, – сказала она, открывая обложку дневника. – Здесь нет никаких имен... все написано от первого лица, и лишь кое-где добавлены несколько инициалов. Как будто автор боялся, что кто-нибудь найдет дневник и прочитает его.

Я пролиستала несколько страниц.

– Как ты думаешь, сколько ему лет?

– Трудно сказать, но, судя по качеству бумаги, типу чернил на страницах и даже хорошему состоянию кожаной обложки чехла, я бы дала ей от ста до полутора сотен лет. Тебе лучше обратиться к специалисту, но я думаю, что мои прикидки довольно точны.

У меня заурчало в животе, напомнив, что я еще не ела. Я было сказала, мол, пусть дневник подождет, пока мы не поужинаем, как вдруг два слова на странице привлекли мое внимание: «Гессенский солдат».

Пожалев, что не захватила очки, я прищурилась и, поднеся книжку к лицу, чтобы лучше разглядеть строчки, зачитала их вслух.

– «Мой гессенский солдат следит за мной, и я знаю, что, пока он здесь, я могу ничего не опасаться. Вряд ли она его видит, но мне кажется, она что-то подозревает. Мы так близки по возрасту, и между нами должно быть так много общего, но почему-то, находясь в ее обществе, я никогда не могу по-настоящему быть собой. Как будто она постоянно следит за мной, словно кошка у мышиной норки, ожидая, когда я наконец утрачу бдительность».

В воздухе передо мной заструился тошнотворно-сладковатый запах пороха. Я подняла глаза, стараясь не смотреть прямо на призрак солдата.

– Мы здесь не одни, не так ли? – спросила Софи, потирая покрытые гусиной кожей руки, чтобы их согреть.

Я покачала головой:

– Нет. – Я вполоборота повернулась к солдату: – Ты кого защищал?

Он не ответил, и я поняла, что ему неловко, как будто я открыла некий его секрет. Сгорая от любопытства, я повернулась к нему лицом, но, увы, слишком поздно вспомнила, что не должна смотреть на него прямо. Мерцая и подрагивая, его силуэт растворился в воздухе так же тихо и быстро, как и появился.

Глава 15

Я резко проснулась и даже не сразу поняла, где нахожусь. Но затем услышала, как кто-то зовет меня по имени. Тихо посапывая, Генерал Ли устроился на подушке рядом со мной. Фары проезжавших по улице автомобилей скользили по оклеенным обоями стенам и омерзительной потолочной росписи стрелами света, а затем вновь погружали меня в крошечную темноту.

Нащупав на тумбочке очки, я поднесла их к носу, чтобы прочесть на часах светящиеся цифры: три тринадцать ночи. Я простионала и вновь прислушалась – вдруг мне все просто приснилось? Кстати, странно, что я вот уже вторую ночь подряд буквально провалилась в сон, несмотря на жуткую сцену, которой я накануне стала свидетельницей: мой отец на крыльце пытался на прощание поцеловать мать. К счастью, я услышала их из кухни, где в компании Софи составляла новый график работ по восстановлению дома на Легар-стрит, поэтому успела распахнуть дверь прежде, чем был нанесен какой-либо невосполнимый ущерб.

Мелани.

Я села. Сон как рукой сняло. В комнате висел тяжелый, сладковатый запах пороха. Когда мои глаза привыкли к темноте, я разглядела у двери темный силуэт человека в треуголке. Я моргнула, пристально на него глядя, и почти не заметила, как дверь с тихим скрипом открылась, и ко мне в спальню из коридора ворвался порыв теплого воздуха. Лишь тогда я заметила, как холодно было в моей комнате.

Следуй за мной, Мелани.

Я знала: мне нет причин бояться, но все равно мне не хотелось идти за ним по темному дому. Почувствовав, что он меня ждет, я поняла: он будет ждать столько, сколько мне понадобится, чтобы я встала с постели и последовала за ним.

Я соскользнула с высокой кровати – ее перевезли сюда из квартиры моей матери в Нью-Йорке, и пока что это была одна из немногих отмеченным хорошим вкусом вещей в этом доме. Держась за толстый столбик красного дерева, я надела пушистые тапочки и, накинув махровый халат, последовала за солдатом в коридор.

Свет уличных фонарей не проникал сюда, так что здесь стояла кромешная тьма. Я поймала себя на том, что следую за его запахом по парадной лестнице вниз и в кухню. Стоило мне вспомнить влажные следы на полу, как во мне шевельнулся страх, и я на миг замерла у дверей.

Не бойся, Мелани. Я здесь.

Сглотнув комок, я толкнула дверь и вошла в кухню. Стоя спиной к двери, я нащупала выключатель и включила свет. Точечные светильники под потолком тускло вспыхнули, а затем один за другим погасли, словно нечто в комнате украло себе всю их энергию.

Я вновь ощутила его запах. Значит, он все еще здесь.

– Что тебе нужно? – спросила я.

Подойди сюда.

Я обвела взглядом полумрак кухни; на темных шкафах и столешницах лежали тусклые пятна света от уличных фонарей. Встав у настенной росписи с изображением коровы-лонгхорна, я увидела, что мой солдат прислонился к камину работы Адамса, правда, теперь там был лишь пустой воздух. Сделав глубокий вдох, я направилась к нему, стараясь не задеть при этом кухонный стол. Встав перед ним, но не глядя ему в лицо, я вместо этого сосредоточила взгляд на его руке, лежавшей на невидимой каминной полке. Свет уличного фонаря освещал тонкие светлые волоски на его пальцах.

– В чем дело? – прошептала я, не совсем понимая, почему. Мать не могла слышать нас из своей спальни. Зато мне не давала покоя темная дверь на противоположной стороне кухни, которая вела к черной лестнице.

Это там.

– Что именно?

То, что ты ищешь.

Я на миг растерянно посмотрела на сплошную стену.

– Не понимаю, о чем ты.

Волны скрывают всю нашу вину.

Я напрягла глаза, чтобы разглядеть в темноте его лицо, но оно было в тени.

– Это строчка с плиты на могиле моей бабушки. Что она значит?

Мой солдат вздохнул, а затем я ощутила нежное прикосновение пальцев к моему подбородку – такое легкое, что его можно было

принять за дуновение воздуха, одновременно горячего и ледяного.

У меня тотчас перехватило дыхание. Я хотела отпрянуть и в то же время остаться на месте. За все эти годы, с того момента, когда я ребенком познакомилась с ним, он ни разу не прикоснулся ко мне. Что же изменилось, отчего, когда я вернулась в этот дом, он так осмелел?

Ты такая красивая, Мелани.

Месяцы борьбы с ухаживаниями Джека научили меня не терять головы.

– Кто ты? Как тебя зовут? Что за вина скрыта под волнами?

Он вновь прикоснулся ко мне. Не иначе как для того, чтобы я прекратила задавать вопросы. Теперь он стоял передо мной, обеими руками поглаживая мне шею. Я продолжала смотреть в пол, борясь с искушением отдаться во власть льду и жару, что дразнили мою кожу.

– Кого ты оберегал? – спросила я. Мой голос дрожал, но я была исполнена решимости узнать ответы.

Его пальцы замерли, и мне показалось, что я слышу, как он дышит, или же – кто знает? – это было дыхание дома, тихий мерный ритм неизвестного происхождения.

– Кого ты оберегал? – повторила я свой вопрос, но не успела договорить, как почувствовала, что он покидает меня.

Лампочки над моей головой вспыхнули снова, двери у меня за спиной со стуком распахнулись. Я обернулась. В дверном проеме стояла моя мать, на мое счастье, в коротком халатике, закрывавшем бо́льшую часть ее тела.

– Он был здесь, не так ли?

Я не стала притворяться, будто не знаю, кого она имеет в виду.

– Да. Он меня разбудил и привел сюда. – Я указала на стену позади себя. – Он сказал, мол, то, что я ищу, находится здесь. И даже процитировал последнюю строчку с могильного камня бабушки: *«И волны прячут нашу вину»*.

Мать нахмурилась и шагнула ближе.

– Твои щеки пылают, а глаза блестят. – Она пристально посмотрела на меня. – Он прикасался к тебе?

Я кивнула и, вспомнив, как мне было приятно, покраснела еще больше.

– Да. Он делал это и раньше, несколько дней назад. Но он не делал мне больно.

Она покачала головой и села за стол:

– Разумеется. Он бы не посмел.

Я села напротив:

– Что ты имеешь в виду?

На ее губах играла легкая улыбка:

– Он джентльмен.

Я прикусила губу, с удивлением – и с облегчением – осознав, что мать единственная, с кем я могу говорить о таких вещах.

– Софи нашла в бабушкином столе дневник. Но я не думаю, что это ее. Софи считает, что ему, по крайней мере, лет сто, если не больше.

Мать выгнула бровь, ожидая, что я добавлю что-то еще.

– У меня пока не было возможности его прочитать, но когда я листала страницы, то наткнулась на запись про солдата-гессенца. И как, по мнению той, что вела дневник, он ее защищал. – Я в упор посмотрела на мать. – Похоже, он здесь давно защищает обитателей дома.

Она покачала головой.

– Не просто обитателей. Женщин. – Она снова нахмурилась. – Но то, что он сейчас прикасался к тебе... – Она прикусила нижнюю губу, как будто заставляя себя умолкнуть.

– Говори. – Мой голос прозвучал гораздо резче, чем я хотела. Увы, я слишком долго жила, мучаясь вопросами без ответов, и вряд смогу жить дальше, мучаясь еще одним.

– Это означает, что ты стала сильнее. Ты всегда была маяком, но теперь ты светишь еще ярче. – Ее пальцы беспокойно побарабанили по столу. – Этим потерянным душам, ищущим свет, найти тебя гораздо легче. Ты всегда должна быть начеку.

– Но какое это имеет отношение к тому, что он прикасался ко мне? – Взглянув на мои обнаженные руки, я увидела, что они покрыты гусиной кожей.

Мать подалась вперед:

– То, что они захотят питаться твоей силой, чтобы самим стать сильнее. И не только те, которые не причиняют нам никакого вреда.

Я вздрогнула, вспомнив, что случилось, когда я была одна в кухне.

– Когда ты была в Нью-Йорке, произошел один случай. Девушка с корабля... она была здесь. Она поцарапала меня. Но пришел солдат и

прогнал ее.

Мать потрогала мою щеку. Ее большой палец нежно поглаживал мне кожу, лоб собрался тревожными складками. Я не стала отстраняться.

– Но почему сейчас? Что изменилось?

Она опустила руку, затем подвинула к себе сахарницу и, сосредоточив на ней взгляд, принялась двигать ее кругами по столу.

– Ты стала старше, твои способности сделались сильнее независимо от того, хочешь тебе этого или нет, независимо от того, пользуешься ты ими или нет.

Я знала: она еще не закончила, и потому молчала, ожидая, что она скажет дальше.

– И потому, что я здесь. Мы вдвоем похожи на костер в темноте. Вещи не будут долго молчать. Спокойствие продлится недолго.

– Это то, чего нам хочется, я правильно поняла? Потому что тогда мы вынудим их уйти.

Сглотнув комок в горле, она кивнула и продолжила кругами водить по столу сахарницей.

– Обычно так оно и бывает. – Я накрыла ладонью ее руку, чтобы она прекратила.

– Ты что-то от меня скрываешь?

Она посмотрела на меня. В ее глазах застыла такая печаль, что я не сразу убрала руку.

– Почему ты думаешь, что я от тебя что-то скрываю?

Глядя ей прямо в глаза, я откинулась на спинку стула и сложила руки на коленях.

– Потому что я помню еще с детства, еще до того, как ты ушла. То, как ты смотрела на меня. Как вопросами отвечала на мои вопросы или же спешила сменить тему. Это было сродни тому, как на Рождество вы прятали подарки по всему дому, чтобы мне было труднее их найти. Только это ведь было не Рождество, не так ли?

Мать на мгновение опустила взгляд.

– Я рассказала тебе все, что мне известно, Мелли. Я не знаю, кто эта девушка, но подозреваю, что она здесь уже давно, еще до моего рождения. И я знаю твоего гессенского солдата. Он был здесь, когда я была ребенком, но я также не знаю, кто он такой. Только то, что он, похоже, кого-то здесь оберегает. Это все, что мне известно. – Она

улыбнулась печальной, слабой улыбкой. – И он ни разу не прикоснулся ко мне.

Мы пристально посмотрели друг на друга. Мать отвела глаза первой. Ее взгляд упал на стопку фотографий, которые я оставила на столе. Она начала неторопливо перебирать их, пока не остановилась на фото моей бабушки у окна.

– Посмотри, каким манящим маяком ты была еще в детстве.

Длинным красным ногтем она постучала по фотографии, указывая на скопление белых точек, которые, по мнению моего отца, означали неисправную камеру.

– Возможно, свою роль сыграло присутствие твоей бабушки, но они все сгрудились вокруг тебя. – Она оперлась локтями на стол. – Это дар, Мелли. Дар, с помощью которого ты можешь помогать другим, если захочешь. Но это не должно быть бременем или чем-то таким, чего ты стесняешься.

Я скрестила на груди руки.

– Может, для кого-то вроде тебя это так. Ты оперная певица, творческая личность. В глазах людей ты имеешь право быть эксцентричной. Я же риелтор. Клиенты, как правило, не хотят покупать дома у кого-то, кто видит мертвецов и беседует с ними. Я согласилась помочь тебе избавиться от этого призрака, но, как только мы закончим, я вновь буду делать вид, что не вижу их и не слышу.

Мать мягко улыбнулась. Ее улыбка мгновенно напомнила мне мое детство. Мне даже стало больно смотреть на нее, и я сосредоточила взгляд на сахарнице.

– Я рада, что мы делаем это вместе, Мелли, – между тем продолжила она. – Более того, я ждала этого момента в надежде, что, возможно, это как-то объединит нас. И ты поймешь, что наш с тобой дар связывает нас крепкими узами.

Я хотела было возразить, но мой гнев уже стал глуше, словно кулак, обмотанный мягким бархатом.

– Когда-то давно я была бы только рада этим узам. Увы, я провела бо́льшую часть своей жизни, пытаясь отдалить нас друг от друга, а теперь я слишком взрослая и я слишком устала, чтобы вернуться в другое место и время. – Я покачала головой. – Не знаю, почему ты ушла, или даже значат ли эти причины хоть что-нибудь для меня сейчас. Но я горжусь тем, кем я стала, сама, без твоей помощи и

вопреки тому, как ты поступила со мной. Так что нет, мама. Основная причина, почему я отказываюсь принимать то, что ты называешь «даром», состоит в том, что это единственное, что есть у нас общего. Я же, поверь мне, не желаю иметь с тобой ничего общего.

Я поспешила отвернуться – не хотела, чтобы она поняла, что я солгала. А я действительно солгала. И все равно я успела заметить, как скривились в усмешке ее губы, как будто она все равно все отлично поняла.

* * *

Я шумно втянула в себя воздух. Встав позади меня, Софи уперлась мне в поясницу коленом, затягивая шнуровку корсета. Я испугалась, что из-за недостатка кислорода вот-вот грохнусь в обморок. Перед моими глазами уже плясали черные точки.

– С какой стати я должна надевать эту штуковину? Мало того, что я сейчас вылитая Скарлетт О'Хара на пути в «Двенадцать Дубов», но насколько подлинно все это должно выглядеть?

Тяжело дыша от титанических усилий, Софи рухнула на кровать.

– Это не ради подлинности. А для того чтобы выгодно показать бюст и вынудить туристов-мужчин, которые пройдут по городу сегодня вечером, сделать дополнительное пожертвование Историческому обществу.

Увидев себя в старинном зеркале – еще одна вещь, привезенная из дома на Трэдд-стрит, – я почти не узнала себя. Софи была права.

Запихивание всех моих внутренностей выше линии талии создало превратное впечатление о размерах моего реального бюста. Зато легкие были буквально раздавлены о ребра, позволяя при каждом вздохе втягивать в себя лишь крошечные порции воздуха.

Я покружилась, в полном восторге от темно-синего шелкового платья с белыми кружевами вокруг декольте с открытыми плечами и на манжетах. Нет, в моде шестидесятых годов девятнадцатого века, с ее осиной талией и широкой юбкой, несомненно, была своя изюминка, но, проведя в Чарльстоне в июле, без кондиционера даже один день, я бы точно предпочла сменить кринолин на пару шорт и верх от бикини.

– По-моему, сапфиры твоей матери добавляют интересную ноту.

Я машинально потрогала семейную реликвию у себя на шее. Когда я одевалась, мать в знак примирения принесла мне ожерелье и серьги в черной шкатулке, усыпанной драгоценными камнями. Я было отказалась, но она напомнила мне, что они когда-то принадлежали моей бабушке и что она хотела бы, чтобы я тоже их надела.

– Но я не уверена, – добавила Софи, – что этот медальон сочетается с ними. Если хочешь знать мое мнение, он выглядит неуместно.

– Да, вероятно, ты права. Просто... – Я недоговорила, пытаюсь выразить словами странное ощущение, что медальон и сапфиры должны быть вместе и как я всякий раз колебалась, когда пыталась его снять. – По-моему, смотрится очень даже неплохо. Да и вообще, кто ты такая, чтобы давать мне советы по части моды.

Софи растерянно заморгала, как будто сомневалась, правильно ли она поняла меня. Я обернулась и встретилась с ней взглядом.

– Напомни мне еще разок, почему я это делаю?

– Потому, что сегодня вечером на экскурсии будут представители местной прессы, а значит, твое лицо, имя и деловая информация о тебе станут известны всему городу, и ты прославишься так, как даже не мечтала. Ты также делаешь это потому, что это принесет деньги Историческому обществу, которое посвятило себя самому дорогому нашим сердцам делу: восстановлению исторических зданий нашего любимого города.

Я подошла к кровати и повернулась, чтобы сесть, но остановилась на полпути, поняв, что это не так просто, как мне казалось. Я повертела обруч вперед, затем назад. В конечном итоге, задрав его до талии, я обнажила нижнюю часть себя и кое-как приняла наполовину сидячее положение.

Лицо Софи оставалось бесстрастным.

– Я бы не советовала тебе делать это на публике.

– Почему я единственная в костюме? Даже Ребекка пришла в обычной одежде.

– Потому, что у Ребекки нет двух потрясающих домов в историческом районе, а у тебя есть. Думаю, это тоже ее раздражает.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю. Мелкие комментарии то здесь, то там. Мол, ты даже не представляешь, как крупно тебе повезло, что некоторые убили бы кого

угодно, лишь бы оказаться на твоём месте, и как ты совершенно не ценишь того, что получила на серебряном блюде. Сдается мне, что на её плече сидит зеленоглазый монстр зависти и показывает тебе язык.

Я поморщилась.

– Я определенно должна поставить эту особу отдирать какой-нибудь сверхпрочный лак и представить ей некоторые из моих счетов, даже показать ей мои ногти. Это может вернуть её в мою реальность.

Встав руки в боки, Софи повернулась ко мне:

– У тебя такая короткая память, Мелани? Разве я не учила тебя, почему для нас так важно сохранять историческое наследие?

Я пристально посмотрела на неё:

– Это риторический вопрос?

Софи нахмурила брови:

– Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что проделанная тобой работа была во благо всего мирового сообщества. Если мы начнем рушить все старое, чтобы освободить место для новых, безликих зданий, мы утратим часть нашего прошлого, часть красоты и смысла. Причем навсегда.

Я соскользнула с кровати и принялась поправлять юбки.

– Так же как мои волосы без крошек штукатурки, маникюр и инвестиционный портфель. – Я повернулась к зеркалу. Впрочем, она успела заметить улыбку, которая свидетельствовала о том, что мне известно, о чем она говорит. Просто я боялась произнести это перед Софи вслух – дело могло кончиться тем, что я бы взялась восстанавливать еще один дом.

Раздался стук в дверь, и в комнату сунула голову миссис Хулихан. Увидев меня в кринолине, она подмигнула мне.

– Вы выглядите великолепно, мисс Мелани. Как будто собрались на барбекю в «Двенадцати Дубах».

Я закатила глаза и попыталась чуть выше подтянуть лиф, чтобы прикрыть обширное пространство открытой кожи.

– Именно этого я и опасалась.

– Просто хотела сообщить, что я поставила пунш и бокалы на поднос в передней гостиной. Кстати, мистер Джек здесь, и я хотела бы спросить, куда мне его посадить.

Я открыла было рот, чтобы высказать на сей счет несколько предложений, но Софи не дала мне это сделать.

– Скажите ему, что мы будем прямо сейчас. Тур должен начаться через десять минут.

– А насчет Генерала Ли не беспокойтесь. У меня есть хорошая суповая косточка, так что он будет счастлив. – Миссис Хулихан еще раз подмигнула мне и исчезла за дверью. Вскоре ее тяжелые шаги стихли в коридоре. Софи подошла к двери.

– Пойду проверю твою мать. Она отвечает за сбор гостей. Можешь не волноваться. Она будет их пасти, чтобы никто из них не отбилась и не забрел туда, куда не следует.

– А как насчет Ребекки? Мне казалось, она тоже будет здесь.

Софи хитро улыбнулась:

– Я потянула за кое-какие ниточки и отрядила ее в старую городскую тюрьму на углу Мэгэзин и Франклин-стрит. Ей поручено направлять народ в туалет. Хотя да, она угрожала зайти сюда позже.

– Как тебе это удалось? Я думала, сегодня вечером она отвечает за все.

Софи сложила руки за спиной и попыталась принять невинный вид.

– Видишь ли, когда она попросила меня выделить ей гидов-волонтеров из колледжа, ось власти сместилась в мою сторону.

Я отсалютовала ей.

– И последний вопрос: вдруг мне захочется в туалет?

Софи сморщила нос, сделав вид, будто задумалась над моим вопросом.

– Постарайся потерпеть. Если это не поможет, попроси миссис Хулихан принести ночной горшок.

– Ну, спасибо. Знаешь, когда ты не сохла по парню, ты нравилась мне больше. Была гораздо добрее.

– Ты это о чем?

– Да ладно, Соф. Ты и Чэд. Вы, как говорится, два сапога пара. Ты так помешалась на феминизме и независимости, что воспользовалась самой глупой отмазкой – мол, у вас несовместимые зодиакальные знаки, – чтобы держать его на расстоянии от себя. Но вы практически срослись бедрами и живете вместе. Так что нечего плакаться. Не проще ли признать, что вы оба без ума друг от друга? Тогда мы все могли бы двигаться дальше, а ты снова стала бы милой и доброй Софи?

Она в упор посмотрела на меня; ее лицо оставалось каменным.

Чувства Софи всегда были тайной за семью печатями, так хорошо она научилась их прятать. Зато мне были отлично видны пальцы в ее «биркенстоках» и то, как она поджала их.

– Может, заключим компромисс? Я начну прислушиваться к твоим советам по поводу личных отношений, а ты к моим по поводу нарядов. Потому что, как мне кажется, ни ты, ни я не разбираемся ни в том, ни в другом. И если тебе так хочется проанализировать странные отношения, то помести под микроскоп твои и Джека. Вы так помешаны друг на друге, что когда вы рядом в одной комнате, температура в ней подскакивает на двадцать градусов. Но вы оба либо слишком упрямы, либо невежественны, либо умственно отсталые, чтобы понять, что с этим делать. – Софи глубоко вздохнула. – Как только ты разберешься, что там между тобой и Джеком, я, так и быть, выслушаю твои мысли про нас с Чэдом.

Я смотрела на нее и не знала, что сказать. В последний раз я видела ее такой взволнованной, когда сказала ей, что хочу снести стену, чтобы расширить главную спальню в доме на Трэдд-стрит.

– Ох! – выдохнула я, не зная, права ли она насчет нас с Джеком.

Она повернулась, чтобы выйти из комнаты.

– Увидимся внизу.

Сделав нескольких глубоких вдохов, я еще раз поправила на себе платье, кое-как протиснулась в дверной проем и даже добралась до верхней ступеньки лестницы, не споткнувшись и ничего не опрокинув. На мое счастье, бо́льшая часть дома была пуста, а посетителей ожидали лишь образцы тканей и краски, выставленные на мольбертах в главных комнатах дома.

Благодаря стараниям моего отца в доме пахло нарциссами и цитрусовыми. На лестнице в обвернутых мешковиной и перевязанных красным шпагатом горшках выстроились нарциссы, их сладкий аромат плыл по коридору, как облако. На девяти каминных полках – кроме той, что на кухне, которая в настоящее время хранилась на чердаке, – лежали сосновые ветки, собранные моим отцом и искусно украшенные шишками, лимонами и мандаринами. За все годы, проведенные с ним, мне никогда не приходило в голову, что внутри моего грубоватого офицера-отца прячется Марта Стюарт^[1].

Громкий свист заставил меня посмотреть вниз.

Я увидела рядом с лестницей Джека – в полной форме солдата Конфедерации, в шляпе с перьями и с блестящей саблей. Этакая копия его бравого предка, Джорджа Тренхольма, вояки и авантюриста. Такой легко мог послужить прообразом знаменитого литературного персонажа Ретта Батлера.

Будучи дочерью военного, я видела военную форму каждый день, но никогда не задумывалась о том, что та способна придать мужчине привлекательность.

Но вот теперь, увидев Джека Тренхольма в конфедератском мундире, я была вынуждена пересмотреть мое мнение.

– Красивое платье, – сказал он, скользнув по мне взглядом с головы до ног. Его глаза на миг задержались на сапфирах на моей шее и наконец остановились на моем лице.

Я небрежно пожала плечами:

– Просто то, что я нашла в своем шкафу.

Его улыбка сделалась шире, а сам он развел руками:

– Угу. Я тоже.

Притворившись, будто он мне неинтересен, я вцепилась в перила и осторожно начала спускаться по лестнице. Мне бросились в глаза три желтых полосы на его рукаве.

– Всего лишь сержант, Джек? Я думала, что ты хотя бы генерал.

Сняв с головы шляпу, он взял мою руку и поцеловал. По руке до самого плеча как будто пробежал ток.

– Не хотел показаться ряженым.

– Ряженым?

– Это словечко в ходу у исторических реконструкторов и означает «далекий от реальности». Уничижительное слово. Им награждают любого, чей костюм далек от подлинного или смехотворно неуместен.

– Ты реконструктор?

– Так точно, мэм. Первый кавалерийский полк Южной Каролины. И да, помимо пикапа, у меня также есть членский билет Национальной стрелковой ассоциации. Знаешь, Мелли, учитывая, какие мы близкие друзья, мне даже обидно, что ты так мало знаешь обо мне.

– Близкие? – спросила я, выдергивая руку из его ладоней.

– Думаю, мы могли бы быть и ближе, если бы ты не ограничивала общение со мной рабочими графиками и телефонными звонками. Ближе всего я был к тебе, когда ты перебрала, но я не рекомендовал

это как способ лучше узнать друг друга. Твои попытки были достойны восхищения, хотя и слегка забавны.

Я холодно прищурилась.

– Мне показалось, ты сказал...

Договорить мне не дали Софи и моя мать, вышедшие из ее спальни. Когда они спустились вниз, Джек отвесил учтивый поклон и по очереди поцеловал им руки.

– Да-а-а-мы, – произнес он на протяжный южный манер. – Как же мне повезло, что меня окружает такая красота.

Софи фыркнула и направилась в гостиную. Моя мать, элегантная, в черном бархатном платье-футляре – в нем ей можно было дать вдвое меньше ее возраста, – затянутой в перчатку рукой похлопала Джека по локтю.

– Послушайте, Джек. – Я удивилась, увидев, что ее лицо серьезно. – Я вас очень прошу всегда оставаться рядом с Мелли. Надеюсь, вы меня поняли?

– Мама, в этом нет необходимости...

Она повернулась ко мне. Ее взгляд остановился на медальоне в окружении сапфиров.

– Мне казалось, что ты собиралась вернуть его.

Я кивнула:

– Я планирую. Просто... просто я еще этого не сделала.

Наши взгляды на мгновение встретились, а затем она снова посмотрела на Джека.

– Я буду встречать людей у входа, показывать им, где подано угощение. Зная, что вы рядом с ней, я буду чувствовать себя спокойнее.

– Непременно. – Серьезное лицо Джека было копией озабоченного лица моей матери. У меня возникла малоприятная мысль, что они уже обо всем договорились в мое отсутствие.

– Мама, дом будет полон людей. Неужели ты думаешь...

Почувствовав запах пороха, я не договорила.

– Хорошо. Он здесь. С ним я в безопасности.

Я знала, что он стоит за моей спиной, но оборачиваться не стала. Но что-то сегодня было по-другому, его присутствие было более осязаемым. У меня возникло ощущение, что, обернись я и посмотрю ему в лицо, он бы не исчез.

– Кто? – спросил Джек, обводя взглядом пустое фойе.

– Старый друг, – ответила моя мать.

Мы посмотрели друг на дружку, и я была даже рада, что мне не нужно ничего объяснять, что достаточно посмотреть в чужие глаза, чтобы знать: они не только всё поняли, но и осознали, что наш дар столь же естественен, как и дыхание.

Раздался стук дверного молотка, и из гостиной показалась Софи.

– Итак, всем занять свои позиции. Первая экскурсия уже здесь, так что давайте сделаем так, чтобы они остались довольны.

Моя мать присоединилась к Софи. Затем Джек подал мне руку, и я – по-прежнему ощущая за спиной присутствие солдата – оперлась на нее. Впрочем, чувствовала я и близость кого-то еще, и этот кто-то был холоден и неприветлив. Джек повел меня прочь от лестницы, но я замешкалась. Меня так и тянуло обернуться. Я повернула голову и посмотрела на призрака. Тот никуда не делся. Он казался реальным, пока до меня не дошло, что я смотрю сквозь него на коврик-зебру.

Приподняв шляпу, он мотнул головой в сторону кухни, словно приглашал меня следовать за ним, затем медленно спустился по оставшимся ступенькам и вышел в коридор. Он остановился лишь раз – чтобы проверить, иду ли я за ним, после продолжил свой путь и исчез в кухне. Распахнутые двери закрылись за ним, а вскоре из кухни донесся лай Генерала Ли.

Джек проследил за моим взглядом – туда, где только что сами распахнулись и закрылись двери, – затем повернулся ко мне. Наши взгляды встретились.

– Смотрю, ты умеешь добавить изюминку в вечернюю программу, Мелли. – Он нахмурился. – Я должен чего-то опасаться?

– Нет. – Чувствуя на нас взгляд еще одной пары глаз, я вздрогнула. – Во всяком случае, не его.

Входная дверь открылась, и в вестибюль ввалилась группа из двадцати человек. Их голоса эхом отразились от пола и пустых стен. Мы с Джеком улыбнулись и шагнули вперед, приветствуя их. И все время я ощущала, что кто-то наблюдает за мной, как будто ожидая шанс застать меня одну. Джек сжал мою руку. Я посмотрела в его голубые глаза и в очередной раз задалась вопросом, кто из них для меня опаснее.

Глава 16

Вечер тянулся бесконечно. Хотя реакция людей на текущую цветовую гамму дома меня позабавила и я не без гордости и удовлетворения поделилась нашими планами по реставрации дома, я не могла избавиться от ощущения, что за мной все время наблюдают чьи-то глаза и что где-то в глубине большого дома назревает битва. Когда разговоры стихали, мне казалось, будто я слышу, как дом дышит – еле слышная пульсация, исходившая из самых стен, которую я ощущала едва ли не кожей.

Кухня не была включена в экскурсию, поскольку, за исключением камина и каминной полки, она не только уже была восстановлена и модернизирована, но и не походила на абстрактное живописное полотно. И все же всякий раз, проходя мимо, я оглядывалась на закрытые двери и чувствовала, что солдат по-прежнему внутри и ждет меня.

Последний гость наконец ушел. Я позволила моим благодарным ногам выскользнуть из туфель-шпилек, когда входная дверь открылась снова. Я уже было открыла рот, чтобы сказать, что экскурсия закончилась, но тотчас его захлопнула, увидев перед собой Ребекку. Вид у нее был не столь бодрый, как обычно, – похоже, она устала объяснять, где находится женский туалет, что, однако, не помешало ей просиять улыбкой, когда она заметила Джека.

Подойдя к нему, она поцеловала его в щеку и лишь затем удостоила всех остальных небрежным взглядом.

– Извините, что зашла так поздно, но я знала, что вы все еще будете здесь. Я хотела поблагодарить всех за участие и сообщить, что, похоже, мы собрали пожертвований почти вдвое больше, чем в прошлом году. – Она сияла, как будто этот успех покоился на ее миниатюрных плечах. – Я также хотела сказать вам, что добилась некоторого прогресса в поисках источника вдохновения для окна в гостиной. – Она выдержала выразительную паузу. – Я столкнулась с Софи в библиотеке колледжа, но пока я не нашла окончательных данных, то не стала ничего говорить заранее. В общем, решила преподнести вам приятный сюрприз.

Мы с Софи переглянулись.

Ребекка сжала ладони.

– Я выяснила, что окно было создано учеником Луи Тиффани, ирландцем по имени Джон Нолан, который в тысяча восемьсот восьмидесятом году открыл здесь, в Чарльстоне, свою мастерскую. Мастерской этой давно нет, но нельзя исключать вероятность, что где-то в архивах сохранились документы. Я подумала, не попросить ли Ивонну помочь нам в поиске...

Ребекка не договорила, и я поняла, что она смотрит на меня. Хотя, войдя, она удостоила меня лишь беглым взглядом, должно быть, она наконец заметила мое платье и украшения.

Она медленно подошла ко мне:

– Ваши... украшения. Они прекрасны.

– Спасибо, – осторожно сказала я. – Моя мать разрешила мне их надеть.

– Да. Если не ошибаюсь, я когда-то показывала вам фотографию вашей матери, где на ней эти же самые украшения. – Ребекка посмотрела на мою мать. – Это ведь семейные реликвии, верно?

Мать кивнула и встала рядом со мной. Не знаю почему, но мне от этого стало комфортнее.

– Вы знаете связанную с ними историю? – не унималась Ребекка.

Моя мать покачала головой:

– Знаю лишь то, что они принадлежали моей матери и что та в свою очередь получила их от своей матери. Но я понятия не имею, откуда они.

– А медальон? – спросила Ребекка. – Это тоже семейная реликвия?

Я совершенно забыла, что он на мне. Машинально поднеся руку к шее, я потрогала холодное металлическое сердце.

– Нет. Водолазы нашли его на «Розе».

Ребекка недоуменно выгнула бровь.

– Не волнуйтесь. Я... его верну. Просто я... еще его не вернула. Но я обязательно это сделаю. – Я добавила последние слова, чтобы в первую очередь убедить самое себя.

– Он похож на медальоны на портрете, вам не кажется? – Ребекка подошла ближе. Я даже почувствовала запах мятной жевательной резинки, которую она, должно быть, сунула в рот, прежде чем вошла в дом, и чего-то еще, смутно знакомого. Внезапно я поняла: мы обе

пользовались одним и тем же шампунем. Мой кринолин помешал ей вплотную приблизиться ко мне, чему я была несказанно рада.

– Да, очень похоже.

Ребекка буквально впилась глазами в медальон.

– Вы не возражаете, если я рассмотрю его ближе?

Я заколебалась, но только на мгновение.

– Конечно.

Джек шагнул ко мне сзади и расстегнул цепочку у меня на шее. Его пальцы задержались чуть дольше, чем необходимо, по крайней мере, этого хватило, чтобы температура в комнате резко подскочила.

Он удивил меня тем, что пока Ребекка разглядывала медальон, он не выпустил из рук цепочки, как будто не хотел с ней расставаться. Ребекка перевернула медальон на ладони, и я вновь поймала себя на том, что рассматриваю ее руки, пытаюсь понять, почему те кажутся мне такими знакомыми.

Ребекка медленно подняла голову. Ее взгляд на миг задержался на сапфировом колье на моей шее и на сапфировых серьгах в моих ушах.

– Есть идеи, кому это принадлежало? – спросила она, не сводя с меня глаз.

Я покачала головой.

– На нем есть буква «М», как на том портрете. Мы уже начали перебирать вещи на чердаке. Думали, вдруг найдется шкатулка для драгоценностей или что-то еще, в чем может лежать медальон с буквой «Р». Правда, пока ничего не нашли. Но я договорилась встретиться на следующей неделе с Ивонной в библиотеке Исторического общества. Интересно, что мы с ней найдем на моем генеалогическом древе? – Я произнесла эти слова небрежно, пытаюсь развеять внезапную серьезность Ребекки. Ее интерес к нашим семейным реликвиям заставлял меня нервничать, как будто она знала, что где-то позади меня вот-вот обрушится скала, но не желала предупредить меня о грозящей опасности.

– Сообщите мне, что вы узнаете, – сказала она. – Я бы с удовольствием составила вам компанию, но у меня просто безумный график. Приходится, не разгибая спины, трудиться над сбором фактов для моей серии исторических очерков о знаменитых чарльстонцах. В следующий понедельник у меня назначена встреча с Ивонной, но

только на полчаса. Знаю, этого мало, но что поделывать. – Она перевернула медальон еще раз. – Я полагаю, вы уже открывали его.

Я кивнула:

– Он пустой.

Ребекка потянула медальон, но Джек продолжал держать цепочку. Надув губки, она отпустила его, и Джек быстро собрал цепочку и медальон в свою ладонь.

– Прежде чем вы его вернете, Мелли, я бы хотел, чтобы на него взглянул старый друг нашей семьи. Он выполнял кое-какие заказы для моих родителей. Он ювелир и специализируется на семейных реликвиях. Он может его почистить, а заодно посмотрит, вдруг мы могли что-то пропустить. Другие металлы, которые используются вместе с золотом, часто бывают подвержены коррозии, отчего более тонкая гравировка становится не видна. – Джек посмотрел на меня с хитрой улыбкой. – Или, поскольку речь идет о семье Мелли, то мы, вероятно, имеем дело с неким шифром или загадкой.

Ребекка неприязненно поджала губы, но затем насильно распустила их в некоем подобии улыбки.

– Отличная идея, Джек. Может, мне пойти с тобой?

– Может быть, – уклончиво ответил Джек.

Мне тотчас стало интересно, была ли эта его уклончивость намеренной. Я поймала на себе взгляд моей матери – та подняла брови в молчаливом согласии. Почувствовав, что улыбаюсь, я поспешила отвернуться.

Джек сжал медальон в кулаке.

– Я принес сменную одежду, так что если вы, дамы, извините меня на секундочку... – Отвесив дурашливый поклон, он расплылся в улыбке, которую наверняка по достоинству оценил бы Ретт Батлер, и зашагал к лестнице. Мы все трое повернули головы ему вслед. Я повернулась к матери – та уже начала стаскивать перчатки – и одарила ее укоризненным взглядом.

– Полагаю, нам пора убирать гостиную и принести грязные стаканы в кухню, – предложила она, направляясь в гостиную. Ребекка и Софи увязались за ней следом.

– Я сейчас присоединюсь к вам, – сказала я в надежде на то, что они подумают, что мне нужно в уборную. Дождавшись, когда они исчезнут в гостиной, я пошла в кухню. Там было темно. Я на миг

задержалась у двери – интересно, почему миссис Хулихан, уходя, выключила свет.

Я осторожно толкнула одну створку дверей, чтобы сунуть внутрь руку, но тотчас со сдавленным криком отскочила назад. Мне навстречу выскочил Генерал Ли и сломя голову бросился через вестибюль вверх по лестнице, громко топая лапами по полосатой, под зебру, ковровой дорожке.

Я вновь сунула руку в дверь, нащупала выключатель и включила свет. Но он не зажегся. Вспомнив все дешевые фильмы ужасов, какие я только видела в своей жизни, – там, где глупая девушка все равно входит в темную комнату, – я сглотнула и замерла на месте.

Мелани.

Мой солдат действительно был там, но он вновь стал полупрозрачен. Я увидела лишь темную тень на каминной стене, легкое подрагивание воздуха. Интересно, отчего он вновь изменился?

Иди сюда.

Я услышала отчаяние в его голосе, чего раньше ни разу не замечала. Я снова попробовала включить свет.

– Нет.

«И волны прячут нашу вину». Ответ здесь, Мелани.

Я снова щелкнула выключателем, но комната осталась темной.

Ты знаешь, что со мной ты можешь ничего не бояться.

Услышав голос матери и смех Ребекки, я повернулась к коридору. Меня раздражало, что эта особа уже сумела выяснить так много. Я же толком не сделала ничего, лишь договорилась о встрече, чтобы изучить собственное генеалогическое древо. Я вновь повернулась к кухне и, сделав вид, будто не слышу, как киноман внутри меня кричит «не заходи в темную комнату, глупая!», толкнула дверь. Мои обнаженные плечи тотчас обдало порывом холодного воздуха.

Как и раньше, я осторожно двинулась к стене с росписью, изображавшей длинноногих коров, и с некоторым облегчением отметила про себя, что дверь, ведущая на заднюю лестницу, была закрыта. Шелковый подол моего платья шелестел в темноте, словно еле слышный шепот. Я отчетливо ощущала прикосновение прохладной ткани к моей коже. Затем я вновь увидела моего солдата. Зажав под мышкой шляпу, он стоял, прислонившись к невидимой каминной полке.

– Что ты хочешь от меня здесь, в темноте? – спросила я, избегая смотреть на его лицо.

И услышала незнакомый звук и поняла: он усмехнулся. Мои щеки вспыхнули – похоже, за прошедшие века мужчины почти не изменились.

– Я уйду. – Я повернулась к двери.

Останься. Я смогу помочь тебе, если ты позволишь мне это сделать.

– Тогда скажи мне то, что я должна знать, – сказала я, поворачиваясь к нему спиной. – Что за стеной?

То, что ты ищешь.

– А сказать мне прямо, что это такое, ты не можешь? Я даже не знаю, что ищу. – Я чуть не сорвалась на крик.

Как ты нетерпелива, Мелани. В детстве ты была другой. Отчего ты так изменилась?

Я так оторопела от его слов, что не сразу заметила, что его пальцы легонько коснулись моего лица. Вновь ощутив кожей этот странный ледяной жар, я отпрянула, но наткнулась спиной на стену.

– Ты кто? – Чтобы не поддаться искушению посмотреть ему в лицо, я закрыла глаза. Я не хотела чтобы он уходил, по крайней мере до того, как я получу ответы на некоторые вопросы.

Я уже говорил тебе. Друг.

– Тогда назови мне свое имя. Мы не можем быть друзьями, если тебе известно мое имя, а я не знаю твоего.

Тебе это опасно знать.

В этот момент я почти открыла глаза. Мать говорила мне то же самое много лет назад. Знать имя духа – значит дать ему власть над вами, но только если вы сознательно вызвали его, назвав по имени. Прежде чем пытаться выманить духа из любого места, где тот может прятаться, медиум должен быть уверен в том, что ему самому хватит сил и он владеет ситуацией.

Его пальцы скользнули вокруг моей шеи, затем по волосам, ослабляя шпильки и распуская собранные в узел волосы, над которыми Софи потрудились целый час. Я из последних сил пыталась вновь обрести голос. Вторая половинка моего «я», что еще оставалась в здравом уме, отказывалась понять, как могут его прикосновения доставлять мне такое удовольствие. В моей затуманенной голове

промелькнула мысль о том, что он нарочно отвлекает меня от вопросов.

– И ты мой защитник. Но ведь ты уже и раньше бывал защитником? Моей матери и той девушки, которая вела дневник. Кто она? – проговорила я, внезапно осознав, что он притягивает мое лицо к себе.

Ты похожа на нее.

– На кого? На девушку, что вела дневник?

Нет, на мою любовь.

Я хотела спросить у него, кто она такая, но мягкие губы коснулись моих губ, заставляя меня умолкнуть, и я, закрыв глаза, отдалась во власть льда, что, тая, превращался в теплый сироп. Я приоткрыла губы в неискренней попытке протестовать, но он прижался ко мне еще сильнее. Мои губы ощущали океанский бриз и горячий песок. Это ощущение пьянило... я вспомнила последний раз, когда испытывала нечто подобное. В пожаре в доме на Трэдд-стрит я почти задохнулась от дыма, и тогда Джек припал губами к моим губам и своим дыханием вернул меня к жизни. Это же головокружение и ощущение пробуждения владели мной и сейчас. Мысли о Джеке заставили меня раствориться в поцелуе незнакомца. Мои губы раскрылись и жадно прижались к его губам.

Он отстранился, и я поняла: похоже, он тоже услышал чьи-то шаги.

Мое имя Вильгельм.

Удивленная, я открыла глаза и посмотрела ему прямо в лицо. И за миг до того, как он полностью исчез, увидела, как его голубые глаза наполнил страх. Меня тотчас пронзило дурное предчувствие. Я случайно оттолкнула его. А ведь я по своему опыту знала, что, прежде чем он появится снова, ему нужно набраться сил. Теперь мои глаза полностью привыкли к темноте. Я оглядела комнату. Мой взгляд упал на дверь, что вела на черную лестницу. Она была распахнута настежь.

Вслед за ледяным воздухом на меня обрушилась вонь гниющей рыбы. От ужаса у меня перехватило горло.

Мелани.

Это был тот самый голос, каким несколько дней назад внезапно заговорила моя мать, и тот самый, который я слышала в доме Макгоуэнов. Я лихорадочно обвела глазами комнату, чтобы найти его

источник, но увидела лишь черноту с пятнами подрагивающих теней, которые отбрасывали на стены уличные фонари.

Я бочком двинулась вдоль стены, зная, что в конце концов доберусь до двери, и, надеясь, что смогу сделать это достаточно быстро.

Мелани.

Слово прозвучало рядом с моим ухом. Я замерла на месте, мои ноги отказывались – или же не могли – сделать даже шаг.

Верни его.

Вместо того чтобы стихнуть, слова как будто сделались громче, мои барабанные перепонки просили пощады. Чьи-то холодные пальцы нащупали мою шею. Застежка щелкнула, и я почувствовала, как с меня срывают медальон. *Он мой!* – крикнул пронзительный голос. Зажав ладонями уши, я опустилась на корточки у стены.

Ледяные пальцы вновь вцепились мне в горло. Но на этот раз они сдавливали его, пытаясь лишить меня дыхания. Я была по пустому воздуху, пыталась звать на помощь, но издала лишь сдавленный всхлип. Перед глазами плясали точки. Холодные пальцы еще сильнее сдавливали мне шею, горло горело, глаза резал ослепительный свет. Понимая, что теряю сознание, я попыталась закричать еще раз. И слово, которое я пыталась выкрикнуть, было «Джек».

А затем я задышала свободно, а тьма рассеялась, потому что на кухне горел свет. Затем Джек опустился рядом со мной на колени, его лицо было бледным, в глазах застыла тревога.

– С тобой все в порядке? – Он убрал с моего лица волосы и пристально посмотрел мне в глаза.

Я едва заметно кивнула, опасаясь, что, если сделаю это энергичней, он перестанет прикасаться ко мне.

– Черт, – процедил он сквозь зубы. – Я обещал твоей матери, что не выпущу тебя из поля зрения. Извини.

Я попыталась сказать что-то легкомысленное, но тотчас забыла, что именно, поняв, насколько он встревожен.

– Что случилось? – спросил он, помогая мне встать. – С тобой все в порядке? Тебе нужен врач?

Я покачала головой, не желая отвечать на вопросы врачей и на миг представив их реакцию, если я начну отвечать правдиво.

– Нет-нет. Со мной все в порядке. – Мой взгляд переместился на черную лестницу. – Закрой вон ту дверь. – Мое горло саднило, и когда я говорила, мой голос звучал так, будто кто-то водил по камню наждачной бумагой.

Закрыв дверь, Джек вернулся ко мне и обнял. Он не размыкал объятий, пока я не перестала дрожать. Но, даже разомкнув, оставил руки лежать на моих плечах, как будто боялся отпустить меня.

– Ты была здесь одна? Мне показалось, будто я слышал голоса.

Моя рука коснулась моих губ, и я вспомнила Вильгельма. Но я не решалась говорить, как будто, поступи я так, это стало бы своего рода предательством. Кого именно? В этом я не была уверена.

Взгляд Джека упал на мой рот, все еще опухший от поцелуя. Он тотчас прищурился:

– Это был Марк Лонго? Он был здесь?

Я покачала головой. И хотя я еще не до конца пришла в себя, я с удовлетворением отметила, что Джек ревнует.

– Нет. Это была она... девушка из лодки. Я знаю, что это она, потому что я уловила ее запах.

Взгляд его голубых глаз упал на мою шею, и я заметила, как расширились его зрачки.

– Она пыталась задушить тебя. – Он осторожно коснулся того места, где я недавно ощущала ледяные пальцы. Жжение частично ушло.

Это не был вопрос, но я все равно кивнула.

– Она также сорвала медальон. – Чувствуя, как саднит горло, я снова сглотнула. – Она сказала, что это ее вещь.

Джек нахмурил брови.

– Кто она такая?

– Не знаю. Я вообще не понимаю, что это значит.

Джек продолжал гладить мою шею; затем его пальцы скользнули по моим плечам и по ключице. Я невольно вспомнила ярость в его голосе, когда он спросил, был ли здесь Марк, и по моей спине пробежала легкая дрожь.

Его голос прозвучал мягко, его дыхание обдало мое лицо теплом.

– Ничего, выясним. Мы ведь здорово работаем вместе, верно?

Мы пристально посмотрели друг на друга. Я покорно кивнула. Почему-то мое чувство самосохранения было как будто подавлено. Я

из последних сил пыталась вернуть его, зная, что без него Джеку Тренхольму я не ровня.

– Но если мы собираемся и дальше работать вместе, пообещай, что ты больше не будешь пытаться убить себя, хорошо? Я несу за тебя ответственность, хотя понятия не имею почему. – Он смотрел прямо на меня, но у меня было такое чувство, что он обращается к кому-то еще.

Мне нужно было отойти от него, но второй раз за вечер мои ноги отказались подчиняться мне. Я боролась за власть над ними, пыталась не обращать внимания на мои упрямые ноги и пальцы Джека. Я даже прочистила горло в надежде нащупать нейтральную тему.

– Почему ты не дал Ребекке подержать медальон? Когда она хотела взглянуть на него, ты не выпустил его из рук.

Джек пожал плечами. Он буквально пожирал меня глазами. Я же старалась не замечать, какие они синие.

– Мне не понравилось, как она смотрела на него. Как будто он принадлежал ей. – Он помолчал. – У меня такое чувство, что она тебе завидует.

Я вспомнила, как Софи говорила мне то же самое.

– Потому что мне принадлежат две исторические руины?

Я ждала услышать его смех, но Джек молчал. Мне во второй раз за этот вечер стало страшно. Но это был не тот страх, когда вас душат; это был страх, когда вам кажется, будто вы вот-вот потеряете все.

– Нет, – тихо произнес он. – По крайней мере, это лишь одна из причин.

Он стоял близко, но я не попросила его отойти.

– Тогда почему? – настаивала я.

– Потому что она думает, что у нас с тобой роман. – Его теплое дыхание обдало обнаженную кожу моих плеч, и я поняла, что он склонился ниже. Мне оставалось лишь поднять лицо, и наши губы соприкоснулись бы. Но я сдержалась, зато мысленно перебрала миллион причин, почему мне не стоит целовать Джека Тренхольма, причем самая мелкая состояла в том, что этот наглец умеет вить из меня веревки. Я же, если хотела и дальше быть себе хозяйкой, должна была держать чувства в кулаке.

Я сглотнула, надеясь, что мои мысли не слышны ему в тихой комнате, и даже изобразила легкомысленную улыбку.

– Верно. Можно подумать, я влюблюсь в тщеславного, ветреного бабника. Да, невысокого же она обо мне мнения!

Его взгляд сделался колючим, но улыбка не дрогнула.

– Верно. Ведь ты известна своими высокими стандартами в том, что касается мужчин. Вроде Марка Лонго. Отличный выбор с твоей стороны.

Я попыталась вырваться, но Джек крепко держал меня за плечи.

– С тобой явно что-то серьезно не так, Мелли, если ты прыгнула в кровать к парню, чьи мотивы явно не в твоих интересах. А затем ты согласилась поужинать с ним... хотя и узнала, что он настоящее дерьмо. – Что-то мелькнуло в его глазах. Будь на месте Джека кто-то другой, я бы сказала, что это боль. – Ты или мазохистка, или боишься заморозить кусок льда в груди, который раньше был твоим сердцем. – Он наклонился ближе. – Чего ты боишься, Мелли? На мгновение забыть, кто ты или где ты была? Неужели все так плохо?

Я отвернулась. Сил, чтобы отстраниться, у меня не было.

– Оставь меня в покое. Ты ничего не знаешь обо мне, да и о женщинах в целом. Твои фото по всему Интернету, и на каждом ты с очередной красавицей. – Я повернула голову и встретилась с его насмешливым взглядом. – Да. Я погуглила... ну и что? Это просто говорит о том, что ты способен оценить женщину лишь за то, как она смотрится, держа тебя под руку. Думаю, когда до них доходит, что ты... что ты... – Я закатила глаза. Увы, я никогда не отличалась изобретательностью, когда мне требовалось острое словцо... – Лупоглазый идиот, ты уже успеваешь вцепиться в другую юбку. Эмили не иначе как была святой. – Я закусил губу. Увы, эту тираду уже не взять назад, особенно последнюю ее часть. Но я была напугана. Мне было страшно быть близко, быть рядом с ним, я страшилась собственных чувств... и потому отчаянно пыталась оттолкнуть его как можно дальше.

Его глаза были похожи на синий лед, и впервые с момента нашей первой встречи я вспомнила, что Джек был военным – обученным солдатом, который может быть очень, очень опасным. Я сглотнула, ожидая, что он скажет.

Его голос прозвучал холодно и сдержанно.

– Лупоглазый идиот? Какие потрясающие вершины эрудиции, Мелани. Меня называли по-разному, но так, если честно, впервые. –

Его взгляд на миг скользнул к моим губам, после чего он вновь посмотрел мне в глаза. – Итак, кто еще был здесь с тобой, кроме девушки с корабля?

Я не ответила, зная, что сказать ему правду – значит подставить себя под очередной залп нелюбимых оценок моей персоны, бо́льшая часть которых, что греха таить, была сущей правдой.

– Это был твой солдат, Мелли? Твой защитник? Кстати, твоя мать рассказала мне о нем.

Я машинально потрогала губы, вспомнив поцелуй, вспомнив, как я думала о Джеке. Почему-то я была даже рада той злости, которая проснулась во мне при этом воспоминании. Пальцы Джека все еще гладили мою щеку. Я отстранилась, цепляясь за контроль над собственной жизнью, который дался мне дорогой ценой. Я видела темную комнату погруженной в хаос жизни, я чувствовала, как мои ноги стоят на самом краю пропасти, и не желала вновь пережить эти ощущения.

– Ребекка тоже знает о нем, – добавил Джек. Его руки переместились на мои плечи, но я осталась стоять как каменная, не желая показать ему, что творят со мной его прикосновения.

– Ребекка? – Мне было трудно следить за разговором, когда его большой палец поглаживал мою ключицу. Я хотела, чтобы он прекратил. Мне было нужно, чтобы он прекратил. Но мой язык как будто отнялся, и я обнаружила, что вновь приближаюсь к самому краю пропасти.

– Она сказала мне, что продолжает видеть нас двоих во сне.

Я тяжело сглотнула:

– Как увлекательно! Неужели вам двоим больше не о чем поговорить, кроме как обо мне? Например, какой оттенок розового ей идет больше? Или почему ты бросил ее ради Эмили, или почему Ребекка вернулась в твою жизнь? – Мне стало тошно от этих слов, вылетающих из моего рта, но остановить их я не могла. Я ощущала себя загнанным в угол животным и пыталась защититься любыми доступными мне средствами.

Джек поднял бровь, но заговорил так, как будто я ничего не сказала.

– Думаю, он твой идеальный любовник, не так ли? Это самые безопасные отношения, какие только у тебя могут быть. В том смысле,

что он вряд ли вскружит тебе голову, потому что уже мертв. Ведь так?

Прижав ладони к его груди, я оттолкнула его, вынуждая сделать шаг назад.

– Кому как не тебе это знать, Джек. Ты делаешь то же самое с Ребеккой.

На миг его взгляд сделался едва ли не хищным.

– Это как понимать? – медленно спросил он.

– Тебя лишь потому тянет к Ребекке, что она напоминает тебе Эмили. Но она никогда не заменит Эмили, так что можешь быть спокоен. Это никогда не выльется в серьезные отношения, ведь она никогда не будет той, кто тебе действительно нужен.

Несколько мгновений он пристально смотрел на меня. И хотя мне не было страшно, я определенно занервничала.

– Понятно. – Не сводя глаз с моего лица, он расправил плечи. – Спасибо за столь пронизательное наблюдение, Мелани. Я не знал, что у тебя, помимо склонности к жесткому планированию, есть также степень по психиатрии. Но спасибо, что сообщила мне, какую занозу в заднице я для тебя представляю. Обещаю отныне не докучать тебе своим присутствием.

С этими словами он повернулся и зашагал к двери, но, прежде чем открыть ее, задержался.

– Ты не права, – сказал он, не оглядываясь. Он на миг застыл и умолк, и я было подумала, что он больше не добавит ни слова. Но затем он сказал: – Возможно, меня тянет к Ребекке не потому, что она напоминает мне Эмили. – Он повернул голову, и наши взгляды встретились. – Возможно, это потому, что она напоминает мне тебя.

Он распахнул двери и вышел вон. Стук его каблуков эхом отлетал от мраморных полов. Я прижала руки к груди – чтобы не расплакаться и не окликнуть его, или по крайней мере убедить себя в том, что любой ущерб, нанесенный неосторожным словом, не был постоянным. И я не расплакалась, и не окликнула его. Моя гордость вырыла между Джеком и мной глубокую пропасть. Я не могла простить ему его слов обо мне и моем солдате главным образом потому, что боялась, что он может оказаться прав.

Я быстро направилась к двери – не хотела оставаться одна в кухне, – но замерла, услышав голос Джека:

– Это был почти поцелуй номер пять. Хотя ты их вряд ли считаешь.

Я прижала ладони к щекам, как будто пыталась остудить жар, который уже поднимался к ним от моей шеи. Под кухонным столом внезапно что-то блеснуло. Тотчас поняв, что это такое, я осторожно приблизилась к нему, опасаясь, как бы та, что сорвала его с моей шеи, тоже не явилась на его поиски. Подняв медальон с пола, я выпрямилась и застыла, сжимая в руке холодный металл. Я смотрела на сломанную застежку и пыталась понять, что она имела в виду, говоря, что он принадлежит ей... Как жаль, что рядом со мной не было Джека. Он бы наверняка мне это сказал.

Глава 17

Я сидела, свернувшись калачиком в ярко-зеленом кресле-трансформере, случайно оставленном в пустой спальне предыдущими владельцами, и моргала, глядя на дневник, который читала вот уже более двух часов. Глаза саднило от напряжения – почерк был красивый, но мелкий и полный разных завитушек, что очень затрудняло чтение.

Почерк, безусловно, был женский и, похоже, принадлежал молоденькой девушке. Хотя бо́льшая часть того, что я уже прочла, было описанием повседневной жизни Чарльстона второй половины XIX века, я была в восторге. Я никогда не была большой поклонницей истории. События прошлого, о которых никто больше не помнил, меня не интересовали, но сейчас все было иначе. Это было сродни общению с призраком, с той разницей, что в данном случае я наконец узнала, что тот думает.

Наиболее красноречивым было описание дома. Это определенно был дом номер тридцать три по Легар-стрит, с его двухъярусным портиком и витражным окном, которое, по словам автора, «доминировало в нижней гостиной и стало причиной неодобрительных взглядов соседей, когда его устанавливали». Я невольно улыбнулась: не иначе как кто-то из этих соседей был действительным членом первого Совета по архитектурному надзору – или как он тогда назывался.

Я внимательно прочла описание окна, отметив, насколько близко оно напоминало окно моего детства.

«Окно большое, и некоторые назвали бы его непривлекательным, и все же оно вызывает у Р. странное чувство – она им очарована. Я первая заметила на нем изображение двух девушек, чем разозлила ее, а затем, когда она пересказывала эту историю отцу, была вынуждена притвориться, что первой картинку заметила именно она.

Мой защитник, похоже, тоже в восторге, и я не раз видела, как он смотрит на него. Я спрашиваю у него, что он видит, но он лишь четыре раза стучит по нему, чем пугает Р. или любого, кто в тот момент находится в комнате. И когда я поднимаю глаза, я вижу, что он всегда

стучит в одном и том же месте, в верхнем правом углу, который с этой стороны окна кажется пустым.

Я вижу своего солдата почти каждый день. Он говорит, что он мой защитник. Он слышит, когда я обращаюсь к нему, поэтому вчера я нашла в себе смелость спросить у него, почему он всегда рядом. Он ответил: потому что он спас мне жизнь, когда я была ребенком, и он был благодарен за то, что ему дали шанс искупить свою прошлую ошибку. Но как только я начинаю расспрашивать его о том, какую ошибку он совершил, он тотчас исчезает. Он также исчезает всякий раз, когда я смотрю прямо на него, как будто я сильнее, чем он, и каким-то образом подавляю его.

Этим утром, когда он появился, я была в гостиной первого этажа, любовалась окном. Р. ворвалась в комнату без предупреждения и потребовала ответа, с кем я разговаривала. Я удивилась, поняв, что она вообще не видит его, потому что для меня он совершенно реален. Я видела призраков с самого детства и, лишь став почти взрослой, обнаружила, что их видят не все. Это мой секрет, и я ни с кем им не поделилась, включая Р. Однако поскольку Р. на четыре года меня старше и, значит, прожила в этом доме на четыре года больше, я бы предположила, что она с ним незнакома. Нужно спросить у него, почему».

Сделав несколько заметок в блокноте, я открыла телефон, чтобы позвонить Джеку, но тотчас медленно закрыла. После той вечерней экскурсии по дому я не видела Джека и не разговаривала с ним вот уже две недели. После пары дней молчания я поняла, что он избегает меня, но мне потребовались почти две недели, чтобы окончательно перестать звонить ему и оставлять сообщения. Почему-то мне казалось, что, поскольку я притворялась, будто ничего не случилось, то же самое мог делать и он и все могло бы продолжаться, как и раньше. Софи назвала это моим самоотречением. Я предпочитаю называть это самосохранением.

Джек не дал о себе знать даже на Рождество. Амелия и Джон Тренхольм пригласили моих родителей и меня на рождественский ужин, но явно чувствовали себя неловко, будучи вынуждены объяснить, что Джек проводит Рождество с семьей Ребекки в Саммервилле.

По крайней мере, я была избавлена от мучений видеть, как мои родители притворяются, будто не обращают друг на друга внимания, поскольку мой отец отклонил приглашение, сказав, что предпочел бы провести свой свободный день, занимаясь планировкой сада, хотя мне показалось, что на самом деле он был бы не прочь побывать у них в гостях.

Последним ударом стал подарок, который Амелия достала для меня из-под елки. Я пришла в восторг, пока не заметила ярлычок, который гласил: «Счастливого Рождества от Джека и Ребекки». Почерк был тоже ее.

Внутри оказался фен для волос и записка, пояснявшая, что это замена фену, который я угробила, используя его для размягчения обоевого клея, когда удаляла этот самый клей с кипарисовых стен гостиной в доме на Легар-стрит.

Вздохнув, я положила телефон обратно на стол, забыв все, что хотела сказать Джеку. Ситуация была, по сути, той, к какой я стремилась. Увы, меня преследовало ощущение, будто я потеряла некое сокровище задолго до того, как узнала его истинную ценность.

Я прислушалась, пытаюсь услышать в смежной комнате мать. Нам удалось закрасить пятнистую стену, расцвеченную бывшими владельцами под пурпурно-коричневого леопарда, в теплый оттенок слоновой кости, после чего мать смогла официально перебраться в главную спальню.

Ее одежда – упакованная в четыре ящика – прибыла накануне, и, как и Софи на какой-нибудь гаражной распродаже, Джинетт тотчас принялась заполнять свой платяной шкаф.

Мне она велела оставаться в моей комнате в пределах слышимости. Я рассказала ей о том, что случилось на кухне в тот вечер, когда там была экскурсия, и с тех пор она отказывалась выпускать меня из вида. Я не хотела признавать, что она права, что духи в доме как будто становились все сильнее или, по крайней мере, настойчивее. Нам нужно выждать время, сказала она, пока мы не станем сильными, чтобы дать им отпор. Когда же я спросила у нее, когда это произойдет, она лишь сказала: «Сама узнаешь». Но мне не понравился ее взгляд. С тех пор я каждую ночь ждала, когда она уснет, после чего осторожно приоткрывала дверь между нашими комнатами.

Она никогда не спрашивала, я же ничего не говорила. Граница между нами хотя и стала мягче, но по-прежнему оставалась непреодолимой.

Это утро я начала с того, что помогала матери укладывать одежду в гардероб, но тратила слишком много времени на примерку красивых вещей. У меня тоже были красивые вещи, но все они были только для работы.

Гардероб моей матери был как будто взят из фильма «Династия» – перламутровые пуговицы, пышные рукава, шелковые ткани. Хотя лифы ее платьев сидели на мне слишком свободно, все остальное было мне впору, как будто сшито специально для меня. Интересно, в каком возрасте я выросла в ее размер и позволила ли бы она мне примерить ее одежду? Наши взгляды встретились, и я поняла, что она подумала о том же. На мгновение я снова стала маленькой девочкой, слушая, как она рассказывает мне, как порой люди вынуждены поступить правильно, даже если это означает расстаться с тем, что им дороже всего на свете.

Впервые я почти поверила ей. В конце концов она отправила меня обратно к себе в комнату, читать дневник, и именно там я и сидела с тех пор. Посмотрев на книжку в кожаном переплете, я встала и подошла к двери. Я уже подняла руку, чтобы постучать, но остановилась в нерешительности. Я еще дважды то опускала руку, то поднимала ее снова, и лишь затем сдалась и постучала.

Мать открыла дверь. Ее обычно идеальный шиньон съехал набок и наполовину свисал с лица. Я также заметила, что она переделалась во что-то вроде велюровых спортивных штанов и такую же куртку. Но только когда мой взгляд остановился на ее ногах, до меня дошло.

– Когда здесь была Софи? – строго спросила я.

Мой вопрос явно застал ее врасплох.

– Пока ты была на работе. Как ты узнала?

– По «биркенстокам».

Она вытянула большой палец и повертела ногой взад-вперед, чтобы я могла лучше рассмотреть.

– Мы с Софи носим одинаковый размер, и она подумала, что в них мне будет проще разгружать и таскать вещи по лестнице. И знаешь что, она была права! В них на самом деле очень удобно. Она также одолжила мне и спортивный костюм.

Прежде чем я смогла хоть что-то сказать в ответ – причем по возможности избегая таких слов, как «вмешательство» или «психолог», – мы обе обернулись на звук тяжелых шагов в коридоре. В дверях с ворохом одежды через каждую руку появился Чэд.

– Привет, чувиха! – поздоровался он, блеснув белоснежной улыбкой на перманентно загорелом лице, после чего повернулся к моей матери: – Привет, мисс Джинетт, вот ваш последний груз.

– Привет, Чэд. – Положив дневник на боковой столик, я шагнула вперед, чтобы взять у него часть одежды, и, аккуратно добавив ее к уже высившейся на кровати куче, спросила: – Почему бы не пригласить для этого профессиональных грузчиков?

Лицо моей матери исказил неподдельный ужас:

– Я никому не позволяю трогать мою одежду. Я очень разборчива в том, что касается моих вещей.

– Видимо, уже нет, – пробормотала я себе под нос и, посмотрев на ее наряд и повернувшись к Чэду, спросила: – Как ты влип в это дело?

Моя мать перебросила через руку усыпанное блестками вечернее платье.

– Потому что твой отец работал в саду и уже собрался предложить свою помощь, как вдруг появился Чэд. Это было идеальное решение.

Интересно, подумала я, что забыл Чэд в доме на Легар-стрит.

– Чэд, тебе что-то от меня нужно? У меня дома все в порядке?

– Да, все в порядке. Мы уже почти закончили снимать пол на втором этаже, и я собираюсь заняться лестницей. Джек нам очень помог с отдиркой плитусов. Он разработал так называемый «метод Мелани Миддлтон» для нумерации всех частей, чтобы знать, откуда они взяты, когда придет время вернуть их на место. Я даже показал ему, как при помощи таблицы все это отслеживать.

Что же мне делать? Почувствовать себя польщенной или же разозлиться? Если там участвует Джек, то, пожалуй, второе.

– Джек помогает вам?

– Угу. Он проводит много времени с бумагами на чердаке, собирая материал для своей книги, но, когда хочет отдохнуть, спускается к нам, чтобы помочь.

Новость о том, что Джек трудится в моем доме и общается с моими друзьями, больно задела меня. Я почувствовала себя единственной девчонкой в классе без валентинки на 14 февраля.

Больнее всего было то, что я не сомневалась: в первую очередь он был в моем доме потому, что меня там нет. Я постоянно вспоминала его последние слова в тот злосчастный вечер. *Возможно, потому, что она напоминает мне тебя.* Я намеревалась навсегда выбросить их из головы и никогда больше не вспоминать. Но, похоже, мне вообще не нужно было думать о них. Судя по всему, Джек принял близко к сердцу все, что я бросила ему тогда в гнев. По идее, мне полагалось радоваться его отсутствию в моей жизни. Вот только я почему-то была совсем не рада.

– Отлично, – сказала я. Мать покосилась на меня, как будто поняла, что тон моего голоса говорит об ином. Совсем как мать, которая провела рядом со своим ребенком всю жизнь. Или же это просто один из тех навыков, которые матери приобретают в первые несколько лет и никогда уже не забывают.

Я заставила себя улыбнуться.

– Передавай ему от меня привет. И скажи, что завтра рабочие снимают штукатурку, закрывающую кухонный камин. Возможно, он захочет быть здесь, чтобы посмотреть, что там такое.

Чэд как-то странно посмотрел на меня.

– Передам. Но он сказал, что собирается вернуться в свою квартиру, чтобы попытаться что-нибудь написать, поэтому я не знаю, когда увижу его в следующий раз. – Сунув руки в карманы джинсов, он устоял на зубчатый карниз, как будто никогда не видел ничего подобного. Я ждала, когда он уйдет, но он продолжал стоять, не говоря ни слова.

– Что-то еще?

Он оглянулся на меня, как будто вспомнил о моем присутствии, и попереминался с ноги на ногу. Моя мать незаметно нырнула в чулан.

– Мне нужна твоя помощь.

– В чем?

Он посмотрел на свои сандалии – с носками в знак уважения к сезону – и снова потоптался на месте. Я наблюдала, как его лицо меняет выражение от приветливого и открытого до почти измученного. Я в тревоге коснулась его руки.

– Что-то не так с домом? – Я тотчас представила полчища термитов, разбивших лагерь на лестнице из красного дерева в доме на Трэдд-стрит. Или как один из редких стеклянных боковых фонарей у

входной двери треснул в холодную погоду. Хуже того, я представила, как выписываю очередной чек со множеством нулей для ремонта, который никак нельзя отложить. Пока я ждала, что он ответит, меня едва не замутило. Странно, но я даже не задумалась о том, что переживаю по поводу дома, который еще недавно называла не иначе как зобом на моей шее и, чуть любезнее, грудой пиломатериалов.

– Нет. С домом все в порядке, – ответил Чэд в своей протяжной калифорнийской манере. – Просто...

Я ждала, борясь с искушением схватить его за ворот рубашки и хорошенько встряхнуть, чтобы он выплюнул слова изо рта.

– Что такое?

– Мне нужно одолжить электрическую циклевочную машинку.

Не веря собственным ушам, я растерянно заморгала.

– Тебе нужна циклевочная машинка? – повторила я. Казалось, он вот-вот расплчется. Я внутренне простонала. Мне очень хотелось надеяться, что он не станет вытаскивать из шкафа мою мать для групповых обнимашек.

Чэд поморщился:

– Просто боюсь, я не смогу вручную отциклевать даже один квадратный дюйм пола в твоём доме. Меня как будто наказывают за плохую карму или что-то в этом роде. – Чэд посмотрел мне прямо в глаза, и я могла поклясться, что увидела в них слезы. – Софи всю неделю проводит полевые уроки со своими студентами, так что в одиночку со всей этой работой мне просто не справиться. И я подумал... – Он умолк, не в силах продолжить.

– И ты подумал, что, поскольку ее там нет и она все равно не увидит, ты мог бы воспользоваться циклевочной машинкой.

Чэд кивнул. Я же, стараясь не улыбаться, сжала его руку.

– Нет проблем. Ввиду отсутствия лучшего места для нее в доме, она временно хранится на улице в садовом сарае. Она твоя столько, сколько тебе нужно.

В его глазах мелькнула тревога.

– И ты не...

– Мой рот закрыт на замок.

Чэд с облегчением кивнул и на мгновение закрыл глаза.

– Мне все равно, что скажет Джек, Мелани. Но таких отзывчивых людей, как ты, я почти не встречал. И ты вовсе не такая зануда, как

думают некоторые.

Прежде чем я успела что-то сказать, Чэд крепко обнял меня. Его шерстяной свитер оцарапал мне щеку.

– Хочу сказать тебе одну вещь: мы с Софи попросили профессионального астролога прочитывать наши звезды.

– В самом деле? Я думала, что на эту удочку клюет только Софи.

– Так и есть. – Чэд посмотрел себе под ноги. – Но мне кажется, что все эти «несовместимые знаки» – отмазка. Просто она такая независимая. Так что, по-моему, это всего лишь предлог, чтобы сохранить свою независимость и держать меня на расстоянии. Но вместе... – Он улыбнулся и на мгновение отвел глаза. – Она – как солнце, а я – как луна, и вместе мы светим круглые сутки.

Я посмотрела на него, неуверенная в том, то ли на него нашел приступ красноречия, то ли он просто несет тарабарщину.

– Ты любишь ее, Чэд? – спросила я, что называется, в лоб.

Он кивнул. У меня как будто гора свалилась с плеч, что он не стал вновь пытаться выразить свои чувства словами.

– Замечательно. Потому что даже слепой заметил бы, что вы двое просто созданы друг для друга. – Я подтолкнула его к двери. – Так что делай все, что сочтешь нужным, чтобы показать ей, как сильно ты ее любишь и хочешь быть с ней. Я даже слова никому не скажу про циклевочную машинку. Обещаю. – С этими словами я вытолкала его из комнаты, что не помешало ему с благодарностью посмотреть на меня.

– Чао, мисс Джинетт, увидимся позже.

Моя мать высунула голову из гардеробной:

– До свидания, Чэд.

Как только он ушел, мать повернулась ко мне:

– Мелли, тебе было что-то нужно?

Я огляделась вокруг, пытаюсь вспомнить, куда я положила дневник. Я совершенно не помнила, зачем вообще вошла сюда. Взяв в руки дневник, я внезапно растерялась, не зная, с чего мне начать.

– Я читала дневник, который мы нашли в бабушкином столе. Я пока не знаю, кто его вел, но она точно жила в этом доме с другой девушкой, чье имя начинается с буквы «Р». Что-то подсказывает мне, что они сестры, хотя автор нигде прямо этого не говорит. – Я посмотрела на мать, пытаюсь представить ее реакцию на мои

следующие слова. – Она упоминает защитника, которого видит и с кем разговаривает, а вот Р. его не видит.

Я знала, чего жду от нее, но все же колебалась.

– Я думала о том, что происходит в доме. Мы обе видели солдата, и он больше не туманный образ. Пару раз, когда я смотрела ему в лицо, он даже не исчезал.

Мать, нахмутив брови, кивнула.

– А другой призрак, девушка, она обычно появляется, когда ты одна. Как будто вдвоем вы на ровном игровом поле. – Мать села на кровать. Юбка соскользнула на пол, но она даже не пошевелилась, чтобы ее поднять. – За исключением того раза на кухне, когда я потрогала медальон, она не появлялась, когда мы с тобой вместе. Как будто она знает, что вместе мы слишком сильны. Если мы узнаем ее имя, если мы узнаем, кто она такая и почему хочет причинить тебе вред, мы сможем изгнать ее. Она будет очень стараться, чтобы этого не произошло.

Она указала на дневник:

– Ты хочешь отдать его мне, не так ли?

Я на мгновение замешкалась, затем кивнула.

– Я надеялась, что ты расскажешь мне больше, чем написано в нем.

Мать посмотрела на дневник, затем на меня:

– Это каждый раз немного убивает меня.

– Знаю. Поэтому и не просила.

На мгновение я подумала, что она откажется. Во мне даже шевельнулся застарелый гнев. Но нет, она протянула руки.

– Я бы с радостью сделала это сто раз, знай я, что это избавит тебя даже от минутной опасности. – Она медленно раскрыла ладонь и повернула ее ко мне. Там – на бледно-розовой коже, где недавно был ожог, – виднелся отпечаток медальона. Я громко ахнула.

– Ты ничего не сказала мне.

Какая глупая фраза! Я покачала головой.

Она села на край кровати.

– Дай мне дневник, Мелли. Я хочу помочь... если смогу.

Я заколебалась, и тогда она потянулась к нему.

– Дай мне дневник.

Я сглотнула и положила дневник ей в руки. Мать взяла его у меня и крепко сжала. Реакция была почти мгновенной. Ее глаза закрылись, а рука начала дрожать. Не зная, что мне делать, я положила сверху мою руку. Ее кожа была холодной и влажной, как снег. Ее губы пошевелились, но она не издала ни звука, словно тонущая женщина, жадно хватаящая ртом воздух.

Мне стало по-настоящему страшно. Я испугалась того, что было этому причиной, испугалась за мать. Она продолжала сжимать книгу, ее руки дрожали, голова качалась взад-вперед. Ворох одежды соскользнул с кровати на пол.

– Мама! – крикнула я в надежде, что она остановится. Ее продолжала бить дрожь. – Мама! – снова крикнула я.

На этот раз она выдернула руку и швырнула дневник через всю комнату. Тот ударился о свежеевыкрашенную стену и, оставив трещину в штукатурке, упал на паркетный пол.

Тяжело дыша, мать посмотрела на меня и заморгала.

– Что это? – спросила я, почти боясь узнать правду. – Что ты видела?

Вся дрожа, она встала и положила руки мне на плечи, то ли чтобы успокоить меня, то ли чтобы успокоиться самой, я не знаю.

– Что ты видела? – повторила я свой вопрос.

Когда она ответила, ее взгляд был ясен. Мне потребовался миг, чтобы узнать единственное слово, которое прозвучало из ее уст. Она опустила руки и произнесла его снова, чтобы убедиться, что я услышала. Двигаясь медленно, словно в замедленной киносъемке, ее губы прошептали одно-единственное слово:

– Ребекка.

Глава 18

Услышав стаккато ручного кустореза, я на миг задержалась на крыльце. Еще год назад я не знала, что такое кусторез или какой звук он издает, и я до сих пор не была уверена, на пользу мне это мое новое знание или нет. Дрожащими руками я повернула ключ, чтобы запереть входную дверь. Я все еще не пришла в себя от того, что произошло, когда моя мать взяла в руки дневник. Она казалась рассеянной, однако утверждала, что это лишь потому, что ей нужно вздремнуть, только и всего. Я хотела перенести встречу с Ивонной, чтобы побыть с ней, но она отказалась меня слушать.

Я проследовала за звуком вокруг дома, туда, где когда-то сад моей бабушки был гордостью всей Легар-стрит. Большая часть цементных ужасов и железобетонных конструкций бывших владельцев уже была убрана. Я было распорядилась отправить их в мусорный контейнер, но затем все же прислушалась к Амелии Тренхольм, убедившей меня не торопиться и для начала показать их оценщикам.

Шокированная их заявленной ценностью, я с радостью взяла деньги у независимого арт-дилера и купила для гостиной второго этажа стол и книжный шкаф в стиле королевы Анны. Но даже после этого у меня все еще оставались деньги, чтобы превратить мою ванную комнату из подобия борделя в нечто более похожее на спа-салон.

Отец стоял спиной ко мне, обрезая два больших миртовых дерева, которые когда-то были не выше меня шестилетней. Увидев меня, он отступил назад и опустил садовые ножницы.

– Ума не приложу, когда кто-то в последний раз приводил в порядок этот сад? Такое впечатление, что на него просто махнули рукой и дали ему превратиться в джунгли.

– Может, это было сделано нарочно, в качестве отвлекающего маневра, чтобы людей не так шокировал интерьер дома.

Он улыбнулся мне. Его глаза блестели. Я же подумала, как странно видеть его улыбку и как же усердно он, должно быть, трудился, чтобы потом улыбаться результатам своих трудов.

– Подойди сюда, – сказал он, подзывая меня, после чего подвел к краю дома. – Посмотри, что я нашел.

Отодвинув в сторону высокую траву, которая еще не попала под его садовые ножницы, он показал мне знаменитую камелию моей бабушки. Несмотря на забвение и запущенность, за их стебли, напоминая пухлые щеки херувимов, упрямо цеплялись крупные темно-красные цветы. Это были любимые камелии моей бабушки, и не только по причине их красоты и запаха. Она любила их за то, как храбро они цвели в зимние месяцы, когда все остальное вокруг погружалось в сон.

– У меня руки чешутся поскорее убрать эту траву, чтобы она не мешала цветам. Я тут разработал довольно необычный план, своего рода смесь старого и нового дизайна. И даже собираюсь воскресить знаменитый сад твоей бабушки. – Отец широко улыбнулся. Я невольно улыбнулась в ответ, таким заразительным был его энтузиазм.

– Пап... – начала я. Отец наклонил голову, ожидая, что я скажу дальше. Мне же было нелегко говорить о моих чувствах. Я всю свою жизнь притворялась, что мне не больно, что я не нуждаюсь в любви или взаимных уступках. И в какой-то момент я забыла, как показать ему, как много он для меня значит. – Пап, – повторила я. – Ты молодец.

Он встретил мой взгляд, и я подумала, заметил ли он, что мои глаза такие же, как у него. Он кивнул, и мы оба знали, что я говорю не про сад. Впрочем, знали мы и то, что пока без притворства мне не обойтись.

– Спасибо, Орешек.

Я поморщилась и закатила глаза, тронутая моим старым семейным прозвищем.

– Знаешь, пап, я бы с удовольствием помогла тебе найти дом. Глупо что-то снимать, когда можно купить что-то приличное прямо сейчас. – Пытливо заглянув ему в глаза, я представила тесную квартирку с одной спальней и одной ванной комнатой в Северном Чарльстоне, где он жил с тех пор, как ушел на пенсию. Тогда он сказал мне, что это лишь на первое время, но с тех прошло уже более пяти лет.

Щурясь на солнце, он посмотрел на меня:

– Да, я тоже думал об этом. Но скорее всего, еще немного подожду. Слишком много событий в последнее время. Пусть все устаканится.

Я понимающе кивнула.

– Просто дай мне знать. Я не возьму с тебя никакой комиссии.

– Хотелось бы надеяться, – сказал он, притворяясь обиженным.

Затем настала его очередь испытующе посмотреть на меня. Казалось, он боролся со словами, как будто не знал, как связать их так, чтобы я не сбежала. – Я бы хотел, чтобы ты нашла в себе мужество простить свою мать, – наконец произнес он. – Она пыталась связаться с тобой все эти годы, я же не давал ей этого сделать. Ты простила меня. Почему бы тебе не сделать то же самое и по отношению к ней?

Откуда-то изнутри поднялась волна печали. Что меня удивило, так это полное отсутствие гнева. И куда только он исчез? Я даже покачала головой. Может, это случилось, когда мать взяла в руки дневник, зная, что это причинит ей боль? Однако она все равно это сделала, полагая, что тем самым поможет мне. Я сглотнула комок слез.

– Она бросила меня, пап. В отличие от тебя.

Отец не стал отворачиваться, и мне стоило немалых трудов выдержать его взгляд. Я повернулась было, чтобы уйти, но затем остановилась.

– Могу я тебя кое о чем попросить? – спросила я.

– Давай. О чем угодно.

Я улыбнулась: отец согласился помочь мне, даже не зная, о чем я его попрошу.

– Мне нужно съездить к Ивонне... мама не очень хорошо себя чувствует и легла в постель. Я не хотела оставлять ее одну, но она заявила, что с ней все в порядке. Мне будет спокойнее на душе, если ты в мое отсутствие присмотришь за ней.

Отец положил садовые ножницы и принялся стаскивать с рук перчатки.

– Что случилось?

– Тебе лучше не знать.

Его лицо посуровело.

– Ее расстроил очередной фокус-покус?

Почувствовав затылком дыхание холода, я поежилась и подняла воротник пальто.

– Не ходи туда, пап.

– Но...

– Не надо, пап. И если ты собираешься пойти туда и расстроить ее еще больше, то лучше останься здесь. По-моему, сорок лет спустя тебе

пора обрести толику мудрости. Выйти на шаг из твоего мирка. Почему-то ты вбил себе в голову, будто мы с матерью только тем и заняты, что все время придумываем, как бы тебе насолить. Перестань хотя бы на мгновение так думать, и ты обнаружишь, что жизнь – это не просто черно-белая картинка.

Мы в упор посмотрели друг на друга, оба удивленные тем, что я вообще заговорила, тем более в защиту моей матери, а заодно на одном дыхании призналась, что я экстрасенс.

– Хорошо, – сказал он. – Я не скажу и не сделаю ничего такого, что может ее расстроить.

Я кивнула. Его позиция «ничего не спрашивай и ничего не говори сам» была не чем иным, как перемирием.

– Спасибо, – поблагодарила я. – И не надо... – Я умолкла, подыскивая слова, но затем сдалась: – Не оставляй ее одну.

Отец посмотрел на меня исподлобья, и я увидела, что он пытается не спорить со мной.

– Я останусь с ней.

– Отлично. Я вернусь около пяти.

Отец вошел в дом. Я же не могла избавиться от чувства, что оставляю льва присматривать за ягненком. Но я знала: он позаботится о ней, а если понадобится, то и защитит. Кто бы ни преследовал меня, этот некто пока не трогает мою мать. Впрочем, мой опыт общения с мертвыми подсказывал мне, что они мало чем отличаются от нас, живых людей; а именно, как и мы, они способны на непредсказуемые поступки.

Выйдя из сада на дорожку, я обернулась на дом и поняла, что солнце стоит в нужной точке. Прищурив от слепящего света глаза, я внимательно рассмотрела витраж и окончательно убедилась в том, что это действительно оптическая иллюзия, картинка, состоящая одновременно из двух совершенно разных изображений. Одно было видно сразу, второе проступало, только если долго на него смотреть.

На первый взгляд это были случайные цветовые пятна и штрихи, но стоило мне прищуриться, как на стекле проступило изображение карты, которую я видела на фотографии: большой дом, водоем со странной головой ангела, стоящие на газоне фигуры. Но теперь, когда солнечные лучи упали прямо на стекло, стали четко видны все тонкие линии, которые невозможно было увидеть без солнечного света.

Щурясь и ругая себя за то, что не взяла очки, я попыталась понять, зачем была добавлена рамка из этих странных штрихов, какую функцию они выполняли, но так ничего и не поняла. Нужно поговорить с Ребеккой, подумала я, узнать, повезло ли ей найти какие-либо документы об этом окне. С другой стороны, я не решалась ей позвонить. То, что моя мать, взяв в руки дневник, увидела ее, стало шоком для нас обеих и только породило больше вопросов и еще меньше ответов. Кроме того, помнится, Ребекка говорила мне, что у нее есть срочные дела, и она сможет увидеть Ивонну не раньше следующей недели.

Выудив из сумочки телефон, я сфотографировала окно крупным планом, аккуратно вернула телефон на место, распахнула ворота и шагнула на тротуар, мысленно прокручивая пункты, которые мне нужно обсудить с Ивонной. Внезапно мне показалось, будто я услышала детский плач. Я замерла на месте и, наклонив голову, прислушалась. Сначала он прозвучал совсем тихо, так тихо, что я решила, что ослышалась.

Но он повторился снова, на этот раз громче, и явно доносился из дома. Я посмотрела на парадную дверь, ожидая увидеть там ребенка, но крыльцо было пустым. Плач сменился тихим мяуканьем, и мне очень хотелось верить, что это просто плакал потерявшийся в траве котенок. Но я узнала этот звук. Я знала его с детства, с того момента, когда моя мать была в больнице и как он будил меня по ночам, и я была вынуждена рассказать о нем матери.

Звук прекратился, по крайней мере, на одну ночь. Я до сих пор помню, как хорошо я спала тогда впервые за долгое время. Затем на следующий день моя мать ушла, и отец забрал меня из дома, как я думала, навсегда, и долгие годы желала, чтобы так оно и было.

Чувствуя, как кто-то или что-то наблюдает за мной, я заставила себя шагать дальше и не оглядываться. Я потянулась было за телефоном, чтобы позвонить Джеку и рассказать ему о том, что произошло, как делала это не один десяток раз, но моя рука замерла на полпути к моей сумочке. Когда я дошла до своей машины, телефон, словно заколдованный, зазвонил сам. Чтобы найти его, я в итоге вытряхнула все содержимое сумки на капот, прежде чем поняла, что он аккуратно застрял во внутреннем кармане, где был всегда.

Вывхватив телефон из сумки, я в предвкушении открыла его. Увы, предвкушение мгновенно улетучилось, стоило мне увидеть, что на экране высветилось имя Марка Лонго. Вот уже несколько недель мы с ним играли в телефонные догонялки, пытаюсь договориться о встрече, но его не было в городе, я же не горела желанием перезванивать ему. Но теперь мои мысли обратились к Джеку, который, похоже, больше не желал иметь со мной ничего общего – не могу сказать, чтобы я винила его, после того, что я наговорила ему, – но мне было жутко одиноко. И, как заметил Джек, отношения с призраком не считаются отношениями.

Сокрушенно вздохнув, после пятого звонка я открыла телефон и ответила на звонок. В это мгновение мне меньше всего хотелось бы увидеть лицо Джека.

* * *

Я проехала несколько кварталов до здания на Митинг-стрит, в котором расположилась библиотека Исторического общества Южной Каролины. Не обладая талантом Джека Тренхольма найти парковочное место прямо перед тем зданием, куда ему надо, я за пять минут до моей встречи с Ивонной нашла парковку лишь в трех кварталах от библиотеки, после чего вернулась назад.

Поднимаясь по круглой каменной лестнице, я невольно вспомнила, как приходила сюда с Джеком, когда пыталась узнать больше о бриллиантах конфедератов, спрятанных в моем доме на Трэдд-стрит. Ивонна, хотя ей и было хорошо за восемьдесят, обладала острым умом и еще более острым чувством юмора, а также знала практически все источники, что хранились в архивах Исторического общества. И даже если что-то не читала лично, она всегда могла сказать, где это можно найти.

Ивонна сидела за столом в читальном зале. На углу стола высилась коробка с папками и стопка книг. Увидев меня, она улыбнулась и встала, как обычно, не позволяя артриту взять над ней верх. В розовом кашемировом свитере и розовой твидовой юбке, она источала аромат роз. Он пощекотал мне ноздри, когда я наклонилась, чтобы поцеловать ее в щеку.

– Сегодня я без Джека, – сказала я, сама не зная, зачем.

– Знаю. Вчера вечером он водил меня на ужин в ресторан «Сноб». У нас состоялся славный разговор по душам.

– Понятно, – с деланным равнодушием отозвалась я, хотя, если честно, сгорала от любопытства.

– Он усердно работает над новой книгой, – продолжила она. – Вообще-то, он был здесь сегодня утром, с этой белокурой репортершей из местной газеты. Некая Ребекка. Фамилию не запомнила. Я очень удивилась, что вас не было с ними, так как они искали информацию о доме Приоло на Легар-стрит.

– Они были здесь сегодня? Мне казалось, она встречается с вами в следующий понедельник. – Я хорошо помнила, как Ребекка сказала мне, что собирает материалы для очередной статьи о «знаменитых чарльстонцах» и не сможет увидеться с Ивонной до следующей недели. – То есть она перенесла встречу?

Ивонна покачала головой:

– Нет. Встреча была назначена на сегодня, ровно на десять часов.

Она села и указала на стул с ней рядом. Я уже оставила пальто и шарф в раздевалке, и мне было не с чем возиться, пока я судорожно пыталась придумать способ тактично спросить у нее, что же она нашла для них.

– Я не стала возвращать документы на полку на тот случай, если вы тоже захотите взглянуть на них.

– Спасибо. – С благодарностью посмотрев на нее, я дождалась, когда она вытащит из одной из папок три листа бумаги. Один из них представлял собой заполненный от руки бланк заказа фирмы «Джон Нолан и сыновья» на Маркет-стрит, другой – квитанцию о получении денег ими же. Впрочем, мое внимание привлек третий лист. Из плотной бумаги, он был больше двух первых. Но самое главное, на нем была миниатюрная копия витража в доме моей матери.

Вытащив из сумочки телефон, я открыла его, чтобы посмотреть снимок витражного окна.

– Взгляните, – сказала я, показывая его Ивонне. – Я сфотографировала его прямо перед тем, как приехать сюда.

Ивонна внимательно посмотрела на него, после чего я поднесла его к рисунку.

– Практически идентично, не правда ли?

Вертя головами вправо-влево, словно зрители на теннисном матче, мы несколько минут молча сравнивали картинки.

– Да, различия довольно тонкие. С первого взгляда они почти не видны. Их начинаешь замечать, лишь пристально изучив оба изображения. Это напоминает мне картинку в книжках с головоломками. Мне их давала бабушка, пока сама она смотрела «мыльные оперы». На второй странице похожая картинка, и вам предлагают обвести карандашом различия. – Я посмотрела на Ивонну. – Если бы за этим стояла какая-то другая семья, а не моя, я бы сказала, что это обыкновенное совпадение. Но Приоло известны своей любовью к головоломкам.

– И это заставляет вас считать, что это сделано нарочно.

– Абсолютно верно.

– Думаю, вы правы. Меня удивляет лишь то, что Джек тоже этого не заметил. Не в его характере пропускать такие вещи. Должно быть, его что-то отвлекло. – Она многозначительно посмотрела на меня.

– Могу я сделать копии всего этого?

Ивонна улыбнулась:

– Я уже сделала. Джек тоже попросил копии, и я сделала дополнительные, на тот случай, если вы захотите иметь свои собственные.

– Спасибо, Ивонна. С меня ужин, – сказала я, вспомнив, как Джек всегда водил Ивонну в лучшие рестораны города в качестве вознаграждения за то, что ее услуги выходили за рамки обычных обязанностей библиотекаря. От меня не ускользнуло и то, что, по всей вероятности, столь внимательным отношением к моей персоне я обязана знакомству с Джеком. Это не могло не задевать, однако я решила воспользоваться этим преимуществом.

Я вновь посмотрела на картинку на телефоне, затем на рисунок. Барабня пальцами по деревянной поверхности стола, я вспомнила, как бабушка учила меня применять к решению головоломок и задач логику. По ее словам, разгадать головоломку – это примерно то же самое, что распутать нитки. Главное, внимательно рассмотреть их, найти начала и концы и, если понадобится, начать с конца, а не с начала.

Мои пальцы замерли в воздухе, а затем опустились на стол передо мной. Я пододвинула к себе квитанцию, чтобы посмотреть ее еще раз.

– Вам известны, или, может даже, у вас есть документы, из которых следует, что стало с мастерской после того, как Джон Нолан умер или уехал из города? Какие-либо договоры о продаже или что-то в этом роде?

Глаза Ивонны блеснули.

– Вы говорите совсем как Джек. У него дар хватать ниоткуда случайные идеи и убеждать других помочь ему охотиться на единорогов.

Ивонна улыбалась, но я не была уверена, что это был комплимент.

– Это хорошо?

Мой вопрос, похоже, ее оскорбил.

– Конечно. Наш Джек весьма успешен в своих начинаниях. Он поставит под сомнение цвет неба, если решит, что есть вероятность того, что все ошибаются в отношении общепринятого факта. За исключением разве что фиаско с Аламо. Тем не менее некоторые эксперты считают, что он был прав, – сказала она, имея в виду его расторгнутый издательский контракт после скандала на национальном телевидении. – Так на каких единорогов охотитесь вы?

Мне пришлось напрячь мозги, чтобы понять, что она имела в виду.

– Ах, да. Похоже, что после первоначального заказа в эскиз окна были внесены изменения. – Я повернула к Ивонне страницу описания. – В первоначальном заказе нет головы ангела, позже также была добавлена эта странная линия по периметру всего окна. И никаких фигур, видите? – Я указала на фигуры под дубом рядом с домом, отчетливо различимые на фото на моем мобильном телефоне. Я прищурилась, пытаюсь рассмотреть детали.

– Вам нужны очки, дорогая. Если будете щуриться, заработаете морщины.

– У меня есть очки. Просто я вечно забываю взять их с собой.

Ивонна медленно моргнула за стеклами своих собственных.

– Что бы вы ни думали, но Джека гораздо больше привлекает то, что находится вот здесь, – она похлопала себя по лбу, – нежели что-либо еще. Иными словами, очки вряд ли его оттолкнут.

Настала моя очередь растерянно моргнуть.

– Я не пытаюсь произвести впечатление на Джека Тренхольма, если вы это имеете в виду, Ивонна. Он просто не в моем вкусе.

Она помолчала пару секунд.

– Я не знала, что такая женщина существует.

– В смысле?

– Вы меня слышали. – Она прочистила горло. – Теперь покажите мне, что еще вы нашли.

Она посмотрела на карту. Я же могла поклясться, что видела, как она закатила глаза. Стараясь не щуриться, я поднесла рисунок ближе к лицу и посмотрела на картинку на телефоне.

– Окно было установлено в тысяча восемьсот семьдесят первом году, то есть изменения могли быть сделаны в любое время после этого.

– Или же изменения были внесены в процессе подготовки эскиза, но просто не задокументированы.

Я кивнула, довольная тем, что она взяла на себя роль адвоката дьявола. Это напомнило мне мое детство, когда мы с бабушкой разгадывали головоломки. Бывало, я задавала вопрос, а она отвечала мне другим, и так, пока я сама не находила решение. Внезапно мне вспомнилась мать, в той комнате, которую моя бабушка называла комнатой головоломок, как она смеялась и обнимала меня, потому что я разгадала сложную головоломку. Мне тотчас стало грустно. Это напомнило мне о том, как мало у нас с матерью совместных воспоминаний.

Ивонна все так же не сводила с меня глаз.

– Верно, вот почему я хочу убедиться, что мы просмотрели всю существующую документацию создателя окна, на тот случай, если о любых изменениях была сделана запись.

– А если просьба внести изменения была сделана устно?

Я улыбнулась, довольная тем, как наши мысли дополняют друг друга.

– Тогда никаких записей не будет. Но с этим ничего не поделаешь. Это возвращает меня к моей просьбе поискать документы о продаже бизнеса оконного мастера.

– При условии, что сын его не унаследовал, а дело было достаточно прибыльным, чтобы какой-нибудь проницательный бизнесмен озаботился его покупкой и даже повесил на витрине вывеску с собственным именем.

– Бинго.

Ивонна строго сложила перед собой руки.

– Это, конечно, всего лишь маловероятная версия, но ваше творческое мышление мне импонирует.

– Безусловно, это лучше, чем «стрельба из пушки по воробьям», но я не обижусь и на такую оценку. Итак, у вас есть доступ к такого рода информации?

– Есть. И хотя у меня сейчас есть несколько других проектов, я постараюсь втиснуть между ними вашу просьбу. Дайте мне пару деньков, и я позвоню вам, независимо от того, найду я что-нибудь или нет. Я, конечно, заинтригована, хотя, если честно, такие безумные просьбы мне выпадает выполнять крайне редко.

– Добро пожаловать в мой мир, – пробормотала я и, улыбнувшись, добавила: – Замечательно. Спасибо. – Я посмотрела на стопку толстых книг на углу стола. – Как продвигается родословная?

Ивонна встала и взяла из стопки верхнюю книгу.

– Вам, мисс Миддлтон, повезло носить старое чарльстонское имя. Конечно, в семейных историях и генеалогиях недостатка нет. Труднее всего было сузить вашу ветвь родословной Приоло. – Она вытащила из середины книги лист бумаги и открыла помеченную им страницу. – Эта книга – личная история ветви Маниго – Приоло. Составлена она была в начале тысяча девятьсот сороковых годов неким далеким родственником, который, скорее всего, пытался доказать свое происхождение, но в любом случае это отличный источник.

Я наклонилась ближе к странице, которую она указала, стараясь при этом не очень сильно щуриться и не морщить лоб. Следуя глазами за ее розовым, аккуратно подстриженным ногтем, я читала имена на нарисованном от руки генеалогическом древе.

– Я не уверена, как далеко в прошлое вы хотели бы вернуться, но это восходит к началу восемнадцатого века, когда первые члены вашей семьи были фермерами на острове Джонс.

– На острове Джонс? Мне всегда казалось, что они жили в доме на Легар-стрит.

– Нет. – Вытащив из стопки вторую книгу, она открыла ее на другой отмеченной странице. – Согласно вот этой истории, написанной в тысяча восемьсот девяносто восьмом году другим родственником, дом на Легар-стрит был куплен не раньше тысяча семьсот восемьдесят третьего года.

Я посмотрела на книгу:

– Значит, они не были его первоначальными владельцами?

Ивонна покачала головой:

– Нет. Похоже, ваш прапрапрапрадед сколотил состояние во время Войны за независимость, причем достаточное, чтобы купить дом. Приоло по-прежнему владели собственностью на острове Джонс. Судя по всему, они имели достаточно земли и денег, чтобы стать хозяевами одной из крупнейших хлопковых плантаций на этом острове. Примерно в это же время они решили для пущей важности дать своей ферме название, и назвали ее Прекрасный Луг.

– Я помню это название. Моя бабушка возила меня туда. Теперь там поле для гольфа. Но что до всего остального, я понятия не имела. К сожалению, я очень мало знаю о нашей семейной истории.

Ивонна поджала губы.

– Не говорите это вслух. Вас могут попросить покинуть город и отказаться от вашей фамилии, – сказала она и подмигнула.

– Можно сделать ксерокопии этой части книги? – спросила я с улыбкой. – Хотелось бы заняться самообразованием, пока у меня есть такой шанс.

Ивонна подтолкнула ко мне с края стола пухлую папку.

– Я уже сделала. Я подумала, что, возможно, вам захочется прочитать больше. Это здесь, с остальными фотокопиями.

Я в изумлении посмотрела на нее:

– Вы удивительный человек, Ивонна. В самом деле.

Она широко улыбнулась, сверкнув идеальными зубными протезами.

– Я слышала это не раз. Думаю, именно поэтому мне платят большие деньги.

Я вновь рассмеялась:

– Когда мы с вами пойдем в ресторан, вы сами выберете десерт и напитки, хорошо?

– Я не сомневалась, что вы это предложите.

Она отодвинула вторую книгу, и я вновь уставилась на семейное древо.

Пробежав глазами поколения Гражданской войны, я сосредоточилась на поколении моего прапрадеда. Я просмотрела даты рождений, браков и смертей, не увидела ничего для себя нового или

удивительного. Леонард Приоло женился на Сесилии Олстон в 1855 году, а их единственная дочь Роза появилась на свет в 1866 году. В 1890 году Роза Олстон Приоло вышла замуж за Шарля Маниго, а умерла в 1946 году. В 1900 году она родила мою бабушку Сару Олстон Маниго. Единственным любопытным фактом было то, что, очевидно, Сара вышла замуж за дальнего родственника по фамилии Приоло и тем самым вернула эту фамилию обратно в дом на Легар-стрит, пока ее дочь, моя мать Джинетт, не вышла замуж за Джеймса Миддлтона.

– Я надеялась найти упоминание о том, что у Розы была сестра, но на фамильном древе ее нет. – Я снова посмотрела на имя Розы. – Похоже, для этих Приоло было типично иметь только одного ребенка, дочь.

Я вспомнила детский плач и то, что Ребекка рассказала мне про выкидыш моей матери. Интересно, подумала я, была бы моя жизнь другой, будь у меня младший брат или сестра. Может, тогда моя мать не бросила бы меня?

– Похоже на то. А поскольку ваша мать родилась после тысяча девятьсот сорок пятого года, то, по всей видимости, ее решили завести в самый последний момент. Полагаю, вам повезло, что дом все еще принадлежит вашей семье, учитывая то, что на протяжении как минимум трех поколений в ней не было мужчин, которые могли бы его унаследовать.

– Вы правы, – сказала я, вновь ощутив странный приступ паники при мысли, что дом не мой. С другой стороны, он не был моим в течение очень долгого времени, и я привыкла говорить, что для меня это не имеет значения.

– Можно мне?.. – начала я.

Ивонна постучала пальцами по папке с ксерокопиями.

– Копии уже здесь. Я также сделала копии всех фотографий представителей вашего семейства, какие только нашла в ходе моих изысканий, на тот случай, если вы захотите соотнести лица с именами.

– Спасибо, это так любезно с вашей стороны! – Я посмотрела на часы. – К сожалению, у меня через полчаса показ, поэтому мне пора.

Я встала и начала складывать книги, затем взяла папку с ксерокопиями.

– Спасибо, Ивонна. Я позвоню вам позже, чтобы договориться о нашем совместном ужине.

– Буду с нетерпением ждать. – Она тоже встала и поправила юбку. – И передайте от меня привет Джеку.

– Боюсь, я не знаю, когда поговорю с ним снова.

Она молча посмотрела на меня, без всякого осуждения во взгляде.

– Похоже, он обманул вас, заставив поверить, что он... как, по его словам, вы его называли, – тщеславный, ветреный бабник?

Мои щеки вспыхнули:

– Он вам это сказал?

– И не только это. Но это лишь маска, которую он носит, чтобы защитить себя, и я думаю, вы это знаете. Ему было очень больно, когда Эмили ушла. Даже теперь, когда он знает правду, это все еще причиняет ему боль. Такой мужчина, как он, отдает свое сердце нелегко, но, когда он это делает, он отдает его полностью. Его определенно нельзя назвать эмоционально глухим, и уж тем более – лупоглазым идиотом.

Я потрогала лицо. Мои щеки горели:

– Разве я говорила такое?

– Что-то в этом роде. Но не переживайте, дорогая. Он расстроен не из-за этого. – Ивонна шагнула ко мне ближе. – Он расстроен, потому что вы были правы насчет его влечения к Ребекке.

Я вопросительно подняла бровь:

– Он так и сказал?

Ее губы слегка растянулись в легкой улыбке.

– Разумеется, нет. Он мужчина, так что, вероятно, сам он этого даже не понял. Но и это не единственная причина.

Я ждала, что она скажет дальше. Лукавый огонек в ее глазах заставлял меня нервничать.

– И какова другая?

– Он расстроен, потому что, как мне кажется, он влюблен в вас и чувствует себя виноватым из-за Эмили.

– Из-за Эмили? Но ведь она мертва.

– Да. Но взгляните на это с точки зрения Джека. Она оставила его, когда он собирался провести с ней всю свою жизнь. Чтобы такой мужчина, как Джек, захотел связать себя брачными узами, он должен был по-настоящему любить ее. Но для него не было прощания, не было подведения черты. И хотя он знает, что ее больше нет, где-то в

глубине души он по-прежнему считает, что они помолвлены и что испытывать чувства к вам сродни измене.

Я знала: мои щеки полыхают огнем, поэтому не стала отворачиваться. Вместо этого я спросила:

– Откуда вы все это знаете?

– Мне восемьдесят девять лет, дорогая, но я пока жива.

– Что ж. Запомню. Но мне кажется, вы ошибаетесь, Ивонна. Я бы знала.

Она с сомнением посмотрела на меня. Я задвинула свой стул под стол и остановилась. Где-то на краю сознания повисла, словно затяжка на гобелене, смутная мысль. Я повернулась к Ивонне:

– Вы столько сделали для меня, что мне неловко просить вас еще об одном одолжении, но мне только что в голову пришла одна мысль.

– Это будет стоить вам еще одного ужина в ресторане, причем не дешевого. – Она приветливо улыбнулась.

– Согласна. – Я подалась вперед. – Дом, в который вы отправили меня и Джека, Мимоза-Холл в Ульмере. Фамилия его первых владельцев была Крэндалл. Джек сказал мне, что во время Депрессии они потеряли все и продали дом семье нынешнего владельца. Не могли бы вы узнать, что только сможете, об этих первых владельцах дома? Родословная, письма, что-то в этом роде? У нынешней владелицы, миссис Макгоуэн, на чердаке якобы есть куча писем и документов. Джек планирует съездить туда еще разок, чтобы взглянуть на них, но мне очень хотелось бы узнать больше уже сейчас. Было что-то в том портрете... – Я вздрогнула, вспомнив холодное дыхание на моей шее и голос в моем ухе. – В любом случае, – продолжила я, – миссис Макгоуэн сказала Джеку, что во второй половине девятнадцатого века произошла какая-то трагедия, и мне любопытно узнать, что это было.

– Крэндалл? – Ивонна взяла ручку, которую носила на цепочке на шее, и записала что-то в блокноте, что всегда лежал на столе. – Хорошо, постараюсь. Я дам вам знать, что найду, когда перезвоню по поводу окна.

– Спасибо. – Я импульсивно наклонилась, обняла ее и поцеловала в щеку. – Вы просто чудо.

С лукавинкой в глазах она наклонилась ко мне ближе:

– Хотите знать, в чем я даже лучше, чем в исследованиях?

Я оглянулась по сторонам, на людей за другими столами в читальном зале. Некоторые из них оторвались от книг и смотрели на нас.

Я наклонилась ниже:

– И в чем же?

– В сводничестве. Я ни разу не ошиблась. И скажу вам прямо сейчас, что Ребекка, или как ее там зовут, совершенно не во вкусе нашего Джека.

Я отпрянула, не очень желая слышать, кто, по ее мнению, может быть «во вкусе нашего Джека».

– Спасибо, Ивонна, но любовная жизнь Джека меня не касается.

Она издала громкий, не типичный для нее смешок, однако, заметив, что еще больше людей подняли головы, быстро успокоилась.

– Еще раз спасибо. Надеюсь услышать вас в скором времени, – сказала я, торопясь уйти.

Она попрощалась. Я поспешила уйти, прежде чем она успеет сказать что-то еще, что отражало бы мои собственные мысли.

Глава 19

Сантехник, декоратор – рекомендованный Амелией Тренхольм, – и команда строителей, занимающихся сносом старых стен, должны были быть в доме в девять, поэтому я решила, что у меня будет пара часов, чтобы попытаться поговорить с Джеком. Я убедила себя, что мое желание увидеть Джека продиктовано необходимостью найти как можно больше ответов на все вопросы, которые у меня накопились, и никак не связано с тем фактом, что я действительно скучаю по нему. Хотя, если честно, воспоминания о том вечере, когда я в последний раз видела его, о том, что мы говорили, не говоря уже о почти состоявшемся поцелуе, преследовали меня настойчивее любого призрака.

Джек до сих пор не ответил ни на один мой телефонный звонок, поэтому я решила, что лучший способ напомнить о себе – это просто появиться у его порога. Конечно, мне будет гораздо больнее, если он откажется меня видеть, но, как говорится, попытка не пытка.

Захватив портфель, в котором лежали папка с ксерокопиями, которые дала мне Ивонна, и дневник, я нажала звонок входной двери его дома и некоторое время ждала, слыша, как на Куин-стрит погромыхла одинокая машина.

– Уходи, Мелли.

Я едва узнала в домофоне его скрипучий голос.

– Как ты узнал, что это я? – Я огляделась по сторонам, пытаюсь обнаружить видеокамеру, но нигде ее не увидела.

– Потому что среди моих друзей нет идиотов, которые бы стали звонить мне в дверь до десяти часов утра.

Слышать такое было обидно, но я решила не показывать виду.

– Я по важному делу. А ты не ответил ни на один мой телефонный звонок.

Джек тяжело вздохнул в домофон. Я нахмурилась, пытаюсь перевести этот вздох в слова.

– А нельзя было подождать? Я вчера поздно лег спать.

Я нахмурилась, глядя на маленькие белые кнопки.

– Ко мне в дом в девять приходят подрядчики, в двенадцать я обедаю с Марком Лонго, а затем я должна быть на работе. Это

единственный раз, когда я могу втиснуть тебя в мой график.

Мне показалось, что я услышала его смешок, а там кто знает.

– Так я могу подняться?

– Ну, хорошо, – произнес он после короткой паузы. – Но предупреждаю. Я только что встал с кровати и сплю голым.

Я попыталась подавить жаркую волну, что накатила на меня, словно десант инопланетных пришельцев. Не знаю, почему, но я ощутила себя наивной девчонкой-подростком на первом свидании.

– А ты мог бы что-нибудь надеть? – Увы, эта просьба была обращена к пустому воздуху.

Раздался гудок, затем щелчок. Я открыла дверь и вошла в фойе. На лифте я поднялась на верхний этаж и, пока ехала, попыталась взять в себя в руки и перестать думать о голом Джеке.

Когда я добралась до его квартиры, дверь была уже открыта. Я сунула голову и, прежде чем войти и закрыть за собой дверь, дважды окликнула его по имени.

– Джек! – позвала я снова, входя в просторную квартиру. Это по-прежнему был со вкусом обставленный лофт, переделанный из бывшего склада, с дорогими, хотя и незатейливыми на вид картинами на стенах и изящными безделушками на низких столиках и полках.

Увы, при этом в квартире царил жуткой кавардак. Повсюду беспорядочно валялись старые газеты и высились стопки писем и пустых коробок из-под пиццы. У меня тотчас зачесались руки навести здесь порядок. В воздухе висел тяжелый запах табачного дыма. Когда же я подошла к барной стойке в кухне, чтобы положить пальто и ключи, то заметила несколько пепельниц с горами окурков в них. Не в силах сдержать себя, я взяла их с гранитной поверхности и вытряхнула содержимое в мусорное ведро под раковиной.

– Если бы я дал тебе пылесос, ты бы все здесь пропылесосила? – раздался за моей спиной голос Джека.

Я вздрогнула и уже собралась наорать на него, но в следующее мгновение проглотила язык. Судя по его виду, он целую неделю бродил по пустыне. Его подбородок и щеки успели зарости темной щетиной. Хотя я из последних сил старалась не поддаваться его чарам, я не могла не признать: Джек Тренхольм – красавец-мужчина. Но сегодня он сразил меня наповал. Мой взгляд медленно переместился со щетины на его обнаженную грудь, затем вниз по плоскому животу

на джинсы с незастегнутой верхней пуговицей. И, наконец, упал на пол, и я заметила, что он босиком.

Оторвав взгляд от его ног, я вновь посмотрела ему в лицо. Здесь меня встретила знакомая ухмылка, вынудившая вновь опустить глаза до уровня его голой груди. Оторвав от нёба мой прилипший язык, я выпалила первое, что пришло в голову.

– У тебя голые ноги. – Я помолчала, пока до меня не дошло, что я на самом деле ляпнула. – Я имею в виду, босые.

– Спасибо, Капитан Очевидность.

Не сводя глаз с его ключицы, я сглотнула комок.

– На улице довольно холодно. Я бы советовала тебе надеть рубашку.

Он протянул руку к одной из нескольких куч грязной одежды, разбросанных по всей гостиной, и взял сверху белую футболку. Искося посмотрев на мои покрасневшие щеки и влажный лоб, он вопросительно поднял брови, однако воздержался от язвительных комментариев в мой адрес.

– Да, не хотелось бы простудиться, – сказал он, натягивая через голову футболку. Я тем временем бросила прощальный взгляд на его обнаженную грудь и похожий на стиральную доску живот. – Извини за беспорядок. Уборщица придет только завтра. Я не ожидал гостей.

Пропустив мимо ушей его слова, я вошла в жилую комнату, где впервые отметила огонь в газовом камине и еще одну переполненную пепельницу на кофейном столике.

– Не знала, что ты куришь.

– А я и не курю. Более того, считаю это отвратительной привычкой.

Я помахала перед лицом рукой.

– Я тоже. Тогда кто же здесь курил? – Я была уверена, что Ребекка не курит, но все равно затаила дыхание, ожидая, что он скажет в ответ.

– Я, – сказал Джек, поднимая полную пачку и, пристально посмотрев на нее, швырнул через всю комнату. Пачка попала в каминную полку и опрокинула фотографию в рамке.

Я машинально подошла к камину и подняла рамку со снимком, чтобы вернуть ее на место на камине. И, к своему великому облегчению, обнаружила, что это фото его родителей, а не Эмили. Я

даже подумала, как это мило, что у Джека в квартире есть фотография родителей. Интересно, что они скажут, если узнают, что он курит?

Я повернулась к Джеку.

– Тогда зачем ты это делаешь? – спросила я, кивком указывая на пепельницу.

– Потому что я не пью пиво.

– А-а-а, – протянула я, потому что поняла и потому, что не смогла придумать ничего лучшего. Мне вспомнилось, как мой отец во время своих многочисленных попыток бросить пить жевал бесконечные пачки жевательной резинки, разбрасывая обертки по всему дому, как будто если взять в рот что-то, кроме алкоголя, это заставило бы его мозг воспринимать жизнь иначе. Мы стояли, глядя друг на друга, и я ощущала спиной тепло камина.

Меня посетила мысль, что было бы куда приятнее, будь это настоящий камин. Что и впрямь было весьма странно: я всегда советовала клиентам переводить их дровяные камины на газ, так как это избавило бы их от лишних хлопот, таких как заготовка дров и выгребание золы. Мне даже в голову не приходило, что без запаха горящего дерева одного только потрескивания горящего камина для настоящего уюта мало.

– Что происходит, Джек? – спросила я, когда в то место, где я хранила свое сердце, незаметно закралась первая трещина тревоги.

– Почему ты считаешь, будто что-то происходит?

Я окинула взглядом груды одежды, грязную посуду и пепельницы, и, зная, что сарказм был его родным языком, сказала:

– Откуда мне это знать? – И, встав руки в боки, повторила свой вопрос: – Правда, Джек, что здесь происходит?

– Ничего особенного, – сказал он, в упор на меня глядя. – Просто после того, как меня поставила на место одна женщина – а точнее, риелтор, – мой редактор не отвечает на телефонные звонки, ни мои, ни моего агента. В издательском мире отсутствие новостей – это всегда плохие новости, и, похоже, я снова буду в полете. В очередной раз.

Джек, которого я знала, вряд ли бы с такой легкостью сложил оружие перед дурными новостями. Я также по опыту знала, что ему нужна правда.

– Жаль. Представляю, каково тебе. Но я бы на твоём месте сходила на встречу.

Он сел на черный кожаный диван и похлопал по сиденью рядом с собой.

– Знаю. Я уже звонил твоему отцу, и сегодня вечером мы собираемся туда вместе.

– Хорошо, – сказала я, не двигаясь с места.

Он снова похлопал по сиденью рядом с собой.

– Сядь. Обещаю, что не буду кусаться.

Проглотив любые протесты, я выполнила его просьбу, хотя и постаралась сесть как можно дальше от него. Увы, моя стратегия потерпела крах, так как я тотчас начала скользить в его сторону.

– Почему ты здесь, Мелли? Чтобы оскорбить меня еще больше? Думаю, в тот раз я получил представление о том, что ты на самом деле думаешь обо мне.

– Послушай, мне действительно стыдно за мои слова. Просто меня застигла врасплох пара призраков, вот и все. Я была напугана. Призраками, – быстро добавила я.

Он скептически поднял бровь, что тотчас вынудило меня расправить плечи.

– Но ты обещал помочь мне с расследованием, – продолжила я, проглотив мою гордость. – И никто не сможет сделать это так же хорошо, как ты.

Его бровь как будто застыла на месте, но, судя по его взгляду, мое признание явилось неожиданностью не только для меня самой, но и для него тоже.

– Я подумала и решила, что мы с тобой по-прежнему коллеги, вместе работающие над проектом, – продолжила я. – Наша личная жизнь здесь вообще ни при чем. – Поняв, что мой довод недостаточно убедителен, я немного помолчала. – И если ты считаешь, что это расследование стоит того, чтобы написать о нем книгу, я уверена, что уломаю моих родителей дать согласие.

На этот раз бровь поползла вниз.

– Тогда скажи это еще раз.

– Что именно?

– Скажи: «Джек, мне нужна твоя помощь, потому что я не могу сделать это самостоятельно».

– Но...

– Никаких «но», – перебил он меня. – Скажи, или разговора не будет.

Что поделать? Зная, что выбора у меня нет, я повторила:

– Джек, мне нужна твоя помощь, потому что я не могу сделать это самостоятельно.

Одним движением руки он смахнул на пол с журнального столика буквально все – пепельницу, коробку от пиццы и нераспечатанную почту, – затем откинулся на спинку дивана и положил руки на колени:

– Отлично. Показывай, что у тебя есть.

Не дожидаясь, пока он передумает, я поставила портфель на журнальный столик и вынула из него дневник и папку, которую мне вручила Ивонна.

– Это тот самый дневник, который Софи нашла в письменном столе моей бабушки. В том самом, что мы выкупили из магазина твоей матери. Я прочла бо́льшую его часть, но не могу сказать, что он проливает свет на что-либо, так как тот, кто его вел, – очевидно, девушка, – использует только инициалы и никогда не называет полных имен. Но дневник определенно относится к тому же времени, что и портрет двух девушек. Автор упоминает девочку по имени Р. Я не думаю что это моя прабабушка Роза, потому что эта Р. сущий бесенок. Автор дневника даже заподозрила ее в том, что она причастна к исчезновению ее любимого кота.

– И с чего ты взяла, что Р. не может быть твоей прабабушкой?

Я попыталась сдержать возмущение.

– Потому что я... мы... моя семья не такая.

– Верно. Вы известны как великие любители животных.

Я знала: Джек намекает на мои попытки избавиться от Генерала Ли после того, как менее года назад я вместе с домом унаследовала этот маленький меховой мячик. Не то чтобы я активно пыталась сбавить его, но время от времени я устраивала грандиозное шоу, предлагая песика кому-то, кто никогда не сказал бы мне «да».

– Дело не только в этом. – Я перешла на страницу, где читала о призраке, которого Р. не могла видеть. – Смотри сюда. Автор дневника может видеть призрак солдата, а Р. не может. Моя мать помнит, как ее мать говорила ей, что у моей прабабушки Розы было сильно развито шестое чувство. Это своего рода наследственная черта, как слегка раскосые глаза или каштановые волосы.

Джек взял дневник из моих рук и принялся его перелистывать, время от времени останавливаясь, чтобы прочитать ту или иную запись целиком.

– Вот интересное место.

Он сел прямо и прочистил горло.

«С. заходил дважды на этой неделе, и я не уверена, как это понимать.

Он говорит, что хочет увидиться с Р., но потом вечно находит предлог, чтобы взять меня на прогулку в двуколке, принять в игру или даже просто посидеть в гостиной. Люди привыкли думать, что мы с Р. родственницы, так как наши лица очень похожи. Возможно, С. просто пытается изучить наши различия, чтобы не оказаться в будущем в неловком положении. Во время своего последнего визита он зашел так далеко, что заявил, что, когда мы с Р. сидим рядом, нас почти можно принять за близнецов.

Я полагаю, что, поскольку Р. старше, считается, что знаки внимания должны оказываться в первую очередь ей, но я боюсь, что С. вселяет в нее ложные надежды. Мне страшно не за ее разбитое сердце. И за последствия, с которыми придется жить другим, если она будет разочарована.

Она очень ясно дала мне понять, что положила на него глаз, и хотя я не стала говорить, что она угрожала мне, если между ними что-то не получится, я боюсь, что она найдет способ отомстить мне за это».

Джек оторвал глаза от дневника.

– Звучит немного зловеще. – Он побарабанил пальцами по страницам. – Возможно, они сестры, и это не что иное, как соперничество. Такое бывает.

– У меня не возникло такого ощущения от чтения дневника. И они определенно не Приоло, потому что на генеалогическом древе за последние восемь поколений не было никаких сестер.

Я покачала головой:

– Гадание никуда нас не приведет. Ивонна отскерокопировала страницы из семейной истории. Я хочу создать мини-таблицу и записать все имена, какие мне попадались, в алфавитном порядке. Таким образом, у нас будет упорядоченный список членов семьи, а также всех женщин, чьи имена начинались с букв «М» и «Р».

– Что смешного? – спросила я, заметив, что Джек с трудом сдерживает улыбку.

– Ничего. Просто в твоём занудстве есть своя прелесть.

Я ощетибилась:

– Это твой взгляд на вещи. Но я отличный организатор, и я уверена, что если ты, работая над своей книгой, будешь следовать моим методам, то наверняка найдешь их полезными.

Его лицо на мгновение потемнело. Я поспешила сменить тему:

– В дневнике есть кое-что еще, что тебе следует знать. – Я сглотнула, не зная, выложить ли ему все сразу или лучше порциями. – Моя мать – ты наверняка заметил, что она всегда носит перчатки.

Джек кивнул.

– Моя мать объяснила мне, почему. Ее способности медиума в первую очередь проявляются при обращении с предметами, будь то по ее собственной воле или нет.

Я невольно улыбнулась:

– Спасибо. В твоих устах это звучит научно. Мой отец когда-то называл это швырянием вещей, если ей что-то не нравится на ощупь, и женской истерией и многими другим именами.

– Не будь чересчур строга с ним, Мелли. Он военный. Для него видеть мир иначе, нежели черно-белым, порой означает разницу между жизнью и смертью. Это въелось в его плоть и кровь. Чтобы он изменил свое мнение, требуется нечто из ряда вон выходящее. Видеть, как вы с матерью беседуете с воздухом, вряд ли этому поможет.

Я наклонилась к нему:

– Тогда почему ты все это принимаешь? Ты ведь тоже военный.

Впервые с момента моего прихода к нему он улыбнулся своей неотразимой улыбкой, и я позволила себе слегка расслабиться.

– Значит, ты снова меня гуглила?

– А вот и нет. Это было на суперобложке последней твоей книги.

– Точно. – Он на миг нахмурился. – Наверно, это потому, что я не был кадровым военным, как твой отец. Или из-за всего, чему я стал свидетелем в твоём доме. Вещи летают по воздуху, двери запирают сами себя. Телефонные звонки приходят из ниоткуда. Мы, писатели, называем это отказом от неверия. Я просто решил принять это как данность, чтобы не подвергать сомнению собственное здравомыслие.

– Прекрасно. Хорошо, придержи эту мысль, потому что у меня для тебя есть нечто новенькое. Моя мать вчера взяла в руки этот дневник. Я не была уверена, стоит ли ей это делать, но она настояла. Прикосновение к некоторым вещам причиняет ей физическую боль, и я не хотела, чтобы она подвергала себя риску, но в конечном итоге я даже рада, что она это сделала.

Джек придвинулся ко мне ближе. Наши колени соприкоснулись, однако он, к моему удивлению, тотчас убрал ногу.

– Почему? Что случилось?

– Она вошла в своего рода транс. Похоже, она пыталась что-то сказать, но произнесла только одно слово. – Я пристально посмотрела на него, пытаюсь предугадать его реакцию. – Ребекка, – нарочито медленно и четко произнесла я.

Джек ответил не сразу. Пару мгновений его лицо оставалось каменным. Затем:

– Ребекка? Ребекка Эджертон? Она уверена?

Я кивнула:

– Она понятия не имеет, почему. Иногда дух использует предмет как портал общения с кем-то, кто чувствителен... как моя мать. Речь вовсе не обязательно о дневнике, а о проецируемом образе. Это то, что автор дневника пыталась сообщить моей матери.

Джек потер ладонью заросшую щетиной щеку.

– Ты спрашивала об этом Ребекку?

– Нет. Она пока даже не знает о дневнике.

Джек удивленно выгнул бровь:

– Софи не стала сообщать Ребекке, когда она его обнаружила, а с тех пор не возникало повода.

Я отвернулась. Не хотела говорить ему, что истинная причина заключалась в ином: ни я, ни Софи не доверяем Ребекке.

– Но ты ей скажешь, верно?

– Думаю, мне придется. Она хотела присутствовать при разрушении стены, поэтому она будет там, и тогда я скажу ей. Вдруг она даже сможет что-то добавить?

Он встал и предложил мне руку, помогая подняться с дивана. Немного поколебавшись, я ее взяла. Правда, я ожидала, что он подержит ее дольше или притянет меня ближе, но он быстро отпустил мою руку.

– Иди сюда, – сказал он, ведя меня к перегородке, за которой располагался его рабочий кабинет.

Массивный письменный стол из красного дерева был завален бумагами и пустыми банками кока-колы, а компьютер буквально погребен под грудями мусора. Диван стал неузнаваем в своей новой ипостаси корзины для грязного белья.

– Мне нравится, во что ты превратил свою квартиру, – сказала я.

– Спасибо, – ответил он с натянутой усмешкой. Как и в случае с журнальным столиком, он смахнул все с дивана на пол. – Присаживайся.

Затем подошел к столу и начал перебирать бумаги.

– Вопреки распространенному мнению, я иногда работаю. И пока я корпел над окончательной версией романа о бриллиантах Конфедерации – который, кстати, я предварительно назвал «Дом на Трэдд-стрит» – и ожидал, когда мой редактор перезвонит мне, я прочел кое-что из материалов, которые дала мне Ивонна.

– Ивонна сказала мне, что ты приходил к ней на пару с Ребеккой. Я же могла поклясться, что Ребекка сказала мне, что ее встреча с Ивонной состоится не ранее следующей недели.

Джек быстро посмотрел на меня, но ничего не сказал, лишь вновь сосредоточился на ворохе бумаг на своем столе. Наконец он вытащил папку, очень похожую на мою, и сел рядом со мной на диван.

– Не хочу тратить время, спрашивая у тебя, что ты знаешь об истории твоей семьи, лучше сразу начну с твоего просвещения.

Я смерила его высокомерным взглядом.

– Я знаю, что мои предки начинали как фермеры на острове Джонс, а затем стали выращивать хлопок.

В ответ он смерил меня не менее высокомерным взглядом.

– Тебе это сказала Ивонна, не так ли?

– Может, да. А может, нет.

– Понятно. Тогда ты также можешь знать, что их бывшая хлопковая плантация находилась на ручье Бохикет, который впадает в реку Эдисто, а та в свою очередь – в океан.

– Потрясающе.

Джек бегло посмотрел на меня, и я поняла: его небрежный тон был призван заставить меня врасплох.

– Безусловно. Особенно когда источник доходов твоих предков вызывает сомнение.

– Они были фермерами. Ты только что сказал это сам.

– Они начинали как фермеры, а затем, став выращивать хлопок, разбогатели и даже купили дом на Легар-стрит. Это было не дешево, даже по меркам восемнадцатого века.

– На что ты намекаешь?

Он перебрал бумаги, которые держал в руках.

– Видишь ли, как бы мне ни хотелось присвоить себе эту славу, я воздам должное тому, кто ее заслужил. Я узнал это из семейной истории, которую составил некий Роберт Равенел Приоло, твой дальний родственник, насколько мне известно. Что, безусловно, объясняет, почему не было напечатано большее количество экземпляров книги. Если честно, я удивлен, что сохранился даже один.

– Что ты хочешь сказать? – спросила я. – Что, если весь клан Приоло сожжен на костре за колдовство, потому что они могли видеть мертвецов, а затем кто-то подал в суд иск за клевету? С другой стороны, речь шла о восемнадцатом веке, а не о двадцать первом.

Он пристально посмотрел мне в глаза.

– Они были мародерами, Мелли. Ваши прославленные предки начинали как грабители. Чуть выше в пищевой цепочке, нежели пираты, но гораздо ниже, чем праздный класс плантаторов, который они пополнили, когда накопили достаточно денег, чтобы прекратить грабить корабли.

– Извини, я не ослышалась? Какие еще мародеры?

Джек покачал головой:

– Мелли, Мелли, твое знание местной истории удручает. Я должен отправить письмо в твою школу и попросить директора аннулировать твой аттестат.

Говоря эти слова, Джек положил локоть на спинку дивана. Футболка тотчас натянулась на груди, повторяя рельеф мышц. Чтобы не пялиться на них, я попыталась сосредоточить взгляд на его глазах, но, увы, сделать это было не менее сложно.

– Обыкновенные. В здешних краях они промышляли кораблекрушениями. Чтобы заманить корабль в опасные воды, они зажигали береговые огни, имитировавшие огни маяка. Корабль налетел на скалы или на мель, терпел бедствие, и они прибрали к

рукам его груз. Или же иногда, они просто грабили корабли после шторма, позволяя матери-природе делать за них их грязную работу.

– А как же пассажиры и экипаж? Что бывало с ними?

– Как правило, они гибли. Тех, кто остался в живых, скорее всего, убивали. Ведь кому нужны свидетели? Согласись, это гораздо хуже, чем просто заставить исчезнуть соседскую кошку, верно?

Я вытаращила глаза:

– Это... подло. Я не... нет... Этого не может быть. Это не моя семья. И вообще, какие у тебя имеются доказательства?

– Осторожнее, Мелли. Не дай бог люди начнут думать, что ты заиклена на родословных и все такое прочее. Что касается доказательств, то каких-либо окончательных доказательств не существует, если только мы не найдем упоминание о том, что кто-то в твоём генеалогическом древе закончил свои дни на виселице. Но этот Роберт Приоло намекает, что сообщения о грузовых судах, пропавших у берегов острова Джонс, и внезапное финансовое благополучие вашей семьи – это не случайное совпадение.

Я встала с дивана.

– Что ж, интересная гипотеза, но я бы не осмелилась на нее ставить. Кроме того, какое отношение это имеет к более поздним событиям? Ты говоришь про восемнадцатый век. «Роза» потерпела крушение полтора века спустя.

Джек тоже встал и сунул руки в задние карманы джинсов.

– Верно. Но вспомни картину – замаскированное изображение в окне вашего дома? Там, между прочим, есть океан и дом с плантацией. Это навело меня на кое-какие мысли, вот и все.

Я тоже на минуту задумалась.

– Потому что совпадений не бывает, – медленно произнесла я любимую поговорку Джека.

Он выгнул бровь, но огонек в его глазах потух.

Я же впервые с момента моего знакомства с Джеком Тренхольмом поняла: он не стал цеплять свою привычную маску рубахи-парня. Почему-то мне стало от этого грустно.

Вряд ли причина заключалась во мне. Скорее всего, как только его редактор даст о себе знать, он снова станет прежним Джеком. А пока, обдумывая свою новую книгу и помогая мне разгадать тайну дома моей матери, он тем самым не дал бы себе окончательно пасть духом.

Я шагнула к двери.

– Так ты придешь? Сегодня рабочие ломают на кухне стену. Отныне никаких коров-лонгхорнов.

Прежде чем ответить, Джек несколько мгновений пристально смотрел на меня, и я было подумала, что ошиблась.

– Нет. Вряд ли. Там будет Ребекка, и она всегда расскажет мне о том, что я пропустил. Что бы это ни было.

Я не ожидала, как больно мне будет слышать эти слова. Тем не менее я заставила себя улыбнуться.

– Мой солдат твердит мне, что то, что я ищу, находится там, за этой стеной.

Его лицо осталось каменным.

– Пусть Ребекка сделает снимки.

Я начала было говорить ему то, что сказала мне Ивонна про то, как он считает себя виноватым из-за Эмили, о его предполагаемых чувствах ко мне, однако остановилась, решив, что он не готов обсуждать эту тему. Его отчужденность была мне только на руку, и если и дальше твердить себе это, возможно, я даже в это поверю.

– Дневник! – сказала я, вспомнив, что оставила его на кофейном столике.

Джек сходил за ним и, когда между нами оставался примерно шаг, протянул его мне. Остановиться дальше от меня было бы просто невежливо. Я протянула за дневником руку. Джек отпустил его прежде, чем я успела крепко его взять. Дневник пролетел в воздухе между нами, приземлился на правый верхний угол и замер на деревянном полу возле ног Джека.

Он потянулся было за ним, но я подняла руку.

– Я сама. – Я наклонилась, чтобы поднять его с пола, и, прежде чем открыть на последней странице, чтобы оценить нанесенный дневнику ущерб, обратила внимание на согнутый задний угол.

– Смотри, – сказала я, протягивая дневник Джеку, чтобы тот мог лучше его рассмотреть.

Джек шагнул ближе, и его лицо тут же просияло улыбкой:

– Что это у нас здесь?

На последней странице, за бумажным переплетом, приклеенным к задней обложке, из-за отошедшего края торчал уголок плотной картонной карточки.

– У тебя длинные ногти, Мелли. Попробуй вытащить.

Зажав уголок карточки ногтями большого и указательного пальцев, я легонько потянул ее вверх, полагая, что она застряла внутри после того, как отошел приклеенный край.

Несколько мгновений я рассматривала написанные печатными буквами слова, затем перевернула карточку и показала ее Джеку.

– Похоже на старомодную визитку. – Он медленно прочитал слова вслух: – Мередит Приоло. Легар-стрит, дом тридцать три. – Наши взгляды встретились, и на мгновение передо мной вновь предстал старый добрый Джек. – Кажется, мы только что нашли нашу М., – сказал он со знакомым огоньком в глазах.

Глава 20

Я добралась до дома на Легар-стрит сразу после строительных рабочих и водопроводчика Рика Кобылта. Рик мой старый знакомый. Я хорошо его знаю по ремонту в доме на Трэдд-стрит. Декоратор позвонила мне, когда я возвращалась от Джека, чтобы сообщить, что задерживается.

Моя мать привела всех на кухню, где угостила кофе с пончиками из пекарни Рут. Поставив на стол сумочку, портфель и папку Ивонны, я указала на часы, напоминая ей про плотный график, но она сделала вид, что не поняла.

Рич повернулся ко мне, и я увидела сахарную пудру у него на губах.

– Доброе утро, мисс Миддлтон. Спасибо, что рекомендовали меня вашей матери.

– Не стоит благодарности, Рич. Вы проделали в моем доме прекрасную работу, так что я рекомендовала вас с легким сердцем. И я ценю вашу пунктуальность. – Я бросила взгляд на мать, чтобы проверить, слушает ли она.

Рич мгновенно посерьезнел.

– Если не возражаете, мисс Миддлтон, я бы хотел поговорить с вами с глазу на глаз.

Напуганная тем, что он скажет мне, что ремонт ванной комнаты с ее бордельно красными стенами невозможен, я повела его в коридор.

– В чем дело?

Рич смутился и пару мгновений теребил инструменты на поясе.

– Вы помните ту маленькую проблему, что возникла у меня в вашем доме на Трэдд-стрит?

Я подняла брови. Хотелось надеяться, что это не то, о чем я думала.

– Вы о призраках? – подсказал он.

– О них. Верно.

Меня не переставало удивлять, когда я сталкивалась с такими же людьми, как я. Я как будто видела в них конкурентов.

– Надеюсь, в этом доме их нет?

– Почему вы спрашиваете?

Он нахмурил брови, глядя на меня с высоты своего роста.

– Мне показалось, что, когда я открывал входные ворота, я видел в окне наверху молодую женщину. Похоже, она была не рада моему приходу.

– Наверно, это была моя экономка, миссис Хулихан, – солгала я, отлично зная, что она повезла Генерала Ли в квартиру моего отца, чтобы пес не вертелся под ногами, пока здесь будут орудовать рабочие.

– Может быть, – сказал он, правда, с сомнением в голосе и вытащил из-за воротника золотую цепочку с массивным крестиком. – Я надел это на всякий случай.

Я постаралась не рассмеяться.

– Уверяю вас, тут нет никаких вампиров. Если же увидите призраков, просто не обращайтесь к ним.

Рич продолжал хмуриться. Мы оба понимали: я не ответила на его вопрос. Впрочем, услышав в кухне смех моей матери, мы дружно повернули головы.

– Ваша мама – красивая женщина. Вы с ней как две сестры.

Я в упор посмотрела на него. Меня так и подмывало спросить, то ли я выгляжу старше своих лет, то ли моя мать – моложе. В любом случае я не восприняла его слова как комплимент.

– Спасибо, Рич, за это наблюдение, – сказала я и вышла из кухни. – Давайте лучше я покажу вам ванную, которую я хочу переделать? А если вы перекроете воду, я могла бы, когда рабочие закончат на кухне, отправить их наверх.

– Не нужно ничего показывать, мисс Миддлтон. Ваша красавица-мать уже показала мне, так что я знаю, где и что мне делать.

– Спасибо, Рич, – сказала я и, пока он поднимался по лестнице, отвела глаза, чтобы не лицезреть попу вездесущего водопроводчика, выглядывавшую из слегка сползших вниз штанов.

Я вернулась в кухню одновременно с Ребеккой, вошедшей через черный ход. Ловя на себе восхищенные взгляды рабочих, она направилась напрямиком к пончикам.

– Хочу кое-что показать вам, Мелани, когда у вас будет минутка, – сказала она, похлопав по сумке, перекинутой через плечо, и надкусила последний пончик с кремовой начинкой – мой любимый.

– Простите, дамы, – сказал один из рабочих, поднимая со стола тарелку с пончиками, чтобы накрыть его пищевой пленкой. – Когда мы

прорежем гипсокартон, здесь будет довольно пыльно. – Он посмотрел на Ребекку, и его улыбка сделалась шире. Однако стоило ему заметить выражение моего лица, как улыбка тотчас погасла. – Вы уверены, что не хотите, чтобы мы сохранили эту корову?

– Нет, – сказали мы с матерью в унисон и посмотрели друг на друга. Впрочем, я тут же отвернулась и взяла со стола свои вещи, давая ему возможность закрыть пленкой весь стол.

– Мелли, – обратилась ко мне моя мать, – мне нужно отлучиться по делам. С тобой все будет в порядке без меня?

Ее щеки запали, кожа вокруг глаз и губ казалась похожей на пергамент.

– Да, не волнуйся. Но как ты себя чувствуешь?

Она подняла изящную бровь:

– Предлагаешь поехать вместе со мной?

– Нет. Но я могла бы позвонить отцу, – выпалила я, покраснев.

Она улыбнулась и взяла с кухонного стула пальто.

– Тогда не беспокойся. Я уже ему позвонила.

Прощавшись с рабочими и Ребеккой, она ушла. Я же вновь задумалась о том, что произошло тогда, многие годы назад, что вынудило ее оставить не только меня, но и отца.

Отступив назад, мы с Ребеккой наблюдали, как рабочие кувалдами и пилами ломали стену, навсегда уничтожая несчастную корову-лонгхорна. Ребекка фотографировала, а я с нетерпением ждала, когда они удалят весь гипсокартон и взгляду откроется то, что было спрятано за ним. Когда Ребекке надоело фотографировать, она оттащила от кухонного стола стул и села и, пока ждала, дергала ногой вверх и вниз. Я хмуро смотрела на нее, пока не поняла, что постукиваю ногой в том же ритме.

Я не знала, что Ребекка надеялась найти, и давно перестала гадать. *И волны прячут нашу вину*. Так сказал мне Вильгельм, а также, что за стеной спрятано то, что я ищу. Я надеялась получить хотя бы один ответ на все мои вопросы, найти то единственное, что приблизило бы меня к моей цели – вновь вести тихую, размеренную жизнь, в которую не вторгались бы члены семьи, рабочие или призраки.

Услышав, что стук молотка прекратился, я подняла глаза.

– Уже готово? – удивилась я. Мне казалось, что эту уродливую стену придется сносить весь день, но прошло меньше часа.

Бригадир подошел и, сняв каску, вытер рукавом лоб. В воздухе висели пыль и запах пота – и что-то еще, чему у меня не было названия.

– Да, мэм. Мы сняли весь гипсокартон и обнажили кирпичный камин в его первоизданном виде.

Я шагнула вперед, чтобы взглянуть на камин. Он был глубоким, задние кирпичи почернели от огня и времени. Я вгляделась в эти закопченные кирпичи, пытаюсь увидеть то, что, по словам Вильгельма, я должна была там найти.

– Нам нужно пробиться через кирпичи.

Головы всех дружно повернулись к Ребекке.

Бригадир, весь в гипсокартонной пыли, отчего его лицо стало похоже на мордочку енота, наморщил лоб.

– Мэм, в этом нет необходимости. Камин полностью исправен, просто нуждается в чистке.

– Пробейте кирпичи, – повторила она, как будто не слышала, что сказал ей строитель.

Она подошла к краю камина, где теперь стояли кухонные шкафчики и виселись гранитные столешницы.

– Здесь были полки и потайная дверь, которая вела за камин. – Ребекка посмотрела на меня. – Думаю, дешевле пробить кирпичи, чем ломать сделанную на заказ мебель.

Я кивнула, не задаваясь вопросом, откуда у нее эта информация, но надеюсь, что она права.

– Давайте, – сказала я бригадиру. – Сначала попробуйте пробить пару кирпичей, чтобы увидеть, есть ли там за камином хоть что-нибудь. И если есть, мы можем перейти к плану Б.

Бригадир было заупирался, но в конце концов я убедила его пробить кирпичную кладку. Мы с Ребеккой отступили. Он же поднял кувалду и с размаха стукнул ею по тому месту, где вокруг одного кирпича штукатурка слегка раскрошилась. Как свидетельство бывшего качества, кирпич даже не дрогнул, а вот штукатурка поддалась и треснула. Взяв в руки отвертку, рабочий проковырял ею с одного бока кирпича дыру, в которую можно было просунуть палец. Орудия

отверткой дальше, он вынул два кирпича, и я смогла заглянуть в образовавшуюся дыру.

Я шагнула вперед.

– Можно одолжить ваш фонарик?

Один из рабочих откликнулся на мою просьбу. Щелкнув кнопкой, я осветила в отверстие и заглянула в него. Комната за камином была глухая, без окон, с голыми стенами. Воздух там был спертый, а из отверстия тянуло запахом пороха и соленой морской воды. Луч фонарика скользнул по кирпичным стенам и земляному полу и наконец остановился на большом морском сундуке у дальней стены. «Твои славные предки начинали как мародеры», – вспомнила я слова Джека, глядя на сундук. Некая часть меня предпочла бы замуровать стену и забыть то, что я увидела.

Вместо этого я повернулась к бригадиру:

– Уберите столько кирпичей, сколько сможете. Чтобы в отверстие можно было пройти. – Я на миг закусил губу, пытаюсь представить, что скажет Софи, увидев камин. – Можете удалять по кирпичу за один раз, чтобы стенка не рухнула.

– А-а-а, еще одна любительница старины, – проворчал себе под нос кто-то из рабочих.

Бригадир осадил его взглядом.

– Я вас понял, мисс Миддлтон. Мы сделаем все красиво и медленно, по одному кирпичику за раз. – Он почесал затылок. – Но чтобы вы понимали: цена, которую я указал в смете, не включала этот вид работ, поэтому придется внести некоторые коррективы.

Я внутренне вздохнула. У меня уже имелся богатый опыт общения со строительными подрядчиками во время реставрации дома на Трэдд-стрит.

– Я понимаю. Просто сделайте то, что требуется, чтобы мы получили доступ к тому, что там позади камина, не повредив всю оригинальную кладку.

Ребекка взяла меня за локоть и осторожно оттащила прочь.

– Там комната, не так ли? И сундук морского капитана?

Я посмотрела на нее и кивнула.

– Очередной сон?

– Да. – Она оглянулась на камин. – Это займет некоторое время. Пойдем в другую комнату и сравним записи.

Посмотрев еще разок на рабочих, я дала Ребекке вывести меня в фойе. Поскольку большая часть дома, пока мы не определились с колером краски и еще не брались за стены, была без мебели, мы сели на нижнюю ступеньку лестницы.

Ребекка начала вынимать из сумки вещи.

– Я посетила Ивонну вчера днем, – сказала я. – По ее словам, вы с Джеком были у нее рано утром. Но я точно помню, что вы говорили, что ваша встреча состоится лишь на следующей неделе.

Она продолжила рыться в сумке, вглядываясь в ее темные глубины.

– Нет, она всегда была запланирована на вчера. Вы, должно быть, ослышались.

Я не стала говорить ей, что я записала дату на свой «блекберри», чтобы не забыть спросить у нее, что она там обнаружила. Я хотела было сказать ей, что, похоже, она планировала приехать к Ивонне первой, чтобы выяснить, что та ей скажет, чтобы потом решить, делиться со мной информацией или нет. Но затем я подумала про дневник и о том, как я тоже не обмолвилась ей о нем, и закрыла рот. Секрет на то и секрет, чтобы его хранить, а не делиться им.

Она положила сумку у наших ног.

– Не переживайте. В любом случае от Ивонны я почти ничего нового не узнала. Она сделала фотокопии, но отдала их Джеку, а не мне. Он сказал, что я могу взглянуть на них позже. Но я предпочитаю, чтобы у меня были мои собственные материалы, чтобы всегда иметь возможность просмотреть их в свободное время. К тому же, когда мы с Джеком бываем вместе, у него обычно пропадает желание работать. – Ребекка хихикнула, не глядя на меня, и продолжила сортировать свои папки.

Я сделала вид, будто ее слова не уязвили меня, словно смоченный в уксусе лоскут ткани, и вместо этого посмотрела на стопку папок у нее на коленях.

– Похоже, у вас здесь все разложено по полочкам.

– Они не из Исторического общества. – Она положила руки на стопку, и я вновь подумала, как хорошо они мне знакомы. – Я получила их через архив газеты. Помните, когда на судне впервые обнаружили человеческие останки, я сказала вам, что могу помочь сузить список возможных кандидатов? Так вот, я позаимствовала из

папки Джека генеалогическое древо Приоло и занесла все имена в электронную таблицу, которую составила, а затем долго работала с микрофишами, чтобы посмотреть, найдутся ли в архиве газетные статьи или фотографии членов вашей семьи. Поскольку нам известен пол, примерный возраст и рост жертвы, я подумала, что это может пролить свет на то, кого мы искали.

Я пристально посмотрела на нее.

– Мне не терпится увидеть, что вы нашли, но я должна спросить у вас, чем это может помочь вам со статьей, которую вы пишете о моей матери?

Она на миг растерялась, а затем приняла оскорбленный вид.

– Как скажет вам любой хороший журналист, прежде чем я смогу написать первое слово, я должна как можно глубже погрузиться в мою тему – в историю ее семьи, ее прошлое, ее настоящее. Ваша мать, история вашей семьи очаровывают многих чарльстонцев, в том числе и меня, и я прикладываю все усилия к тому, чтобы мой материал получился как можно более увлекательным. Думаю, вы заметили, что я не сэкономила на деталях ни в одном из моих биографических очерков наших знаменитых граждан.

Я недоуменно посмотрела на нее.

– Извините, но я не читаю газету. Я вынимаю страницу с объявлениями о продаже недвижимости и выбрасываю все остальное. Нет времени, – зачем-то добавила я.

– Понятно, – сказала она, хотя было ясно, что нет. – Кстати, раз мы заговорили об этом, я хотела бы получить у вашей матери личное интервью и очень надеюсь, что вы согласитесь выступить в роли посредника и поможете мне.

– Она все еще не отвечает на ваши звонки?

– Нет. – Ребекка улыбнулась, а может, просто стиснула зубы. – Я надеялась, что, если она увидит, что мы работаем вместе, то, возможно, согласится поговорить со мной.

– Почему вы так решили? Поверьте мне, я не имею на нее никакого влияния.

На этот раз улыбка Ребекки была искренней.

– У вас гораздо больше влияния, чем вы думаете. Я вижу, как она полагается на ваше мнение, как ждет, пока вы говорите. Мне кажется, она пытается защитить вас.

– Меня?.. – Я даже не смогла закончить предложение.

– Поверьте, Мелани, для человека, который видит так много, вы видите так мало вещей прямо перед вашим носом. – Она глубоко вздохнула, и прежде чем я успела возразить, продолжила: – Раньше я думала, что мать пытается защитить вас от общественного мнения, если вдруг станет известно о ваших экстрасенсорных способностях. Однако за этим кроется нечто большее. Я бы даже сказала, нечто более личное. Это даже не материнская любовь. Между вами как будто существует некая связь, о какой большинство людей могут только мечтать.

Я попыталась возразить, пустить в ход мои старые отговорки, мол, о какой любви может идти речь, если она бросила меня, но образ матери, бросившей меня, больше не вписывался в образ женщины, которая почти четыре месяца назад вернулась в мою жизнь. Она оказалась совсем не такой, как я ее себе представляла. Она была теплой, обладала чувством юмора и даже хотела устроить вечеринку по случаю моего дня рождения, пусть даже с опозданием на тридцать три года. Втиснуть старый образ в новый – все равно что пытаться влезть в чужую обувь, тесную и неудобную. Но как ни пыталась я привести оба образа в соответствие, ничто не могло изменить тот факт, что до сих пор она не горела желанием быть моей матерью.

Стремясь сменить тему, я вновь сосредоточилась на папках.

– Что вы нашли в архивах?

– Я пока не уверена. Определенно ничего окончательного. Однако я кое-что заметила на всех фотографиях. – Опустившись на колени на мраморный пол, она начала выкладывать ксерокопии снимков. – Я разложу их в виде генеалогического древа, чтобы сразу было понятно, кто кому кем приходится.

Я тоже опустилась на четвереньки и взялась помогать ей, раскладывая снимки ровными рядами, хотя вряд ли в этом имелась необходимость. Похоже, Ребекка была одержима порядком даже больше, чем я, выстраивая каждое поколение едва ли не с лазерной точностью, чем впечатлила даже такого педанта, как я. Закончив раскладывать их, она откинулась на пятки, чтобы полюбоваться своей работой.

– Что вы видите?

– У вас многое пропущено, но, думаю, я могла бы вам помочь.

Я открыла папку Ивонны. Помнится, она сказала, что положила в нее копии всех снимков или портретов тех, кто был на моем генеалогическом древе, какие она только нашла. Вытащив их, я заполнила ряд пустых мест на импровизированной таблице Ребекки, а дубликаты оставила себе.

Когда я закончила, Ребекка повторила вопрос:

– Так что вы видите?

Я посмотрела на море лиц, и все они были мне смутно знакомы. Некоторые клетки оставались пусты, но на других портретах было нетрудно обнаружить семейное сходство. Я видела глаза – некоторые могли быть карими, другие – зелеными. А еще мне показалось, что начиная с конца восемнадцатого века я узнала у нескольких женщин и у нескольких мужчин форму моего носа. Я также отметила, что почти все они носили очки, за исключением женщин помоложе, и поймала себя на том, что снова щурюсь, пытаюсь разглядеть лучше. Похоже, тщеславие – наша наследственная черта, подумалось мне.

– Я вижу много людей, очень похожих на меня. Это то, что я должна увидеть?

Ребекка закатила глаза:

– Приглядитесь. Это ведь очевидно. Посмотрите на людей в верхней части семейного древа и сравните их с последними четырьмя поколениями.

Я снова посмотрела на таблицу и нахмурилась.

– Ничего не вижу, – сказала я, – но я заметила, что у вас есть несколько фотографий Розы. Правда, на всех она в раннем детстве – младенец или маленькая девочка, поэтому я не могу сравнить ее с девушкой на портрете.

– Знаю. Ее имя я искала первым делом, но это единственные ее снимки, какие я смогла найти, что довольно странно, потому что, когда она стала взрослой, ее имя появлялось в газете довольно часто. Например, я узнала, что после землетрясения тысяча восемьсот восемьдесят шестого года она путешествовала по Европе с друзьями, которые жили в Англии. А когда вернулась, то вышла замуж за своего жениха, который ждал ее с тех пор, как она уехала, и они путешествовали по всему миру. Собственно, в доме они поселились лишь после того, как у них родилась дочь Сара, и даже тогда Роза была в некотором роде отшельницей.

Зато она активно занималась благотворительностью и отдала на эти цели необычайно большую сумму денег. Но я не смогла найти ни одной ее фотографии во взрослом возрасте. Как будто она стеснялась фотообъектива. – Ребекка вновь указала на снимки. – Давайте, Мелли. Посмотрите еще разок и скажите мне, что еще вы видите.

Я подалась вперед, внимательно рассматривая снимки, пока носы, глаза и подбородки не поплыли у меня перед глазами. Лишь сев прямо и посмотрев еще раз, я увидела то, что имела в виду Ребекка. Мой взгляд скользнул поперек семейного древа, а затем вниз, до последних четырех поколений. Я посмотрела на Ребекку и встретила с ней взглядом.

Девять из десяти людей на фотографиях, которых мы видим в верхней части древа, держат в руках трость, – изрекла я тоном триумфатора. – Даже две молодые женщины. И все они низкорослые и довольно полные. – Я провела пальцем по мраморному полу между снимками и остановилась возле моей прабабушки Розы. – О Розе мы можем сказать лишь то, что она была упитанным младенцем, но если посмотреть на мою бабушку Сару и мою мать, то они внезапно стали высокими и стройными. – Ребекка разместила внизу таблицы мою выпускную фотографию из колледжа, ту, на которой я была с химической завивкой и в подплечниках, фотографию, о которой я хотела бы забыть. Но даже несмотря на нелепую прическу и моду восьмидесятых годов, не было никаких сомнений, что я родственница Джинетт и Сары Приоло.

– У нас есть фотография Чарльза, мужа Розы?

Ребекка покачала головой:

– Я ее не нашла. Если честно, я надеялась, что вы или ваша мать, когда будете перебирать вещи на чердаке, найдете старые фотоальбомы или отдельные снимки.

– Мы еще толком не занимались чердаком, но я дам вам знать, если что-то найдем.

Ребекка вновь пристально посмотрела на фотографии.

– Должно быть, Чарльз был высоким и стройным, и вы все пошли в него.

Я задумалась:

– У останков, найденных на судне, был врожденный дефект бедра. Возможно, это объясняет наличие трости.

Ребекка посмотрела на меня с толикой уважения.

– Неплохо. Я не додумалась свести воедино два этих факта, но, похоже, это многое объясняет.

Она начала собирать с пола фотокопии. Я взялась ей помогать, стараясь не нарушить их порядок. Я чувствовала себя слегка неловко; она поделилась со мной информацией, я же без видимых причин не желала рассказывать ей про дневник. Несмотря на смутные опасения, я решила, что тоже должна поделиться с ней своей находкой.

Я прочистила горло.

– Забыла сказать вам одну вещь. Софи нашла дневник, он был спрятан в старом письменном столе моей бабушки. Кто его вел – неизвестно, но записи в нем датируются концом девятнадцатого века, когда моей прабабушке Розе было бы около двадцати лет.

Я потянулась за своей сумочкой и вытащила дневник, чтобы показать его Ребекке. Та как-то странно посмотрела на него, и мне подумалось, может, она уже спрашивала меня про него, я же ответила ей, что ничего не находила.

– Личность автора является загадкой, – продолжила я. – Но она упоминает другую девушку примерно того же возраста. Первая буква ее имени «Р». Это заставляет меня думать, что это вряд ли моя прабабушка Роза, потому что у нее не было сестер, а две девушки в дневнике определенно живут под одной крышей. Мне почему-то кажется, что девушки на портрете, с медальонами «М.» и «Р.», – это те же самые девушки, что и в дневнике. Но кто они и почему медальон «М.» был найден с телом на нашем судне, остается загадкой.

Я оторвала глаза от дневника и посмотрела на Ребекку, которая почему-то сделалась белой как мел. Она встретилась со мной взглядом, и впервые с момента нашего с ней знакомства я ощутила нечто помимо неприязни к ней.

– В чем дело?

– Это она, не так ли? Девушка на корабле. И здесь, в доме. Она сейчас здесь, наблюдает за вами. Наблюдает за нами.

– Вы о чем? – Я схватила ее за руку. Та была холодна, как лед.

– О вашей матери. Держите этот дневник подальше от нее. Он... для нее опасен.

– Знаю. Она уже дотрагивалась до него. Но сейчас с ней все в порядке.

Ребекка покачала головой и закрыла глаза.

– Нет-нет. Я видела сон. Ей нельзя прикасаться к нему снова. – Она открыла глаза. – Обещайте мне.

– Я не думаю, что...

– Держите этот дневник подальше от нее. – Ее голос прозвучал резко, и она, похоже, это поняла. Она положила мне на плечо руку. – В детстве у меня всегда бывали эти предчувствия, и они всегда бывали верны. Но потом я поняла, что другие дети не такие, как я. Они думали, что я странная, или ненормальная, или что там еще. Со мной никто не хотел дружить. Я меняла школы. Со временем я научилась подавлять сны, так же как я, вы научились не видеть то, что вы видели. – Ее губы скривились в грустной улыбке.

– То, что делают дети, чтобы сверстники приняли их в свою компанию. – Она покачала головой. – В любом случае, с того момента, как я впервые встретила вас на тротуаре, перед тем как ваша мать купила этот дом, мне снятся сны. Я не помню все из них, но все они, так или иначе, вертятся вокруг вас и вашей семьи. И я была права в ста процентах случаев.

Она пристально посмотрела на меня, и я подумала, что она скажет что-то еще. Но она молчала.

– Так что, по-вашему, это значит? – спросила я.

– Не знаю. Я уверена, что и вы не всегда понимаете то, что слышите и видите. Это дар, но он не из легких, не так ли?

Я пристально посмотрела на Ребекку. Мне тотчас вспомнилось, как моя мать увидела ее, когда взяла в руки дневник, я подумала, может, стоит рассказать ей об этом? Однако, вспомнив, что Софи не доверяла ей, я сдержалась. Имелись у меня и свои собственные опасения, которые, как я твердила себе, не имели ничего общего с отношениями Ребекки с Джеком. Несмотря на наши с ней взаимные признания, я по-прежнему была убеждена, что ее вторжение в мою жизнь не было случайным и что даже ее объяснение, что, мол, она пишет статью о моей матери, казалось мне надуманным.

– Хочу для более глубокого понимания прочесть вам одну из записей в дневнике. Заметьте, речь идет о Р., – сказала я и пролистала страницы, пока не нашла запись, которую искала.

– «Этим утром отец снова взял нас с собой в море. В молодости он служил в Военно-морском флоте Конфедерации, и я думаю, что в

глубине души он по-прежнему моряк, потому что не любит ничего, кроме моря, когда ветер вздымает волны и корабль летит на всех парусах. Он всегда прививал Р. любовь к морю, чтобы она полюбила его так же сильно, как и он сам. Наверно, потому, что она старшая из нас. Но она к морю равнодушна, возможно, из-за своего физического недуга.

Она хорошо скрывает его, поэтому никто, даже ее поклонник, не догадывается о нем, но я вижу, как в конце дня ее хромота дает о себе знать. Причиной тому физическое напряжение, без которого хромоту невозможно замаскировать, когда она идет, не опираясь на трость. Я знаю, что об этом лучше не упоминать, даже из сочувствия или в попытке ей помочь, потому что тогда она смотрит на меня так, что я чувствую себя виноватой в том, что являюсь обладательницей пары нормальных, здоровых ног.

Мне нравится ходить под парусом. Я даже набралась опыта, и отец по-настоящему гордится мной. Но я постоянно притворяюсь, будто предпочитаю сушу. Проще пропустить любимое занятие, чем иметь дело с гневом Р., которая злится на меня за то, что я преуспела в том, чего ей не дано, – и я не обязательно имею в виду умение ходить под парусом».

Закончив читать, я посмотрела на Ребекку. Между ее бровями пролегла крошечная морщинка.

– Похоже, эта Р. умеет помыкать другими, вам не кажется?

– Знаю. Вот почему я постоянно говорю, что она не может быть моей родственницей. С другой стороны, Джек, похоже, убежден, что мои предки грабили корабли, так что только бог ведает, какие еще скелеты может скрывать мое генеалогическое древо.

Ребекка промолчала, ограничившись кивком. Однако, судя по ее пристальному взгляду, она как будто пыталась запомнить мои слова.

Я вернулась к дневнику.

– Этим утром, когда я показала дневник Джеку, мы нашли визитку, которая, как мы полагаем, принадлежала автору дневника. – Я открыла заднюю страницу и нахмурилась, увидев, что карточка соскользнула обратно в маленький кармашек, в котором она была спрятана. Я попыталась засунуть под клапан мизинец, чтобы выудить ее, когда из кухни появился бригадир.

– Извините, дамы, но мы проделали в стене достаточно большую дыру, чтобы в нее можно было войти. Я уже побывал внутри, чтобы удостовериться, что там ничего не треснуло и не обвалилось, и похоже, что все в порядке.

Дневник был мгновенно забыт. Я положила его на ступеньку. Мы обе встали и направились вслед за бригадиром обратно на кухню. Когда я подошла к отверстию, один из рабочих вручил мне фонарик. Я оглянулась на Ребекку: та не сводила с меня глаз.

– Высота потолка всего примерно пять с половиной футов, – объяснил бригадир, посмотрев на мои шпильки. – В те времена народ был ниже ростом.

– Похоже на то, – пробормотала я, неохотно сбрасывая с ног лодочки на высоком каблуке. Оставшись в одних колготках, я шагнула в пролом. Мои ступни коснулись прохладной, плотно утрамбованной земли; легкие вдохнули двухсотлетний воздух.

– А мне можно войти? – Обернувшись, я увидела подсвеченный со спины силуэт Ребекки.

Не знаю почему, но моим первым желанием было отказать ей. Хотя мы с ней только что и поделились нашими находками, я не была готова сделать ее полноправным партнером.

– Одну минутку, – сказала я. – Тут очень низкий потолок, много паутины и, похоже, ничего больше нет. Не знаю даже, стоит ли вам тратить на это свое драгоценное время...

Я не договорила: в проломе показалась ее нога, за ногой последовала голова, а затем и остальная часть тела. Ребекка улыбнулась своей задорной улыбкой чир-лидерши.

– Прошу прощения. Я не расслышала ваших слов. Что вы сказали?

Эх, с каким удовольствием я бы пришла в ярость! Но, увы. Меня отчасти даже восхитила ее бравада, хотя бы потому, что она сделала именно то, что сделала бы я, окажись на ее месте.

– Я сказала, что здесь темно и вам следует захватить фонарик.

Раздался щелчок, и я увидела, что она держит под подбородком фонарик. Его луч падал так, что ее глаза напоминали черные дыры. Я отвела взгляд.

– Наклоните пониже голову, потолок очень низкий. Здесь нет ничего особенного, кроме сундука. – Я быстро обвела лучом фонарика

кирпичные стены, от пола до темных дубовых балок на потолке, уложенных с трехфутовым интервалом. Посередине, напоминая позвоночник побелевшего от непогоды и времени скелета кита, тянулась длинная поперечная балка. Поводив по ним лучом фонарика, я вновь медленно направила его на сундук. Его луч уже почти упал на крышку, когда Ребекка сказала:

– Погодите. Посветите снова вверх. – С этими словами она направила луч своего фонарика на потолочную балку в дальней части комнаты, возле стены. – Похоже, там что-то нацарапано.

Мы обе посветили фонариками в одно и то же место и одновременно шагнули вперед, чтобы лучше рассмотреть надпись, а затем одновременно застыли на месте, молча читая слова.

«Вильгельм Хоффманн, 1782 год. Gefangener des Herzens».

Мы посмотрели друг на дружку.

– Это по-немецки, – сказала я.

Она кивнула:

– Вы знаете, что это значит?

– Нет. – По моему позвоночнику пробежал неприятный холодок, и я поежилась.

– Я тоже. Но в том, что это немецкий, есть смысл.

Я в упор посмотрела на нее. Интересно, как она узнала?

– Почему вы так думаете?

Настала ее очередь посмотреть на меня в упор.

– Вам нужно освежить ваши знания истории, Мелани. В декабре тысяча семьсот восемьдесят второго года британские войска покинули город, чтобы после окончания войны вернуться в Англию. Многие гессенские наемники, не будучи особенно лояльными британской армии, дезертировали. Некоторым повезло спрятаться у американцев. – Она слегка пожала плечами. – Для некоторых это означало свободу, что касается остальных, то они просто обменяли военную форму на рабский труд на своих «спасителей», которые потребовали за свои усилия оплату. – Ребекка рассеянно поводила по надписи пальцем. – Я не удивлюсь, если узнаю, что ваши предки Приоло, если они действительно были мародерами, отправили его работать на побережье. Согласитесь, это гораздо менее рискованно для членов семьи, если бы его поймали.

История с гессенцами была мне смутно знакома. Помнится, мы что-то такое проходили в школе по истории. Я вновь подняла глаза на надпись. Каждая буква состояла из прямых штрихов, как будто нацарапанных чем-то острым, например ножом или вилкой. Я постаралась их запомнить. Я также подумала о том, что Ребекка сказала о судьбе некоторых дезертиров. Мне очень хотелось надеяться, что она ошибалась насчет Вильгельма.

Затем я вновь переключила внимание на сундук. Впереди дерево было слегка поцарапано в том месте, где сейчас болталась пустая петля, а раньше наверняка висел замок. Латунные накладки потемнели от времени.

Я положила руку на крышку, надеясь что-нибудь почувствовать – пусть всего лишь некое предостережение о том, что может лежать внутри, – и приготовиться. Но нет, моя ладонь ощутила лишь прохладную, лакированную древесину. Зажав фонарик подбородком, я попыталась открыть крышку, но смогла поднять ее примерно на дюйм, после чего она выскользнула из моей руки.

Положив фонарик на пол, я направила его луч на сундук и повернулась к Ребекке:

– Положите свой фонарик и помогите мне открыть крышку.

Я взглянула на ее изящные руки. Очень хотелось надеяться, что нас двоих будет достаточно.

Что бы ни было в сундуке, я точно знала, что не хочу, чтобы рабочие это увидели и, возможно, сообщили бы эту новость первому встречному.

Ребекка сделала, как я просила: она вернулась и встала рядом со мной лицом к сундуку.

– Я посчитаю до трех, и когда скажу «три», поднимите крышку.

Она кивнула, и я начала считать:

– Раз, два, три!

Тяжелая крышка сундука отказывалась поддаваться, а затем тесное пространство внезапно наполнилось вонью гниющей рыбы. Я услышала, как Ребекку потянуло на рвоту, но крышку она не отпустила. Мне на шею легла чья-то холодная рука. Я вздрогнула и едва не выпустила крышку, однако в последний миг напрягла пальцы и удержала ее.

А затем почувствовала рядом с собой солдата. Я ощутила его присутствие, как ребенок чувствует тень: темная и скользкая, она мгновенно прячется за пределы поля зрения, в какую бы сторону вы ни повернулись. А затем к нам внезапно присоединилась третья пара рук. Еще мгновение, и крышка со стуком откинулась, ударившись о стену позади сундука.

– У вас там все в порядке? – В проеме показалась голова бригадира.

– Да, все в порядке, – отозвалась я, отмахиваясь от него. Мы с Ребеккой стояли, положив ладони на внутреннюю поверхность откинутой крышки, и пытались отдышаться. Один фонарик внезапно замигал и погас. Комнату тотчас окутали глубокие тени. Ничего не говоря, я медленно попятилась от сундука, взяла исправный фонарик, осветила им в черную, разверстую пасть пустого сундука и подождала, пока то, что я увидела, запечатлевалось в моей памяти.

– Он пустой, – сказала Ребекка. Ее голос прозвучал глухо, как будто под водой. Я вручила ей фонарик, а сама, как однажды показал мне Джек, начала постукивать по сундуку снаружи и изнутри, прислушиваясь, не изменится ли где-нибудь звук. Если да, это может означать потайное отделение или второе дно, где спрятаны драгоценности. Увы, звук повсюду был плотным и твердым, хотя я, чтобы окончательно убедиться, проверила все дважды. Я выпрямилась. Мною владело разочарование, причем даже большее, чем я могла объяснить.

– Он определенно пустой.

Мягкая рука погладила меня по щеке, и я подняла глаза, чтобы посмотреть на Вильгельма. Его шляпа, как обычно, была зажата под мышкой, вездесущий мушкет прижат к телу. Единственное, что удивило меня в нем, – это то, что смотрел он не на меня; его взгляд был прикован к Ребекке. Она ахнула и выронила фонарик.словно в замедленной киносъемке, я смотрела, как он падает из ее рук на пол. И за миг до того, как фонарик со стуком упал на твердый земляной пол и погас, я увидела лицо Ребекки и поняла: она тоже его видит.

Глава 21

Я встретила с Марком Лонго за ланчем на Ист-Бей-стрит, в ресторане под названием «Блоссом». Это одно из моих любимых заведений в нашем городе, известном своей вкусной едой. Я предпочла встретиться с ним здесь, чтобы он не заезжал за мной домой, а у меня всегда имелась бы возможность уйти, когда я захочу.

История наших с ним отношений коротка. И окончилась сразу, как только я обнаружила, что он ухаживал за мной лишь для того, чтобы найти спрятанные в моем доме бриллианты. Впрочем, ему следует воздать должное. Марк признался, что если в начале его интересовали бриллианты, то потом – я сама. Не знаю, поверила ли я ему тогда и даже почему я согласилась пообедать вместе с ним. Одно я знала точно: Марк – не Джек, зато он мог выступить в роли бальзама для моего оскорбленного «я» и заполнить мой пустой календарь личных отношений.

Когда я приблизилась к столику, он встал и поцеловал меня в щеку. От него вкусно пахло, а выглядел он даже лучше, чем раньше, хотя похудел и был не так мускулист, как Джек. И если Джек всегда умел заставить вас улыбнуться, то Марк был начисто лишен этого дара. Мысленно отругав себя за то, что сравниваю этих двоих, я в знак примирения обняла Марка.

Похоже, этот мой жест его слегка удивил. Он помог мне сесть, после чего подтянул свой стул поближе ко мне.

– Скажу честно, Мелани, я не ожидал, что вы приедете сегодня, учитывая... – Он не договорил. Я улыбнулась.

– Я подумала, что должна дать вам возможность объясниться.

Марк взял мою руку и поднес ее к губам.

– Сразу видна истинная леди, Мелани. Прекрасная, умная, способная к сопереживанию. Прекрасное сочетание, перед которым невозможно устоять.

Я почувствовала, что краснею. Несмотря на прошлое, что-то подсказывало мне, что комплименты Марка идут от чистого сердца, в то время как с Джеком я порой задавалась вопросом, что кроется за его льстивыми речами в мой адрес.

Я закрыла глаза и вновь мысленно отругала себя за то, что сравниваю этих двоих.

К нашему столику, с бутылкой шампанского и графином апельсинового сока, подошел официант. Марк улыбнулся.

– Надеюсь, вы не будете возражать. Я взял на себя смелость заказать нам «мимозу». – Официант наполнил оба бокала смесью шампанского и сока. Марк поднял свой бокал. – За прощение и новое начало! – провозгласил он тост.

Я чокнулась с Марком и, отпив глоток сладкого шипучего напитка, улыбнулась ему в ответ. Действительно, почему бы не доставить себе маленькое удовольствие?

Вскоре официант вернулся, и мы сделали заказ. Я с трудом удержалась от того, чтобы спросить, что у них есть на десерт. Официант ушел, а Марк вновь наполнил наши бокалы.

– Мелани, я совершенно серьезно говорю, что надеюсь получить еще один шанс. Моему прошлому поведению нет оправданий. Да, я был на грани отчаяния, но это не оправдывает меня. Поверьте, у меня к вам были... и сейчас есть... чувства. Я ненавижу себя за то, что вынужден лгать вам.

Не решаясь посмотреть на него, я уставилась на белоснежную скатерть.

– Я принимаю ваши извинения. Только не надо сразу рассчитывать на мое доверие. Но мы можем попробовать начать сначала, если вам этого хочется.

Марк улыбнулся, и я в очередной раз поняла, какой он красавец. Он поднял свой бокал и осушил его до дна.

– Обещаю, что искуплю свою вину перед вами.

Я в ответ подняла свой бокал.

– За новое начало, – повторила я и, сделав очередной глоток, откинулась на спинку стула. – Итак, расскажите мне о вашей книге, над которой вы работаете. Должна признаться, я слегка удивлена. Вы не очень похожи на писателя, если такой типаж действительно существует.

Марк изобразил оскорбленный вид.

– Может, мне стоит отрастить брюшко и начать носить твидовые пиджаки с замшевыми заплатами на локтях?

Я рассмеялась. Именно так я представляла себе писателя-мужчину. И даже злилась на Джека за то, что он не соответствовал этому стереотипу. Я посмотрела на мою хлебную тарелку и мысленно отругала себя за то, что снова вспомнила этого наглеца.

– Я говорю это совершенно серьезно. Да-да, я заинтригована. Вы успешный бизнесмен. Откуда в вас эта страсть к писательству?

Подождав, пока официант поставит перед нами тарелки, Марк заговорил снова:

– Думаю, у меня всегда была мечта опубликовать книгу. Недавно на меня снизошло вдохновение, и я набросал план и написал пару глав. Один мой знакомый, который, в свою очередь, знает кого-то в издательском бизнесе в Нью-Йорке, отправил ему мою пробу пера. Через два месяца у меня появился агент, и еще через месяц, после небольшой войны за права на мою книгу между двумя издательствами, у меня в кармане лежал договор.

– Потрясающе! Подозреваю, скольких авторов едва не хватил удар от зависти! Вряд ли обычно так происходит. Расскажите, о чем ваша книга.

Марк покачал головой:

– Пока это тайна. Судя по всему, сейчас еще один автор работает над похожей книгой, поэтому мы торопимся, чтобы моя вышла первой. Нет, мы не пытаемся украсть чью-то славу, но проиграть гонку мы тоже не имеем права. Как выразился мой агент, я должен быть первым, иначе это просто нет смысла печатать.

Мы взялись за еду. Надо сказать, что и сами блюда, и сервировка стола, и обслуживание были выше всяческих похвал. Пока Марк говорил, я не сводила с него глаз, невольно улыбаясь его энтузиазму. Он не стал почивать на лаврах своих деловых успехов, а нашел новую страсть, что не могло не впечатлять. Можно сказать, я смотрела на него новыми глазами. Я отметила про себя, какие густые и темные у него волосы, какой безупречный вкус в одежде и как мило он выглядит, когда улыбается мне. Единственным его недостатком были темные глаза. Если честно, я бы предпочла пронзительно-синие, как у Джека. Но ведь Марк не Джек.

Отгнав эти мысли, я сосредоточилась на том, что говорит мне Марк. Оказалось, он задал мне вопрос.

– Извините, вы что-то спросили? – уточнила я.

– Да, я спросил, близкие ли вы подруги с Ребеккой Эджертон. Мне так показалось, когда я случайно столкнулся с вами у церкви Святого Филиппа.

Я взяла в рот еще одну ложку «рикотты гнокки» и принялась медленно жевать, пытаюсь сформулировать ответ.

– Нет, я бы так не сказала. Она скорее подруга Джека. Она работает над материалом для газеты о моей матери, Джинетт Приоло.

– Что ж, это многое объясняет.

– Вы о чем?

Марк подозвал официанта и заказал для меня специальный десерт от шефа, даже не спросив, что это такое. Он удостоился от меня дополнительных баллов, когда попросил принести только одну десертную ложку. Официант ушел, а он продолжил свой рассказ:

– На прошлой неделе я пригласил ее на ланч. Хотел рассказать ей о моей винокурне и новом ресторане, куда я отвезу вас в следующий раз. Обещаю. Но вместо этого она, похоже, задалась целью выведать у меня все, что мне известно о вас и вашей семье. Мне показалось, что она... просто помешана на вашей генеалогии. Я даже подумал, что она из тех, для кого изучение предков – сродни альтернативной религии. В нашем городе такое встречаешь на каждом шагу.

В этот момент официант поставил передо мной шоколадное мороженое со взбитыми сливками. Но я не стала прикасаться к нему, пока Марку не принесли его кофе.

– Это довольно странно, но, с другой стороны, объяснимо. Она пишет о моей матери, но, как она объяснила мне, знание прошлого нашей семьи поможет ей глубже погрузиться в тему.

Я доедала последние ложки десерта, когда Марк произнес:

– Вообще-то сегодня чуть позже у нас с ней была назначена встреча. Мы хотели пройтись по ее статье. Но она отменила ее час назад. Сказала, что ей по срочному делу нужно в Ульмер.

Впервые за всю мою жизнь кусок десерта застрял у меня в горле. Я закашлялась и, прежде чем сумела его проглотить, была вынуждена выпить почти полный стакан воды.

– В Ульмер? – уточнила я. – Ульмер, штат Южная Каролина?

– Да. Это неким образом связано с ее исследованиями.

– Она не сказала, какими именно? – уточнила я и промокнула уголки рта салфеткой.

– Нет, но она однозначно дала понять, что не намерена говорить на эту тему. Сказала лишь, что вернется поздно, поэтому сегодня наша встреча не состоится. Однако пообещала, что готова увидеться со мной в любое удобное для меня время.

Я откинулась на спинку стула.

– Извините, Марк, но мне пора. Спасибо за ланч. Я уверена, что он не последний.

Он тоже встал. В глазах его читалась тревога.

– Надеюсь, я ничем вас не оскорбил. И что вы простили меня и больше не сердитесь.

Чувствуя искренность его слов, я шагнула к нему и взяла его руки в свои.

– Нет, вы ничем меня не оскорбили. Я просто вспомнила, что должна еще кое-что сделать. И да, я простила вас и очень надеюсь, что в скором времени вы позвоните мне.

Похоже, мои слова его успокоили. Когда же он наклонился и поцеловал меня в щеку, я подумала о Джеке, но только совсем чуть-чуть.

* * *

Чувствуя, как древесная пыль покрывает меня с ног до головы – волосы, одежду, бабушкины жемчуга и даже зубы, – я со стоном опустилась на пол в столовой моего дома на Трэдд-стрит. Я посмотрела на часы, считая каждую секунду до четырех часов, когда Софи наконец уедет в колледж читать лекцию и мы с Чэдом сможем извлечь на свет божий электрическую циклевочную машинку.

Я закрыла глаза, отдаваясь во власть усталости и раздражения по поводу того, что все движется черепашьими темпами. Выйдя из ресторана, я как минимум десяток раз позвонила Ребекке на мобильный и всякий раз натыкалась на голосовую почту. Из чего я сделала вывод, что она либо забыла включить телефон, либо нарочно не принимала звонки. Я на всякий случай оставила ей сообщение на домашнем телефоне и на рабочем.

После чего попыталась дозвониться до Джека и до Ивонны, увы, с тем же нулевым результатом. В полном отчаянии – ибо я не могла

назвать иных причин – я позвонила матери. Та спокойно предложила мне для снятия стресса какое-то время поработать наждачкой. На тот момент это показалось мне разумной идеей.

По всей видимости, я уснула, потому что лишь после третьего, если не четвертого, раза услышала, как звонит мой телефон. Выудив его из кармана, я открыла его за секунду до того, как он переключился бы на голосовую почту.

– Алло?

– Алло, Мелани. Это Ивонна Крейг из библиотеки Исторического общества. Отвечаю на ваш звонок.

Вспомнив идеальную осанку восьмидесятилетней дамы, я села прямо.

– Привет, Ивонна. Спасибо, что перезвонили. – Я поймала себя на том, что затаила дыхание, не зная, что я сейчас услышу: то ли некую новую информацию, то ли очередной вопрос.

– Я бы перезвонила вам раньше, но Ребекка Эджертон бомбардировала меня просьбами найти материалы для ее серии «знаменитые чарльстонцы», причем за последние пятьдесят лет. Обычно я ставлю ее в самый конец очереди, но на этот раз Джек позвонил от ее имени и сказал, что я окажу ему личную услугу, если передвину ее вперед.

– Он так и сказал? – В моем животе возникла странная липкая тяжесть.

– Вообще-то она была здесь чуть раньше. Вот почему я не могла ответить на ваш звонок.

– Она была у вас?

– Да. Искала новые фотографии вашей прабабушки Розы, а также вашей матери.

– Понятно. – Я нахмурилась. Странно, что Ребекка не стала посвящать меня в свои планы. Разумеется, она была слегка потрясена, когда уходила с Легар-стрит после происшедшего в потайной комнате, но поскольку она занимается историей нашей семьи, я бы предположила, что она, по крайней мере, должна была упомянуть о них. – Понятно, – повторила я. – Я звонила, чтобы выяснить, как там обстоят дела с окном. Есть что-то новое? Да, и по поводу генеалогического древа Крэндаллов.

Честное слово, когда она ответила, я «услышала» в ее голосе улыбку.

– Есть, по поводу и первого, и второго. Я сделала копии и положила их для вас в папку.

От радости я была готова потрясать кулаком в воздухе.

– Замечательно. Буду у вас через пятнадцать минут.

– В этом нет необходимости. Ребекка объяснила, что теперь вы с ней работаете вместе, и я отдала папку ей. Если честно, я не хотела ей отдавать ее, но она умоляла меня и пообещала лично доставить ее вам.

– Вот как? – удивилась я, пытаюсь подавить нарастающую панику. – Она сказала, когда именно она мне ее завезет?

– Нет, она не сказала, но, как я поняла из ее слов, она собиралась отвезти ее напрямиком к вам. Неужели еще не привезла?

Я с трудом вымучила улыбку:

– По крайней мере, мне это неизвестно. Правда, меня не было дома, так что, возможно, она оставила ее в почтовом ящике. Не переживайте. Я уверена, что папка где-то здесь.

– Я тоже. Хотя, признаюсь честно, я немного сердита на мисс Эджертон. После того как она ушла, мы недосчитались на полке книги по истории семьи Крэндалл. Не знаю даже, как это могло получиться. Я пыталась связаться с ней, но до сих пор так и не смогла до нее дозвониться. Если вы сможете сделать это раньше, чем я, моя к вам просьба, спросить ее про эту книгу. Надеюсь, она захватила ее с собой по чистой случайности. И все же...

– Я обязательно спрошу у нее, – сказала я с недобрым предчувствием.

– Если это хоть немного поможет, я помню информацию касательно переделки окна. К сожалению, другой библиотекарь получил копию генеалогического древа Крэндаллов, так что я абсолютно бесполезна в качестве источника информации о ней.

– Ничего страшного. Я посмотрю ее, когда она попадет ко мне в руки. Но что вы узнали про окно?

– Вы была правы, Мелани. Джон Нолан, тот, кто изготовил и установил окно, в тысяча девятисотом году продал свое дело какому-то ирландцу по имени Патрик – фамилии не помню, память уже не та, – и его семья владела фирмой до пятидесятых годов, когда спрос на художественное стекло упал и его бизнес пришел в упадок.

Я попыталась сдерживать нетерпение.

– Все это очень интересно, Ивонна, но...

– Я знаю. Извините. Иногда я увлекаюсь подробностями. Как бы то ни было, я нашла две книги заказов новой фирмы. Первая относится к двадцатым годам, вторая – к сороковым.

– И? – Моя подошва начала выбивать по полу яростную барабанную дробь.

– Вы ни за что не поверите, кто разместил заказ на переделку окна.

– Говорите, – процедила я сквозь зубы.

– На бланке заказа значится имя Сара Маниго Приоло.

Я на мгновение оторопела. Я была уверена, что она назовет имя «Роза», но когда она сказала «Сара», я не знала, что на это сказать.

– Сара? Вы уверены?

– Абсолютно. Моей памяти могут позавидовать те, кто вдвое моложе меня.

– Знаю. Я не хотела вас оскорбить. Просто я... удивлена. Сара была моей бабушкой, я хорошо знала ее. И все же она не рассказала мне про окно.

Ивонна пору секунд молчала.

– А может, и рассказала. Вы говорили, что она обожала головоломки. Просто вы тогда ее не поняли.

Я подумала о том, сколько раз мы с бабушкой сидели в гостиной, как в это окно лился солнечный свет, и сколько раз по другую его сторону, в саду. Но в ту пору я была ребенком, и все, что она могла мне тогда сказать, было давно забыто. Возможно, она нарочно сажала меня рядом с окном, чтобы я лучше его запомнила.

– Может быть, – неуверенно произнесла я.

– На бланке заказа был эскиз. Я сняла с него копию. Хотя вы уже и так заметили все отличия с первоначальным заказом.

– И эта копия в папке, которую вы дали Ребекке.

– Да. И я очень надеюсь, что не совершила ошибку.

– Нет, Ивонна. Ваша помощь очень мне помогла. Тем не менее еще один вопрос. Вы помните, когда окно поменяли?

– Разумеется. – В голосе вновь прозвучали оскорбленные нотки, как будто я усомнилась в ее умственных способностях. Я поставила мысленную галочку быть в будущем осторожнее с моими вопросами. –

Обычно даты я помню хуже, чем имена, но я точно помню этот год. Потому что в тот год я вышла замуж... в тысяча девятьсот сорок седьмом.

Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить даты на недавно виденном мной семейном древе, и ментально широко открыла снова.

– В тот год умерла Роза.

– Опять охотитесь на единорогов, Мелани? – Я услышала в голосе Ивонны улыбку.

– Думаю, она могла в чем-то признаться на смертном одре или сделать что-то в этом роде, и моя бабушка, таким образом, сохранила это признание для будущих поколений. Она действительно обожала головоломки.

– Отлично, Мелани. Джек сказал то же самое.

– Вы видели Джека?

– Нет. Он позвонил мне сегодня утром. Попросил меня проверить, нет ли каких-либо данных... свидетельства о рождении или смерти, брачного свидетельства, чего угодно, о некой Мередит Приоло.

Раньше я бы разозлилась, что Джек с его смекалкой опередил меня на один шаг. Теперь же, узнав, что Джек не забыл обо мне и о моих поисках, я испытала нечто вроде облегчения. Впрочем, я тотчас нахмурилась, подумав о том, что, возможно, он сделал это вовсе не ради меня. Я с силой сжала телефонную трубку.

– Он меня опередил. Это то, о чем я хотела вас просить. Скажите, вы уже выполнили его просьбу?

– Провела лишь предварительный поиск. И абсолютно ничего не нашла. Не подскажите, кем она может быть?

– Понятия не имею. Что-то подсказывает мне, что она современница Розы. Может, дальняя родственница?

– По крайней мере, это уже сужает временные рамки. Как только я что-нибудь узнаю, я позвоню вам на мобильный. – Она немного помолчала. – И постарайтесь вспомнить, что вам могла говорить ваша бабушка. Нечто такое, что тогда могло показаться вам бессмыслицей. Кстати, я была знакома с вашей бабушкой. Не слишком близко, но думаю, я знала о ней больше, чем кто-либо другой. Ее острый ум и еще куда более острое чувство юмора не были ни для кого секретом. Все также знали, что она больше всего на свете обожала тайны, загадки и разного рода розыгрыши. А еще многие женщины в городе

ненавидели ее за то, что она всю свою жизнь оставалась тощей, как щепка, хотя ела, как вьючный мул.

Я улыбнулась, вспомнив, как мы с бабушкой вели борьбу за самый большой кусок шоколадного торта.

– Непременно, Ивонна. И спасибо вам.

Не успела я дать отбой, как в фойе раздался стук высоких каблуков.

– Я здесь! – крикнула я, ожидая увидеть Ребекку и искренне этому радуясь. Увы, в комнату вошла моя мать. Я громко ахнула от неожиданности.

– С тобой все в порядке, Мелли? Ты как будто только что увидела призрака, – сказала она. В ее глазах плясали озорные огоньки, хотя сам вопрос был задан вполне серьезно.

Я встала и положила в карман телефон.

– Как смешно, мама. Но нет, я ничего не видела. Думаю, причина в огромном количестве народа, работающего здесь днем. Отчего они боятся даже высунуть нос? Ты искала меня?

– Вообще-то да. – Она наклонилась вперед и, прежде чем я успела отпрянуть, выхватила из моих волос кусок древесной стружки и подняла его вверх. – Не думаю, что тебе идет серый цвет.

Я невольно улыбнулась, пораженная тем, сколь естественно я восприняла то, что моя мать подшучивает надо мной, как и полагается матерям. По крайней мере, другие матери это точно делали. Но затем слегка смутилась и попятилась назад, на ходу выгребая пальцами мусор из волос.

– Так что ты хотела? – осторожно спросила я как можно более ровным тоном. Открытая враждебность между нами давно прошла, пусть лишь по той причине, что в противном случае жизнь под одной крышей была бы просто невыносимой. Возможно, отчасти это также объяснялось тем, что моя мать согласилась взять в руки дневник, зная, какой эффект это окажет на нее. Как бы я ни хотела это забыть, я не могла.

Мать нахмурила брови, и между ними тотчас пролегли морщинки.

– Какое-то время назад здесь была Ребекка.

Я мгновенно насторожилась.

– Она оставила для меня папку?

– Нет, – покачала головой моя мать. – Но мне кажется, что она что-то взяла.

– Что? В данный момент в этом доме, за исключением нескольких предметов мебели, нет ничего ценного. – Я вспомнила сапфировое кольцо и серьги, но после инцидента в кухне я хранила их в сейфе в моем банке. Мне казалось, что в моих собственных интересах держать их как можно дальше от дома.

– Дневник. Сначала я даже не поняла, что он исчез. Спустившись вниз, я почувствовала сквозняк. Дверь в кухню стояла открытой, Генерал Ли был на улице. Я вышла, чтобы взять его и вернуть в дом, и увидела, как Ребекка садится в машину. Я окликнула ее, но она либо не услышала меня, либо сделала вид. Как бы то ни было, она села в машину и уехала.

Лишь вернувшись в кухню, я вспомнила, что ты оставила на кухонном столе дневник. Но его там не оказалось. Я проверила все шкафы, все поверхности, куда его можно было бы положить. Но, увы. Его не было нигде.

Злость и тревога сплелись во мне, нарастая в груди, подобно лавине. Мне казалось, я вот-вот задохнусь. Я не знала, чему больше расстраиваться. Тому, что Ребекка украла дневник, или тому, что она оставила Генерала Ли мерзнуть на улице.

– Ты уверена, что это была Ребекка?

Мать пристально посмотрела на меня.

– Светлые волосы, розовое пальто, уверенная походка?

– Верно. – Я открыла телефон и, в очередной раз нажав кнопку повторного набора, позвонила Ребекке на мобильный. Как и в прошлый раз, мне ответил автоответчик. Я закрыла телефон.

Подумав пару секунд, я позвонила Джеку на сотовый телефон и на домашний. Увы, с тем же нулевым результатом.

– Ты знаешь, что у нее на уме? – спросила меня мать.

– Ни малейшего понятия, – ответила я и по стене скользнула вниз, прямо в грудку опилок. Впрочем, мне было все равно. Я устала задавать вопросы и не получать на них ответов, и единственный человек, кто мог бы помочь мне это сделать, не отвечал на мои звонки.

К моему удивлению, мать тоже опустилась на пол, хотя и более элегантно. Более того, она умудрилась пройти через комнату, не задев

ни одной груды опилок, которые подстерегали ее на каждом шагу, словно противопехотные мины.

– И что ты намерена делать?

– Наверно, ничего. – Я пожала плечами. – Даже не знаю, в каком направлении я должна сделать следующий шаг.

– Ты хочешь сказать, что ты сдаешься? Просто так опускаешь руки? Но это совершенно не в духе той Мелани Миддлтон, которую я знаю.

Я одарила ее колючим взглядом.

– О, ты наверняка слышала обо мне многое у себя в Нью-Йорке или где ты еще бывала!

Ее улыбка даже не дрогнула.

– Представь себе, что да. Где бы я ни была, я всегда просила присылать мне чарльстонскую газету. У меня есть блокнот, в котором отмечена каждая проведенная тобой продажа, каждая статья об очередном твоём успехе, каждая реклама, в том числе с довольно сомнительным выбором причёски. Это все, что у меня есть. Можно сказать, книга материнской гордости.

Не зная, что ей ответить, я посмотрела на мои запыхавшиеся руки.

– Так что та Мелани Миддлтон, которую я знаю, – тихо продолжила мать, – натура упрямая и просто так не сдается. Мой тебе совет: воспринимай ситуацию как объявление, на которое поступил не один десяток откликов, и если недвижимость уйдет твоему клиенту, тебе причитается приличная комиссия.

Как ни странно, я улыбнулась.

– Это точно. При таком сценарии я точно знаю, что мне делать. Это все равно что разведывать новую территорию. У нас есть портреты двух девушек с одинаковыми медальонами, инициалы на которых для нас пока загадка. Далее – призрак, который почему-то ненавидит меня и хочет сделать мне больно. Далее – мертвый солдат, который почему-то решил приударить за мной. Потайная комната с пустым сундуком. Окно, в которое моя бабушка Сара поместила ключ к некой загадке, вот только какой? Мертвое тело на затонувшем судне, которое когда-то принадлежало нашей семье. У меня же нет ни единой мысли по поводу того, как все это может быть связано между собой

или как что-то из этого способно помочь мне изгнать злого духа, который обитал в этом доме еще со времен моего детства.

Моя мать пристально посмотрела на меня:

– Что ты сказала про бабушку и окно?

– Ах, да. Мне позвонила Ивонна, библиотекарь Исторического общества. Она нашла бланк заказа от тысяча девятьсот сорок седьмого года – это тот год, когда умерла бабушка Роза, – и на нем стоит имя Сары Приоло. Так что именно бабушка поменяла окно, добавив к рисунку декоративную рамку, голову ангела и фигуры людей. Джек раскопал кое-какие факты, которые говорят о том, что наши предки были мародерами, грабившими выброшенные на берег корабли. И хотя, возможно, это ничего не доказывает, на окне тоже изображен берег и океан.

Лицо моей матери медленно осветила улыбка.

– Верно, Мелли. У твоей бабушки Сары действительно имелся ключ.

Я растерянно посмотрела на мать. О чем она?

– На ее могильном камне. Помнишь? – Она закрыла глаза и медленно продекламировала хорошо знакомые мне строки:

Крошится кирпич – рушится камин;
Плачет дитя – мать зовет его.
Своей ложью мы множим грехи,
И волны прячут нашу вину.

Я выпрямилась.

– Ребекка догадалась, что крошащиеся кирпичи должны быть связаны с чарльстонским землетрясением тысяча восемьсот восемьдесят шестого года. А поскольку «Роза» исчезла в том же самом году, она подумала, что в последней строчке речь идет о судне. Но только я заметила, что строчки на надгробии совпадают с рисунком на окне в твоём доме. Что возвращает меня к самому началу. Ивонна – она уже давно помогает мне в моих исследованиях – приготовила для меня папку, в которую положила копию бланка заказа, сделанного моей бабушкой, а также генеалогическое древо семьи Крэндалл.

– Семьи Крэндалл?

– Да. В их доме в Ульмере висит портрет девушки примерно того же времени, с точно таким же медальоном, что и у девушек на нашем портрете. Мы с Джеком пытались установить личность девушки на этом портрете в надежде на то, что это прольет свет и на наших двух.

– А бланк заказа? Чем он может тебе помочь?

– Пока не знаю. Просто я надеялась, что если узнаю, какие изменения бабушка внесла в окно, это поможет мне догадаться, что она пыталась нам сказать.

Мать наклонилась ко мне ближе.

– Но мы уже читали, что она хотела нам сказать. На могильном камне. – Ее глаза вспыхнули, отчего она стала еще больше похожа на мою бабушку. Впрочем, чему удивляться? Ведь они обе – Приоло.

– Ты забываешь еще один фрагмент загадки – автора дневника. Мне кажется, что ее имя и есть ответ на вопрос, который мы пока не догадались задать.

Мать встала и, стараясь не задевать куч опилок, принялась ходить по комнате.

– Предположим, что Ребекка права, и в первой строчке речь идет о землетрясении. Предположим, что она также права относительно последней строки. – Мать подняла вверх затянутый в перчатку палец. – Итак, мы имеем неопознанное тело, а на нем медальон с буквой «М». – Она подняла палец на другой руке. – И у нас есть имя той, о ком нам ничего не известно. Мередит Приоло. Ты не просила свою Ивонну найти список жертв землетрясения?

Я смутно помнила, что где-то когда-то что-то читала о землетрясении, потрясшем наш город почти за сто лет до моего рождения. И даже с гордостью показывала потенциальным покупателям специальные штыри, вставленные в стены большинства исторических зданий города. Но только сейчас я впервые задумалась о возможных его жертвах.

– А они были? – осторожно спросила я.

Мать прекратила расхаживать по комнате, пристально посмотрела на меня и сокрушенно вздохнула.

– Было разрушено около двух тысяч зданий общей стоимостью около шести миллионов долларов в тогдашних ценах. Примерно сто человек погибло. Точные цифры неизвестны, потому что документы

были уничтожены, да и велся учет не так строго, как в наши дни. Некоторые из тел не были найдены.

– Верно. Я помню.

Мать одарила меня хмурым взглядом.

– В любом случае этот вопрос никто не изучал. И мы могли бы с этого начать. Одни. Без Ребекки. И даже без Джека.

Прочтя в моих глазах упрек, она взмахнула рукой.

– Я не слепа, Мелли. Я знаю: он давно не дает о себе знать, но я не собираюсь ни в кого указывать пальцем или кого-то обвинять. По крайней мере, пока. В чем я уверена, так это в том, что тебе пора прекратить жалеть себя и двигаться дальше. Да и вообще, нытики никому не интересны.

Она принялась что-то искать в сумочке. Я же со злостью стряхнула налипшие на ресницы опилки.

– И как только тебе хватает... – начала я.

– Ты слишком красивая, талантливая и успешная, чтобы на что-то жаловаться. Пора посмотреть правде в глаза: несмотря на то, что мы с твоим отцом сделали с нашей семьей, ты сама, без нас, добилась в жизни немалых успехов. – Она направилась к выходу. – Пойдем. Нас ждут дела.

– Но... – Я тщетно попыталась придумать для нее хорошую отповедь, но она сумела сказать обо мне что-то хорошее, и резких слов у меня не нашлось. Схватив с перил пальто, я затрусилась за ней следом. – Куда мы?

– Искать Ребекку. Ты знаешь, где она?

– В Ульмере.

– Ты знаешь, как туда добраться? – Мать застыла на месте. Причем так резко, что я налетела на нее.

– Я была там один раз. С Джеком. Но я помню дорогу. Это займет часа два.

Мать посмотрела на часы:

– Ну что ж, тогда едем. Попробую доставить нас туда всего за час.

Я хотела сказать ей «нет», чтобы она знала: раны еще не залечены, что я тосковала по ней каждый божий день в течение тридцати трех лет, пока ее не было рядом со мной. Но она сказала «нас», и я поймала себя на том, что верю, что можно попробовать начать все сначала.

Сев на пассажирское сиденье ее новенького седана, я откинулась на обтянутую кожей спинку и вновь подумала о том, как резко изменилась моя жизнь за относительно короткий отрезок времени – с того момента, когда на меня внезапно свалилось наследство – исторический дом на Трэдд-стрит.

Глава 22

Бо́льшую часть пути мы ехали молча. Я – потому, что знала: стоит мне что-то сказать, как я тотчас нарушу наше хрупкое перемирие. Подозреваю, что мать молчала по той же причине. Сначала она попробовала расспрашивать меня про мое детство, про уроки балета и лучших подруг, но мои односложные ответы, похоже, подсказали ей, что она покушается на запретную территорию. Чтобы замаскировать гнетущее молчание, я нашла радиостанцию, которая крутила группу «АВВА». Впрочем, мать почти мгновенно переключила ее на другую – ту, что транслировала классическую музыку. Я не стала с ней спорить.

Я по мобильнику позвонила Ивонне, попросила ее найти для меня список жертв землетрясения. Она пообещала сделать это в самое короткое время, добавив, что, если что-то найдет – или, наоборот, не найдет, – тотчас позвонит мне. Поговорив с ней, я вернулась к своему основному занятию – по памяти продолжила прокладывать для нас маршрут до Ульмера. Надо сказать, что я ошиблась всего с одним поворотом.

Я также позвонила Макгоуэнам, но нарвалась на автоответчик. Что делать? Пришлось оставить сообщение, объяснив, кто я такая и что я еду к ним. Убаюканная шуршанием шин по асфальту, я почувствовала, как у меня слипаются глаза. Но очень скоро голос матери вывел меня из дрёмы.

– Надеюсь, ты в курсе, что многие оперы написаны по-немецки?

Я вопросительно посмотрела на нее, не понимая, к чему она клонит.

– Я верю тебе.

Она поморщилась и, глядя на дорогу, продолжила:

– Думаю, это означает, что ты не поклонница оперы.

Я промолчала, не готовая признаться ей, что в детстве, когда отец не видел, я переключала каналы телевизора, в надежде увидеть, как она поет на той или другой сцене по всему миру, и что за все годы переключения каналов я видела ее только дважды, хотя никогда не теряла надежды.

– Я давно жду, когда ты спросишь у меня, что означает фраза «Gefangener des Herzens».

Окончательно проснувшись, я села прямо. У меня совершенно вылетело из головы, что я сказала ей о ней.

– Я давно собиралась это сделать, но вечно возникают какие-то срочные дела, и постепенно это сдвинулось куда-то в самый конец списка. Я подумала, что отец может это знать и что я спрошу у него, когда он снова придет обрезать бабушкины камелии.

Мать повернулась ко мне:

– Почему ты решила, что отец может это знать?

Я пожала плечами:

– Хотя он и не слишком надежен, но он был единственным, кто оставался рядом со мной, когда я росла, и у него всегда находились ответы на мои вопросы.

Я заметила, как уголок рта моей матери дернулся вверх.

– Возможно. Но я сомневаюсь, что он знает, что это значит.

– Так ты скажешь мне или нет? – спросила я, слегка обиженная, в том числе и за отца.

– Это означает «пленник сердца».

Я мысленно потеряла эти слова, словно прикоснулась пальцами к монете.

– Интересно. Ребекка считает, что он, по всей видимости, солдат-гессенец, который в конце Революции дезертировал из британской армии. Возможно, в Америке он остался против своей воли, но я не знаю, что означает вторая часть фразы.

– Ты могла бы спросить его сама.

Я ответила не сразу. Моя мать не раз вызывала духов, я же их избегала. И никогда не стремилась привлечь внимание к моим экстрасенсорным способностям. Более того, я надеялась, что настанет день, когда они, оскорбленные моими невниманием, оставят меня в покое. Хотя мне случалось задавать Вильгельму вопросы, он неизменно уклонялся от ответов на них, возможно, потому, что инициатива контакта исходила не от меня.

– Он всегда находит меня первым.

– Мелли, пойми, времени у нас в обрез. Я чувствую ее в доме повсюду, а не только в задних комнатах. Мы просто обязаны выяснить о ней как можно больше. Но должна предупредить тебя заранее,

прежде чем ты вызовешь Вильгельма. Называя его по имени, ты делаешь его сильней.

Несколько мгновений я разглядывала ее профиль – гладкую линию подбородка, длинную шею, упругую, несмотря на возраст, кожу, – затем отвела глаза. Мне хотелось спросить у нее, что ей известно из ее опыта о Вильгельме и что еще она знала, но не хотела мне говорить. Но момент был упущен, желание же сохранить хрупкое перемирие с ней было слишком сильным. В общем, я не стала задавать вопросы, а вместо этого вновь погрузилась в дрёму.

За окном машины стремительно пролетали мили, и вскоре я ощутила нарастающее беспокойство. Моя кожа пошла мурашками, как будто мне в затылок подул ледяной ветер. Я поерзала на сиденье. Мать на секунду покосилась на меня, затем вновь сосредоточила взгляд на дороге. Но когда мы свернули на длинную подъездную дорогу, что вела к Мимоза-Холлу, она повернулась ко мне:

– Ты тоже это чувствуешь?

Я кивнула. У меня как будто камень свалился с души: в кои-то веки мне не нужно ей ничего объяснять и ничего от нее прятать.

– Моя кожа буквально горит, – призналась я.

– Моя тоже.

Я удивленно посмотрела на нее.

– По тебе не скажешь.

Она осторожно объехала край огромной выбоины.

– Это потому, что я живу с этим дольше, чем ты. Моя мать научила меня это прятать.

Ее взгляд был по-прежнему устремлен вперед. Мы покатали к дому, и все это время казалось, будто у меня под кожей ползают полчища муравьев. Остановив машину в том же месте, что и Джек во время нашего первого приезда сюда, мать выключила зажигание. Машины Ребекки нигде не было видно.

– Она здесь, – сказала моя мать, – и она ждет нас.

Я поняла: она имеет в виду вовсе не Ребекку. И тотчас вздрогнула, вспомнив мой предыдущий приезд сюда. Увы, на этот раз не будет никакого алкоголя и никакого Джека в роли спасительного буфера. Мать удивила меня тем, что взяла за руку.

– Вместе мы сильнее, чем она. Помни это.

Я пристально посмотрела на нее:

– Тогда почему ты не осталась? Раньше, когда я была маленькой? Ты постоянно твердишь мне, что ушла не из-за меня. Скажи, ты ушла из-за нее? Потому что не могла ее одолеть, а я была не в состоянии тебе помочь?

Она сжала мою руку:

– Я должна многое тебе рассказать, Мелли, и я расскажу... скоро. Просто мне кажется, что ты еще не готова это выслушать.

Я убрала руку:

– Мама, мне почти сорок. Сколько мне должно быть лет, чтобы ты наконец решилась сказать мне правду?

Ее глаза потемнели.

– Дело не в правде, ее я не боюсь тебе доверить, а в твоём страхе. Ты не можешь бояться того, чего не знаешь.

Несмотря на теплое пальто, по мне пробежала дрожь.

– А теперь ты пугаешь меня. Я даже не уверена, хочу ли я участвовать в этом.

– Ты должна, Мелли. Я здесь, и мы вместе примем вызов. Иначе мы никогда не будем свободны.

Я вновь обратила внимание, какая она бледная и как туго натянута кожа на костях ее черепа. Внезапно я поняла: она выглядит так с того момента, как взяла в руки дневник. Мать взялась за ручку автомобильной двери, чтобы ее открыть. Я положила руку ей на плечо:

– Меня беспокоит еще одна вещь.

Она посмотрела на меня, и я заметила черные круги у нее под глазами.

– Я не оставляла дневник в кухне. Прежде чем лечь спать, я читала его у себя в комнате и положила его в ящик прикроватной тумбочки. Возможно, я потом вынула его, но я так не думаю.

Мать нахмурила брови:

– Почему ты считаешь, что его кто-то вынул?

– Ребекка сказала мне, что ты ни в коем случае не должна брать его в руки. Мол, у нее имеется нехорошее предчувствие, что это может быть опасно для тебя. Я не уверена, что поверила ей. Я не представляла, как ты по собственной воле захочешь прикоснуться к нему снова. Но все равно на всякий случай от тебя спрятала. Так что я никогда бы не принесла его в кухню.

Мать кивнула.

– Злонамеренному призраку дневник нужен для того, чтобы дотянуться до меня и сделать мне больно. Она видела, как автор дневника общалась со мной с его помощью, и увидела для себя возможность. Этот дневник... он что-то вроде портала. Способ общаться с такими, как мы с тобой. Главное, точно знать, что по ту его сторону тебя не подстерегает злой дух. – Она посмотрела на дом. – Пойдем. Посмотрим, есть ли там кто-нибудь.

Я вышла вслед за ней из машины и поднялась по ступенькам на веранду. Не получив ответа, когда я звонила сюда раньше, я не ожидала никого здесь застать. Поэтому была крайне удивлена, услышав по ту сторону двери шаги. А когда та открылась, увидела перед собой пухлую женщину лет семидесяти, седую, с большими голубыми глазами. Тепло поздоровавшись с нами, она представилась: миссис Макгоуэн.

– А вы, должно быть, Мелани и ее мать, – сказала она. – Я получила ваше сообщение о том, что вы едете сюда. Входите, входите. У нас сегодня весь день гости.

– Простите? – не поняла я.

– Здесь была репортер из чарльстонской газеты. Уехала около часа назад. Должно быть, мы с ней были на чердаке, когда вы позвонили и оставили сообщение.

Мы с матерью переглянулись.

– Ее случайно звали не Ребекка Эджертон? – спросила я.

– Такая энергичная блондинка? – уточнила моя мать.

– Да-да, она. Такая милая. Она ваша знакомая?

– В некотором роде. То есть да. Мы вместе работаем над одним проектом. Как вы уже поняли, я Мелани Миддлтон, а это моя мать Джинетт. Я уже была здесь раньше... с Джеком Тренхольмом. Тогда ваш муж показал нам портрет девушки с медальоном, и с тех пор мы пытались определить, кто она такая. Джек говорил, вы нашли на чердаке какую-то информацию, которая может быть нам полезна.

Миссис Макгоуэн приложила руку к груди и похлопала ресницами.

– Ох уж этот Джек! Какой галантный молодой человек. Мы несколько раз говорили с ним по телефону, но я пока не имела счастья познакомиться с ним лично. Он обещал как-нибудь заехать и отведать моего черничного крющона.

– Да, он это упоминал, – сказала я, переступая вслед за матерью порог дома. Стоило нам шагнуть в фойе, как она схватила мою руку. Я знала: как и я, она тоже почувствовала затылком чье-то ледяное дыхание.

Закрывая за нами дверь, миссис Макгоуэн поежилась.

– Входите, я разожгла в гостиной камин. Кстати, у меня там до сих пор лежат бумаги, которые я показывала Ребекке. Так что нам не придется еще раз подниматься на чердак.

Держась друг за дружку, мы прошли следом за ней в гостиную. Там сняли пальто и сели на диван, на который нам указала миссис Макгоуэн.

– Я только что поставила чайник. Поэтому я оставлю вас на минутку одних, а сама пойду, приготовлю нам чаю.

– Нет-нет, оставайтесь с нами, если хотите, – произнесла моя мать.

Миссис Макгоуэн махнула рукой.

– Я люблю принимать гостей. К тому же я только что достала банку шотландского песочного печенья и с удовольствием поделюсь с вами. – Она похлопала себя по внушительной талии. – Нам с Джорджем никак нельзя съесть это лакомство целиком. – Миссис Макгоуэн рассмеялась и вышла из комнаты и, уже направляясь в кухню, крикнула: – Не стесняйтесь! Если хотите, можете тут поводить носом. Портрет, о котором вы говорили, висит в столовой, это рядом с прихожей.

Мать встала и протянула мне руку. Я же не торопилась вставать.

– Спасибо. Я уже видела его и не горю желанием еще раз пережить то ощущение.

Мать присела передо мной на корточки.

– Мелани, она никуда не уйдет, сколько бы ты ни притворялась, что ее там нет. Стоит ей ощутить твой страх, как тебе самой будет только хуже. – Мать встала и снова протянула мне руку. Отнюдь не убежденная в том, что поступаю правильно, я позволила ей поднять меня с дивана.

Я повела ее за собой к знакомому месту в гостиной, где я в последний раз видела портрет. Войдя, я уставилась на девушку со знакомыми чертами, сосредоточив на сей раз внимание на медальоне в виде сердца с выгравированной посередине буквой «А». Было ясно как

божий день, что она приходится родственницей девушкам на втором портрете, но это лишь еще больше сбивало с толку. Она не могла быть Приоло, хотя внешнее сходство было невозможно отрицать. То обстоятельство, что второй портрет был найден на чердаке в доме моей матери, лишь укрепляло мою убежденность в том, что все три – родственницы. Не говоря уже о том, что я сама была похожа на них. Я очень надеялась, что миссис Макгоуэн прольет свет в темные уголки прошлого нашей семьи и что Ребекка вновь не сбежала, прихватив с собой какое-нибудь особо ценное свидетельство.

Джинетт. Услышав хорошо знакомый мне голос, я вздрогнула. Увы, радость, оттого что она произнесла не мое имя, быстро улетучилась, стоило мне понять, что она обращается к моей матери.

Мать потянулась к моей руке, как если бы это был самый естественный жест во всем мире. Ее глаза были широко открыты, но я не увидела в них страха. Скорее решимость. Ее дыхание было отрывистым и поверхностным, и я с тревогой посмотрела на нее:

– С тобой все в порядке?

Мать кивнула.

– Она пытается проникнуть в мое сознание, но я не дам ей это сделать. Главное, не отпускай мою руку. – Она крепко зажмурилась и потрянула головой, как будто ответила на некий вопрос, который я не могла слышать.

В следующий миг на нас обрушился порыв ледяного ветра и, словно стальной нож, попытался разрезать воздух между нами, стремясь разъединить наши руки. Мне показалось, будто я услышала голос, и он велел мне отпустить руки, но было ли это на самом деле, не знаю. В ноздри мне ударил мерзкий запах морской гнили. К горлу тотчас подкатил комок тошноты. От ужаса я едва ворочала языком.

– Я не знаю, как это делается. Я не знаю, что мне делать.

Голос матери был тверд и спокоен:

– Главное, будь сильной. Не слушай ее. Говори себе, что ты сильнее, чем она. Что мы сильнее, чем она... но только если мы будем работать вместе. Ты больше не одна, Мелли. С тобой я.

Наши взгляды встретились, и я поняла: она имеет в виду не только злокозненных духов. Чувствуя, как холод по-прежнему пытается разъединить нас, я отвернулась.

Мать один за другим убрала с моей руки пальцы, как будто их оторвала чья-то невидимая рука. И я впервые заметила в ее глазах слезы.

– Я сильнее, чем ты! – громко произнесла я, схватив материнскую руку моими обеими. Увы, моя хватка была слабой, пальцы были как будто без костей. Ее рука начала выскользывать.

– Мы сильнее, чем ты! – крикнула я, что есть сил сжимая ее руку.

– Мы сильнее, чем ты! – крикнули мы вместе и тотчас замерли, почувствовав, как холод исчезает. Лишь слабый морской запах говорил о том, что невидимая гостья все-таки была здесь.

– Чай готов!

Мы обе как по команде обернулись. В дверях с чайным подносом в руках стояла миссис Макгоуэн. Мы посмотрели на чашки, ложки и песочное печенье.

– Давайте я вам помогу, – сказала я, беря у нее поднос. Скажу честно: при виде печенья у меня тотчас потекли слюнки. Мои руки все еще слегка подрагивали от пережитого ужаса. Я крепко вцепилась в поднос, чтобы чашки не дребезжали, стучаясь друг о друга.

Мы сели и подождали, пока миссис Макгоуэн добавит в чай лимон и сахар. Мы с матерью взяли по четыре печенья. Глядя на нас, хозяйка удивленно выгнула бровь:

– Если надо, я принесу из кухни еще, – сказала она.

– Нет-нет, спасибо, – заверила ее я, запивая последнюю крошку глотком чая. – Просто мы пропустили ланч. – *Или же борьба с призраком отняла у нас слишком много калорий*, подумала я с улыбкой. – И еще раз простите нас за то, что мы нагрянули к вам почти без предупреждения. Дело в том, что мы надеялись приехать одновременно с мисс Эджертон, чтобы лишний раз не обременять вас.

– Ничего страшного, моя дорогая. Я всегда готова помочь людям, которые, как и я, любят историю. Да и вообще, учитывая, как далеко мы живем от наезженных дорог, я всегда рада гостям.

Моя мать подалась вперед:

– Мелани говорила, что вы изучали старые бумаги семьи Крэндалл, которым дом принадлежал до того, как его в тридцатые годы приобрела семья вашего мужа. Мы очень надеялись, что вы узнали, кто эта девушка, изображенная на портрете.

– Да, я узнала, и именно это мы обсуждали с мисс Эджертон.

Мое сердце забилося быстрее.

– Вот здорово! А можно взглянуть, что именно вы нашли?

– Разумеется. Кажется, я сказала Джеку по телефону, что смутно помню, что в конце девятнадцатого века произошла какая-то трагедия. Но не помню, какая именно. То, что я знаю, мне известно из переписки семьи Крэндалл в Коннектикуте и той ее ветвью, что переселилась сюда к нам в Южную Каролину. – Она встала и начала перебирать стопку пожелтевших конвертов на журнальном столике. – Я прочла их все, так что неплохо знаю их содержание. Это все равно, что спустя столетие подслушивать чужие разговоры. – Миссис Макгоуэн с улыбкой посмотрела на нас.

Я украдкой покосилась на мать. Та сидела, плотно сжав губы. Интересно, подумала я, на моем лице точно такая же маска нетерпения? Мой взгляд скользнул вниз, на ее скрещенные ноги: как и я, она подергивала ногой. Я заставила свою ногу успокоиться.

– Это должно быть так интересно! – сказала я. – Так что вы нашли?

Наконец миссис Макгоуэн вытащила конверт и осторожно извлекла из него пожелтевшее от времени письмо.

– Это письмо Уильяма Крэндалла из Мимоза-Холла некоей миссис Сюзанн Крэндалл из Дарьена, штат Коннектикут. Как я понимаю, это невестка упомянутого в письме Джозайи, и тетя девушки на портрете. Как я поняла из других писем, Уильям – кузен мужа Сюзанн. Боюсь, письмо довольно печальное. – Вынув из кармана очки для чтения, она водрузила их на нос. – Не хотелось бы его лишней раз разворачивать, по крайней мере, пока я не поместила его в специальный архивный альбом. Но я прочту его специально для вас.

Мы с матерью кивнули. Миссис Макгоуэн прочистила горло и начала читать.

«29 сентября 1870 года.

Дражайшая Сюзанна,

С великой скорбью вынужден сообщить тебе известие, которое тяжелым камнем лежит на моем сердце. Корабль, на котором плыли Джозайя и твоя сестра Мери, а также их дочь Нора, потерпел крушение. Мы надеялись, что их опоздание

объясняется иными причинами, но прошла уже неделя, и мы сделали запрос о местонахождении судна. Последний контакт с капитаном имел место, когда судно, перед тем как плыть дальше на юг, бросило якорь в порту Уилмингтона, Северная Каролина. Ввиду того что ожидался сильный шторм, капитану было рекомендовано повременить с отплытием, однако он был уверен, что сумеет опередить бурю. Увы, похоже, его самонадеянность не оправдалась, ибо с тех пор никто не видел ни судно, ни его капитана, ни команду, ни двух десятков пассажиров. Единственным свидетельством постигшей их ужасной судьбы была находка резной фигуры с носа корабля на острове Эдисто.

Мое сердце разрывается при мысли о гибели твоей сестры, ее супруга и их малышки Норы, нашедших последнее успокоение в морской пучине. Я взял на себя смелость заказать по ним заупокойную службу и даже поставил на местном кладбище мемориальный камень.

Какое счастье, что юная Алиса захворала и, будучи не в состоянии отправиться в плавание вместе с ними, осталась на твоём попечении. Провидение уберегло ее от печальной участи, постигшей ее родителей и сестру-близнеца, за что мы должны быть ему благодарны, даже если наши сердца преисполнены скорби.

Твой кузен,

Уильям Крэндалл».

Миссис Макгоуэн сложила письмо и вернула его в конверт.

— Я, как генеалог-самоучка, попыталась составить на основе этих писем генеалогическое древо Крэндаллов. Ничего серьезного, но кое-что привлекло мой интерес. — Она принялась перебирать бумаги в большой канцелярской папке.

Мы с матерью переглянулись.

– И кто эта девушка на портрете? – спросила я.

Миссис Макгоуэн на миг растерянно обернулась:

– Ах, да! Это Алиса Крэндалл, дочь Джозайи и Мери и близняшка Норы, погибшей в кораблекрушении вместе с родителями. Она осталась в Коннектикуте и до тринадцати лет воспитывалась в доме тети Сюзанны. Затем их семья перебралась сюда, в Южную Каролину. Алиса прожила в этом доме до самой своей смерти. На ее счастье, она умерла в двадцатые годы и не стала свидетельницей того, как во время Великой депрессии их семья потеряла дом и все свое имущество. Эта незавидная участь выпала ее сыну Биллу.

Скажу честно: я очень надеялась, что хотя бы одно из имен в письме будет начинаться на «Р» или на «М», что будет в нем нечто такое, что заполнит хотя бы одну пустую клеточку мозаики, а не добавит еще одну. Я была даже готова предположить, что эти Крэндаллы и их печальная история не имеют к нам ровным счетом никакого отношения, а девушки и их идентичные медальоны – это просто совпадение.

Но тут мать повернулась ко мне и едва слышно сказала:

– Но ведь в таком случае дух той девушки не увязался бы сюда вслед за нами.

Я удивленно посмотрела на нее. Насколько мне помнится, я не произносила моих мыслей вслух. Но, возможно, матери и дочери умеют читать мысли друг друга. Просто у нас с ней не было времени проверить это на практике.

Я вновь повернулась к миссис Макгоуэн:

– Скажите, а можно взглянуть на составленное вами генеалогическое древо Крэндаллов?

Хозяйка дома наморщила лоб.

– Именно его я и искала. Странно. Оно лежало в этой папке. Я показывала его мисс Эджертон. Так что оно должно быть где-то здесь. – С этими словами она продолжила перебирать бумаги. – Наверно, она случайно захватила его с собой, когда собирала свои вещи.

И вновь мы с матерью переглянулись.

– Возможно. Когда я ее увижу, я спрошу у нее и перезвоню вам, – сказала я и встала. – Вы даже не представляете, как мы благодарны

вам. Спасибо, что уделили нам свое драгоценное время.

– А также за ваше печенье, – добавила мать, вставая с дивана. – Вы нам очень помогли.

Миссис Макгоуэн проводила нас до дверей.

– Мне тоже было приятно. Приезжайте в любое время, когда вам захочется обсудить семейную историю. Это действительно крайне интересно. И захватите с собой Джека. – Она улыбнулась и вручила нам наши пальто.

– Ой, и еще одна вещь, – вспомнила я. – Вы случайно не знаете название того судна, что затонуло со всем экипажем и пассажирами?

Миссис Макгоуэн покачала головой:

– Нет, его название ни разу не упоминается в письмах. Лишь то, что оно затонуло в тысяча восемьсот семидесятом году где-то у побережья между Северной и Южной Каролиной.

Я кивнула.

– Что ж, небольшая, но зацепка. Еще раз спасибо вам, – поблагодарила я и, спустившись с крыльца, вместе с матерью зашагала к машине.

Прежде чем открыть дверцы и сесть в нее, мы поверх крыши посмотрели друг на друга.

– Что ж, крошечный, но все же результат, есть, – сказала я. – Мы знаем, что девушку на портрете зовут Алиса Крэндалл, что у нее была сестра-близнец по имени Нора, которая в тысяча восемьсот семидесятом году вместе с родителями погибла во время кораблекрушения. И кем бы ни был призрак, что обитает в доме на Легар-стрит, он неким образом связан с этим домом и был не рад, что мы приехали сюда. – Мать подняла взгляд на огромное облако, медленно закрывавшее собой солнце. – Мы также знаем, что по какой-то причине Ребекка не хотела, чтобы мы увидели генеалогическое древо Крэндаллов.

Я раздраженно простонала:

– Нет, это полная бессмыслица! Я уже начинаю верить, что ничто из этого не связано между собой!

Мать открыла дверцу машины.

– Давай где-нибудь поужинаем и все хорошенько обсудим. По дороге сюда я видела в пяти милях отсюда симпатичный приморский ресторанчик.

Я посмотрела на мать. Мне невольно бросилось в глаза и сереющее небо за ее головой, и то, как в сумерках ее глаза сделались почти такими же темными, как и мои. Я вздохнула. Хотя между нами постепенно и выковывались узы взаимопонимания, в моей жизни навсегда останутся уголки, куда моей матери вряд ли захочется заглянуть; уголки, чью пустоту она бессильна заполнить. Впрочем, это уже не играло такой большей роли, как раньше.

– У меня аллергия на морепродукты. Когда мне было восемь лет, у меня однажды возникла такая острая реакция на креветки, что я с тех пор не беру их в рот.

Что было не совсем правдой. По рекомендации моего доктора уже во взрослом возрасте я попробовала их снова, без каких-либо последствий. Но маленькая девочка внутри меня хотела, чтобы мать знала, что ее не было рядом со мной в тот момент, когда я так остро нуждалась в ней.

Мать несколько секунд молча смотрела на меня.

– Я должна тебе что-то сказать, Мелли...

Она не договорила. Ее перебил рев приближающегося мотора. Мы обе повернули головы. Оставляя после себя, словно многоточия, комья грязи и камешки, по дороге катил черный «Порш» Джека. Подъехав, машина остановилась, и из нее выскочил Джек.

– Как я понимаю, Ребекка уже уехала, – сказал он, обращаясь к моей матери и демонстративно игнорируя меня. Он был в белой футболке, поверх которой была надета мятая клетчатая рубашка; на щеках – легкая щетина. Меня так и подмывало заметить, как неопрятно он выглядит, но почему-то мне также подумалось, что он прямо как с обложки мужского журнала.

Я повернулась к нему:

– Она уехала за час до того, как сюда приехали мы. С чего ты решил, что она здесь?

– Мне позвонила Ивонна. Она пыталась дозвониться до вас. Но, похоже, твой телефон не принимал звонки. Ивонна рассказала мне про окно, про твою бабушку, про то, как Ребекка унесла папку, которую она приготовила для тебя, а также что из архива пропало фамильное древо Крэндаллов. Я хотел найти Ребекку и выяснить у нее, так ли это.

– Мы тоже. Поэтому мы и приехали сюда. И угадай! Миссис Макгоуэн тоже не может найти их фамильное древо, которое она

составила! Оно пропало в промежуток времени между приездом сюда Ребекки и ее отъездом. Выводы делай сам.

Джек, прищурившись, посмотрел на меня.

– Думаю, этому существует лишь одно объяснение. Ребекка так увлеклась этой историей, что позволяет себе безответственные поступки.

– Например, такие, как кража дневника из моей кухни. Это не просто безответственный поступок, Джек. Это преступление. И она не отвечает на мои телефонные звонки.

Он потер подбородок, и когда посмотрел на меня снова, его взгляд был тверд и суров.

– Я разберусь с этим делом, – сказал он и посмотрел на дом. – Миссис Макгоуэн показала вам что-нибудь интересное?

– Помимо пропавшего фамильного древа? Вообще-то да. – И я быстро поведала ему про девушку на портрете и про погибшее в бурю судно.

Джек на пару секунд задумался.

– Ты говоришь, судно пропало в тысяча восемьсот семидесятом году, верно?

– Да. Немного поздно, чтобы к его крушению приложили руку мои предки-мародеры, если ты думаешь именно об этом.

Джек вопросительно поднял брови:

– Корабль разбился у берегов Южной Каролины. Резная фигура была найдена неподалеку от плантации твоей семьи на острове Джонс. Скажи, разве не странное совпадение?

Моя мать сочла своим долгом вмешаться:

– Думается, к тому времени финансовое и общественное положение нашей семьи было таково, что не требовало столь радикальных действий.

Джек пожал плечами:

– Я лишь хочу сказать, что корабль затонул у берегов острова Джонс. И если кто-то пытался хоть что-то спасти, было бы просто грешно этого не сделать, учитывая, что мать-природа уже потопила судно. После Гражданской войны многие ранее зажиточные семьи Чарльстона обеднели. Рынок сбыта хлопка сузился. Прибавьте к этому возросшие затраты на его выращивание ввиду запрета рабского труда, и станет понятно, что состояние семьи Приоло заметно скукожилось.

Было бы странно, если бы они не воспользовались привалившей им в руки удачей.

– Что ж, наверно, такое возможно, – нехотя согласилась я. Неприятно иметь отношение к кому-то, кто обогатился за счет убытков другого. – Но это никоим образом не приближает нас к разгадке тайны, мы не знаем, кто та девушка на затонувшем судне шестнадцать лет спустя.

– Может, эта самая Алиса? – предположил Джек.

Я покачала головой:

– Нет. Миссис Макгоуэн сказала, что Алиса вместе с тетей переехала из Коннектикута в Мимоза-Холл, когда ей было тринадцать лет, и прожила здесь всю свою жизнь, до самой своей смерти где-то в двадцатых годах. Но на ней точно такой же медальон, как и на девушках на портрете в доме моей матери. И если в доме номер тридцать три по Легар-стрит жила девушка по имени Мередит, я бы предположила, что на портрете она та из двух, на ком медальон с буквой «М».

Джек подошел к своей машине.

– Пока не забыл, – произнес он и, сунув руку в задний карман, вытащил оттуда что-то, но зажал это в кулаке и показывать не стал. – Неужели тебе не интересно, что тебе хотела сказать Ивонна?

– Конечно, интересно. – Я почти забыла, что привело Джека в Мимоза-Холл.

– Она нашла список жертв землетрясения тысяча восемьсот восемьдесят шестого года. – Он выдержал театральную паузу. – В нем есть имя Мередит Приоло. Пропала без вести, предположительно погибла. Последний известный адрес – Легар-стрит, дом номер тридцать три.

Моя мать шагнула вперед:

– Но почему эта Мередит нигде не значится на фамильном древе?

Чувствуя, как у меня начинает болеть голова, я потерла виски.

– Мы нашли в дневнике визитку с именем Мередит и ее адресом. Он тот же самый, что и в списке жертв. Легар-стрит, дом номер тридцать три. Если предположить, что дневник вела именно она, то с тем же успехом можно сказать, что она одна из двух девушек на портрете.

Джек кивнул, хотя лицо его осталось бесстрастным.

– Я тоже так думал, пока сегодня не забрал из чистки вот это.

С этими словами он положил мне в ладонь золотой медальон на цепочке. Сначала я не узнала его, потому что он блестел в тусклом вечернем свете. А потом меня как будто обдало холодным ветром.

– Ничего не понимаю. – Я вопросительно посмотрела на Джека.

– Присмотрись.

Махнув рукой на то, как это будет смотреться со стороны, я прищурилась, глядя на единственную букву посередине медальона. Даже в сумерках и без очков, невооруженным глазом было видно, что последний штрих буквы «М» был добавлен позже, и что первоначально буквой на медальоне было «Н».

Я протянула медальон матери. Та уже успела надеть очки для чтения. Она медленно подняла глаза и посмотрела на нас с Джеком.

– Возможно, я ошибаюсь, но единственное, что сейчас приходит мне в голову, это то, что это «Н» обозначает имя Нора. Как вы думаете?

Я подумала то же самое.

– Но как мог медальон оказаться на том судне через шестнадцать лет после того, как сама Нора погибла? И почему буква на нем была перебита? – Еще раз взглянув на медальон, я положила его в сумочку.

Джек почесал голову:

– Послушайте, давайте где-нибудь перекусим, а заодно все хорошенько обсудим и, может, даже придем к каким-нибудь выводам?

Не глядя на меня, мать одарила Джека ослепительной улыбкой.

– Большое спасибо, но мне нужно вернуться домой. А вы с Мелли вполне можете заняться этим и без меня.

– Я не могу отпустить тебя одну, мама. Я поеду с тобой.

– Я позвоню твоему отцу. Он приедет ко мне.

Не могу сказать, что ее довод убедил.

– Не волнуйся, – продолжила мать. – Не буду вам мешать.

Было видно, что она пытается свести меня с Джеком. Я же видела, что он в равной мере не в восторге от ее предложения. Но, похоже, мать решила, что все согласны, потому что шагнула к машине и открыла водительскую дверь. Однако прежде чем сесть, сказала:

– И еще одна вещь, Мелли. – Она на миг умолкла и продолжила: – Мы сегодня разъярили призрака. Мы показали ей, что вдвоем мы сильнее, чем она. Чтобы уменьшить нашу силу, она будет пытаться

разлучить нас. Поэтому мы должны как можно скорее выяснить, кто она такая.

– Или что?

Мать покачала головой. Ветер взлохматил ее прическу и теперь трепал волосы, отчего она показалась мне особенно ранимой.

– Я не хочу это знать.

Помахав рукой, она села в машину и поехала прочь от дома. Не говоря ни слова, Джек открыл дверь со стороны пассажирского сиденья и кивком предложил мне сесть, а когда сам скользнул за руль, то выразительно посмотрел на меня.

– Рад видеть, что на этот раз ты не увлеклась дегустацией бренди мистера Макгоуэна. – Он улыбнулся воспоминанию, которым, похоже, не хотел делиться со мной.

Примерно через полчаса мы подъехали к придорожному ресторану, на рекламном щите которого красовался жареный цыпленок, жареная окра и жареный пирог – три моих любимых блюда, – и устроились в угловой кабинке. Заведение пропахло дымом и кипящим жиром, а из-за стойки и от мелькающего огоньками музыкального автомата тянуло пивом и шумными вечерами. Украдкой вытащив из сумки антибактериальную салфетку, я протерла ею пластиковую скатерть в красно-белую клетку, затем вытащила еще одну, чтобы протереть руки и виниловую подушку на стуле, которая держалась за счет двух полосок изолянта. Я также предложила салфетку Джеку, однако он лишь недоуменно поднял бровь и покачал головой.

Подошла официантка и приняла у нас заказ. Джек продолжал молча рассматривать меня. Раздраженная его взглядом, я вытащила из сумки блокнот и, начертив две колонки и как можно больше горизонтальных линий, сколько могло уместиться на странице, начала заполнять клетки всей той информацией, которую узнала с тех пор, как моя мать вернулась в Чарльстон и заявила, что моя жизнь в опасности. Все, что до сих пор вызывало у меня вопросы, я заносила в правую колонку. Все, на что у меня имелись ответы, – в левую. К тому времени, когда я закончила, у меня не осталось свободных клеток в правой колонке, зато в левой было заполнено только две: дневник вела Мередит Приоло и, возможно, та же самая Мередит Приоло, проживавшая по адресу: дом номер тридцать три по Легар-стрит,

которая числилась пропавшей без вести после землетрясения 1886 года.

Держа в руке ручку, я посмотрела на Джека. Странно, что он ничего не добавил и даже не сказал никакой колкости. Он все еще качал головой.

– В чем дело?

Он посмотрел мне в глаза.

– В тебе, – сказал он секунду спустя.

– Во мне?

Он вновь молча посмотрел на меня:

– Да. Я не пойму, какого черта я делаю здесь с тобой.

Я спрятала обиду за ледяной улыбкой.

– Смею предположить, что Ребекка не отвечает на твои звонки, и тебе больше не на ком выместить свое раздражение. К тому же мне казалось, что ты был занят поиском материала для своей новой книги. Насколько мне известно, ты не способен что-то делать из чисто альтруистических побуждений. – Я выразительно посмотрела на него, в надежде на то, что он вспомнит, как в тот первый раз мы с ним сидели в похожем ресторане и лакомились жареными креветками, пока он вешал мне на уши лапшу о том, что его интересует все, что угодно, но только не то место, где в моем доме спрятаны бриллианты.

Сверкнув глазами, Джек подался вперед, однако, похоже, сдержался и не сказал того, что хотел сказать. Что-то такое, о чем мог впоследствии пожалеть. Вместо этого он посигналил официантке.

– Принесите счет. И упакуйте заказ навынос.

Официантка бросила на стол чек. Джек потянулся было к нему, но я положила ладонь на его руку.

– Ты все еще зол на меня за те глупости, какие я наговорила тебе в тот вечер, когда в доме была экскурсия? Но ведь я уже извинилась, не так ли? И мне действительно стыдно. Мне казалось, что мы снова друзья. Что еще я такого сделала, что ты снова злишься на меня?

У столика, с тремя заляпанными жиром пакетами и картонным контейнером с нашими двумя колами, вновь выросла официантка. Взяв одну колу, Джек поставил ее на стол, а сам схватил пакеты.

– В машине только одна подставка для стакана, – объяснил он и, встав, направился к двери.

Взяв со столика несчастный стакан, я вслед за ним вышла в пахнущую дождем темноту.

Весь оставшийся путь до Чарльстона мы ехали молча, даже не включив радио. Несмотря на соблазнительный аромат и мой урчащий живот, я не осмелилась открыть один из пакетов, хотя Джек наверняка даже сквозь рев мотора слышал, как мои кишки исполняли марш.

Где-то между Руффином и Осборном небеса разверзлись потоками ливня, перекрыть шум которого было просто невозможно. Я чувствовала себя совершенно несчастной. С одной стороны, мне хотелось, чтобы Джек говорил со мной. С другой – я опасалась того, что он может мне сказать. Страшно, что его больше нет в моей жизни, и еще страшнее от того, что я должна сделать, чтобы удержать его там.

Моя нога принялась выбивать ритм в такт дворникам на ветровом стекле. Вскоре Джек не выдержал и положил на нее руку, заставив прекратить этот стук. Его прикосновение как будто было заряжено электричеством. По моей ноге, а от нее – словно ртуть в градуснике – вверх по спине тотчас пробежал ток, пока наконец не остановился где-то внизу живота.

Должно быть, Джек это тоже почувствовал, потому что быстро убрал руку и вновь молча уставился перед собой, ведя машину сквозь сплошную стену дождя.

Вскоре мы уже подъезжали к моему дому на Легар-стрит. Увидев свет на крыльце и почти во всех окнах, я облегченно вздохнула. Интересно, подумала я, мать это сделала для меня или только для себя, любимой?

Я повернулась к Джеку:

– Спасибо, что подвез. Кстати, у тебя, случайно, не найдется зонтика?

Он повернулся ко мне. На его лице была слабая улыбка, не имевшая ничего общего с той, к которой я когда-то привыкла и которой мне так остро недоставало.

– Нет. Не найдется. Я никогда не боялся растаять под дождем.

– Разумеется, – вздохнула я. Я подумала про мои волосы, мой замшевый пиджак, мои лодочки от «Кейт Спейд» и нахмурилась, но, увидев пакеты с остывшей едой, добавила: – Вряд ли я могу надеяться, что ты позволишь мне вынуть еду, а пакеты использовать в качестве зонтика.

Он посмотрел на меня со странным блеском в глазах. Его голос прозвучал так тихо, что я едва расслышала его из-за стука капель по крыше машины.

– Давай, Мелли, выходи и вымокни. Сделай, ради разнообразия, хоть что-то неожиданное и незапланированное.

– Только если ты дашь мне один из этих пакетов...

Он не дал мне закончить предложение. Вместо этого он взял мою голову в свои ладони и впился поцелуем в мои губы. Поначалу я была настолько потрясена, что просто окаменела. Затем почувствовала его руки в моих волосах, почувствовала его колючий подбородок, то, как губы прижались к моим, как будто были созданы для этого поцелуя. Я закрыла глаза и, вздохнув, ответила на его поцелуй, отдаваясь во власть пламени, чьи языки уже лизали основание моего позвоночника.

Внезапно, хотя и довольно смутно, вспомнив, кто я, с кем я и что у меня есть причина не отвечать на его поцелуй, я резко отстранилась, хотя саму причину так и не вспомнила. Охваченная паникой, я распахнула дверь машины и, со стуком захлопнув ее за собой, выскочила под проливной дождь и со всех ног бросилась к воротам. Я умудрилась открыть щеколду и уже взбежала на крыльцо, когда Джек догнал меня.

Заклучив меня в объятия, он всем телом прижал меня к входной двери. Я дрожала, несмотря на жар, полыхавший буквально в каждой клеточке моего тела. Ноги больше не держали меня. Чтобы не упасть, я обхватила Джека за шею. Он воспользовался этим, чтобы еще сильнее прижать меня к двери.

Его губы были настойчивыми и жадными. Я раскрыла навстречу ему свои, буквально растворяясь в этом тепле и силе, имя которым было Джек. Я закрыла глаза, упиваясь вкусом дождя и губ Джека. Перед моим внутренним взором взрывался калейдоскоп красок, о существовании которых я раньше даже не догадывалась.

Затем неожиданно он прервал поцелуй и отстранился. Взгляд его был непроницаем. Мы оба тяжело дышали, и я была на грани того, чтобы попросить его сделать это снова.

– Это, Мелани Миддлтон, был не почти поцелуй. Это был поцелуй настоящий.

С этим словами он повернул дверную ручку и распахнул дверь. В вестибюле стояли Софи, Чэд и оба мои родителя. Причем все четверо

поспешили сделать вид, будто они ничего не слышали.

Словно Ретт Батлер, бросивший Скарлет О'Хара на дне рождения у Эшли, Джек отвесил учтивый поклон, неким чудом умудрившись при этом не выглядеть комично, хотя с него стекала вода, и, не попрощавшись и не добавив больше ни слова, зашагал к машине.

Глава 23

Я проснулась, оттого что кто-то звал меня по имени. В воздухе, словно запоздавая мысль, висел легкий запах пороха. Где-то позвякивал металл.

– Вильгельм? – прошептала я.

Дверь в мою спальню открылась, и в щель потянуло ледяным холодом. Я осторожно, чтобы не разбудить Генерала Ли, выскользнула из постели и, шлепая ногами по деревянному полу, вышла в коридор.

Увидев внизу лестницы тусклый свет, я замерла на месте, глядя, как Вильгельм направляется в кухню. Я вернулась в комнату, чтобы взять фонарик, который теперь всегда лежал на моем ночном столике, после чего, не отдавая отчета в своих действиях, поспешила вслед за ним в темную кухню.

– Вильгельм? – произнесла я и поежилась. В комнате стоял ледяной холод, и меня не спасала даже теплая ночная рубашка. Включив фонарик, я обвела его лучом кухню, высветив и закрытую дверь на черную лестницу, и зияющую дыру за камином.

Направив луч фонарика на потайную комнату, я крадучись двинулась вперед. Заметив, что впереди блеснул золотистый локон под гессенской треуголкой, я пролезла в камин и дальше в пролом в стене, а когда оказалась внутри, то посветила на потолочную балку и вырезанные на ней слова.

– *Gefangener des Herzens*, – сказала я и покосилась на Вильгельма. Он улыбался. – Что смешного?

Твой акцент. Он просто чудовищный.

Я едва не совершила ошибку, посмотрев прямо на него, но затем тяжело вздохнула.

– Пленник сердца, – сказала я. – Что это значит?

Я привел тебя сюда не за этим.

Я продолжала смотреть на балку.

– Тогда зачем? Я уже заглянула в сундук. Там пусто.

Ты заглянула не во все места.

– Не понимаю, о чем ты? Куда еще я не заглянула?

Глухо стуча каблуками по земляному полу, он прошел в угол потайной комнаты.

– Ты еще не смотрела вот здесь.

Я направила фонарик в угол комнаты. Пронзив силуэт Вильгельма, его луч высветил лишь кирпичную кладку и земляной пол.

– Здесь ничего нет, – нетерпеливо сказала я.

Приглядиись.

Я шагнула ближе и поводила лучом фонарика. И снова увидела лишь землю и кирпичи, блестящие сапоги Вильгельма и больше ничего.

– Здесь пусто, – повторила я, не без легкого раздражения.

– Вильгельм!

Я резко обернулась и посветила фонариком в пролом, из которого уже выползала моя мать. Краем глаза я увидела, как солдат прижал треуголку к груди и отвесил галантный поклон.

Джинетт.

Мать встала рядом со мной.

– Ты спросила у него, почему он назвал себя пленником сердца? – Ее теплая рука нашла мою, и я поняла, что на ней нет перчаток. Мы обе как по команде повернулись к нему, и я впервые увидела его во плоти и крови – его пронзительные голубые глаза и бугристый розовый шрам на виске. Я даже рассмотрела заштопанную дыру на его рукаве и ямочку на подбородке.

Мать сжала мою руку и поняла, что она это тоже заметила.

Наши взгляды встретились, однако Вильгельм никуда не исчез. И, похоже, удивился этому не меньше, чем я. Затем он посмотрел на мою мать, и его взгляд смягчился. Давно пора.

Ее лицо осветила ответная улыбка.

– Скажи нам, Вильгельм, почему ты зовешь себя пленником сердца?

Не могу вам сказать. Это мой позор.

Все еще держа мать за руку, я шагнула ближе.

– Мы не станем тебя осуждать. Ты наш защитник, и ты спасал меня не один раз. Я чувствую к тебе одну лишь благодарность.

Потому что вы не знаете.

– Как ее звали? – спросила моя мать. – Ту девушку, что украла твое сердце?

Присмотритесь. Там в углу.

– Хорошо, мы посмотрим. Но сначала скажи нам ее имя.

Я почувствовала, что он хочет уйти, но мы с матерью не давали ему этого сделать, не желая отпускать, пока не получим от него ответ.

– Назови нам ее имя, Вильгельм. Это та самая девушка, что вела дневник?

Он улыбнулся. *Мерedit. Нет. Это не Мерedit. Я спас ее, когда она была ребенком.*

– Тогда кто она такая? – спросила я.

– Если ты скажешь нам, мы поможем тебе обрести прощение. Поможем покинуть это место, – добавила мать.

Его взгляд потух.

Мой удел – защищать женщин вашей семьи. Мерedit научила меня это делать. И теперь это мое наказание.

– За что? – спросила я.

Его вздох эхом прокатился по холодному подземелью и стих в наших ушах и сердцах.

За мое предательство. За то, что я позволил ей умереть.

– И как она умерла? – спросила я.

Она утонула. Я не знал, что она на корабле. Я не знал, как ее спасти.

– Кого? Ты о ком? – едва слышно прошептала моя мать.

Кэтрин.

Мы с ней переглянулись, затем вновь посмотрели на Вильгельма. Но его уже не было.

– Кто такая Кэтрин? – спросила Джинетт.

Я закрыла глаза, пытаюсь мысленно представить себе семейное древо Приоло. Насколько я помнила, имя Кэтрин там было в ранней части древа. Я столько раз изучала его, что выучила почти наизусть.

– Это дочь Джошуа. Я запомнила ее, потому что она умерла совсем молодой. Если не ошибаюсь, ей было лет девятнадцать-двадцать. Я запомнила это потому, что это случилось в мой день рождения, пятнадцатого июля. Она жила здесь вскоре после того, как Приоло в тысяча семьсот восемьдесят первом году приобрели этот дом. Примерно в это же время британские солдаты оставили город, что подтверждает предположение Ребекки о том, что Вильгельм предпочел остаться в Чарльстоне. Возможно, он любил Кэтрин и остался с ней по собственному желанию.

– Будь это так, вряд ли бы он назвал себя пленником. Возможно, он остался тайком, и когда отец девушки это узнал – или же, возможно, ему было известно с самого начала, – он вынудил Вильгельма остаться в качестве бесплатного работника, дав ему еду и крышу над головой в обмен на то, что он его никому не выдаст. И Вильгельм остался, но лишь потому, что он любил Кэтрин.

– Но она погибла. Из-за него, – медленно сказала я. – Она была на корабле, который затонул, и он тоже был там, но не спас ее, потому что не знал, что она тоже находится на борту. *Это были мародеры, Мелли. Твои славные предки начинали как корабельные мародеры,* – прозвучали в моих ушах слова Джека. Увы, не имея доказательств, я не могла – и не хотела – делать никаких выводов.

Мать посмотрела на меня растерянным, изумленным взглядом.

– Мы обе его видели. И он был во плоти и крови. Он был сильней, и эту силу дали ему мы, потому что мы были вместе и хотели, чтобы он был здесь. Мы с тобой творим чудеса, Мелли!

Прежде чем я решала, согласна ли я с ее словами или должна рассердиться, мать потянула меня за руку:

– Пойдем отсюда!

– Куда?

– Включим свет. Не хочу застрять здесь в кромешной темноте, если нам нанесет визит сама знаешь кто. Хотя я сомневаюсь, что она это сделает, потому что мы здесь вдвоем. Но, как говорится, береженого бог бережет. Вряд ли Вильгельм сможет вернуться скоро. То, что он так долго стоял перед нами во плоти и крови, наверняка отняло у него силы.

Мать отступила, давая мне возможность первой вылезти через пролом в камине. Пока я ждала ее, мой взгляд был прикован к закрытой двери, что вела на черную лестницу. Как только мать вылезла из камина, она первым делом включила в кухне свет. Мы вновь посмотрели друг на друга.

– Как ты узнала, что я здесь, внизу? – спросила я.

Она пожала плечами:

– Материнское чутье. Я проснулась и тотчас поняла, что тебя в твоей комнате нет. Тогда я спустилась вниз и пошла на твой голос.

Пока она говорила, я обвела взглядом кухню. Вокруг царил жуткий кавардак. По всему полу валялись разбросанные рабочие

инструменты, как будто ждали моего решения, что им делать дальше. Мой взгляд упал на лопату, лежавшую на полу рядом с грудой выломанных кирпичей. Я подошла к ней и взяла ее в руки.

– Нам надо вернуться туда.

– Зачем?

– Вильгельм утверждает, что там что-то есть. И сегодня, когда он привел меня туда – до того, как мы спросили его про Кэтрин, – он сказал мне, что я должна как следует приглядеться. Он постоянно указывал в дальний правый угол. Вдруг там под полом что-то зарыто?

Джинетт скептически поджала губы:

– А нельзя подождать до утра?

– Неужели ты уснешь, зная, что возможный ответ на тысячи вопросов, которые мы задавали себе, совсем рядом и, чтобы его узнать, нужно лишь быстро выкопать ямку в полу?

Мать вздохнула:

– Пожалуй, ты права. – Она шагнула к пролому и посветила внутрь фонариком. – Я подержу фонарик, а ты будешь копать.

И я второй раз за ночь пролезла в пролом. Пока мать светила мне, я взялась копать твердую, слежавшуюся землю. Вторая трудность заключалась в том, что я не могла выпрямиться полностью. Попробовав в первый раз вогнать лопату вертикально в твердую землю, я поморщилась от боли, пронзившей мою спину.

Впрочем, затем я приладилась. Вместо того чтобы копать, я взялась соскребать землю, снимая каждый раз тонкий слой земли. Мать предложила позвать на помощь Джека, но моя реакция была точно такой, как и ее, когда я предложила вместо него позвонить моему отцу. Так что я продолжала медленно копать мелкую ямку в углу потайной комнаты, пока моя шея и спина окончательно не занемели.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда мне показалось, что мои силы на исходе и я вот-вот рухну, край лопаты задел что-то твердое. Я обернулась на свет за моей спиной, где, как я знала, мать наблюдает за мной.

– Подойди ближе и посвети.

Она выполнила мою просьбу. Опустившись на колени на холодную землю, мы обе посмотрели на то, что я откопала.

– Похоже на фарфор. На вид что-то вроде ручки.

Я кивнула.

– Я хотела сказать то же самое. Но боюсь, что, если я продолжу копать лопатой, я ее разобью. – Я села на корточки, бросила лопату и потерла лицо. – Наверно, я возьму молоток и одну из твоих ложек для грейпфрута. Можно попробовать гвоздодером с обратной стороны головки молотка расковырять по периметру землю, а потом при помощи ложки осторожно выкопать этот фарфоровый предмет.

Мать нахмурилась:

– Софи недавно говорила, какую ценность имеет столовое серебро, которое мы нашли на чердаке. Интересно, что она скажет, когда узнает про наши раскопки.

– Я не намерена ей что-либо говорить, – сказала я, выразительно выгнув бровь. Помня о том, что выпрямляться в полный рост здесь нельзя, я осторожно поднялась с земли. – Я сейчас вернусь.

Пока я выбирала необходимые инструменты, мать ждала меня, стоя в проломе, после чего мы вернулись с ней к месту работ. Здесь мы положили оба фонарика на землю, направив их лучи на ямку в полу.

Мы трудились почти час, ложка за ложкой удаляя землю, пока нашему взору не предстала изящная фарфоровая чашка. К тому моменту, когда стало ясно, что ее можно осторожно извлечь из ее темницы, наше предвкушение было уже почти осязаемым.

Вновь сев на корточки, я повернулась к матери:

– Вряд ли ты захочешь прикоснуться к ней первой.

Она покачала головой:

– Верно. Пока не хочу.

Я кивнула, затем медленно погрузила обе руки в мелкую ямку и медленно извлекла из рыхлой земли бело-голубую фарфоровую чашку.

– Целая. И похоже на дельфтский фарфор, – сказала я и улыбнулась, глядя вверх моей находки на мать.

Та наклонилась ближе:

– Опусть ее, Мелли, хочу посветить фонариком на ее донце. Мне кажется, там с внутренней стороны что-то написано.

Я поставила чашку на землю, но руки убирать не стала, поддерживая ее с боков. Мы обе наклонили головы и едва не стукнулись лбами, и мать посветила внутрь чашки, чтобы рассмотреть ее дно. Нашему взору тотчас предстали очертания старинной трехмачтовой шхуны, какие раньше использовались для быстрых

грузовых перевозок. Под картинкой полукругом была сделана надпись «Ида Белль».

Мы с матерью посмотрели друг на друга.

– Как ты думаешь, что это значит? – спросила я.

– Пока могу сказать лишь то, что, скорее всего, это чашка из какого-то сервиза, которым пользовались на борту судна под названием «Ида Белль». И это что-то значит для Вильгельма, и он хочет, чтобы мы знали, что это такое. – Она помолчала. – Мы можем вызвать его и спросить.

Я покачала головой:

– Вряд ли он согласится. Ему будет стыдно сказать это нам. Но он оставил подсказки, чтобы мы догадались сами. Кроме того, нам потребуется слишком много сил, чтобы вызвать его снова.

– Ты тоже ее чувствуешь?

Я кивнула.

– С того момента, как я начала копать, я не могла избавиться от чувства, что она следит за нами. Следит с ненавистью. Она ждет. Ждет, когда сможет сделать следующий шаг. И мы должны быть к нему готовы.

– Верно. – Мать передернулась. – Брр, так холодно. Давай возьмем чашку и пойдем спать. Я оставлю дверь между нашими комнатами открытой.

Она не стала спрашивать у меня, согласна ли я, потому что, похоже, знала, что это именно то, чего я хочу, но стесняюсь произнести вслух.

– Хорошо, – сказала я и шагнула мимо нее, бережно держа в руке чашку. – Если так тебе будет спокойнее на душе.

Она ничего не ответила, но, шагнув через пролом в кухню, я была готова поклясться, что вижу, как она улыбается у меня за спиной.

* * *

Утром, часов в восемь, раздался звонок в дверь. К этому времени я уже встала, оделась, аккуратно уложила вещи в шкаф и попыталась, правда безуспешно, найти в Интернете информацию об «Иде Белль».

Поэтому я первой бросилась вниз, чтобы открыть двери, еще до того, как он разбудит мою мать.

На крыльце с букетом розовых роз в руке стоял мой отец. Правда, под мышкой у него явно было зажато что-то еще.

– Доброе утро, Мелани. Я кое-что тебе принес. Я также подумал, что должен что-нибудь принести твоей матери.

– Привет, пап. – Я шире открыла дверь, впуская его в дом. – Мама еще спит. Пойдем со мной в кухню, и давай поставим эти цветы в вазу рядом с другими. – Я выгнула бровь, проверяя, уловил ли он мой сарказм. Поскольку он уже начал работы по ландшафтному дизайну, наш дом вечно был полон цветов, и в особенности розовых роз. Я специально пыталась не замечать, сколько времени мои родители проводили вместе, но тем не менее не могла не заметить, что моя мать проводила с отцом больше времени в ресторанах, нежели за обсуждением предстоящих работ по саду.

Он вручил мне цветы. Я положила их в раковину, чтобы подрезать стебли, после чего постаралась втиснуть их в туго набитую цветочную вазу на столе. Отец тем временем подошел к камину и заглянул внутрь.

– Твоя мать рассказала мне о потайной комнате. Как жаль, что после стольких трудов вы ничего не нашли.

– Вообще-то нашли. Прошлой ночью мы с мамой провели здесь небольшие раскопки и нашли чашку, по всей видимости, с судна под названием «Ида Белль». К сожалению, о нем я пока ничего не нашла. С другой стороны, я ведь только начала мои поиски.

– Ты должна позвонить Джеку.

Стоило мне вспомнить прошлый вечер и всех свидетелей, как мои щеки залились краской.

– Вряд ли он захочет говорить со мной.

Отец пристально посмотрел на меня:

– Возможно, ты права, Орешек. Вчера вечером он точно не горел желанием тратить время на разговоры.

– Пап, прекрати. – Я подняла руку. – С каких это пор ты возомнил себя экспертом по личным отношениям? К тому же я понятия не имею, в чем дело. Знаю лишь, что он зол на меня и не отвечает на мои звонки. Вчерашний вечер – исключение из правил.

– Так вот как теперь это называется! – Он подошел ко мне и вытащил из-под мышки то, что принес. – Как бы то ни было, он заехал

ко мне этим утром и попросил передать тебе вот это. – С этими словами отец протянул мне дневник Мередит. Поколебавшись, я взяла его у него из рук.

– Он дал тебе это? Но откуда он у него?

– Думаю, что из квартиры Ребекки.

– Она отдала ему дневник?

– Не совсем. – Отец смущенно прочистил горло. – Ребекки там не было.

– Он вломился в ее квартиру? – Я отказывалась поверить собственным ушам, пусть даже речь шла о Джеке.

Отец принялся рассматривать розы у меня за спиной.

– Вообще-то у него был ключ.

Я облизала губы, думая, что на это сказать, но поняла, что сказать мне нечего. Поэтому я посмотрела на дневник.

– Значит, он был у Ребекки. Джек сказал тебе, зачем он ей понадобился?

Отец покачал головой:

– Нет. Но он отметил пару страниц, которые он хотел, чтобы ты прочла. – Отец протянул руку и открыл дневник в том месте, где между страниц торчала бумажная закладка. Я начала читать.

«В. показал мне тайную комнату за стеной кухни. Я дождалась, когда Р. уйдет прогуляться с Ч., потому что она о ней не знает. Все, что дорого мне, будь то мой кот или моя любимая книга, или мое самое красивое платье, она всегда найдет способ это испортить или изгадить. Поэтому я перестала делиться с ней чем бы то ни было, в том числе наличием потайной комнаты в доме, в котором она жила всю жизнь. Я так рада, что она не видит В., потому что тогда она наверняка нашла бы способ выжить его отсюда, и я осталась бы совсем одна.

В. постоянно твердит мне, что я должна смотреть зорче, чтобы я нашла то, что ему нужно, но я вижу лишь пустой морской сундук. Думаю, В. нарочно не дает мне никаких подсказок, чтобы я обнаружила это нечто сама. По его словам, это потому, что ему стыдно. Он не хочет расстраивать меня признанием о своем поступке. Он говорит лишь то, что нечто, что находится в этой комнате, прольет свет на правду, и тогда он вырвется из своей темницы. Но я должна разгадать эту загадку сама. Если, конечно, смогу. Вот почему я в

растерянности. В. сказал мне, что спас мою жизнь, и я должна в ответ спасти его».

Я посмотрела на отца:

– Ты это прочел?

Тот кивнул:

– Правда, ничего из прочитанного не понял, кроме разве что потайной комнаты. Как я понимаю, когда-то она служила кладовой. И кто этот В.?

– Я не уверена, – уклончиво ответила я. – Но мне кажется, что он хотел, чтобы она нашла чашку.

– Откуда тебе это известно? – спросил он хорошо знакомым мне тоном. Для меня это был своего рода сигнал: я не должна говорить в ответ ничего такого, что он назвал бы фокусом-покусом.

Поэтому вместо ответа я протянула ему дневник.

– Какую еще страницу мне нужно посмотреть?

Еще раз в упор посмотрев на меня, отец взял у меня дневник и открыл на внутренней стороне задней обложки, там, где мы нашли визитку Мередит Приоло.

Кто-то – спорю на что угодно, что Ребекка, – оторвала остальную часть приклеенной страницы. Моему взору предстал сделанный чернилами рисунок головы ангела и его крыльев. Нижняя часть его тела исчезала в треугольнике. Я подняла глаза на отца.

– Но ведь это тот же рисунок, что и на окне. Посмотри!

Подойдя к столу, на котором стояла моя сумочка, я вытащила телефон, в котором все еще хранился снимок окна.

– Снимок не очень четкий, но, если увеличить эту его часть, становится видно, что это одно и то же.

Взяв у меня телефон, отец посмотрел на фото окна, затем снова на страницу.

– Да, но что это такое?

– Не знаю, но мне кажется, что Мередит – или как там ее звали – что-то знала про окно и спрятанные в нем картинки. Или же кто-то нарисовал картинку в ее дневнике позже, потому что дневник гораздо старше окна. – Я потеряла виски, мысленно перебирая факты. Хотелось выстроить их в четкую последовательность, которую я могла бы понять.

Отец почесал ухо. Этот жест был хорошо мне знаком и означал, что он сейчас скажет мне нечто такое, чего я не хотела бы слышать.

– Мелли, Ребекка была здесь пару дней назад. Я работал в саду. Она подошла ко мне и буквально закидала вопросами о том, какие цветы и растения я собираюсь здесь посадить. Но всякий раз, когда ей казалось, что я не вижу, она фотографировала окно. Нашелка не одну дюжину кадров.

– Кто тут фотографировал окно? – Мы с отцом как по команде обернули головы. На пороге кухни, держа на руках Генерала Ли, стояла моя мать. Она опустила его на пол, и он тотчас выскочил в недавно устроенную для него собачью дверь.

– Ребекка, – ответила я, показывая ей дневник. – Джек забрал его у нее и принес отцу. – Я перевернула дневник, чтобы ей стал виден рисунок. – Это на странице, которая была приклеена к обложке.

Мать шагнула ближе, но прикоснуться к дневнику не стала.

– То есть ты считаешь, что автор дневника знал мою мать и то, почему окно изменили?

– Да.

Мать кивнула и на миг задумалась.

– А что насчет корабля? Ты еще не смотрела в Интернете?

– Смотрела. Там масса ссылок... на детские имена, на мыло ручной работы, даже на фамильное древо одной семьи из Айовы. Но ничего, что могло бы быть нужным нам судном.

– Мы должны позвонить Джеку.

Я посмотрела на отца, затем на мать – уж не в сговоре ли против меня эти двое?

– Нет. Я не должна звонить Джеку. Как я уже объяснила отцу, Джек не хочет иметь со мной ничего общего.

От меня не скрылось, как мои родители переглянулись.

– Я позвоню Ивонне в Историческое общество. Вдруг она сможет принять меня сегодня утром.

Отец сунул руку в карман куртки.

– Забыл. У меня для тебя еще кое-что. Нашел среди других снимков, которые я вчера унес из дома. Я просматривал их вчера вечером и случайно наткнулся на этот. Мне подумалось, что ты захочешь на него взглянуть. Помнится, ты говорила, мол, как жаль, что у тебя нет фотографии Розы во взрослом возрасте. Поэтому, когда я

увидел на обороте снимка ее имя, я понял, что обязательно должен тебе его показать.

Я перевернула фото, ожидая увидеть малорослую, толстую женщину с тросточкой. Вместо этого я увидела стройную, высокую, красивую пару, одетую по моде начала двадцатого века. Стоя у перил смотровой площадки на фоне огромного водопада, они улыбались в объектив. Я перевернула фото и прочла сделанную выцветшими чернилами надпись: «Роза и Чарльз Маниго. Ниагарский водопад. Медовый месяц, январь 1900 года».

Я посмотрела на моих родителей.

– Пойдемте со мной, – сказала я и, выйдя из кухни, направилась в гостиную, где к некрашеной стене все еще был приставлен портрет двух девушек. Приложив фотографию к портрету, я сравнила их обеих.

– Теперь я абсолютно уверена, что та, у которой на шее медальон с буквой «Р», не может быть Розой. – Я продолжила сравнивать двух девушек. Хотя разница в возрасте между ними составляла как минимум лет пять, было видно, что лицо девушки на портрете было круглей, плечи – шире, взгляд – суровее. Молодая девушка на фотографии буквально лучилась светом. Благодаря этой ауре мы невольно воспринимали ее как друга.

Я вспомнила, что я подумала, когда впервые увидела девушку на портрете: что в ее взгляде затаилась некая тайна, причем тайну эту мне, пожалуй, лучше не знать.

Затем мой взгляд скользнул ко второй девушке на портрете, той, на шее у которой был медальон с буквой «М». Я вновь обратила внимание на вдовый пик – точно такой был у моей матери и меня – и на чуть раскосый разрез глаз.

Мать посмотрела на меня, и я поняла: она подумала то же самое.

– Это точно она, – сказала она, указывая на высокую девушку. – М., как я ее называла. Она смотрела на нас с холста глазами, чей разрез был точно такой, как у нас.

Глава 24

По дороге в библиотеку Исторического общества я набрала номер миссис Макгоуэн еще раз. Очень хотелось надеяться, что на сей раз я не нарвусь на автоответчик. Я уже набирала последнюю цифру, когда услышала, как кто-то пытается прорваться ко мне. Увидев, что на экране высветился номер телефона миссис Макгоуэн, я облегченно вздохнула.

– Алло! Миссис Макгоуэн?

– Да, доброе утро, Мелани. Извините, что не перезвонила вам раньше. Я была в саду. Мои камелии в этом году просто загляденье. Когда вы приедете ко мне в следующий раз, я просто не отпущу вас домой без букета.

– Спасибо, миссис Макгоуэн. Это было бы чудесно. Но этим утром я звоню вам по поводу фамильного древа Крэндаллов. Скажите, вы случайно его не нашли?

– Нет, дорогая моя. Хотя я буквально перерыла весь дом. Вы не спрашивали у мисс Эджертон?

– Пока еще не успела. Но мне действительно нужно знать, есть ли где-нибудь на нем знакомое имя. Я ищу любую связь, будь то по рождению или браку. В разговоре со мной вы упомянули, что составили древо на основе найденных на чердаке писем. Скажите, а заново составить его вы не могли бы?

– Конечно, могу, – ответила она после короткой паузы. – Когда вам оно понадобится?

Зная, что поступаю некрасиво, я поморщилась.

– Как можно раньше. Например, сегодня? Мне не нужны детали, лишь имена и как этот человек связан с остальным семейством Крэндалл.

На том конце линии возникла долгая пауза.

– Пожалуй, я смогу, – сказала, в конце концов, миссис Макгоуэн, – но я попрошу вас об ответной услуге.

– Да? – спросила я, с ужасом представив, что за этим последует. Потому что была только одна вещь, о какой она могла меня просить.

– Вы не могли бы в следующий раз приехать ко мне вместе с вашим душкой – Джеком Тренхольмом? Я прочла все его книги, а по

телефону у него такой приятный голос. Очень бы хотелось познакомиться с ним лично.

Я внутренне простонала. В принципе, я могла бы попросить Чэда или Софи или даже кого-то из моих родителей сделать это вместо меня. Вряд ли для миссис Макгоуэн важно, кто приведет его на крыльцо. Главное, чтобы он туда пришел.

– Конечно, – ответила я. – С великим удовольствием.

– Тогда договорились. Я прямо сейчас сажусь за работу... как только расставляю по вазам камелии. Они просто прелесть! Было бы прекрасно, если бы вы приехали с Джеком, пока погода не испортилась. Я бы показала вам мой сад.

– Постараюсь его уговорить. – Я назвала ей имя, которое совершенно случайно пришло мне в голову, хотя чем больше я размышляла о нем, тем большей уверенностью в своей правоте я проникалась. – Позвоните мне, как только будете готовы, по этому номеру. Если я не отвечу, это значит, что я все еще в библиотеке и не имею возможности поговорить с вами. В таком случае я бы просила вас оставить подробное сообщение на голосовой почте.

– Хорошо, – согласился он. – И я надеюсь, что в один прекрасный день вы скажете мне, в чем, собственно, дело. Скажу честно, я заинтригована.

– Договорились. Спасибо вам, миссис Макгоуэн. – Закрыв телефон, я бросила его обратно в сумочку. Кстати, я уже почти доехала до Митинг-стрит. Эх, мне бы везение Джека Тренхольма! Как обычно, я долго искала, где припарковать машину, и нашла свободное место лишь в нескольких кварталах от библиотеки. К тому времени, когда я дошла до нужного здания и поднялась на высокое крыльцо, я уже слегка задыхалась.

Ивонна, как обычно, ждала в читальном зале и встретила меня улыбкой.

– Надеюсь, ваше хорошее настроение означает, что вы сумели что-то найти про «Иду Белль», – сказала я, улыбнувшись в ответ.

– Вам еще ни разу не удалось поймать меня с пустыми руками, Мелани, но вы можете продолжать пытаться делать и дальше.

Я села за стол. На сей раз Ивонна удивила меня тем, что придвинула ко мне ноутбук.

– Это мой личный компьютер. Я иногда беру его с собой, чтобы мне лишний раз не ходить по библиотеке. У меня есть доступ ко всем базам данных. Хотя, если честно, они мне особо и не нужны.

Я вопросительно посмотрела на нее:

– Что вы имеете в виду? Я пыталась сама искать в Интернете, но ничего не нашла.

Ивонна открыла компьютер.

– Извините, что он работает медленно. Он старый, да и связь здесь тоже медленная. – С этими словами она нажала кнопку включения. Издав нечто похожее на скрежет несмазанных шестеренок, компьютер ожил. – Интернет – великая вещь, – продолжила Ивонна, – но только если правильно им пользоваться. Сначала нужно уметь сузить поиск, и лишь потом можно рассчитывать на какие-то результаты. – Она подалась вперед, глядя поверх бифокальных очков. – Кстати, этому меня научил Джек.

Я стиснула зубы и, прищурившись, посмотрела на экран.

– Вы заработаете себе морщины, – сказала Ивонна, посмотрев на меня, и медленно, одними указательными пальцами, защелкала по клавишам. Будучи первоклассной машинисткой, я с трудом сдержалась, чтобы не попросить ее уступить мне место за клавиатурой.

– Мы знаем, что «Ида Белль» была трехмачтовой шхуной, что задает нам примерные временные рамки. Логика подсказывает, что нам следует начать наши поиски с Южной Каролины, после чего распространить их дальше, на Северную Каролину и Джорджию. И так далее, пока мы не найдем то, что нам нужно.

Она все в той же манере нажала еще несколько клавиш. Я впиалась ногтями – вернее, тем, что от них оставалось – в подушечки ладоней, чтобы не прогнать ее от клавиатуры.

– Многие исследователи упускают из виду тот факт, как много у нас сейчас музеев – науки, техники, искусства, истории, чего угодно.

Я подалась вперед:

– Вы провели поиск по морским музеям.

– Угу. – Она с видом победительницы нажала клавишу ввода. – Стоило мне зайти на сайт Морского музея Северной Каролины, как компьютер тотчас выдал ссылку на «Иду Белль».

Я посмотрела на экран. На экране медленно, словно секрет, который не желает, чтобы его раскрыли, возникла картинка. Я разинув рот уставилась на до боли знакомого мне ангела с длинными развевающимися волосами и пышными крыльями, воссозданного на компьютере во всей его трехмерной красе. Так как, в отличие от плоского образа на витраже, этот был вырезанной из дерева фигурой, а его поблекшая от времени и местами облупившаяся краска рассказывала множество историй.

– Что это? – спросила я.

Ивонна повернула ко мне компьютер, чтобы я могла лучше рассмотреть картинку.

– Это фигура с носа «Иды Белль». Была найдена на острове Эдисто. Скорее всего, ее выбросило туда штормом, потопившим само судно. А там кто его знает.

Моя голова как будто наполнилась пузырящимся шампанским. Я поняла, что только что сделала важное открытие. Одна беда – я не знала пока, что оно значит.

– Там что-нибудь говорится о самом кораблекрушении?

Ивонна кивнула.

– Да, тут есть ссылка на другую страницу, «Титаник» и «Лузитанию». А также небольшое примечание о крушениях, имевших место у берегов Соединенных Штатов, в том числе и о «Иде Белль». Там есть информация о перевозимом на судне грузе и ссылка на список пассажиров. Возможно, вы потому не заметили их во время ваших предварительных поисков, потому что судно там указано под своим первоначальным названием, «Виктория». Оно было продано и получило новое название – кстати, в честь жены капитана, – за год до катастрофы. Изюминку про жену капитана я обнаружила совершенно случайно, в книге, которая есть в нашем архиве. Там имеется список всех судов, чьим портом приписки был Чарльстон. Так я узнала, что искать нужно «Викторию».

– И у вас есть список пассажиров?

Одарив меня колючим взглядом за то, что я в очередной раз усомнилась в ее способностях, Ивонна подтолкнул мне два листка бумаги.

– Я распечатала их с сайта.

Я без труда нашла в верхней части списка три нужных мне имени; Джозайя Крэндалл, Мери Крэндалл и Нора Крэндалл, ребенок. Рядом со всеми тремя именами значилось «Дариен, штат Коннектикут». Я медленно подтянула к себе вторую страницу. Она оказалась ксерокопией заявления на выплату страховки за утраченные ювелирные украшения на сумму в двадцать тысяч долларов. Сейчас это звучит не слишком внушительно, но по тем временам равнялось целому состоянию. Подательницей заявления значилась Сюзан Крэндалл.

Прикрыв ладонью лицо, чтобы Ивонна не заметила, я прищурилась, чтобы прочесть мелкий шрифт. Тот напоминал список сданного в прачечную белья: кольцо с рубином изумрудной огранки в окружении двенадцати бриллиантов, в золотой оправе; шпилька для волос с тремя крупными бриллиантами в платиновой оправе; серьги-подвески с сапфирами и бриллиантами, в гарнитуре с колье из сапфиров и бриллиантов, состоящего из...

Я откинулась на спинку стула. Глаза болели от того, что я была вынуждена щуриться, голова шла кругом. Серьги-подвески с сапфирами и бриллиантами, в гарнитуре с колье из сапфиров и бриллиантов.

– Готова спорить на что угодно, что ювелирные изделия не были найдены на дне морском, – тихо сказала я.

Пискнул мой телефон. Я посмотрела на экран – вдруг кто-то оставил мне сообщение на голосовую почту, – после чего повернулась к Ивонне и порывисто ее обняла.

– Вы стоите столько золота, сколько вы весите, миссис Крейг, и я уже придумываю способы, как отблагодарить вас за это в течение следующего десятилетия.

Она удивленно посмотрела на меня. Я встала.

– Мне пора. Я позвоню вам сегодня во второй половине дня и все расскажу. – Улыбнувшись и помахав ей на прощание, я почти выбежала из читального зала. И едва не упала на лестнице – подвернула ногу, торопясь вниз, чтобы прослушать голосовое сообщение.

Нажав кнопку на телефоне, я приложила его к уху. Лишь когда у меня перед глазами заплясали черные точки, до меня дошло, что я перестала дышать. Я набрала полную грудь воздуха и стала слушать.

– Привет, Мелани, дорогая, это миссис Макгоуэн. Похоже, я нашла то, что вы искали. У Алисы Крэндалл, которая, как вы знаете, была близняшкой погибшей в кораблекрушении Норы и которая в подростковом возрасте переехала в Мимоза-Холл, было двое детей – сын и дочь по имени Эллисон. Последняя вышла замуж за Джона Эджертона. Потомки Эллисон и Джона живут недалеко от Саммервилля, хотя я их никогда не встречала. Мне интересно, Мелани, эта семья состоит в родстве с вашей знакомой, Ребеккой? Я предположила, что именно поэтому вы хотели это узнать, хотя мне и удивительно, что она умолчала об этом, когда была здесь и видела фамильное дерево. Если вам нужна дополнительная информация, можете мне позвонить. Жду не дожусь, когда снова увижу вас вместе с Джеком. До свиданья.

Я застыла посередине тротуара. Прохожие натыкались на меня, но я не могла даже сдвинуться с места. Ребекка – родственница Крэндаллов из Мимоза-Холла и девушки на портрете по имени Алиса! Однако предпочла держать эту информацию при себе. Я поклялась, что непременно выясню, почему.

Идя к моей машине, я вновь набрала ее номер и, как и следовало ожидать, вновь нарвалась на автоответчик. После чего тотчас же – чтобы не передумать – начала набирать номер Джека, однако еще до первого гудка дала отбой, не будучи уверена, в какой стадии наши отношения – или что это были отношения – находились после вчерашнего вечера, когда он поцеловал меня под дождем. В мои планы не входило упоминать об этом, в смехотворной надежде на то, что он наверняка уже все забыл. И все же, несмотря ни на что, он был первый, с кем мне хотелось обсудить мое открытие, а поскольку я была недалеко от его квартиры, то решила заехать. Кроме того, я сомневалась, что он ответит на мой звонок, а вот опыт, причем удачный – появиться на пороге его квартиры, – у меня имелся.

Припарковав машину в соседнем гараже, я была приятно удивлена, что дверь в его подъезд открыта – у тротуара перед домом рабочие разгружали огромный фургон по доставке мебели. Улыбнувшись, как будто я тоже здесь живу, я прошла мимо них к лифту и уверенно нажала кнопку верхнего этажа. Я слегка расслабилась, лишь когда двери лифта распахнулись на этаже Джека.

А когда вышла, то даже на всякий случай дождалась, когда они снова закроются за мной.

Увы, стоило мне подойти к двери Джека, как моей улыбке как не бывало. Дверь была закрыта неплотно, как будто он вошел, неся в обеих руках пакеты с покупками, и потому был вынужден закрыть ее ногой, и даже не заметил, что замок так и не щелкнул.

Я постучала и стала ждать. Ничего не услышав, я постучала снова и окликнула его по имени. Выждав еще минуту, я распахнула дверь чуть шире и позвала его уже громче. Я уже была готова уйти, когда увидела, что дверь в спальню закрыта, и подумала, что если он спит или принимает душ, то, возможно, не станет возражать, если я сяду и подожду его.

Оставив дверь приоткрытой – лишь с той целью, чтобы он, выйдя ко мне, понял, каким образом я попала к нему в квартиру, – я прошла в зону гостиной, стараясь при этом не выносить критических суждений по поводу царившего здесь беспорядка и ничего не убирать. Мой взгляд остановился на стеклянном обеденном столе. Железные подсвечники и центральная ваза с него были убраны – вернее, изгнаны в угол гостиной, – зато теперь на столе высились стопки книг и были разложены, причем явно в некоем порядке, фотографии. Решив, что, раз они лежат на столе, значит, я имею полное право взглянуть на них, я подошла ближе.

Обойдя стол, чтобы лучше рассмотреть снимки, я несколько секунд растерянно смотрела на них, прежде чем до меня дошло, что это такое. Судя по всему, это были те самые фотографии могилы моей бабушки, которые Джек сделал в тот день, когда мы втроем – он, Ребекка и я – ездили на кладбище Святого Филиппа. Увеличив каждое фото, он потом обрезал его так, чтобы каждое слово было выделено в свою собственную прямоугольную картинку. Я пристально всмотрелась в них, пытаюсь разглядеть что-то новое или значимое, но так и не смогла.

Затем я посмотрела на последний ряд снимков. На сей раз это были не снимки надгробия, а витражного окна с внешней его стороны, причем сделанные как раз в тот момент, когда солнце высвечивало потайную картинку. Части этой картинки также были изображены на отдельных фотоснимках.

Я узнала те ее части, на которых был резной нос корабля, дом и дуб. Но Джек также сфотографировал странную виньетку, которая шла по периметру всего окна. По отдельности сфотографировав ее разные части, он затем выложил фрагменты в том порядке, в каком они были расположены на окне. Внимательно посмотрев на картинки, я заметила, что некоторые из, казалось бы, разрозненных штрихов были толще и больше других. Интересно, заметил ли это Джек, а если заметил, то что, по его мнению, это значило?

Затем я прошла к другому концу обеденного стола, где стопкой были сложены книги, причем некоторые из них были положены друг на дружку раскрытыми. Я посмотрела на заголовки, вздрогнув, поняла, что все они, так или иначе, связаны с кораблями, кораблекрушениями и морской историей южной части Соединенных Штатов. Взяв из стопки верхнюю книгу, я пробежала глазами открытую страницу. В самом низу желтым маркером были отмечены три абзаца. Поднеся книгу к самому носу и прищурившись, чтобы ее рассмотреть, я трижды перечитала выделенные абзацы – просто затем, чтобы убедиться, что я все правильно поняла.

Весь абзац касался таинственного исчезновения в хорошую погоду британской шхуны, шедшей в 1785 году из Чарльстона в Бостон. В последний раз ее видели пятнадцатого июля у острова Джонс. Больше никаких известий ни о судьбе пассажиров, ни о судьбе экипажа не поступало.

Я прижала руку к груди. Сердце билось с такой силой, что его стук, казалось, эхом отдавался в пустой комнате. *Кэтрин.*

Кэтрин, любимая девушка Вильгельма, погибла в июле 1785 года. Я помнила эту дату, потому что это был мой день рождения – пятнадцатое июля. Я вспомнила, что говорил о ней Вильгельм – о том, как она умерла. Она утонула. *Я не знал, что она на том корабле. Я не знал и потому не спас ее.*

Я перелистала книгу назад и прочла заголовок. *Пираты Земли. Корабельные мародеры юго-восточного побережья Соединенных Штатов в восемнадцатом-девятнадцатом веках.*

Внезапно меня отвлек звук, донесшийся из спальни Джека, – тихий гортанный смешок, совершенно непохожий на его обычный смех. Я сделала шаг к спальне и в этот момент заметила женские

туфли-лодочки на высоком каблуке-шпильке, пару чулок и сумочку, и все это, словно дорожка из хлебных крошек, вело к двери спальни.

Розовая лакированная сумочка была мне хорошо знакома. В следующее мгновение дверная ручка повернулась, дверь открылась, и передо мной предстала Ребекка Эджертон, одетая лишь в клетчатую рубашку Джека.

Похоже, она была удивлена не меньше меня, однако пришла в себя гораздо быстрее. Пока я стояла, разинув рот и пытаюсь придумать, что мне сказать, она подняла с пола одежду и прокурорским тоном спросила меня:

– Что вы здесь делаете?

Я хотела задать ей тот же вопрос, но поскольку ни она, ни я, по большому счету, не имели на это права, то я воздержалась. Впрочем, отвечать ей я тоже не стала. Вместо этого я шагнула вперед, объятая яростью не только по причине ее подлости, но и потому, что она вышла из спальни Джека в одной только его рубашке.

– Ты не имеешь права задавать мне такие вопросы! – воскликнула я, тыча в нее пальцем. – Это ты должна ответить мне... причем ответить еще и на другие вопросы. Например, как давно тебе известно, что ты приходишься родственницей Крэндаллам из Мимоза-Холла и той девушке на портрете? Мне пока неизвестно, почему ты решила утаить от меня этот факт, но ничего, я непременно это узнаю. И я хочу знать, почему ты выбрала для своих игр мою мать и меня?

Ребекка на миг нахмурила брови и приняла растерянный вид. Я даже на мгновение поверила, что она и впрямь ничего не знает. Но затем я вспомнила, как она не отвечала на мои звонки, как украла дневник, и буквально впиалась в нее взглядом. Она меня не обманет, какие бы слова ни слетели с ее губ.

– Я не знаю, о чем ты говоришь, Мелани. Да, я признаюсь, что, увидев на семейном древе Крэндаллов мою фамилию, была заинтригована. До этого я об этом ничего не знала и удивилась не меньше, чем ты.

– Вот-вот, так удивилась, что украла папку с фамильным древом, которую Ивонна приготовила для меня, а заодно «случайно» прихватила еще одно, которое составила миссис Макгоуэн? Скажи, ты считаешь меня круглой душой? Я знаю, что все это неким образом связано, и у меня есть сильное подозрение, что тебе известно, как

именно. Не знаю, по какой причине, но ты не желаешь мне этого сказать. – Я перевела дыхание. Казалось, ярость высосала из моих легких весь воздух. – Но я это выясню. Без твоей помощи. – Я подняла руку. – Можешь ничего мне не говорить. Все равно это будет ложь, у меня же нет времени ее выслушивать. – Я перебросила ремешок моей сумочки через плечо и приготовилась уйти. – Только помни: отныне ты лишилась права даже приближаться к моей матери со своими вопросами. Не смей даже появляться на пороге нашего дома. Тебе там не рады.

Я повернулась, чтобы как можно скорее уйти, но в следующий миг не то увидела Джека, не то расплакалась, или же то и другое одновременно. Такое унижение я пережила до этого всего один раз, кстати, тогда тоже не обошлось без Джека. Тогда мне казалось, что он интересуется мной, в то время как его с самого начала интересовали спрятанные в моем доме сокровища. И вот теперь я испытала то же самое, только на этот раз я могла обвинять лишь саму себя за то, что простила его и вновь впустила в мою жизнь.

Я уже решительно шагнула к двери, когда Джек окликнул меня:

– Мелли, погоди!

Распахнув дверь, я обернулась: Джек застыл в дверях спальни – в джинсах, в вывернутой наизнанку рубашке, со всклокоченными волосами.

– Это еще зачем? Чтобы ты унижил меня еще больше? Как давно вы с Ребеккой посмеиваетесь за моей спиной? Не поэтому ли ты не отвечал на мои звонки? Я думаю, что вы с Ребеккой спелись и решили быть заодно, а меня прокатить... верно? – Горло мне обожгли слезы, но я поспешила их сглотнуть. Ни за что не дам этой сладкой парочке увидеть меня плачущей!

– Все не так, как ты думаешь. Все это... – Он помахал рукой, указывая куда-то позади себя, хотя я так и не поняла, что он имел в виду, Ребекку или беспорядок в своей квартире. – ...просто вышло само собой. – Он шагнул вперед, и когда я заглянула в его глаза, то почти поверила ему. – Я обещал тебе больше никогда не лгать, – тихо добавил он. – И я не лгал.

Наши взгляды встретились. Да, я хорошо помнила его обещание. Я даже помнила, что поверила ему. Но когда я посмотрела на него, мне невольно вспомнился наш поцелуй, и я подумала, помнит ли он вкус

дождя на наших губах, и то, как наши тела подходили друг к другу, и какими пустыми были дни, когда его не было рядом со мной. А еще мне подумалось: когда ему хотелось что-то сказать, о ком он думал в первую очередь? Обо мне ли? В своем глупом стремлении к самосохранению я все это отрицала. Что, если он делал то же самое?

Я через плечо оглянулась на Ребекку. Та с каменным лицом наблюдала за нами. Я вновь повернулась к Джеку.

– Один из вас лжет. Когда я видела Ребекку в первый раз, она показала мне фото моей матери в фамильных украшениях, колье и серьгах. Эти самые колье и серьги были упомянуты в документах, как принадлежавшие Мери Крэндалл и утраченные в результате кораблекрушения судна «Ида Белль», следовавшего курсом из Коннектикута в Южную Каролину, на борту которого она находилась в качестве пассажира. Ребекке хотелось узнать, откуда они у моей матери, и под тем предлогом, что она-де журналистка и хочет написать о ней статью, она взялась охотиться за ней, чтобы взять интервью. Неужели тебе непонятно? Она лгала мне с самого начала. Ей от меня что-то нужно, и она использует с этой целью тебя.

Ребекка подошла к Джеку и, взяв его за руку, потащила прочь.

– Не надо ее удерживать, Джек. Пусть идет. Ей нужно успокоиться и прочистить голову, чтобы снова начать трезво мыслить. Она слишком расстроена, чтобы понять, что и как, и с ней бесполезно разговаривать.

Я не сводила глаз с Джека.

– Спроси у нее, почему она фотографировала витражное окно в доме моей матери. Мы знаем, что это какая-то подсказка, и у меня такое чувство, что Ребекка поняла, к чему именно. Или она уже сказала тебе, но ты от меня это скрываешь. Ладно, как хочешь. Но знай: у меня нет к ней доверия, а поскольку ты с ней, то у меня нет доверия и к тебе. – Я закрыла глаза, не в силах больше смотреть на него. – И я отказываюсь верить, что ты с ней не спишь.

Его взгляд мгновенно сделался колючим:

– Мне кажется, это тот самый случай, Мелли, когда говорят, мол, нечего на зеркало пенять...

Поняв, что он имеет в виду Марка Лонго и наш короткий роман до того, как мне стал известен интерес Марка к пропавшим бриллиантам, я залилась краской.

– Но ты ошиблась насчет Ребекки, – продолжил Джек. – Она приехала сюда, чтобы рассказать мне о своем открытии: оказывается, ее семья связана узами родства с Крэндаллами. Так что связь с твоей семьей – это просто случайное совпадение.

Я ехидно улыбнулась и не устояла перед соблазном закатить глаза.

– Джек, я твердо усвоила от тебя один урок: такой вещи, как случайное совпадение, не существует. – Я шагнула к двери, но напоследок обернулась еще разок: – Я больше никогда-никогда не желаю тебя видеть. Говорю тебе это совершенно серьезно.

Сказав эти слова, я вышла за дверь, пересекла лобби и, ни разу больше не оглянувшись, вызвала лифт.

Глава 25

Я поехала напрямик на работу, надеясь, что это отвлечет меня от грустных мыслей, как то всегда бывало, когда я сталкивалась с личными неурядицами. Потому что на работе я была сильной, уверенной в себе и успешной – иными словами, обладала всеми качествами, которые отсутствовали в моей личной жизни. По крайней мере, на работе я могла притвориться, что эти две стороны моего «я» сливались в одну, и я была столь же успешна в общении с людьми, как и в сделках с недвижимостью.

Стоило мне войти в офис, как Нэнси Флаэрти встретила меня жизнерадостной улыбкой. С возвращением теплой погоды, позволяющей играть в гольф, ее настроение заметно улучшилось. Я обратила внимание, что Нэнси сжимала телефонную трубку затянутой в перчатку рукой. Она перехватила мой взгляд.

– Дети подарили мне на Рождество новые перчатки, и я пытаюсь приноровиться к ним. Пока что я все время попадаю не в те кнопки, поэтому заранее извиняюсь, если вдруг соединю тебя с чужим клиентом. – Она положила трубку и подалась вперед, пристально на меня глядя.

– Ну и вид у тебя, Мелани. Ты плакала?

– Нет, просто аллергия.

– В январе?

Я прищурилась, глядя на нее.

– Для меня есть какие-нибудь сообщения?

– Да, я положила их тебе на стол. Два от Джека. Два от Дембровски, ну, той пары из Пафкипси. Они на всякий случай хотели уточнить время завтрашнего показа, а также убедиться в том, что ты помнишь, что им нужно что-то не старше пяти лет.

Я нахмурилась.

– Что-то еще?

– Да. Звонила Софи. Она знала, что ты в библиотеке, и не стала звонить, чтобы не отвлекать, если ты занята. Но она просила передать тебе, чтобы ты срочно ей перезвонила. Говорит, что нашла что-то для тебя интересное.

– Спасибо, Нэнси. – Я вручила ей мое пальто. Теперь, когда я вновь была на своей территории, мое настроение заметно улучшилось. – И последнее. Если позвонит Джек, меня здесь нет. Я больше не намерена с ним разговаривать.

– Это с прошлого раза или что-то новое?

Сделав вид, что не услышала ее вопрос, я зашагала к своему кабинету и, как только вошла, сразу же позвонила Софи. Та ответила после третьего гудка.

– Привет, как дела?

Я посмотрела на телефон.

– Нормально. А почему ты спрашиваешь?

Она ответила не сразу:

– Звонил Джек. Сказал, что ты можешь мне позвонить.

– Он сказал что-то еще.

– Вообще-то нет. Лишь то, что ты вряд ли когда-нибудь пригласишь Ребекку на свой день рождения. Пожалуйста, скажи мне, что он и Ребекка...

– У меня нет желания обсуждать сейчас эту тему, хорошо? Может быть, позже, через пару-тройку деньков, когда я смогу взглянуть на это иначе, но только не сейчас.

– Хочешь, я отправлю ее имя в Американскую ассоциацию нудистов в качестве главного докладчика на их следующей конференции?

Я невольно улыбнулась.

– Спасибо, Соф, ты настоящий друг. Но все в порядке. Честное слово, я справлюсь сама. Скажи лучше, – поспешила я сменить тему, – что ты хотела сказать мне?

– Я нашла Мередит.

– Что? – Думая, что ослышалась, я плотнее прижала трубку к уху.

– Я нашла Мередит. Хотя я даже ее не искала.

Я ждала, когда она объяснит, по опыту зная, что, если не задавать ей вопросов, она сама, в конце концов, выложит все, что мне нужно.

– Помнишь, я говорила тебе про сбор средств на реставрацию старых памятников на кладбище Святого Филиппа?

Я понятия не имела, о чем она. Скорее всего, эта просьба затерялась где-то между вечными напоминаниями выделить дополнительные деньги или необходимостью нанять еще одного

специалиста. Или же она упомянула об этом сразу после того, как предложила сделать дом на Легар-стрит настоящим музеем своей эпохи – без электричества, водопровода и прочего, что могло бы заставить любого, кто пришел в дом, подумать: «Господи, да ведь они жили совсем как в двадцать первом веке».

– Понятно, – проямлила я в трубку, ожидая, что она скажет дальше.

– Так вот, я тут изучала самые старые данные по кладбищу, чтобы уточнить даты рождений и смерти, а может даже, найти в церковном архиве полные записи. И угадай, что я нашла! – взволнованно воскликнула она. Я тотчас представила, как она, задерживая дыхание, надувает щеки.

– Мередит? – предположила я.

– Верно. Я уже тебе сказала. Только не саму Мередит, а мемориальный камень. – В трубке раздался шелест бумаги. – Так, одну минуточку. Ага, нашла. Мемориальный камень был установлен в тысяча восемьсот девяностом году Розой Приоло в память о кузине Мередит Приоло, пропавшей без вести, а скорее всего, погибшей во время землетрясения тысяча восемьсот восемьдесят шестого года. К записи прилагался некролог, возможно, для церковного бюллетеня. В нем говорилось, что Мередит была дальней родственницей, удочеренной отцом Розы, – ее мать к тому времени уже умерла. Родители Мередит погибли в кораблекрушении, она воспитывалась как родная сестра.

– Ух, ты! – Я откинулась на спинку кресла. – Там случайно не сказано, что может быть написано или изображено на этом мемориальном камне?

– Нет.

Я попыталась скрыть разочарование:

– Черт, потому что, зная мою семейку, я бы предложила, что там тоже какая-нибудь головоломка.

– Ты не дала мне закончить, Мелани. Я сказала, что там нет никаких упоминаний о том, что изображено на камне. Но ты перебила меня, прежде чем я успела тебе сказать, что сам камень до сих пор существует, и, чтобы прочесть, что там на нем написано, мне было достаточно перейти улицу.

Поставив локти на стол, я подалась вперед.

– И что же?

В трубке вновь раздался шелест бумаг.

– Вот. Там написано: «Мередит Приоло, родилась в тысяча восемьсот семидесятом году, умерла в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году». Никаких других слов больше нет, зато есть картинка – медальон в форме сердца, точно такой, какой тебе дал отец. Правда... – Я представила, как она, щурясь, пытается прочесть свои заметки.

– Что такое? – подсказала я.

– Правда, на нем выгравирована буква «Р».

Ее слова дошли до меня не сразу.

– «Р»? Ты уверена?

– Абсолютно. Это ясно как божий день.

Я задумчиво закусила губу, глядя, как на моем телефоне замигали два огонька. Кто-то еще пытался дозвониться до меня.

– Мы могли бы встретиться сегодня вечером где-нибудь и все это обсудить? Мне тут нужно срочно кое-кому ответить. И я до конца моей жизни больше не заговорю с Джеком.

– Опять?

– У меня сегодня довольно плотный график, – продолжила я, пропустив мимо ушей ее вопрос, – но я думаю, что к пяти освобожусь. Мы могли бы перебрать все вероятные объяснения.

– Мелани, извини, но я не смогу. У меня свидание.

Я от удивления разинула рот.

– Что-что?

– Свидание. Какие бывают у обычных людей, которые не загружены по самое не могу работой и не охотятся за призраками.

– Но с кем? А как же Чэд?

– Вообще-то свидание с ним.

– У тебя свидание с Чэдом?

– Ну, да. Мы тут решили провести эксперимент и сходить на свидание. Ужин и кино. Он откопал в Северном Чарльстоне один классный кинотеатр, который показывает только зарубежные фильмы, и мы хотим попробовать сходить туда.

Я молча вздрогнула, представив себе темный кинозал и то, как горстка людей тарашится на экран, на котором идет артхаусная картина с субтитрами. Наверно, все они как один будут в «биркенстоках».

– Вау, ну что ж, желаю вам приятно провести время. Потом расскажешь мне, что и как было.

Судя по голосу, Софи была на седьмом небе от счастья. Я невольно улыбнулась. Доктор Софи Уоллен обычно не возносилась от счастья в заоблачные выси, независимо от того, что было на ней надето. И если Чэд добился такого эффекта, что ж, значит, мы на верном пути.

– Обязательно, – сказала она. – А как насчет завтрашнего вечера? Тогда и поговорим. Может даже, разгадаем, как этот мемориальный камень связан со всем остальным.

– Конечно, – ответила я, зная, что так долго ждать не смогу. Мы попрощались, и я медленно положила трубку. Не обращая внимания на входящие звонки, я сидела, уставившись в пространство и мысленно перебирая кандидатуры на роль здравомыслящих экспертов моих безумных теорий. В какой-то момент я даже решила позвонить Марку Лонго, но вовремя передумала. Я все еще не была уверена, могу ли я ему доверять. Кроме того, не хотелось использовать его в качестве замены Джека, тем более что я была уверена, что он его никогда не заменит.

Последним в моем сознании всплыло имя моей матери. Я вспомнила, как мы с ней стояли вместе в потайной комнате, как разговаривали с Вильгельмом и как рядом с ней я и впрямь чувствовала себя сильнее. Я не была уверена, поможет ли она мне поставить на место все эти разрозненные фрагменты мозаики. С другой стороны, она была Приоло, а страсть к головоломкам была такой же частью генного набора Приоло, как длинные ноги и слабость к сладкому.

Я нажала кнопку на служебном телефоне.

– Нэнси, ты не могла бы принимать поступающие мне звонки, а заодно отменить или перенести на другое время все мои запланированные на сегодня встречи?

Как ни странно, моя просьба, похоже, окрылила ее.

– Ой, у тебя свидание?

Я хмуро посмотрела на телефон.

– Нет, Нэнси. Никакого свидания у меня нет. Кстати, почему ты спрашиваешь?

– Не могу представить иной причины, которая бы заставила тебя все отменить.

– Просто мне нужно сделать кое-что дома, вот и все. Не думаю, что в мое отсутствие мир рухнет.

– Ну-ну. Похоже, кто-то повзрослел. Давно пора было это понять, Мелани. Я бы советовала тебе заняться гольфом. Тебе срочно нужно найти что-то такое, что помогало бы тебе расслабиться после работы.

– Я не думаю, что все зашло так далеко, Нэнси, но все равно спасибо. Я буду иметь в виду. – Я положила трубку и направилась в приемную, чтобы взять пальто.

Нэнси встала из-за стойки, и моему взору предстали красные трикотажные брючки, которые я уже видела.

– Не забудь. Завтра утром в девять у тебя оформление сделки. Дай мне знать, если и ее тоже нужно перенести. – Она улыбнулась и помахала рукой в перчатке для гольфа. Я искренне улыбнулась в ответ. Впервые, насколько мне помнится, мысль о закрытии сделки не вызвала во мне ровным счетом никакого восторга: ни сердцебиения, ни прилива адреналина. Я не стала думать о причинах этого явления, однако была почти уверена, что где-то в глубине сознания я по-прежнему думала о Джеке Тренхольме, обвиняя его в том, что он внес в мою жизнь сумятицу, которой там просто не полагалось быть.

* * *

Не увидев рядом с домом ни пикапа моего отца, ни фургонов рабочих, я, честно говоря, удивилась. К моему счастью, ядовитая фуксия стен вестибюля и аляповатая потолочная роспись в моей комнате наконец исчезли под слоем исторически аутентичной (по крайней мере в том, что касалось ее цвета) краски. Увы, нам становилось все труднее заманить маляров назад, независимо от того, сколько денег им было обещано за их работу. Вечно меняющиеся малярные бригады жаловались нам, что банки с краской имели обыкновение падать, кисти летали по воздуху, а самих их в спину толкали чьи-то холодные руки.

Открыв входную дверь, я уловила запах свежей краски и вновь всем телом ощутила пульсацию – своеобразное биение сердца старого

дома. Закрыв за собой двери, я замерла, прислушиваясь к стуку, гулким эхом отлетавшему от пустых полов. Я стояла так несколько мгновений, не зная, что мне делать дальше. Моя голова гудела от мельтешащих в ней, словно конфетти на параде, фрагментов информации. В эти минуты мне, как ни странно, нужен был только один человек.

– Мама! – позвала я.

– Я в кухне! – раздалось в ответ.

Я быстро зашагала по коридору на ее голос. На мое счастье, уродливые распашные двери были сняты. Мать сидела за столом спиной ко мне и смотрела в окно. На ней были перчатки. На столе лежал дневник.

– Мне нужно срочно с тобой поговорить, – выпалила я, как будто боялась, что забуду то, что хотела сказать.

– Я знаю.

Она обернулась ко мне. Мне тотчас бросилось в глаза ее осунувшееся лицо. Глаза запали в глазницах, кожа казалась полупрозрачной. Охваченная тревогой, я подошла к ней ближе.

– Что-то не так?

Мать покачала головой:

– Она очень сильная, Мелли. Я чувствую, как она подбирается ко мне.

Я села напротив нее за стол и отодвинула в сторону дневник.

– Прекрати. Пожалей себя.

– Она совсем рядом, – продолжила мать, как будто не слышала моих слов. – Мне кажется, она знает, что теперь ты сильная, и поэтому решила первой уничтожить меня. Но не переживай. Все будет хорошо. Мне уже доводилось сражаться с ней. Мне просто нужно... отдохнуть.

Она закрыла глаза и покачнулась всем телом.

– Я отведу тебя наверх. Думаю, тебе лучше прилечь. А где отец?

– Уехал в Саммервиль, – ответила она, не открывая глаз. – За саженцами для сада... – Она умолкла, и на какой-то миг я подумала, что она просто сидя уснула. Но затем она открыла глаза и улыбнулась мне. – Я здесь была не одна. Со мной был Вильгельм. Правда, он не показывает себя. Ему стыдно. За то, что он сделал с Кэтрин. А ты как? – спросила она, нахмутив брови. – У тебя такой печальный вид.

Ее сочувствия было достаточно, чтобы я едва не расплакалась. Я покачала головой:

– Не хочу сейчас говорить на эту тему.

Я не стала просить ее не брать телефонную трубку и не открывать дверь, если Джек даст о себе знать. Хотя бы потому, что была уверена, что он этого не сделает. Я просто встала и подошла к ней.

– Пойдем, я отведу тебя наверх. Тебе лучше прилечь.

Она не стала спорить, когда я помогла ей подняться на ноги.

– Захвати с собой и это, – сказала она, указывая на дневник.

Я колебалась всего пару секунд. Сунув дневник под мышку, я помогла матери подняться по лестнице на второй этаж. Я не ожидала, что она так тяжело навалится на меня, потому что на вид была совершенно невесомой. По мне тотчас пробежала дрожь дурного предчувствия. Казалось, весь дом дышал им, наполняя воздух застарелым запахом страха.

Усадив мать на край кровати, я опустилась на колени, чтобы снять с нее туфли, после чего уложила ее в постель. Я хотела также помочь ей снять перчатки, но она покачала головой.

– Сегодня я разговаривала с Софи, – сказала я, поправляя на ней одеяло. – Она нашла мемориальный камень Мередит, установленный Розой Приоло в тысяча восемьсот девяностом году. Тысяча восемьсот семидесятый год указан на нем как год ее рождения, а тысяча восемьсот восемьдесят шестой как год смерти.

– Значит, ей было всего шестнадцать, когда она умерла.

– Да, но... – Я на минуту задумалась, перебирая в уме фрагменты головоломки и быстро отбрасывая их один за другим в сторону. – Найденная на судне девушка была старше.

Наши взгляды встретились, и она выгнула бровь:

– Софи нашла что-то еще?

Я кивнула:

– Отец Розы удочерил Мередит, чьи родители погибли во время кораблекрушения, и воспитал, как родную дочь.

– Ну что ж, это многое объясняет. – Она указала на дневник, который я положила на прикроватный столик. – Я кое-что выяснила сегодня. Думаю, ты уже читала эту запись, но не придавала ей значения. Сейчас ты посмотришь на это новыми глазами. – Она потянулась за дневником и неуклюже перелистала страницы, пока не нашла то, что

искала. – Прочти вот здесь. – Она протянула мне открытый дневник, и я начала читать.

«На день рождения Розы отец приготовил сюрприз для нас обеих. Я уже знаю, что это такое, потому что отец одолжил у меня медальон, чтобы сделать с него копию, но только с инициалом Розы, а не моим. Она хочет во всем быть такой, как я, и это меня немного пугает, потому что мне порой кажется, что она хотела бы стать мной. Она любит, усадив меня перед зеркалом, сесть рядом со мной, чтобы убедиться, что внешне мы почти как близнецы. Разница становится заметна, лишь когда она встает и пытается идти. На прошлой неделе она разыграла Ч., усадив меня в гостиной, чтобы, когда он войдет, я выдала себя за нее. Я согласилась лишь потому, что больше не знаю, как с ней сладить, когда она злится, если что-то происходит не так, как она хочет. Но сегодня я испугалась, что, когда он придет в следующий раз, она захочет притвориться мной. Надо будет послать ему предупреждение, чтобы он сделал вид, будто ничего не заметил».

На минуту задумавшись, я побарабанила пальцами по пожелтевшей странице.

– Через четыре года после землетрясения Роза вышла замуж за некоего Чарльза. Через четыре года после того, как она уехала из Чарльстона путешествовать по Европе с друзьями семьи.

– Четыре года – большой срок. За это время люди могли забыть физическую разницу между двумя девушками, которые были похожи настолько, что их легко можно было принять за родных сестер. – Мать посмотрела мне в глаза. – Мы не такие, какими кажемся.

Я прижала пальцы к вискам:

– Пожалуй, ты права, мы не такие. Но кто мы в таком случае?

Моя мать откинулась на подушки:

– Я видела фото Розы и Чарльза во время их медового месяца, и я видела портрет обеих девушек. Не стоит забывать также, что у найденной на судне девушки была проблема с бедренным суставом. Будь я азартным игроком, я бы поставила на то, что Мередит – наш предок, кто бы она ни была на самом деле.

Мать облизала сухие губы. Я протянула ей стакан с водой, стоявший на прикроватном столике. Взяв его из моих рук, она внимательно посмотрела на меня:

– В таком случае возникает вопрос: как Мередит, которая якобы умерла в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году, родила в тысяча девятисотом году мою мать?

– Но если на «Розе» нашли не Мередит, то кого? – задала я встречный вопрос, хотя, похоже, уже знала ответ. Но я не торопилась озвучить его, боясь ошибиться, пока мать не скажет свое слово.

– Все указывает на Розу. Она хочет, чтобы мы спросили у нее, но мы пока не готовы говорить с ней.

– А почему нет? – удивилась я, чувствуя, как по моей спине как будто маршируют чьи-то маленькие, но тяжелые ноги.

Я глубоко вздохнула, как будто это могло придать мне силы.

– Согласно отчету судмедэксперта, у скелета проломлен череп, как будто его ударили по голове чем-то тяжелым и твердым. Так что у нее есть все причины для злости. Для желания отомстить. И это делает ее крайне опасной.

– Но почему именно нам?

– Потому что это был ее дом. Он принадлежал ей по праву рождения. Потому что, вместо того чтобы жить здесь, иметь детей и внуков, она закончила жизнь на морском дне, с чужим медальоном на шее, в то время как кто-то другой прожил за нее ее жизнь.

Почувствовав себя дурно, я тоже села на кровать.

– Недавно я выяснила еще одну интересную вещь. Алиса Крэндалл, – девушка на портрете в Мимоза-Холле, прапрабабушка Ребекки Эджертон. Колье и серьги с бриллиантами и сапфирами, которые тебе дала твоя мать, первоначально принадлежали матери Алисы, погибшей во время кораблекрушения в тысяча восемьсот семидесятом году. Когда Ребекка увидела твое фото в них, то сразу сообразила, что к чему. Именно поэтому она и обратилась к тебе с просьбой об интервью.

Материнское лицо озарилось мягкой улыбкой:

– То есть если драгоценности были спасены со дна морского, то, возможно, и ребенок тоже. Ребенок, на шее которого был медальон, идентичный тому, какой был у ее сестры Алисы, но только с буквой «Н» посередине. Достаточно было добавить к ней пару штрихов, превратив «Н» в «М», и дать девочке новое имя – Мередит.

Я покачала головой:

– Мне почти жаль Розу. Ее отец находит малышку, приносит ее домой и просит дочь принять ее как родную сестру. Вот только самозванка красивее, лучше сложена и обожает ходить в море под парусом, как и ее отец. Представляю, каково ей было.

Мать закрыла глаза, и я взяла из ее рук стакан воды. А в следующий миг меня посетила еще одна мысль, и я расправила плечи.

– То есть выходит, что мы – потомки убийцы?

Моя мать покачала головой:

– Не говори так. Мы не знаем всех обстоятельств. Кроме того, прочитав дневник, я не могу избавиться от чувства, что Роза сама виновата в своей печальной судьбе.

Я села, вспомнив что-то такое, что слышала. Я повернулась, чтобы сказать ей, но ее глаза были закрыты, и мне на миг показалось, что она уснула. Однако она тотчас открыла их и дотронулась до моей руки.

– Говори.

Почему-то способность матери читать мои мысли не слишком меня тревожила, хотя, по идее, должна была.

– Вильгельм сказал мне, что спас ее, автора этого дневника. Если наши предположения верны и это Мередит – или Нора, – то именно он нашел ее после кораблекрушения. Возможно, она не захлебнулась, когда корабль пошел ко дну, и ее вынесло на берег.

Мать задумалась. Между ее бровями залегла глубокая складка.

– Но ведь на тот момент он уже более ста лет как был мертв.

Я ответила ей снисходительной улыбкой.

– Верно. Если бы мы не знали, как это работает, – вздохнула я. – Из того, что я прочла в журнале, известно, что Роза не видела Вильгельма. Что, в свою очередь, возможно, означало, что она не обладала шестым чувством. Я даже склонна думать, что им не обладал никто в их семье. Но я слышала о том... – Я посмотрела вниз, чтобы убедиться, что она не спит. Но нет, она пристально смотрела на меня.

– Продолжай, – тихо сказала она.

– Я слышала о том, – продолжила я, – что иногда, затратив на это всю свою энергию, духи на миг могут явиться любому человеку.

– Кто тебе это сказал?

– Бабушка Сара.

Ее губы тронула легкая улыбка.

– Я видела такое. Обычно это случается, когда дух прощается со своими близкими или же когда чьей-то жизни угрожает опасность.

– Например, когда тонет маленький ребенок.

Мать кивнула.

– Вильгельм сказал, что он охраняет нас во искупление того, что случилось с его Кэтрин. Именно поэтому он продолжает охранять женщин нашей семьи – потомство Мередит.

– Вильгельм сказал нам, что Кэтрин утонула. – Я нахмурилась, вспомнив книги на столе в квартире Джека, пусть даже я всей душой хотела бы забыть эту сцену. – Джек считает, что во второй половине восемнадцатого века семья Приоло начинала как корабельные мародеры. Их владения на острове Джонс давали им такую возможность. Заманивали они корабли на скалы или же просто при первой возможности грабили севшее на мель судно, мы не знаем, но вполне вероятно, что они нажили свое богатство на несчастье других. – Вспомнив мое унижение, когда я застучала их там вдвоем, и не просто у него дома, а в его спальне, я сглотнула комоч слез. – Джек отметил в книге абзац, касающийся исчезновения в тысяча семьсот восемьдесят пятом году у берегов острова Джонс британской шхуны. Ни ее пассажиров, ни команды, ни груза больше никогда не видели.

– И в тысяча семьсот восемьдесят пятом году погибла возлюбленная Вильгельма Кэтрин.

– Я подумала то же самое. И у меня до сих пор не выходят из головы слова, вырезанные на потолочной балке в потайной комнате, – «пленник сердца». Ребекка упомянула о том, как после того, как британские войска оставили город, жители Чарльстона прятали у себя гессенских солдат. Что, если Вильгельма держали пленником в доме в обмен на то, чтобы он делал за своих хозяев грязную работу, грабя корабли?

Не сводя с меня глаз, мать кивнула.

– Но даже если корабль шел ко дну по прихоти матери-природы, а не человеческих рук, увы, тем, кому повезло остаться в живых, не было никакой пощады, так как они были свидетелями разграбления судна.

Я на минуту задумалась. Я почти как наяву слышала, как фрагменты головоломки занимают свои места. И чем ближе я была к закономерному выводу, тем страшнее мне становилось.

– То есть если Вильгельм делал за хозяев их работу, грабя судно, на котором находилась его Кэтрин, – пусть даже он не знал об этом, – и она утонула, так как он не сделал ничего для ее спасения, то я представляю себе, сколь тяжелой была в его глазах его вина.

– Поэтому он вот уже который век подряд искупает свой грех за то, что не спас любимую женщину.

Мать повернулась ко мне в профиль, и я заметила на ее щеке темный отпечаток человеческой руки. Я тотчас вскочила, в ужасе на него глядя.

– Что случилось?

Она попыталась сесть. Ее лицо было почти таким же бледным, как и наволочка, и она попыталась прикрыть синяк рукой.

– Я же сказала тебе: она набирает силы. Она пытается ослабить меня, чтобы затем заняться тобой.

– Но почему ты пыталась скрыть это от меня?

Ее взгляд сделался решительнее.

– Потому что я не хотела вселять в тебя страх. Страх делает нас слабыми. А это то, что ей нужно. Твой страх позволит ей проникнуть в свое сознание и одержать над тобой победу. – Мать подалась ко мне и схватила мою руку. – Она может причинить тебе вред. Ее ненависть насколько сильна, что ей не составит большого труда это сделать.

– Что ей нужно?

Мать ответила не сразу:

– Я не знаю.

– Неправда, знаешь. – Я наклонилась ниже, и она вновь была вынуждена посмотреть мне в глаза. – Почему ты мне не говоришь?

– Потому что я чувствую твой страх. Она рядом. Неужели ты ее не чувствуешь? Она ждет, когда ей подвернется шанс.

Я отстранилась.

– Мне это не нужно. Никогда не было нужно. Почему мы просто не можем уйти и оставить этот дом ей?

– Ты знаешь, что это невозможно. Она и раньше преследовала тебя, а теперь вообще никогда не оставит в покое, пока не одержит победу. Пока... – Она не договорила, жадно глотая ртом воздух. Ее дыхание было частым и поверхностным.

– Пока что? – Я сурово посмотрела на нее.

Вместо ответа она положила голову на подушку и закрыла глаза.

– Открой дверь.

– Я не слышала... – Не успела я договорить, как звякнул дверной звонок. Я подошла к окну и выглянула на улицу. У тротуара стоял черный «Порш» Джека.

– Это Джек, – сказала я дрогнувшим голосом.

Мать глубоко вздохнула:

– Впусти его.

– Нет. Ты не знаешь, что он сделал.

Она приоткрыла глаза:

– Вообще-то знаю. Но ты все равно должна его впустить. Ему нужна твоя помощь, Мелани.

– Я не могу...

Она приподнялась, опираясь на локоть, и одарила меня сердитым взглядом.

– Ты понадобишься ему так же, как он понадобится тебе. Поэтому иди, открой эту чертову дверь и не спорь со мной.

Я вытаращила глаза. Я не могла припомнить, чтобы мать когда-нибудь кричала на меня. Впрочем, помимо гнева, было в ее внезапной вспышке и нечто приятное. Как если бы мы привыкли к нашим ролям, и у нас наконец отпала необходимость проявлять друг к другу показную учтивость.

Не говоря ни слова, я нарочито медленно спустилась вниз, заставляя Джека ждать под дверью. И все это время я пыталась понять, что моя мать хотела сказать мне и стоит ли мне говорить ей, что я ощущаю присутствие Розы столь же близко, как туго намотанный вокруг шеи шарф.

Глава 26

Прежде чем открыть дверь, я постояла пару секунд... да и открыла ее лишь на узкую щелочку, в которой было видно лишь мое лицо.

Джек был чисто выбрит, а его волосы блестели влагой, как будто он только вышел из душа. Почему-то он тотчас напомнил мне алтарного служку или же нашкодившего мальчишку, который, зная, что его ждет материнский нагоняй, счел нужным сделать из себя паймальчика. Одежда на нем была чистой и выглаженной, а от его тела исходили ароматы мыла и шампуня, и еще один, едва уловимый запах, который я называла «запах Джека».

– Ты уверен, что не ошибся адресом? Насколько мне известно, Ребекка живет в Ансонборо. – Я была горда тем, как холодно прозвучал мой голос – в нем не было слышно даже капельки обиды или унижения, которые с еще большей силой дали о себе знать, когда я вновь оказалась лицом к лицу с ним.

– Послушай, Мелли. Извини. Мне честное слово стыдно, что ты оказалась в той ситуации. Представляю, как тебе было неловко.

– Неловко? Пройти по улице, заправив юбку в колготки, – да, наверно это было бы неловко. То, что было у тебя дома, это... просто унижительно. Это плевок в лицо.

– Плевок в лицо? – Он вопросительно выгнул бровь, и я поняла, что он зол. – Это был бы плевок в лицо, будь между нами, Мелли, какие-то отношения. Ты же однозначно дала понять, что они тебе не нужны. Я, конечно, не святой, но я бы никогда не стал изменять, будь я с кем-то в серьезных отношениях. Твое полное безразличие ко мне дало мне все основания полагать, что я волен поступать, как мне вздумается и ты мне не указ. Я так и поступил. По-другому просто не бывает, Мелли.

Мне хотелось захлопнуть дверь перед его носом, но я не смогла. Ведь что ни говори, а он прав. Теперь самое главное, чтобы он не заметил, как мне больно и что я жалею о том, что упустила свой шанс высказать ему в лицо все, что о нем думаю.

– Мне можно войти? Я должен кое-что тебе показать.

Я приоткрыла дверь чуть шире:

– Тогда покажи прямо здесь. Не хочу тебя задерживать.

Не сказав ни слова, Джек сунул руку в карман и вытащил золотую цепочку. Затем, держа ее перед моим носом, слегка поболтал ею. Луч солнца упал на нее, и она блеснула, как будто заговорщически подмигивая мне. Я прищурилась – хотела убедиться, что передо мной то, что я подумала. На цепочке, на крошечной золотой петельке висел медальон в виде сердечка с буквой «А» посередине.

Я растерянно отпрянула. Джек тотчас воспользовался этим для того, чтобы шире открыть дверь и шагнуть в вестибюль.

– Где ты это взял? – спросила я, хотя, по большому счету, уже знала ответ.

– Ребекка забыла его на полу в ванной. Думаю, он упал, когда она одевалась. И она пока не хватилась его.

Решив не заострять внимание на том, почему Ребекка одевалась в его ванной, я посмотрела Джеку в глаза.

– Это медальон Алисы, не так ли? И если он был у Ребекки, она наверняка была в курсе родственных связей между ее семьей, Крэндаллами и Приоло.

Джек кивнул. Сложив руки на груди, я продолжила сверлить его взглядом. Мой гнев был чем-то вроде брони, оберегавшей мое кровоточащее сердце.

– Ты тоже знал?

Он покачал головой:

– Но я догадался примерно тогда же, что и ты. И я не лгу, говоря, что, как мне кажется, Ребекка тоже ни о чем не догадывалась.

– И поэтому ты принес этот медальон мне? Чтобы доказать мне, что ты не лжешь?

– Отчасти да.

– Отчасти? – Мне захотелось прихлопнуть ту часть меня, в которой шевельнулась слабая надежда. Уголок моего рта пополз вверх в улыбке. И что бы я ни говорила, мне было приятно видеть перед собой нечто от старого доброго Джека.

– Ты ведь знаешь, что я не могу пройти мимо хорошей тайны. Думаю, вместе мы разгадаем ее в два счета.

Я попыталась не показать моего разочарования.

– Только не проси меня работать вместе с Ребеккой.

Он ответил не сразу:

– Ладно. Хотя я не знаю, что у нее на уме, но, по-моему, она уже что-то разгадала. И я уверен, что все не так плохо, как тебе кажется. В любом случае, я не стану принуждать тебя работать с ней вместе, если тебе этого не хочется.

Я смерила его пристальным взглядом.

– Но почему Ребекка? – Я произнесла ее имя с видимым отвращением, с каким обычно произносят имена Гитлера или Бен-Ладена.

– Но почему Марк Лонго? – передразнил он меня.

Я невольно улыбнулась.

– Значит, перемирие? – спросил он.

Я могла бы назвать миллион причин, чтобы сказать «нет», в том числе и заявить о его умении вынудить меня сделать то, чего мне не хотелось. Но по глазам Джека я поняла: я уже угодила в сети, получила свою пулю, и моя голова уже вывешена в качестве трофея над его камином. Опции «Нет» у меня просто не было.

– Ну, хорошо, – вздохнула я. – По крайней мере, пока мы не узнаем всей правды.

– А что потом? – спросил он почти с надеждой в голосе.

– Потом я смогу переехать в свой дом на Трэдд-стрит, а ты вернешься к написанию своих исторических опусов. Какое-то время мы будем обмениваться рождественскими открытками, и я даже буду издали махать тебе рукой, если вдруг увижу на Фестивале Устриц. Думаю, Софи будет покупать нам билеты туда до самой нашей старости, пока мы не пересядем в инвалидные коляски.

Он улыбнулся. Правда, глаза его оставались серьезными.

– Отлично. Значит, перемирие, – произнес он и вздохнул. – Тогда давай возьмемся за дело. – Сунув руку в другой карман, он вытащил стопку фотографий и принялся раскладывать их на полу вестибюля. Я узнала в них фотографии с его обеденного стола. Последним он извлек из кармана сложенный вдвое лист бумаги, который затем расправил и тоже положил на пол, на фотографии.

Я опустилась на колени, чтобы разглядеть, что это такое. Оказалось, что это написанная от руки версия стишка на могильном камне моей бабушки. Каждая строчка была пронумерована, а также каждая буква, слева направо, начиная с цифры «один» в начале каждой

строки. Кто-то, как будто наобум, выделил желтым маркером отдельные буквы.

Крошится кирпич – рушится камин;
Плачет дитя – мать зовет его.
Своей ложью мы множим грехи,
И волны прячут нашу вину.

– Что это? – спросила я.

– Я не уверен. Хотя мне кажется, что бо́льшую часть я уже разгадал. И теперь мне требуется твоя помощь, чтобы разгадать остальное.

Пытаясь не улыбаться от уха до уха, как идиотка, я сосредоточилась на стихе.

– Покажи мне, как далеко ты зашел.

Джек расположил снимки виньетки, опоясывавшей стих на могильном камне, и рисунок на витражном окне, в виде круга: сверху, снизу и по бокам. Закончив, он указал на небольшой пробел в верхнем левом углу, где сходились верхняя и левая вертикальная линии.

– Видишь этот пробел? Это навело меня на мысль, что они расположены по порядку, от цифры «один» до цифры «четыре», начиная сверху и двигаясь по кругу по часовой стрелке. – Джек пододвинул к фотографиям листок со стихом. – Обрати внимание, на могильном камне высечены четыре строчки. Поскольку эта виньетка присутствует и на камне, и на окне, я решил, что это вряд ли случайно.

– Ибо, согласно философской доктрине Джека Тренхольма, такой вещи, как случайность, не существует.

Он даже не улыбнулся. Хотелось надеяться, что он помнил, когда я в последний раз произнесла эту фразу: я бросила ему в лицо свидетельства связи Ребекки с семьей Крэндалл, он же попытался встать на ее защиту.

– Именно, – процедил он сквозь зубы.

– В дневнике тоже кое-что есть, – сказала я. – Например, этот солдат, Вильгельм, всегда стучал по стеклу четыре раза, причем всякий раз, начиная с квадрата, где расположена голова ангела.

– Ты мне этого не говорила.

– Ты не отвечал на мои звонки.

Вместо ответа Джек прочистил горло и вновь указал на снимки:

– Помнишь, я как-то раз заметил, что некоторые штрихи в виньетке крупнее и толще других. Как здесь. – Он указал на верхнюю часть, где второй и пятый штрихи выделялись среди остальных. – Я прикинул и так, и этак, пока не понял, что они соответствуют слову в стишке. Например, второй и четвертый штрихи соответствуют словам первой строки «кирпичи» и «камин».

Наши взгляды встретились, и я ощутила мощный выброс адреналина. Так было и раньше, когда мы вместе бились над разгадкой старого шифра.

– Замечательно, – сказала я.

– Знаю.

Мы снова посмотрели друг на друга. Я театрально закатила глаза, чтобы скрыть улыбку.

– Идя вдоль виньетки, я выбрал вот эти слова.

Он перевернул листок, и я вслух зачитала следующие слова: «кирпич», «камин», «грехи», «в», «прятать», «наши».

Джек посмотрел на меня. Я тотчас поймала себя на том, что тарашусь на его губы и вспоминаю наш поцелуй. Я вновь посмотрела на слова и, пытаясь не замечать застрявший в горле комок, сказала:

– Похоже, они здесь вразнобой. Есть какие-то мысли, что это может значить?

– Пока нет. Как ты думаешь, почему я пришел к тебе? Кто, как не ты, умеешь превращать хаос в упорядоченность.

– Спасибо, – ответила я. – Буду считать это комплиментом. – Не дожидаясь, что он мне ответит, я встала и направилась в кухню, принести пару блокнотов и карандаши, а когда вернулась, то вручила ему блокнот и карандаш.

– Здесь только шесть слов. Составь из них как можно больше предложений, но так, чтобы существительные, глаголы, местоимения и все прочее были на своих местах и складывались во внятное предложение.

– Могла бы этого и не говорить, Мелли.

Я пожала плечами:

– Откуда мне было знать? Здравомыслие – не самая сильная твоя сторона. По крайней мере, на первый взгляд.

Ничего не ответив, он сел на пол рядом со мной. Затем наклонился ко мне ближе и прошептал:

– А как же Марк Лонго?

Сделав вид, что не расслышала, я начала записывать:

Наши кирпичи спрятаны в грехах камина.

Грехи в наших кирпичках прячут камин.

Грехи камина спрятаны в наших кирпичках.

Я посмотрела на Джека. У него, похоже, получилась та же самая тарабарщина. Вздохнув, я вернулась к нашим словам и вновь внимательно посмотрела на них. Как назло, они плясали перед моими глазами, дразня и показывая язык. Я закрыла глаза. Слова никуда не делись, причудливой вязью отпечатавшись на обратной стороне моих век. Я несколько мгновений изучала их, затем резко открыла глаза и вновь посмотрела на листок бумаги. Слова заплясали вновь. Я прищурилась, заставляя их уgomониться, и, сосредоточив внимание на существительных и глаголах, попыталась втиснуть их в осмысленное предложение. Я заморгала, затем села прямо и вновь посмотрела на слова. Ведь это же очевидно! Господи, ну почему мне сразу не пришло в голову?

«В кирпичках камина спрятаны наши грехи», – написала я, схватив карандаш. Затем отложила его и сказала:

– Кажется, готово.

Джек встал, и я протянула ему блокнот.

– «В кирпичках камина спрятаны наши грехи», – прочитал он вслух и нахмурился. – Похоже, ты права. – Он посмотрел на меня. – Но который камин?

Я на минуту задумалась.

– Все каминны в этом доме кирпичные, в том числе тот, что в кухне. Но мы уже исследовали в нем каждый квадратный дюйм. Будь там спрятано что-то еще, мы бы давно это нашли.

– А какие грехи вы можете прятать?

Я покачала головой:

– Не знаю. Но поскольку эти слова есть на окне, которое установила моя бабушка, а также на ее могильном камне, осмелюсь предположить, что эти грехи напрямую связаны с ней и ее семьей.

– Приоло.

– А может, нет. Мередит Приоло появилась на свет как Нора Крэндалл.

Джек вопросительно выгнул бровь:

– Похоже, ты забыла мне об этом сказать.

– Не совсем так. Ты был... если ты помнишь, занят. Именно за этим – поделиться с тобой моим открытием – я и приехала к тебе тогда.

Он не стал оправдываться, и я продолжила:

– Мы с матерью считаем, что малышка Нора Крэндалл не погибла в море, а была спасена кем-то из семьи Приоло, возможно, моим прапрадедом, и воспитывалась как дальняя родственница его дочери Розы. Они изменили ее имя на Мередит и относились к ней как к члену семьи.

– Что объясняет, почему на медальоне перебили имя. И почему у Алисы Крэндалл был точно такой же медальон.

– Более того, – продолжила я, – отец Розы заказал точно такой же и для нее, с буквой «Р». Судя по всему, Роза завидовала Мередит и всегда требовала, чтобы у нее было то же самое.

Джек нахмурился, как будто искал в моих словах скрытый смысл.

– В чем дело?

– Медальон Розы. Мы нашли два. Но где третий, тот, что с буквой «Р»?

– погоди, – сказала я и пошла в кухню, чтобы принести фотографию, которую нашел мой отец: на ней мои прадедушка и прабабушка были изображены во время их медового месяца.

Джек перевернул ее, чтобы прочесть имена, затем всмотрелся в слегка выцветшие лица.

– Ничего не понимаю. Какое это имеет отношение к медальону Розы?

– Здесь написано, что это Роза. Но это не она. Женщина на фотографии высокая и стройная. Посмотри, она почти одного роста с мужем, такая же высокая, как и лошадь у них за спиной. И у нее нет никакой тросточки. Найденные на судне останки принадлежат той, что была ростом не выше пяти футов и двух дюймов и при жизни хромала.

– Тогда кто, по-твоему, изображен на этом фото?

– Мередит, кто же еще.

– Но если на судне нашли останки Розы, то почему на ней был медальон Мередит?

– И волны прячут нашу вину, – прошептала я.

От сидения на полу у меня свело ноги. Я попыталась встать. Джек протянул руку, чтобы помочь мне подняться. Поколебавшись, я взяла его руку. Он не сразу отпустил мою. Несколько мгновений, как будто о чем-то задумавшись, он стоял рядом со мной.

– Если ты права, то в какой-то момент во время землетрясения тысяча восемьсот восемьдесят шестого года Мередит и Роза поменялись местами. Но как? И почему?

Я покачала головой и осторожно высвободила руку.

– Не хочу ничего предполагать. Не хочу думать, что моя прабабушка была убийцей.

– Медальон может быть спрятан среди кирпичей, – сказал Джек и задумчиво добавил: – «В кирпичях камина спрятаны наши грехи».

Мы посмотрели друг на друга, а в следующий миг на дом налетел мощный порыв ветра. Входная дверь задрожала. Люстра над нашими головами покачнулась. Ее подвески тихо звякнули, как будто что-то прошептали на ухо друг дружке.

– Сегодня вечером обещают сильную грозу, – сказал Джек. – И северо-восточный ветер. Думаю, следует ждать сильный шторм.

Мне в затылок тотчас дохнуло ледяным холодом. Я поежилась. А вот Джек, похоже, ничего не почувствовал.

Он странно посмотрел на меня.

– Ты понимаешь, что это означает... что вы с Ребеккой родственницы?

Эта мысль уже посещала меня, но я всякий раз гнала ее прочь, старалась обходить ее, как мы обходим грязные лужи на тротуаре.

– Думаю, ты прав. Это объясняет ее способность видеть вещие сны. Но все остальное в ней, – я покачала головой, – это чьи-то чужие гены.

Сначала я подумала, что он рассмеется, но нет. Его взгляд был устремлен на что-то за моей спиной. Охваченная дурным предчувствием, я схватила его за руку и обернулась.

У основания лестницы, положив на перила дрожащую руку, стояла моя мать.

– Ребекка в опасности. Мы должны ее найти... срочно.

На улице потемневшее небо разрезала вспышка молнии. На мгновение в ее ослепительно-белом свете лицо матери сделалось почти прозрачным.

– Откуда ты это знаешь? – спросила я, но, увидев у нее под мышкой дневник, уже догадалась сама.

– Мередит, – прошептала она. А затем ноги под ней подкосились, и она тяжело опустилась на нижнюю ступеньку лестницы. Я шагнула к ней и, сев рядом, обняла за хрупкие плечи.

– Ты никуда не поедешь, мама. У тебя больной вид.

Впрочем, больной вид не помешал ей прийти в ярость, когда она это услышала.

– Не смей указывать мне. Ты должна слушать меня и делать так, как я скажу. И мы должны найти Ребекку. Роза с ней, а Ребекка не знает, как дать ей отпор.

Я попыталась было спорить, но поняла: ее гнев направлен на кого-то или на что, кто представлял угрозу и для меня тоже.

– Где она? – спросила я, смягчившись.

Глаза моей матери были пусты. Мы обе повернулись к Джеку.

– Она уехала вскоре после Мелани, и с тех пор от нее ничего не слышно. Я дважды звонил ей на мобильный, но оба раза попадал на голосовую почту. – С этими словами он вытащил из кармана телефон и, набрав номер, приложил к уху. Подождав с минуту, он дал отбой. – Никакого ответа.

– Куда она могла подеваться? – спросила я вслух. Мой взгляд упал на дневник под мышкой у матери. – Можно посмотреть?

Мать с видимым облегчением отдала его мне. Я открыла его на последней странице, там, где на обороте обложки была нарисована голова ангела.

– Вдруг это нам подскажет?

Джек шагнул ко мне ближе. Я же открыла свой телефон на снимке витражного окна, где на нем высвечивалась скрытая картинка.

– Это еще одна вещь, ради которой я пришла к тебе. – Я указала на ангела. – Это рисунок носовой фигуры с корабля «Ида Белль», того самого, на котором Нора и ее родители плыли из Коннектикута в Чарльстон. Эта носовая фигура – единственная часть корабля, найденная после крушения. Причем найдена она была на острове Эдисто.

Джек пристально посмотрел на меня:

– Это рядом с островом Джонс.

Я кивнула.

– Я думаю, то, как фигура расположена на этой картинке вполоборота, должно на что-то указывать. Видишь? – Я ногтем указала на основание треугольника, образованного волосами и крыльями ангела. – Его вершина отсутствует, как будто она зарыта в песке, что, на мой взгляд, означало сушу. Отец сказал мне, что Ребекка фотографировала окно, как будто она о чем-то догадалась. Картинка этой носовой фигуры есть в Интернете, так что вполне вероятно, что она его там обнаружила. А также то, что это значит.

Джек указал на изображение плантации Приоло.

– Тебе известно, где располагалась старая плантация Приоло на острове Джонс?

Я задумалась. Как риелтор, я продала на том острове не один дом. Я знала все тамошние поля для гольфа, все кварталы, носившие название бывших плантаций, на землях которых они были построены.

– «Бель Мид», – сказала я. – Теперь там гольф-клуб. Я знаю, где это, но в самом доме была давно, еще ребенком. Меня туда возила бабушка Сара.

– Я могу помочь его найти, – подала голос моя мать. – Главное, доведите меня до квартала, а там я уже найду дорогу.

В следующий миг дом содрогнулся от оглушительного раската грома. Я тоже вздрогнула. Ехать к старым руинам в такую страшную грозу, причем на основании хлипкого домысла, было чистой воды безумием.

– Его уже почти нет. Ураган Хьюго снес с него крышу и обрушил каминные трубы. Но местные любители истории не позволили бульдозерам сровнять с землей все остальное. Дом огорожен желтой полицейской лентой, чтобы в него никто не заходил, потому что это небезопасно.

– Каминные трубы? – спросил Джек.

Я вскинула голову и кивнула:

– Насколько я помню, там было, по крайней мере, три камина. Самый большой находился в главной комнате дома. Когда-то она была частью старой фермы.

– Она могла догадаться о том, о чем догадались мы, и решила найти то, что спрятано в камине, – предположил Джек.

– Медальон Розы? – спросила я, вытаращив глаза.

Струи дождя нещадно хлестали по крыше. Серый мир за окном время от времени освещали вспышки молнии. Я хотела было сказать, что Ребекка и Роза – два сапога пара и стоят друг друга, но, посмотрев на осунувшееся лицо матери, поняла: ситуация гораздо серьезнее, чем мне хотелось бы думать.

– Надо ехать. Прямо сейчас.

Мы с Джеком повернулись к моей матери. Ухватившись за перила, она попыталась встать. Я хотела сказать ей, что она больна и должна остаться, но ее упрямство и решительность напомнили мне мои собственные.

Я подошла к ней и помогла встать.

– Значит, поехали. Но за руль сяду я. Машина Джека слишком маленькая, ты же едва держишься на ногах.

С этими словами я схватила со стола сумочку и осторожно вывела мать из дома. Джек захлопнул за нами дверь. В этот момент, подобно знамени, небо осветила очередная вспышка молнии.

Глава 27

Мы покатали к мосту через реку Эшли и 17-й автостраде, после чего выехали на второстепенную дорогу, что вела напрямиком на остров, – узкое двухполосное шоссе под пологом старых дубов, с которых свисали фестоны испанского мха. В яркий полдень это была поистине волшебная, чарующая картина, но в бушующую грозу она вызывала не столь благостные мысли.

Я была вынуждена позволить Джеку вести мою машину, а сама села на заднее сиденье вместе с матерью, которая была так слаба, что ее постоянно нужно было поддерживать. Она положила мне голову на плечо, и я узнала запах шампуня, которым пользовалась сама. Помню, я ощутила точно такой же на волосах Ребекки. Затем мне вспомнилась ее способность видеть пророческие сны и то, что ее руки показались мне знакомыми. Покачив головой, я отругала себя за забывчивость. Но, сидя на заднем сиденье летевшей сквозь грозу машины, слушая, как по стеклу остервенело стучат тугие струи дождя, чувствуя на плече тяжесть головы моей матери и ничуть этому не удивляясь, я поняла: порой забывчивость – это просто форма психологической защиты.

С заднего сиденья я давала указания Джеку. Вскоре он свернул на не помеченную на картах дорогу. Жители закрытого поселка считали, что чем меньше народу будет знать о его существовании, тем лучше: никто посторонний не станет совать к ним нос.

Когда мы подъехали к воротам, я показала охраннику свою визитку. Одарив подозрительным взглядом меня и мою мать на заднем сиденье, он нехотя открыл ворота, и мы въехали внутрь.

Асфальтовое покрытие дороги было пока еще сухим, но гроза следовала за нами по пятам, причем очень быстро. Почувствовав, что мы свернули, Джинетт подняла голову и указала на грунтовую дорогу, уходившую куда-то вправо от главной.

– Нам туда. Поезжайте через лес, а когда доедете до развилки, сверните вправо. Если свернуть влево, то вы упретесь в старое семейное кладбище.

В ее голосе слышались панические нотки. Я посмотрела на нее. Но ее взгляд был устремлен через мое плечо куда-то в темнеющий лес.

Повернув голову, я увидела выцветший знак «Посторонним въезд запрещен» и старые, ржавые цепи, некогда перегораживавшие дорогу.

– Она там, – тихо сказала она.

– Ребекка?

– Они обе. – Мать повернулась к Джеку и сказала уже громче: – Поторопись, Джек. Прошу тебя, поторопись!

Было слышно, как днище машины царапают камни и корни деревьев. Я попыталась не думать о счетах за ее ремонт. Через десять минут мы уже въехали в ворота фермы на свободное пространство. Позади нас темнел лес, впереди на фоне предгрозового неба маячили руины старой фермы, полуразрушенные стены без крыши. Рядом, под раскидистыми ветвями старого дуба, с которых свисал полог испанского мха, стояла красная «Ауди» Ребекки.

Далекий раскат грома напомнил нам, что нужно поторопиться. Джек вышел из машины и открыл заднюю дверь. Наши взгляды встретились. Тревога в его глазах была отражением моих собственных мыслей. Джек бережно помог моей матери выйти из машины. Я вышла следом и втянула носом воздух.

– Чувствуете запах?

Джек и моя мать повернулись ко мне. В глазах обоих застыл немой вопрос.

– Это дым. Горит дерево, а не листья, – пояснила я.

Мы все трое направились дому. Джек обрел решительность первым.

– Оставайтесь в машине, – сказал он, обращаясь к моей матери и ко мне. – Если я не вернусь через десять минут, звоните в полицию.

Я попыталась было спорить, мол, я пойду с ним вместе. Но мне не хотелось оставлять мать одну, ведь в случае чрезвычайной ситуации она не сможет действовать быстро. Кивнув в знак согласия, я проводила Джека взглядом: перепрыгнув через прогнившие доски крыльца, он исчез в черной, зияющей дыре дверного проема. Я посмотрела на часы и начала отсчет.

Мы с матерью молча сидели на заднем сиденье машины. По-прежнему пахло дымом, хотя никакого огня видно не было. Сглотнув комок в горле, я повернулась к матери.

– Роза ведь не может никому навредить, верно? В том смысле, что мы получили от нее пару синяков, но это все. Я права?

Мать взяла мою руку, и я заметила, что она сняла перчатки.

– Я должна сказать тебе одну вещь, Мелли. Наверно, я должна была сделать это уже давно.

Я посмотрела на часы. Прошло две минуты.

– О том, почему я ушла.

Я медленно повернула к ней голову. Сколько лет я ждала этого момента – годы неведения и вопросов, надежды и печали, – и вот теперь, когда он наконец наступил, меня охватила паника. Вся моя предыдущая жизнь строилась на неких допущениях, и если вдруг они окажутся неверны, что тогда?

Я не решалась посмотреть ей в глаза и потому сосредоточила взгляд на деревьях у нее за спиной, наблюдая, как ветер терзает листья, пытаюсь оторвать их от веток и бросить в нарастающий вихрь.

– Твоя бабушка, умирая... – она умолкла, но, помолчав, нашла в себе силы продолжить: – Я была там. Она сказала мне...

– Что мы не такие, какими кажемся, – перебила ее я. Мне было страшно услышать то, что она хотела мне сказать.

– Да, но это не все. – Мать нежно коснулась кончиками пальцев моего лица. – Посмотри на меня, Мелли, и внимательно меня выслушай. Твоя бабушка не оступилась на лестнице. Ее столкнули. Вернее, ее столкнул тот самый призрак, что обитает сегодня на черной лестнице. И призрак этот стал сильнее после того, как со дна были подняты ее останки.

– Роза, – прошептала я.

– Да. – Голос матери прозвучал так тихо, что я была вынуждена наклониться к ней, чтобы расслышать его из-за воя ветра. – Я была беременна...

– Я не хочу это слышать, – заявила я. Мне захотелось оттолкнуть ее от себя и выйти из машины.

– Знаю. Именно поэтому я не говорила тебе раньше. Но теперь ты должна меня выслушать. Твой страх мешает тебе обрести силу, Мелли. Ты же должна быть сильной. Нам обеим нужна твоя сила.

Я закрыла глаза и попыталась сделать несколько успокоительных вдохов, как тому всегда учила меня Софи. Снова открыв глаза, я посмотрела на часы. Еще пять минут.

– Выслушай меня, Мелли. У меня был выкидыш. Мальчик. Пойми, каково мне было: знать, как погибла, упав с лестницы, моя

мать, постоянно слышать язвительный голос Розы... Я потеряла ребенка из-за нее... – Она сжала мои руки и заставила вновь посмотреть ей в глаза. – Я не хотела потерять и тебя тоже.

Я покачала головой, но глаз не отвела:

– Но ведь потеряла. Ты ушла.

– Мне ничего другого не оставалось. Неужели тебе не понятно? Ты была слишком мала, чтобы дать ей отпор. Она знала, что с возрастом ты станешь сильнее. И что, если мы будем вместе, мы ее победим. Изгоним ее навсегда. Но она хотела, чтобы мы заплатили за то, что Мередит сделала с ней, хотя тогда я не понимала почему.

– Ты могла бы сказать мне. Я бы поняла. – На наши сомкнутые руки упали слезы, и я с удивлением поняла, что мои.

– Тебе было всего семь лет, Мелли. Ты бы не поняла. С моей стороны было бы жестоко заставить тебя понять. Мы были для нее маяком, мы две. Для меня находиться рядом с тобой было опасно. Для нас обеих. Причем тебе – опаснее, чем мне.

– Я не собиралась вечно оставаться ребенком. Я росла. Я обретала силу. Ты могла бы вернуться раньше, и мы бы вместе дали ей отпор.

– Нет. Ты должна была сначала преодолеть свой страх. Для призраков ты была как костер в ночи. Для добрых и для злых. Помнишь, у тебя были воображаемые друзья. Но в доме были и другие духи, которых ты избегала, которые заставляли тебя каждую ночь заползать в постель ко мне или к бабушке. Ты не понимала, что твоя способность видеть их и общаться с ними дают тебе над ними власть. Поэтому они пользовались тобой, питались твоим страхом. Я не могла допустить, чтобы это сделала Роза. Она убила твою бабушку и моего ребенка. Я должна была приглушить нашу яркость, пока ты не осознаешь свою силу. И я бы никогда не позволила ей обидеть тебя, даже если это означало страдания для меня самой. – Она большими пальцами смахнула с моих глаз слезы. – Я уже говорила тебе это раньше. Помнишь? Что иногда мы должны сделать единственно верный шаг, даже если при этом мы вынуждены расстаться с самым дорогим, что у нас есть. Я хотела, чтобы ты это запомнила. Скажи, ты запомнила?

Я помнила. Я отлично помнила, как я лежала в темной комнате, сонно прикрыв глаза, и слушала, как она говорит мне эти слова. Возможно, я слушала бы ее внимательнее, знай я, что в течение более

трех десятилетий я больше не увижу ее. Но я закрыла глаза и отрицательно покачала головой, цепляясь за то, что привыкла считать правдой, независимо от того, каким неразумным упрямством это было с моей стороны. Передо мной была женщина, которую я приучила себя ненавидеть, которую я пыталась забыть, как если бы ее никогда не было в моей жизни. Я приучила себя сопротивляться всему, что я унаследовала от нее. Но она только что сказала мне, что ушла от меня, чтобы спасти мне жизнь. И я провела все эти годы, ненавидя ее, желая быть от нее как можно дальше. Стыд опустился на меня, словно птица на плечо. Я по-прежнему оставалась собой, но всякий раз, поворачивая голову, я видела его.

Отстранившись, я нащупала ручку двери на другой стороне машины и почти вывалилась на гравий и опавшие листья. Я с силой вцепилась в дверь, не давая ветру захлопнуть ее. Запах дыма сделался сильнее. Теперь мне стали видны сизые струйки, поднимавшиеся из-за дома. Я в очередной раз посмотрела на часы. Десть минут.

Не обращая внимания на ее полный мольбы взгляд, я бросила на сиденье мой мобильник.

– Звони в полицию! – крикнула я, преодолевая рев ветра. Мои слова разбились о машину, словно первые капли дождя. – Я иду в дом на тот случай, если Джеку нужна помощь.

Мать наклонилась ко мне. Я была вынуждена напрячь слух, чтобы из-за грохота надвигающейся грозы услышать, что она говорит.

– Когда ты была маленькой, именно твой страх был твоим главным врагом. Теперь ты взрослая и сильная, ты понимаешь? Не слушай ее голос, тверди себе, что ты сильнее, чем она. Стоит тебе усомниться в своих силах, как она ворвется в твое сознание.

Я пристально посмотрела на нее. С моих губ был готов сорваться вопрос, но я как будто окаменела, не готовая расстаться с той Мелани, какой я была в собственных глазах.

– Да, Мелли. Ты сможешь. Беги. Беги быстро. Ибо она близко.

Мы еще пару мгновений смотрели друг другу в глаза, а затем я повернулась и, перепрыгивая через гнилые ступени крыльца, как это только что сделал Джек, бросилась в дом. За моей спиной земля содрогнулась от раскатов грома.

Оказавшись внутри, я не смогла сразу различить стены вестибюля, над которыми вместо потолка зияла дыра. По остаткам

старой штукатурки и гниющих деревянных деталей вились ползучие растения. Полы из широких дубовых досок были изъедены термитами, некоторые доски отсутствовали. Пробраться по ним в дальнюю часть дома было все равно, что пройти через минное поле. Я заглянула в дыру на кирпичные остатки фундамента – хотела удостовериться, что Джек не провалился в нее.

Передо мной куда-то в пустоту уходила величественная парадная лестница. Ее перила давно стали жертвами не то матери-природы, не то заезжих вандалов. У пустых окон, ни в одном из которых не осталось даже осколка стекла, как бы подчеркивая всеобщее запустение дома, болтались обрывки ветхих штор.

– Джек! – крикнула я и закашлялась, втянув в себя отравленный дымом воздух. Не знаю, может, мне показалось, но я услышала потрескивание языков пламени.

– Мелли, давай сюда. Смотри, куда ты ступаешь, но поторопись.

Двигаясь быстро, но осторожно, я начала пробираться в заднюю часть дома. Я дважды окликнула Джека, чтобы сориентироваться. Вслед за вспышкой молнии мгновенно последовал раскат грома – их небесный дуэт возвестил о том, что гроза уже совсем рядом.

В тусклом свете я шагнула на кирпичный пол и, похоже, вошла в более старую часть дома. Здесь бо́льшая часть крыши была цела. Наверно, потому, что эта часть дома была ниже и потому уцелела во время сильного урагана, уничтожившего бо́льшую его часть.

Я прищурилась, вглядываясь в полумрак. Я сумела разглядеть в конце комнаты огромный камин, перед которым на полу сидела чья-то фигура.

– Джек! – крикнула я, делая шаг вперед.

– Осторожно, тут повсюду валяются кирпичи.

Я подошла ближе, чтобы рассмотреть огромный камин, который когда-то занимал целую стену кухни на старой ферме. Но там, где труба должна была уходить вверх через крышу, зияла дыра, а сам камин представлял собой грудку кирпичей на полу, и над этой грудой склонился Джек.

– Что такое? – спросила я, подходя ближе, пока не заметила под грудой кирпичей какое-то движение. – О боже! – ахнула я, опускаясь на колени рядом с головой Ребекки. Ее белокурые волосы были все в

крови, а тело от талии и ниже было придавлено огромной плитой, которую, как я поняла, Джек безуспешно пытался сдвинуть.

– Что случилось?

Ребекка простонала. Ее лицо было искажено гримасой боли. Вместе нее мне ответил Джек:

– Она сказала мне, что каминная полка внезапно выскользнула из стены и обрушилась на нее вместе с массой кирпичей. По-моему, у нее сломана нога.

Ребекка вскрикнула, и сначала мне показалось, что начало рушиться что-то еще. Мы с Джеком как по команде повернули головы: другая половина комнаты, состоявшая в основном из прогнивших балок, взорвалась языками пламени. Его жар и свет накатили на нас обжигающей, слепящей волной.

Я посмотрела на Джека. Как бывший военный, он наверняка должен знать, как поступать в таких случаях.

– Мы должны уходить, и как можно быстрее. Ветер раздувает огонь, и у нас нет времени ждать, когда пламя погасит дождь, – сказал он и закашлялся от едкого дыма. – Ребекка, ты уж меня извини, киска, но сейчас тебе будет очень больно. Впрочем, я надеюсь, что ты потеряешь сознание и больше ничего не почувствуешь.

Я не нашла в себе мужество посмотреть на ее лицо, чтобы увидеть, как она восприняла его слова. Тем более что мой взгляд был прикован к огню, жадно пожиравшему стены дома.

– На счет «три» я приподниму эту плиту, а ты, – он обратился ко мне, – постарайся вытащить из-под нее Ребекку. Ты сможешь ее поднять.

Я кивнула. Мои глаза слезились от дыма, но я все равно просунула руки ей под плечи. Она ничего не сказала. Не знаю, возможно, она уже была без сознания.

– Раз, да, три, – глядя на меня, посчитал Джек и, поднатужившись, приподнял каменную плиту – ровно настолько, чтобы мне вытащить из-под нее Ребекку, после чего резко ее опустил, и она с грохотом снова рухнула на кирпичный пол. Ребекка вскрикнула, однако ее крик тотчас же потонул в очередном раскате грома.

Пламя между тем подобралось уже совсем близко – его языки уже лизали порог коридора, из которого я пришла. Кстати, это был наш единственный выход из комнаты.

– Поторопись! – крикнула я Джеку. Он опустился рядом с Ребеккой на колени и бережно поднял ее на руки. Ее джинсы были в крови, но она была в сознании. Чтобы не кричать, она закусил губу, и я невольно восхитилась ее мужеством. Тыльная сторона моих ладоней саднила. Посмотрев на них, я увидела, что они все в царапинах. Правда, я, хоть убей, не помнила, откуда эти царапины у меня взялись.

Джек понес Ребекку к двери. Почему-то она начала извиваться в его руках, как будто пытаюсь вырваться.

– Стой! – крикнула она, указывая окровавленным пальцем на камин.

Обернувшись, я увидела темный деревянный портсигар, частично заваленный грудой кирпичей. Мне тотчас вспомнились слова головоломки. *В кирпичях камин скрыты наши грехи.* Я остановилась. Время как будто сделало то же самое. Прежде чем Джек успел кликнуть меня, я бросилась к ящичку, вытащила его из-под кирпичей и бросилась вдогонку за Джеком. Я перепрыгнула порог как раз в тот момент, когда комнату за нашими спинами сотряс оглушающий грохот падающих балок, и на то место, где всего несколько секунд назад были мы трое, рухнула остальная часть крыши.

Натянув на нос рубашку, чтобы не дышать едким дымом, я осторожно последовала за Джеком, пока мы с ним не вышли на крыльцо. Миром вокруг владела кромешная тьма. А затем небеса разверзлись, и на нас обрушились потоки ливня.

Мы на миг остановились, чтобы перевести дыхание. Джек повернулся ко мне. Дождь стекал по его лицу, глаза сверкали неподдельной яростью.

– Это сущее безумие, Мелли. Ты могла запросто погибнуть. – Он дрожал, я знала, что не только от гнева.

Несмотря на ситуацию, в моей груди забрезжил проблеск надежды. Прежде чем Джек успел прочесть мои мысли, я бросилась мимо него бегом к машине и распахнула заднюю дверь, чтобы он мог положить на заднее сиденье Ребекку. Пока он ее нес, я застыла рядом с машиной, растерянно глядя внутрь. До меня даже не сразу дошло, что на заднем сиденье никого нет. Я отступила, чтобы не мешать ему, а сама, наплевав на дождь и грязь, бросилась назад к дому в поисках матери.

– Мама! – крикнула я и, чувствуя так хорошо знакомую мне смесь жара и ледяного холода, устремилась к той стороне дома, что представляла теперь собой черную, обугленную коробку. Никого там не увидев, я подбежала к фасаду и, запрыгнув на крыльцо, сунула голову в зияющий дверной проем: – Мама!

Я вновь закричала. Мне стало по-настоящему страшно. Такого ужаса я не испытывала давно – с тех пор, когда, проснувшись утром, обнаружила, что матери со мной больше нет.

Сбежав с крыльца, я бросилась со всех ног в противоположную сторону и наконец забежала за дом. Вдоль раскисшей от дождя тропинки, что вела к ручью, росли высокие, хилые сосны. Вода в ручье уже поднялась до уровня верхушек травы.

– Мама! – крикнула я, отчаянно вертя головой во все стороны.

Чья-то сильная рука схватила меня за локоть и резко развернула. Передо мной был Джек. Лишь когда он встряхнул меня, я поняла, как близка я была к безумию. Я все еще держала в руках портсигар, внутри которого что-то звякало. Я задыхалась, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы восстановить дыхание.

– Мама. Она пропала. Она была в машине, когда я вошла в дом. Я дала ей мой телефон... – Я не договорила, понимая всю тщетность моих попыток объяснить ему что-то, стоя под дождем.

Голос Джека прозвучал спокойно и рассудительно:

– Если бы она вошла в дом, мы бы ее там увидели. Возможно, она пошла к сторожке, позвать на помощь.

Я не стала с ним спорить и позволила отвести меня назад к машине. Открыв пассажирскую дверь, он усадил меня на сиденье и, как то обычно делают копы в телевизионных шоу, положил мне на голову руку, чтобы я не ударилась макушкой. Мои зубы стучали, не то от холода, не то от страха. Джек тем временем снял рубашку, оставшись в одной футболке. Рубашку он разорвал на полосы и наложил Ребекке на ногу повязку, чтобы остановить кровотечение. Она ни разу не крикнула, хотя по тому, как крепко она стиснула зубы, я поняла, что ей больно. Губы ее были почти белые, что делало ее похожей на куклу.

Наложив Ребекке давящую повязку, Джек сел за руль. Восхищенная ее выдержкой, я тоже повернулась к ней.

– Ну как ты? – спросила я у нее. Ничего другого мне не пришло в голову.

Она кивнула, и я увидела, что она тоже дрожит.

– погоди, – сказала я и, нагнувшись, нажала на рычаг багажника, а сама выскочила под дождь. Подбежав к багажнику, я достала из него одеяло – я всегда храню там пару штук на случай непредвиденных обстоятельств, – и, пригнувшись над ним, чтобы оно не намокло, вернулась в машину и захлопнула за собой дверь. Перегнувшись через спинку сиденья, я укрыла Ребекку одеялом и вместо подушки положила ей под голову мою сумочку. Она с благодарностью улыбнулась и закрыла глаза.

Я повернулась к Джеку:

– Я велела матери позвонить в полицию, но я не знаю, сделала ли она это.

Стоило мне упомянуть мать, как меня вновь начала бить дрожь. Джек обнял меня и энергично растер мне руки и спину.

– Не хочу тебя напрасно пугать, но я надеюсь, что она сделала это, потому что здесь нет связи.

– Мы должны найти ее, Джек. Она без пальто, и дождь вон какой сильный. – Я поймала себя на том, что лепечу, как ребенок. С другой стороны, как еще я могла выразить свою тревогу по поводу женщины, которой тридцать три года не было в моей жизни, и я убедила себя, что она не существует.

– Давай поедem назад к воротам, хорошо? Мы не можем терять время, потому что мы должны помочь Ребекке. Дорога размыта, и мне придется вести машину медленно. Мы с тобой будем смотреть в четыре глаза. И кто-то из нас двоих обязательно ее заметит.

Я кивнула. Джек завел мотор и включил фары. Впрочем, толку от них не было почти никакого, так как перед нами сплошной стеной лился дождь. Джек, как и обещал, вел машину медленно. Мы во все глаза вглядывались в темноту – он слева, я справа. Одновременно я пыталась убедить себя, что он прав, что, по всей видимости, мать пошла к воротам, попросить охранника вызвать «Скорую» и пожарную команду. Хотя, учитывая вселенский потоп, необходимость в последней наверняка уже отпала. Переднее правое колесо угодило в колдобину. Джек переключил скорость, дал задний ход, а потом вновь устремился вперед.

– Стоп! – приказала я, рукавом вытирая запотевшее окно. Мы доехали до развилки, которую мать показала мне по дороге сюда: от нее дорога вела к старому семейному кладбищу. Я закрыла глаза, блокируя страх, холод и грохот грозы, и попыталась прислушаться к тихому уголку внутри меня. Бабушка всегда говорила, что он там есть, главное, сосредоточиться, и он найдется. Мне он нужен был сейчас, поскольку все другое: моя собранность, моя аккуратность и даже мои пресловутые графики работы, – все это было в данную минуту абсолютно бесполезно.

– Она там! – Я указала на дорогу. – Она пошла на кладбище.

Я обернулась к Ребекке. Поскольку обогреватель работал на полную мощность, ее дрожь немного унялась, и она даже сумела сесть и привалиться к дверце машины. Она по-прежнему была белой как мел, но по крайней мере оставалась в сознании.

– Да, – вымучила она сухими губами. – Кладбище. Я видела там Джинетт. Во сне. Тогда я не поняла, что это значит... – В этот момент небо прорезала вспышка молнии, отчего ее кожа и глаза приобрели нездоровый желтый оттенок. – Она там... не одна.

Джека не пришлось упрашивать. Он со всей силы нажал на педаль газа. Мы все качнулись вперед. Мелкие камни царапали о металл машины, но я не обращала на них внимания, думая лишь об одном: там моя мать, и она нуждается во мне.

Затем я вновь вспомнила ящичек в моей руке и посмотрела на него.

– В нем медальон Розы? – спросила я, оборачиваясь к Ребекке. – Ты его искала?

Машину между тем тряхануло на очередной колдобине. Сломанная нога Ребекки упала с сиденья, сама она застонала. Несмотря на тряску, я помогла ей сесть ровно. Она покачала головой.

– Я не знала, что в нем. Лишь то, что носовая фигура корабля указывала на этот дом. А шифр на окне и на могильном камне, мол, что грехи спрятаны в кирпичах камина, однозначно говорил, что это тот самый дом.

Я открыла язычок замка, приподняла крышку и отвела ее назад, чтобы внутрь упал хотя бы слабый свет. Из ящичка мне подмигнуло кольцо с рубином и шпилька для волос с бриллиантовой бабочкой. Я хорошо помнила обе эти вещи из описи в заявлении в страховую

компанию. Согласно этому заявлению, они были утрачены при кораблекрушении судна «Ида Белль» наряду с сапфировым и бриллиантовым колье и такими же серьгами, которые теперь принадлежали моей матери.

Я поднесла открытый ящичек ближе к Ребекке.

– Ты сделала все это ради украшений? Скажи ты мне это сразу, я бы тебе их тотчас отдала.

Морщась от боли, она покачала головой.

– Я не искала спрятанных сокровищ, если ты это имеешь в виду. Мне было нужно... мое наследство. В доме моей матери висит портрет моей прапрабабушки – бабушки Алисы и Норы. На нем она изображена в этом самом сапфировом колье и серьгах. Увидев их в телепередаче на твоей матери, я решила выяснить, как они попали к ней. Я подумала... – она сделала глубокий вдох, как будто оседлала волну боли, – я подумала, что ты знаешь правду, но нарочно скрываешь ее от меня.

Я вновь поставила ящичек себе на колени и покачала головой. Посмотрев вниз, я заметила рядом с украшениями почерневшую от времени серебряную детскую погремушку. Поднеся ее почти к самому лицу, я потерла рукоятку большим пальцем. Из-под слоя окисла проступила монограмма НСК. Я не знала, какое у Норы Крэдалл было среднее имя, но я была готова спорить на что угодно, что оно начиналось с буквы «С».

Я на миг закрыла глаза. Теории Джека относительно моих предков оказались хотя бы частично верны. Открыв глаза, я заметила на дне ящичка еще кое-что – пожелтевший клочок бумаги, как будто вырванный из какой-то книжки.

С помощью моих коротких, обломанных ногтей я подцепила край листка и вытащила его из уютного ложа на дне ящичка, умудрившись при этом даже не порвать его. Столь же осторожно развернув листок, я поднесла его к свету. Текст на нем был написан тем же почерком, что и в дневнике, откуда он, похоже, и был вырван, просто при чтении мы не заметили недостающей страницы. Поднеся его еще ближе к свету, я начала читать вслух:

«Прошло два дня с того момента, как жуткое землетрясение потрясло Чарльстон. Сначала никто не понял, что это было. Мы с Розой подумали, что это гадкие янки, о которых нам рассказывал наш

бедный отец, вновь начали обстрел города. Но отца вот уже год как нет в живых, и я рада, что он не увидит мой позор.

Я пишу все это, чтобы сохранить правду, чтобы будущие поколения не думали обо мне плохо. Правда всегда, так или иначе, становится известна, и это мой способ сохранить события так, чтобы о них узнали во всей их полноте. Позднее, когда я разгадаю все загадки, я оставляю тропу к этому месту, которое рано или поздно будет найдено.

Почти все называют землетрясение катастрофой, и лишь некоторые не соглашаются с этим мнением. Я же называю его подарком судьбы. Ибо оно подарило мне возможность исправить зло и скрыть мои грехи.

Утром 31 августа Чарльз должен был заехать за Розой, чтобы отправиться с ней на прогулку. Мы с ним давно откладывали момент, когда скажем ей правду, ведь, узнай она это, как она отравила бы нам жизнь. По этой причине мы долго скрывали наши чувства, не торопились, ждали, когда нам представится удобный случай.

Это был жаркий летний день, поэтому я дала слугам выходной. Я знала, что нам с Розой ничего не понадобится, кроме ужина, но кухарка обещала к вечеру вернуться и приготовить его.

Ранее этим утром Роза поймала меня в гостиной и потребовала, чтобы мы разыграли Чарльза. Я поначалу отказалась, зная, что добром это не кончится, но Роза сумела добиться своего, как умеет делать только она. В этом она похожа на паучиху, которая готова впиться в свою жертву. Я согласилась, хотя и не ожидала, что для пущей убедительности она обменяется со мной медальонами. После этого она расположилась на тахте в гостиной и сидела там, пока не пришел Чарльз, после чего тотчас принялась плести свою паутину.

Я стояла снаружи, слушая. Вскоре мне стало понятно, что Роза давно все подозревала и лишь выжидала момент, когда Чарльз признается сам и поставит себя в неловкое положение. После чего она обрушит свой гнев на меня.

Не в силах больше это слушать, я бросилась по черной лестнице вверх и в слезах рухнула на верхней ступеньке. Чарльз был единственной любовью моей жизни. Я много чего уступила Розе, но я не могла отдать ей Чарльза.

Мне было слышно, как они спорят, а затем хлопнула передняя дверь. Я ждала, зная, что она должна отправиться на мои поиски, и страшилась того, что за этим последует. Я сжалась в комок в тщетной надежде на то, что она не найдет меня в том крыле дома, где живут слуги. Но, как и все зло в этом мире, она нашла то, что искала, – меня.

Несмотря на малый рост и увечье, она обладала почти нечеловеческой силой. Схватив меня за локоть, она рывком заставила меня встать, после чего влепила мне пощечину. Из разбитой губы хлынула кровь. Я сказала ей, что мне очень жаль, что мы никогда не хотели, чтобы так случилось, но тогда она перешла в наступление с другой стороны, обвинив меня в том, что я-де украла все, что у нее было, – любовь отца, подруг и даже платья, которые я носила, и еду, которую ела. Она прижала меня к стене лестничного колодца, как вдруг заметила медальон с буквой «Р», который сама же дала мне поносить. Ее лицо тотчас исказилось гримасой нескрываемой ненависти, и она обвинила меня в том, что я не только обокрала ее, но и даже хотела бы сжить ее со света. И поэтому она расскажет всему миру, что никакая я не Приоло, что меня ребенком нашли на берегу и что ее отец удочерил меня, чтобы ей не было скучно. Она рассказала мне про ювелирные украшения и серебряную погремушку, которые нашли тогда вместе со мной, – мол, она хранит их в шкатулке на своем туалетном столике. Мол, это ее страховка на тот случай, если ей потребуется заткнуть мне рот, ее вознаграждение за то, что она была вынуждена с самого детства делиться со мной всем, что у нее было.

Я сказала ей, что это все ложь, что я готова отдать ей все, лишь бы она оставила мне Чарльза. Мой ответ разъярил ее еще больше. Схватив медальон, она с силой дернула за цепочку. Я поняла, что она хочет столкнуть меня с лестницы. Но вместо этого случилось нечто немыслимое. Цепочка лопнула в ее руке. Она же упала навзничь и покатилась вниз по лестнице, и катилась до самой нижней ступеньки, где замерла, согнув голову под неестественным углом.

Я бросилась вон из дома. Догнав Чарльза, я вернулась с ним к нам домой, где честно рассказала ему все, в том числе и то, что никакая я не дальняя родственница, как он привык считать. После чего мы с ним придумали, как нам поступить, и поклялись друг другу, что никогда не пожалеем о том, что мы сделали.

Мы положили тело Розы в сундук, который нашли на чердаке, затем погрузили его в карету Чарльза и отвезли в «Белль Мид». Это я придумала затопить сундук в море. Мы погрузили его на борт «Розы», после чего я отвела судно на глубоководье и пробила в его днище дыру. Чарльз, следовавший за мной в гребной лодке, доставил меня обратно на берег. Мы постояли там, глядя на океанскую гладь, под которой теперь покоились наши грехи.

А затем случилось землетрясение. Благодаря ему я могла легко заявить, что я Роза, а Мередит погибла. Вокруг царили такие разрушения и хаос, что в суматохе никто не заметил того, что тотчас бы бросилось в глаза в иных обстоятельствах. Других наследников, кроме Розы, не было – а поскольку ей было известно о моем происхождении, о нем могли знать и другие, и тогда я лишилась бы всего, что было мне дорого. Всего, что так любил мой приемный отец и чем он щедро делился со мной.

Я планирую на время уехать, чтобы люди забыли разницу между Розой и Мередит и стали бы воспринимать меня как Розу. Если отсутствовать долго, всегда можно будет сказать, что я прошла успешный курс лечения и избавилась от моего недуга.

Чарльз будет меня ждать, и, когда я вернусь, мы поженимся и сможем забыть прошлое. Я же буду молиться, чтобы Роза простила нас. Увы, прощение всегда давалось ей нелегко, и мне остается лишь надеяться, что она не станет мстить нам из могилы.

Единственное, что печалит меня, – это то, что она обрела вечный покой с моим медальоном на шее, а ее медальон остался у меня. Я нашла его на нижней ступеньке лестницы, с порванной цепочкой там, где она его уронила, и меня не оставляет жуткое предчувствие, что она захочет вернуть его себе. Хотя она и заявляла, что все мои вещи по праву принадлежат ей, этот медальон был предметом ее особой гордости. Наверно, потому, что ей его подарил отец, который не слишком баловал ее лаской, но, так или иначе, этот медальон принадлежал ей. И у меня нет никаких сомнений в том, что, будь она на это способна, она непременно вернется за ним».

Я оторвала глаза от листка и увидела, что мы подъехали к прогалине, о которой говорила моя мать. Поднявшись повыше, туда, где не было воды, мы увидели кладбище – высокие сосны защищали пару десятков могил, обнесенных кованой железной оградой. Сквозь

завесу дождя мне были видны призраки давно умерших представителей семейства Приоло, но их внимание было приковано не ко мне. Я сунула листок назад в ящичек и захлопнула крышку.

– Я знаю, что она хочет, – сказала я. Мой разум внезапно прояснился, и все фрагменты загадки тотчас встали на свои места.

– Кто? И что? – Джек посмотрел на меня как на полоумную.

– Роза, – ответила я, открывая дверь машины. – Открой багажник. – Я обернулась, чтобы посмотреть, как там Ребекка. Ее кожа блестела от холодного пота, однако глаза были открыты. Молча посмотрев на меня, она кивнула.

– Будь осторожна, – сказала она.

Я бросилась к багажнику и выхватила оттуда лопату, которую всегда держала там на всякий случай: она часто служила мне опознавательным знаком для открытых домов. Демонстративно проигнорировав недоуменный взгляд Джека, я прошествовала мимо него с лопатой.

– Мама! – крикнула я, но ветер заглушил мой крик. Впрочем, не важно, потому что я уже увидела ее. Вслед за призраками Приоло я проследовала в угол кладбища, где, опустившись на колени перед маленьким мемориальным камнем, моя мать пыталась голыми руками вырыть в земле ямку. Я подбежала к ней.

– Мама! – крикнула я. На этот раз она подняла глаза.

Она промокла до нитки и вся дрожала; губы ее посинели от холода. Опустившись рядом с ней на колени, я стащила с себя мой намокший свитер и набросила ей на плечи – уж лучше так, чем ничего.

– Что ты делаешь?

Мы обе посмотрели на мемориальный камень. *Мереди Приоло. род. 1870 г. ум. 1886 г.* Но на этом камне – в отличие от установленного на кладбище Святого Филиппа, на котором был изображен медальон с буквой «Р», – больше не было никаких надписей. Как верно предположила Мереди, любой, кто добрался до этого места, уже все понял.

Джинетт положила холодную, дрожащую руку поверх моей.

– Мы должны поторопиться. Она здесь. Она здесь, и ее злость подпитывает ее ненависть. – Мать с тревогой во взгляде посмотрела мне в глаза. – Она не хочет уходить, по крайней мере, пока мы обе живы.

Я встала и, положив руку матери на плечо, помогла ей встать.

– Отступи.

Увидев в моей руке лопату, мать отступила.

– Возвращайся в машину, – сказала я. – Там работает обогреватель. Ты быстро согреешься.

Мать покачала головой. Мокрые пряди волос выскользнули из ее прически и теперь хлестали ее по щекам.

– Нет, мы можем сделать это только вместе. – Внезапно она качнулась вперед, как будто чьи-то невидимые руки толкнули ее в спину. К счастью, я успела вовремя ее подхватить. – Поторопись, Мелли, прошу тебя.

Сгорбившись под дождем, она застыла рядом, стоя на коленях на мокрой земле. Я подняла лопату, однако так и не смогла ее опустить, как будто мне кто-то мешал. Обернувшись, я увидела, что Джек сжимает рукоятку.

– Я сам. А ты постой рядом с матерью.

Я удивленно посмотрела на него. Струи дождя каскадом стекали по его лицу. Мокрая футболка прилипла к груди. Я открыла было рот, чтобы возразить, заявить, что-де это моя битва, что он вышел из игры. Однако он наклонился и с такой силой поцеловал меня в губы, что я невольно выронила лопату. Хмуро посмотрев на меня, он вогнал полотно лопаты во влажную, напитанную слезами землю.

Я опустилась на колени рядом с матерью и, обняв за плечи, прижала ее к себе. Невидимые руки дергали нас за волосы, ветер и еще какая-то неведомая сила толкали нас в спину. Я выбросила вперед руку, в ярости оттого, что она прячется за нашими спинами.

– Прекрати! – крикнула я потокам дождя.

Мать схватила мою руку и крепко сжала.

– Сосредоточься, Мелани. Мне нужно, чтобы ты сосредоточилась. Без тебя я бессильна что-то сделать, и она это знает. – Она зажмурила глаза, и я увидела, как капли дождя, прежде чем упасть ей на лицо, на мгновение повисают на кончиках ее ресниц. – Мы сильнее, чем ты! – громко произнесла она, затем повторила эти слова еще раз и вновь сжала мою руку.

– Мы сильнее, чем ты! – произнесли мы в унисон, пока Джек копал во влажной земле яму, которая быстро наполнялась водой. Внезапно я обратила внимание, что материнские руки стали теплыми и

как будто обрели силу, а вот холодные руки, что пытались оторвать нас друг от друга, куда-то исчезли. Меня тотчас наполнило чувство триумфа. Как будто в знак нашей победы, я крепко сжала ее руку и с улыбкой повернулась к ней. Увы, ее лицо по-прежнему было изможденным и бледным, а взгляд устремлен куда-то мимо меня – туда, где копал Джек.

– Нет, Мелли, погоди. Оставайся начеку. Она ждет, когда настанет удобный момент.

Джек окликнул меня. Обернувшись на его крик, я увидела у него в руках нечто вроде квадратной костяной шкатулки. Приподняв ее выше, он подождал, когда струи дождя смыли с нее грязь, после чего открыл крышку. Затем запустил руку внутрь, вытащил медальон и, держа за порванную цепочку, поболтал им. Я тотчас выпустила материнскую руку и потянулась за медальоном.

– Мелли, дай мне твою руку! – Голос матери был едва слышен, хотя она пыталась перекрыть рев ветра, неожиданно подувшего с новой силой.

Я повернулась было назад к матери, когда Джек выкрикнул предупреждение. Краем глаза я успела заметить, как с неба вниз устремилась вспышка света и ударила в землю прямо передо мной. Я с ужасом увидела, как она сбила с ног Джека и мою мать, и лишь затем поняла, что сама тоже лежу на земле и что мой рот забит землей и чем-то горелым. По моему лбу стекала горячая липкая струйка. В самый последний миг, прежде чем закрыть глаза, я поняла, что, по всей видимости, ударилась головой о камень.

Я лежала на спине, и сверху на меня лился дождь, но его струи почему-то не задевали меня. Мне было тепло и сухо, как будто меня вытащили из-под грозы и завернули в мягкое одеяло. Затем я услышала рядом голос бабушки, которая повторяла, что мне пора вставать. Я осторожно повернула голову. Мои барабанные перепонки тотчас пронзил душераздирающий вопль, и я увидела Розу. Ее кожа была белой и набрякла водой, оттого что она долго лежала на морском дне. Глазницы были пусты, но испускали лучи ненависти. Из ее рта и пустых глазниц то и дело выползали в поисках пищи крабы-скрипачи.

Вопль превратился в пронзительный вой, на смену которому затем пришел ее голос – тот самый голос, который я слышала в кухне. *Она оставила тебя, Мелани, потому что никогда не любила. Она*

завидовала тебе, потому что ты сильнее ее. Спи, Мелани, я позабочусь о тебе. Давай накажем ее за то, как она поступила с тобой.

Я отвернулась от гнилостного смрада дохлой рыбы и повернула лицо туда, откуда меня звал голос бабушки. А затем я услышала голос матери, который проливался откуда-то из моего прошлого. *Иногда мы должны сделать единственно верную вещь, даже если при этом должны расстаться с самым дорогим, что у нас есть.*

Закрыв глаза и заблокировав все голоса, я попыталась найти внутри себя тихий, темный уголок. Я вспомнила слова матери. И спустя три десятка лет я поняла. Наконец.

Я впиалась пальцами в землю, пытаюсь отползти от жуткого призрака, но, увы, так и не смогла сдвинуться с места. Я царапала землю, пыталась ползти, я заходила в крике, чувствуя, как ее ледяное дыхание обдает мне затылок. Затем в темноте появилась дверь, из-за которой, образуя светящее кольцо, тянулись пальцы света. Я попыталась встать. Внезапно я поняла, что, если я дотянусь до двери, зло, чье холодное дыхание преследовало меня, исчезнет, и мне больше не придется его бояться.

– Мелли! – крикнул в темноте чей-то голос, но я так и не поняла чей.

Все происходило как в замедленной съемке. Я потянулась к двери. При этом я пыталась смотреть прямо перед собой, зная, что стоит мне повернуть голову, как я снова увижу Розу, и если я посмотрю ей в глаза, то умру. Я, шатаясь, побрела к двери, но, вместо того чтобы идти быстрее, я плавала в море черного страха. Он налипал на меня, словно разлитое нефтяное пятно, омерзительно воняющее гнилой рыбой.

– Мелли! – На этот раз я узнала голос матери. Охваченная страхом и желанием спастись, я совершенно забыла о ней. Забыла, что она говорила мне про страх и силу, про то, что мы должны сражаться вместе.

Я прекратила борьбу, глядя на дверь, которая была все так же далеко, и тяжело дыша, как будто пробежала несколько миль.

– Мелли! – вновь окликнул меня голос матери, правда, гораздо слабее. Как будто она прекратила борьбу.

Зло за моей спиной вновь пришло в движение, подталкивая меня к двери. Шепотом убеждая меня открыть ее, если я хочу обрести

безопасность. Но теперь я также чувствовала присутствие матери. И оно было сильнее, нежнее и правдивее. Я оставила борьбу и вспомнила, как она велела мне не слушать этот голос. Бросив прощальный взгляд на дверь и исходящие из-за нее лучи, повернулась, готовая взглянуть в лицо тьме, что следовала за мной по пятам.

Первое, что я ощутила, – это ледяной дождь на моем лице. Мой взгляд был устремлен в почти черное небо. Я села и тотчас увидела Джека. Он тоже пытался встать. Я в отчаянии оглянулась по сторонам в надежде увидеть мать. Она лежала на земле рядом с мемориальным камнем Мередит. Силой заставив себя подняться на ноги, я почувствовала, как что-то больно впилося в мою ладонь. Посмотрев на мой сжатый кулак, я медленно, один за другим, разжала пальцы и увидела тусклый блеск золотого медальона.

Вокруг меня подрагивал свет. Воздух был густой и липкий, словно эмбриональная жидкость. Он подпитывал и поддерживал меня, когда я на дрожащих ногах шагнула к матери. Я положила руку ей на спину, проверяя, дышит ли она. Дышит! С моих плеч как будто свалился тяжкий груз. Она простонала, перевернулась и посмотрела на меня непонимающим взглядом.

– Слава богу! – прошептала она и схватила мою руку. Меня моментально пронзил электрический заряд и, пробежав сквозь мое тело, вернулся к ней. Она не отпустила моей руки даже тогда, когда я помогла ей подняться на ноги. Мы обе застыли, глядя на небо, на воронку из земли и листьев, что кружилась над нашей головой. Я было отпрянула, но мать даже не шелохнулась, и я знала, что не выпущу ее руки.

– Отдай это ей! – крикнула мать, перекрикивая рев ветра. – Отдай это ей и вели ей обрести свет. Чтобы она упокоилась с миром и оставила нас.

Посмотрев на медальон в моей руке, я размахнулась и со всей силы швырнула его в черную воронку. В следующий миг воздух пронзил звук, похожий на скрежет железнодорожного стоп-крана, и медальон исчез в вертящемся облаке, в котором уже кружился подхваченный с земли мусор. Каждый волосок на моем теле встал дыбом, однако я не шелохнулась и не отвела глаз.

– Уходи! – крикнула я. – Оставь нас! Найди дверь и свет и оставь этот мир навсегда. У тебя есть, что ты хотела. А теперь уходи!

Воздух буквально гудел и вибрировал электричеством. Воронка закружилась все быстрее и быстрее. В лицо мне летели щепки, ветки и листья, но я не стала отворачиваться.

– Уходи! – крикнула я. Воронка взорвалась миллионом шариков света и льда, осыпая нас градом и сбивая с ног. Мы вновь упали на землю.

Мы лежали, тяжело дыша. Воздух между тем прояснился. Над нами темные облака сплели вокруг восходящей луны венки, прогоняя грозные тучи, как будто по горизонту кто-то прошелся гигантской стиральной доской. Вдали слышался вой сирен. Я облегченно вздохнула. Помощь была уже в пути, и нам больше не нужно было ни с кем бороться.

Джек с решительным лицом, хотя и пошатываясь, направился к нам. Показав ему большой палец, я легла рядом с матерью навзничь на землю. Я лежала, по-прежнему ощущая на губах вкус дождя, мокрой земли и легкий металлический привкус насыщенного электричеством воздуха, однако неким шестым чувством знала: я нашла в себе силу, которая жила во мне всегда, чтобы спасти нас обоих.

Глава 28

Положив в багажник последний чемодан, я взяла под мышку Генерала Ли и захлопнула крышку багажника взятой напрокат машины. Моя собственная все еще была в автомастерской, где ей пытались придать более-менее презентабельный вид. Да и я сама была не лучше. С момента той жуткой грозы прошло уже две недели, а мое тело и разум все еще были сплошь в ссадинах и синяках.

Я бросила взгляд на дом моей матери – на этот раз не ощутив ни пульсации чужого сердца, ни страха перед тем, что может меня ждать за входной дверью, – и глубоко вздохнула. Мои легкие тотчас наполнились теплым воздухом, в котором уже чувствовались ароматы близкой весны. Хотя до официального открытия сезона было еще несколько недель, сады и парки Чарльстона уже набухли почками и бутонами, которые, казалось, были уже не в силах хранить свои секреты.

Передняя дверь открылась, и на пороге возникла моя мать, а вслед за ней и отец с подносом в руках. Проведя ночь в больнице, где врачи пришли к выводу, что причиной ее нездоровья является низкий гемоглобин, она вновь вернулась в свою прежнюю форму.

Вернее, почти. Потому что женщина, что посмотрела на меня сейчас, была вовсе не той, что когда-то колебалась, прежде чем взять меня за руку, и с опаской косилась на меня. Порой я даже скучала по ней той, прежней, потому что нынешняя считала своим долгом всячески опекать меня. Теперь ей казалось, что она вправе критиковать буквально все: мою прическу, косметику, гардероб, методы дрессировки пса и мое питание. И хотя я делала вид, будто это жутко меня раздражает, на самом деле мне было даже приятно. Думаю, независимо от возраста, женщине всегда нужен материнский совет. Впрочем, были вещи, на которые это правило не распространялось, – такие как Джек и мои отношения с Марком Лонго, хотя бы потому, что они не поддавались разумному объяснению.

Подойдя к саду, я увидела, как отец усадил мать в кованое садовое кресло – оно нашлось на чердаке вместе со столом и еще несколькими такими же креслами – и, бережно укутав ей плечи мягким пледом,

принялся сервировать стол, посередине которого уже стояла ваза с ее любимыми розовыми розами.

Я было закатила глаза, но сдержалась. Хотя я, похоже, привыкла к присутствию матери в моей новой жизни, однако не до такой степени, чтобы спокойно наблюдать за их с отцом отношениями. Впрочем, зная причины, вынудившие ее уйти из дома много лет назад – даже если я не до конца была с ними согласна, – теперь я воспринимала этот факт гораздо спокойнее. Отец – чей алкоголизм запятнал его образ в последующие годы – больше не был в моих глазах рыцарем в сияющих доспехах, каким он казался мне в далеком детстве. Теперь я научилась смотреть на него глазами матери: упрямый и слегка зашоренный в том, что касалось вещей, которые не вписывались в его миропорядок. Согласна, будучи военным, он видел больше, чем я. Но я была его дочь, а моя мать – как мне казалось – любовью всей его жизни. Мне почему-то казалось, что в свое время ему следовало притвориться, что он принимает или хотя бы допускает, что мы с моей матерью видели то, чего не мог видеть он сам. Что если бы в самый черный момент своей жизни она нашла в нем понимание и поддержку, она бы не ушла, не бросила нас обоих.

Заметив, что мы с Генералом Ли идем к нему, отец улыбнулся. Рассчитывая получить их рук матери угощение, пес вырвался из моих рук. Я по-прежнему была его любимой хозяйкой, однако он был большой любитель получать знаки внимания и вкусняшки от других. К сожалению, в отличие от других членов нашей семьи, Генерал Ли оказался склонен к полноте, и вскоре свитерки, который продолжала вязать для него Нэнси, уже с трудом налезали на него.

Мать подставила мне для поцелуя щеку, а отец заключил в медвежьи объятия.

– Сад просто прелесть, – сказала я, садясь в свободное кресло и обводя восхищенным взглядом сад, который отец восстановил по старым фотографиям, и аккуратно подстриженные кустики самшита, окаймлявшие внутренний дворик. Клумбы пока еще дремали в ожидании тех дней, когда они расцветут во всей красе посреди одного из самых роскошных садов Чарльстона.

– Если только я смогу уговорить твою мать, я хотел бы перенести фонтан чуть дальше за дом, чтобы им можно было любоваться из

кухни. Но, похоже, Софи основательно обработала ее, потому что теперь она наотрез отказывается что-либо менять.

Взяв с тарелки пончик, я задумчиво на него посмотрела.

– Из чего следует, что теперь тебе требуется заручиться официальным разрешением за подписью самого Господа Бога и членов Бюро Архитектурного надзора. Боюсь, пап, тебе придется придумать план Б.

Налив матери чашку чая, он поставил перед ней тарелку с пончиком. Меня так и подмывало остановить его и попросить предъявить документы, дабы убедиться, что передо мной мой родной отец.

Мать повернулась ко мне:

– Не забудь свою кофейную чашку, ту, на которой график продаж. Я поставила ее на стол в кухне, чтобы ты не забыла ее здесь.

– Можно подумать, Джинни, она покидает нас навсегда. Она еще вернется.

– Знаю. Просто мне подумалось, что перед тем как уехать, ей захочется попрощаться. В кухне, – добавила она, выразительно на меня глядя.

Мы с отцом молча посмотрели на нее. Я медленно отодвинула свое кресло и встала.

– Ну что ж. Тогда, пожалуй, пойду ее заберу.

Я оставила их доедать завтрак, а сама через переднюю дверь вошла в дом. Стоило мне переступить порог, как я уловила слабый запах пороха и тотчас поняла, что имела в виду мать. Мы с ней уже обсудили присутствие в доме Вильгельма, который оставался в нем ради нас, однако настало время отпустить его с миром. Тогда я не поняла, что она давала мне шанс задействовать мои экстрасенсорные способности, которые я только теперь осознала в полной мере.

– Вильгельм! – громко сказала, призывая его, и, закрыв глаза, сосредоточилась, чтобы задействовать дремавшие во мне силы. Хотя теперь я и ощущала их в себе, я не была до конца уверена в том, что когда-нибудь научусь по достоинству их ценить. – Вильгельм, – повторила я и открыла глаза. Он стоял перед лестницей – в начищенных до блеска сапогах, зажав под мышкой треуголку и держа в левой руке мушкет. Он поклонился и посмотрел мне в глаза. Мой взгляд скользнул к его сапогам, и я поймала себя на том, что больше не

вижу сквозь него. Как будто я, обретя мою силу, поделилась ею и с ним.

Этим утром ты прекрасна, Мелани. Прекраснее, чем вчера, но не столь прекрасна, как завтра.

Я улыбнулась.

– Ты говорил это Кэтрин?

По его лицу скользнула лукавая улыбка.

Ты догадливая, Мелани, потому что ты права. Кэтрин была прекрасна. Ты на нее похожа. Но, наверно, ты уже и сама догадалась.

Вспомнив, как он поцеловал меня, я покраснела. Какая же глупая, что не догадалась тогда, почему. Я с сочувствием посмотрела на него. Бедняга, он целых два столетия таскал с собой мушкет – в наказание за то, в чем не было его вины. Его присутствие в доме всегда было одним из самых теплых воспоминаний моего детства. То, что он защищал меня от Розы, возможно, спасло мне жизнь, причем не один раз. Но сколько можно бесцельно шататься по дому, оплакивая свою первую любовь! С моей стороны было бы верхом эгоизма удерживать его здесь. Похоже, настало время прощаться.

– Она ждет тебя, Вильгельм, – сказала я, сглатывая тяжелый комок, застрявший у меня в горле. – Ждет на другой стороне. Она хочет снова быть с тобой.

Я прочитала в его глазах нерешительность.

Я вернулся к ней. В воду, чтобы быть с нею всегда. Но вместо этого провел долгие годы на берегу, глядя на плывущие мимо корабли. Направляя их в безопасные воды. Пока не попал сюда вместе с малышкой Норой. Я не знаю, как мне покинуть этот дом.

– Ты был прекрасным защитником, Вильгельм. Но здесь в тебе больше нет нужды. Тебе пора. Пора наконец найти Кэтрин. Я помогу тебе. Моя мать сказала, что это так легко сделать. Я просто отпускаю тебя.

Я хочу, но я не знаю как...

Мне вспомнилась дверь и струящийся из-за нее свет. Для меня она тогда была закрыта, но для Вильгельма свет будет гореть ярко, а сама дверь – широко распахнута.

– Ищи свет. Он укажет тебе путь.

Но кто позаботится о тебе?

– Мы с матерью теперь вместе, а Розы больше нет. – Я улыбнулась, пытаюсь казаться увереннее, чем на самом деле. – С нами все будет в порядке. Тебе же пора двигаться дальше.

Его лицо просияло улыбкой.

Я слышу Кэтрин. Слышу, как она зовет меня.

– Иди на ее голос. Она приведет тебя к свету.

Он шагнул ко мне, и я посмотрела ему в глаза. И впервые заметила в них коричневые точки, которые никогда раньше не замечала. Он наклонился и нежно поцеловал меня в губы.

Прощай, Мелани.

У меня за спиной кто-то громко ахнул. Я обернулась: в дверном проеме стоял мой отец. По его растерянному лицу я поняла: он видел Вильгельма так же четко и ясно, как и я.

Вильгельм выпрямился, браво щелкнул каблуками и вернул на голову треуголку. Затем, отсалютовав моему отцу, начал медленно блекнуть и растворяться в воздухе. Вскоре от него ничего не осталось, кроме слабого запаха порохового дыма и приятной, теплой щекотки на моих губах, где только что были его губы, когда он прощался со мной.

* * *

Въехав на подъездную дорожку моего дома на Трэдд-стрит, я прищурилась. Хотела убедиться, что натянутый над дверью транспарант мне не померещился. Надеюсь только, что его прикрепили не клейкой лентой, потому что та могла повредить безумно дорогую краску, которой, по требованию Софи, был выкрашен дом, чтобы выглядеть точно так же, как полтора века назад. Всякий раз, когда Софи упоминала краску на двери – то ее, случайно задев, повредили рабочие, то она сама выцвела на солнце, – я слышала звяканье кассового аппарата. Я грозилась заменить дверь на новую, защищенную от непогоды слоем пластика, но всякий раз ответом мне было выражение ужаса на ее лице.

Схватив с сиденья Генерала Ли, я осторожно прошла через сад к веранде. Из-за деревьев доносилось нежное журчание фонтана. Я отступила, чтобы прочесть слова на транспаранте: «Добро пожаловать домой, Мелани!» Я улыбнулась. Придумать такое могли только два

человека – Софи и Чэд. Я не знала никого, чей энтузиазм распространялся на ту, что бездельничала всего в нескольких кварталах отсюда, пока в ее доме шуршал наждак или жужжала циклевочная машинка. Я остановилась. Моя улыбка померкла.

С другой стороны, невольно подумалось мне, вдруг они обнаружили в доме нечто такое, что потребовало не только моего длительного отсутствия, но и огромных денежных вливаний, и теперь решили смягчить меня, прежде чем огорошить этой новостью.

Удрученная, я повернула ручку и открыла дверь, ожидая, что мне на голову сейчас обрушится дождь конфетти или хотя бы очередной счет-фактура и чек, на которых я должна срочно поставить свою подпись. Вместо этого меня приветствовала тишина и пустой вестибюль. Я поставила Генерала Ли на пол. Пес мгновенно понесся в дальнюю часть дома в направлении кухни.

Бросив ключи и сумочку на столик в коридоре, я двинулась внутрь, вдыхая приятные ароматы воска и свежего дерева – живое напоминание о том, в какую круглую сумму мне обошлись новые полы. Впрочем, судя по тому, что я видела, они и впрямь были прекрасны и, когда все работы наконец завершатся, станут настоящим украшением дома. Когда бы это ни произошло.

Я уже было собралась подняться в свою комнату, когда обнаружила на обеденном столе подарки. На цыпочках приблизившись к ним, я посмотрела на ярлычки. Все они были адресованы мне. Не знаю почему, но это еще больше удручило меня. Я села и принялась их открывать.

Первый подарок был от Джека: крошечная голубая футболка, по всей видимости, предназначенная для Генерала Ли, через всю спину которой красовалась надпись «Сучки меня любят». Я попыталась не рассмеяться и в результате прыснула от смеха. Мне до сих пор было непонятно, что там у нас с Джеком. Поле той грозы мы почти не видели друг друга. Мне было известно, что пока Ребекка выздоравливала, он несколько недель гостил у ее родителей в их загородном доме на острове Полиз. Я разок навестила ее в больнице, где была вынуждена поставить свой автограф на ее розовом гипсе и выслушивать, как она называла меня кузиной.

Я отдала ей коробку с драгоценностями и сказала, что мы квиты. Она не стала спорить. Вместо этого она завела разговор про барбекю,

на котором она представит меня своим родным. Я вспомнила дни, когда я считала себя единственным ребенком и очень переживала по этому поводу. Теперь почему-то я вспоминала их с ностальгией.

Рядом был еще один подарочный пакет, а в нем завернутая в лоскут ткани банка с краской – чтобы, как говорилось на ярлычке, «нанести мазок на дверь». Это был подарок от Софи и Чэда. Ребекка подарила мне ярко-розовую помаду от «Шанель». Ярко-розовый – это ее любимый цвет, и она уверяла, что он будет «просто потрясающе» смотреться на мне. Помимо помады, в ее пакете была также написанная маслом миниатюра поместья «Бель Мид» – так, как оно, должно быть, выглядело в начале девятнадцатого века. «Спасибо» – было написано на визитке круглым девичьим почерком Ребекки.

Голоса и хлопанье передней двери заставили меня обернуться на вестибюль. Что это? Из кухни вышли Чэд, Софи и Джек. Увидев меня, они замерли на месте. Судя по их лицам, эта тройка только что перемывала мне косточки. Или дому. Или нам обоим.

– Что такое? – спросила я. Я точно знала, что это не крыша, потому что крышу уже давно заменили и в ней, в отличие от моего кошелька, теперь не было дыр.

– Ты видела наши подарки? – спросила Софи, указывая на столовую.

– Да, видела. Спасибо. Правда, мне кажется, Джек, что футболка будет мне немного мала. Но я все равно попробую ее примерить:

Он выгнул бровь и одарил меня чарующей улыбкой. Я на миг даже почти забыла, что мы с ним не подходим другу другу и что я нарочно толкнула его в объятия другой женщины.

Зная, что расколоть его будет проще всего, я посмотрела на Чэда:

– Полы прекрасны. Даже не верится, что ты все это сделал вручную, без циклевочной машинки.

Заметив в его глазах панику, я поняла – он у меня в кармане, и поспешила нанести финальный удар.

– В кирпичной кладке в задней части дома появилась большая трещина, – пролепетал он, не глядя на Софи. – Софи считает, что это какие-то проблемы с фундаментом.

Растерянно заморгав, я молча уставилась на него. Я стояла так около минуты, совершенно не зная, что на это сказать. Они заговорили все разом, и я подняла руку, требуя их внимания.

– Я иду наверх переодеться. Может даже, прилягу отдохнуть. Мне нужно время, чтобы прийти в себя, прежде чем я услышу что-то еще.

Я едва успела сделать шаг к лестнице, когда раздался стук в переднюю дверь. Поскольку никто даже не сдвинулся с места, я пошла ее открывать. А когда распахнула, то увидела перед собой родителей Джека. Амелия и Джон Тренхольм со слегка смущенным видом стояли на веранде и смотрели мне куда-то через плечо. Амелия робко улыбнулась.

– Привет, Мелани. Рада, что ты хорошо выглядишь. Джек у тебя? Мы пытались его найти, но его дома нет, и он не отвечает на наши звонки. Мы проезжали мимо и увидели рядом с твоим домом его машину.

Я отступила и открыла дверь шире. И в этот момент заметила на веранде третьего человека. Точнее, девочку лет двенадцати-тринадцати. В джинсах, топике, туфлях на платформе, с густыми синими тенями на веках. В данный момент эта особа была занята тем, что прилепляла ярко-розовую жевательную резинку на одну из колонн моего нового дома.

Она с улыбкой обернулась ко мне. И мои глаза полезли на лоб. У девочки были темные кудрявые волосы и синие глаза, но ямочка на левой щеке выдавала ее, что называется, с головой.

– Джек! – медленно произнесла я. – Думаю, тебе стоит выйти сюда.

Он вышел и встал рядом со мной. И даже было открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент заметил девочку и остолбенел.

Увидев его, она просияла улыбкой, и я знала: до Джека, похоже, тоже дошло.

– Привет, папуля, – сказала она, небрежно облокотившись на балюстраду. – Вот это сюрприз!

Я посмотрела на многочисленные серьги в ушах юной гостьи, затем на вытянутую физиономию Джека. Внезапно трещина в фундаменте перестала казаться мне проблемой вселенских масштабов.

– Не хочу вам мешать, – сказала я, возвращаясь в вестибюль моего дома на Трэдд-стрит, где меня вновь приветствовали родные запахи дерева и свежей краски, и закрыла за собой дверь.

Примечания

1

Марта Стюарт – современная американская писательница и телеведущая, специалист по домоводству. – *Прим. пер.*

Table of Contents

[Карен Уайт Девушка с Легар-стрит](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Примечания](#)

[1](#)